ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Иран, Средняя Азия, Индия, Китай

Востоковедение: учебные пособия и материалы

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. Ломоносова

ЦЕНТР ИНДОЛОГИЧЕСКИХ И БУДДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ИСАА

ИНСТИТУТ ПРАКТИЧЕСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ:
учебные пособия и материалы

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Академик РАН
Г. М. Бонгард-Левин —
председатель

Профессор *А. А. Вигасин*
Профессор *Д. В. Деопик*
Профессор *М. С. Мейер*
Академик РАН *В. С. Мясников*
Профессор *Р. Б. Рыбаков*
Член-корреспондент РАН *И. М. Стеблин-Каменский*
Академик РАН *С. Л. Тихвинский*

В серии
«Востоковедение: учебные пособия и материалы»
готовятся к изданию следующие книги:

1. Древний и раннесредневековый Вьетнам;
2. Древний Китай. История и культура;
3. Китай в эпоху Средневековья;
4. Индонезия: история и культура в эпоху Средневековья;
5. Древняя и средневековая Япония;
6. История Непала;
7. Средневековая Индия;
8. Индонезия: история и культура от древности до наших дней.

Выпущены в 2001 г.:
Г. М. Бонгард-Левин «Древняя Индия: история и культура»
Ю. В. Маретин «Индонезия: избранные работы»

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИРАН, СРЕДНЯЯ АЗИЯ, ИНДИЯ, КИТАЙ

Учебное пособие

Под редакцией
проф. В. И. Кузищина

Санкт-Петербург
Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
2002

ББК Т1(0)0–1(5)
УДК 930.1(5)(09)
И 90

Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия,
И 90 **Индия, Китай**/Под ред. проф. В. И. Кузищина. — СПб.: Алетейя, 2002. — 303 с.
ISBN 5-89329-497-1

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
Московского Университета

Рецензент:
кандидат исторических наук *С. С. Соловьева*,
доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета МГУ

Пособие посвящено изучению историографии древней истории и культуры таких обширных регионов, как древний Иран, Средняя Азия, Индия и Китай, которые в древности охватывали весь Ближний, Средний и Дальний Восток. Авторы соответствующих глав — известные ученые, ведущие специалисты отечественной науки, опытные преподаватели.

Для преподавателей и студентов исторических факультетов Российской Федерации, в учебных планах которых предусмотрена дисциплина «историография всеобщей истории», а также для преподавателей лицеев разного профиля, учителей гимназий и средних школ.

ISBN 5-89329-497-1

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2002 г.
© А. А. Вигасин, М. А. Дандамаев, В. И. Кузищин, С. И. Кучера, 2002 г.

ВВЕДЕНИЕ: предмет, источники, периодизация древневосточной историографии

Термин «историография» состоит из двух греческих слов: «*история*» и «*графе*» («пишу») и буквально означает «описание исторических событий», т. е. собственно понятие «история». Однако в настоящее время под историографией понимается не изложение исторических событий, например в шумерийских государствах III тыс. до н. э. или египетском государстве III–II тыс. до н. э., а толкование этих событий в современной науке, т. е. историческая современная мысль. Если собственно история тех или иных стран Древнего Востока стремится адекватно «воссоздать» общество, государственность и культуру, как *они были* в далекой действительности, то историография Древнего Востока исследует, *как изучалась* история этих стран.

Историография — одна из частей современной исторической науки как большого целого, состоящей из нескольких самостоятельных дисциплин, которые, являясь ее органическими частями, вместе с тем имеют свою специфику и занимают автономное место, например: источниковедение, археология, этнография и др. Известная самостоятельность этих исторических дисциплин определяется наличием своего предмета, особых приемов исследования, набором специфических источников.

Конечно, выделение автономных исторических дисциплин внутри большой системы науки не исключает их тесную взаимосвязь. Нельзя, например, представить состояние историографии в тот или иной период вне связи с исследованием реального исторического процесса, так же как невозможно понять состояние исторической мысли без рассмотрения источниковой базы и источниковедения. Расширение или открытие новых категорий источников, более глубокое исследование имеющегося корпуса источников, совершенствование методов источникового анализа, в частности использование технических и естественнонаучных методов исследования, есть одно из проявлений исторической мысли данной эпохи и непосредственно составляет предмет историографии как таковой.

Историография истории Древнего Востока является частью мировой историографии как особой научной дисциплины, и ее становление и разви-

тие наряду с различными характеристиками определяются также и совершенствованием методов исследования в других разделах истории. Так, на формирование древневосточной историографии большое влияние оказала историография античной истории, которая интенсивно развивалась в Европе со времени Возрождения и к середине XIX в. выработала совершенные для своего времени методы исследования, довела европейскую историческую мысль до зрелости, что было использовано и успешно применялось исследователями других разделов мировой истории, в том числе истории стран Древнего Востока. Вместе с тем методы исследования сложного и фрагментарного корпуса древневосточных источников, богатой и своеобразной истории Древнего Востока не могли не обогащать и другие ветви мировой историографии, например антиковедение.

Одной из важнейших особенностей историографии Древнего Востока является ее органическое объединение с филологическими штудиями. Так, до настоящего времени является популярным и широко используется термин «востоковедение», значение которого указывает на единство истории, филологии, включая литературу, языкознание, культурологию и религиоведение, причем степень такого единства в востоковедении более органична, чем даже в антиковедении. Это единство объясняется, с одной стороны, особенностями корпуса источников по истории стран Востока, преобладанием среди них литературных и религиозных текстов, а с другой — необходимостью проведения дешифровок и трудоемкого комментария забытых систем древневосточной письменности, которые потребовали гигантского объема работы именно языковедов и филологов. Большой удельный вес лингвистических штудий, неясность смысла многих ключевых текстов, высокая вероятность новых интерпретаций ключевых понятий древневосточной истории, таких как «община», «рабство», «деспотия» и др., в целом придают историографии народов Древнего Востока особенно дискутабельный, незаконченный, текучий характер по сравнению с историографией, например, греческих полисов или римского общества.

Особенностью исторических штудий по истории Древнего Востока является наличие двух направлений ее развития: существование *европейской* и «*местных*» школ. Особенно это касается истории таких стран, как Индия и Китай, где изучение древнейших периодов истории и культуры занимало немаловажное место в общей системе их культур. Возникновение европейской историографии Древнего Востока определялось многими причинами, в том числе и той, которая была связана с потребностями колониальной администрации со всеми вытекающими отсюда последствиями. Европейская историческая наука привнесла в изучение стран Древ-

него Востока сложившиеся традиции и методы исторического анализа. История стран Древнего Востока исследовалась через ту систему понятий и представлений, которые были выведены из изучения собственно античной и европейской истории («рабство», «феодализм», «капитализм», «республика», «монархия», «империя» и др.). Вся эта система фундаментальных понятий была перенесена и на изучение восточной, в том числе и древневосточной, истории.

Научный европоцентризм усваивался и кадрами местных национальных историков (египетскими, индийскими, китайскими), поскольку многие из них проходили обучение в европейских или американских университетах и воспитывались в традициях европейской историографии. Однако национальная историография об истории своей страны — Персии, Индии, Китая или Японии, — имела и свою специфику, свои традиции и подходы, свое понимание многих ключевых сторон национальной истории, и со второй половины XX в. ее можно рассматривать как одно из влиятельных направлений мировой историографии истории Древнего Востока.

Одной из ключевых особенностей историографии мировой истории, ее отдельных периодов или отдельных регионов, в том числе и обширного региона Древнего Востока, является ее прямая зависимость от господствующих в обществе философских и социологических концепций. Так, например, влияние философских идей Гегеля предопределило особый подход многих историков XIX в. к интерпретации материала и объяснения исторического процесса. Особенно сильное воздействие философской концепции на общий характер историографии XX в. можно видеть на примере советской историографии, которая формировалась на основе исторического материализма и которой советская наука обязана как своими сильными, так и слабыми сторонами. Конечно, неправомерно сводить всю историографию того или иного периода к подчинению какой-то одной философской концепции. Скорее, можно говорить о своего рода философском плюрализме, воздействии нескольких теорий (философских, например, если говорить о современной эпохе: интуитивизма, экзистенциализма, неопозитивизма, историософии Тойнби, марксизма), которых придерживаются отдельные исследователи, отдельные научные школы или даже целые национальные историографии (например, расистская историография в фашистской Германии 30–40-х годов). Во всяком случае, историография как историческая дисциплина в большей степени зависит от господствующих философских концепций, чем другие исторические дисциплины, такие как источниковедение, археология и др., хотя идеологические концепции оказывают свое влияние и на них.

Как особая историческая дисциплина историография имеет специфический набор источников. Основой основ историографических штудий являются труды, собственно описывающие исторический процесс, исследующие экономическую, социальную, политическую, культурную и религиозную историю тех или иных конкретных стран, в частности Древнего Востока. Однако наряду с этими главными источниками совершенно необходимыми являются произведения наиболее влиятельных философов, концепции которых определяют направление исследования исторического процесса отдельных ученых или научных школ (Г. Гегель, К. Маркс, М. Вебер, Арн. Тойнби и др.).

При историографических разысканиях важными являются архивные материалы, касающиеся жизни и деятельности тех или иных историков, особенно наиболее крупных из них, таких как Ф. Шампольон, Эд. Мейер, Дж. Брестед, Б. А. Тураев, Г. Винклер и др. Ведь развитие исторической науки, возрастание качества исторического познания — это не безличностный процесс, в нем участвуют наиболее выдающиеся исследователи, которые как представители своей эпохи наиболее адекватно выражают ее общественно-культурную систему, формирующую творческие потенции данного исследователя.

Состояние и характер историографических исследований во многом зависят от объема исторических источников и состояния источниковедения как науки в целом. Так, например, преобладание источников религиозного содержания и официальной литературы, филологических и лингвистических методов исследования обусловили интенсивный интерес к проблемам культурной и религиозной истории, отодвинули в тень изучение социально-экономических отношений и сделали именно эту область исторического знания о Древнем Востоке особенно дискуссионной. Одним из последних примеров воздействия новой интерпретации источников на направление исторических исследований является переосмысление корпуса данных об индоевропейской проблеме, предложенное В. В. Ивановым и Т. Гамкрелидзе, которое должно привести к переработке многих выводов ближневосточной истории IV–II тыс. до н. э.

Развитие историографии Древнего Востока в полной мере началось с начала XIX в. и было связано с дешифровкой древнеегипетской иероглифики, вавилонской клинописи и блестящих археологических открытий памятников древнеегипетской и месопотамской культуры. С начала XIX в. и до настоящего времени продолжается накопление самых разнообразных материалов, дешифрованы другие системы письменности, прокомментированы и установлены тексты большей части сложных письменных материалов, изданы многотомные корпусы разнообразных категорий ис-

точников, исследуются различные стороны древневосточных обществ. За два столетия историография истории Древнего Востока проделала стремительный путь развития от случайного набора обрывочных фактов до особой научной дисциплины, которая мало уступает историографии античности, византиноведению, медиевистике и многим другим разделам мировой историографии.

Процесс развития историографии Древнего Востока прошел несколько этапов, каждый из которых характеризуется своими особенностями и чертами. Эти особенности определяются общим уровнем мировой исторической науки и общественной мысли, объемом имеющихся источников и состоянием источниковедения, наличием исследовательских кадров и главными задачами в развитии данной отрасли исторической науки в каждый период.

Первый этап древневосточной историографии охватывает время с начала XIX в. до 80-х годов XIX в. Он характеризуется первыми шагами древневосточной историографии, первыми подходами к изучению древневосточных обществ. Для истории Древней Индии он связан с деятельностью У. Джонса и Ф. Боппа, которые обосновывали гипотезу родства санскрита и древнеперсидского с греческим и латинским языками, изданием и переводом на европейские языки многих памятников древнеиндийской литературы, в том числе и древнейшей — ведийской. С 20-х годов XIX в., после первых опытов Ф. Шампольона началась дешифровка древнеегипетской иероглифики, а затем и вавилонской клинописи, в результате раскопок были обнаружены многие города, поселения и храмы, особенно в долине Нила и в Месопотамии, найдено большое количество письменных материалов, ставших предметом специальных исследований. Первый период был временем накопления фактического материала, когда перед изумленной Европой начали открываться контуры блестящих древневосточных цивилизаций, и прежде всего древнеегипетской, древневавилонской (и ассирийской) и древнеиндийской.

Второй этап в науке о древневосточной истории продолжался с 80-х годов XIX в. до начала Первой мировой войны. Это один из самых плодотворных, классических периодов в формировании древневосточной историографии. Он характеризуется целым рядом особенностей, и прежде всего огромным интересом европейского общества и европейских государств к изучению древневосточной истории. Объясняется это не в последнюю очередь тем, что именно в это время произошло основание главных колониальных империй: Британской, Французской и Германской, правительства которых считали своим долгом для нужд колониальной администрации знать обычаи, традиции, историю, в том числе и древнейшую, и прошлую цивилизацию народов Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

Правительства Англии, Франции и Германии, а затем и США стали выделять на раскопки и научную разработку истории стран Востока значительные финансовые и материальные средства. В области древневосточной историографии появилась целая плеяда выдающихся ученых: Г. Масперо, Эд. Мейер, Ф. Питри, Б. А. Тураев, Г. Винклер, де Морган, Л. Вулли, Дж. Маршалл, В. Смит, А. Масперо и др. Изучение и подготовка кадров в европейских университетах в области древней истории Востока стала занимать все более заметное место. В сфере собственно научной разработки древневосточной истории в данный период получили развитие новые, более зрелые методы исследования, в частности, были сформулированы главные принципы научных изданий, предполагавшие использование всего арсенала источниковедческих приемов, накопленных мировым источниковедением в области антиковедения, медиевистики, создание своих собственных методов исследования. В данный период были установлены, прочитаны и научно прокомментированы практически все известные к тому времени тексты, а их издания приняли классический характер в виде собрания многотомных корпусов, изучение которых позволяло оптимальным образом использовать данные категории источников.

Еще одной особенностью древневосточной историографии этого периода стало внедрение более совершенной методики археологического обследования на обширных площадях, тщательной обработки и хранения добытого материала, интерес не только к монументальным постройкам, произведениям высокого искусства или письменным памятникам, но и к изучению рядового материала.

В Берлине, Лондоне и других городах Европы, в Каире, в Лувре и Эрмитаже появляются роскошные коллекции восточных древностей, которые тщательно изучаются.

На основе богатой источниковой базы, совершенствования источниковедческих методов, освоения специалистами философских концепций, главным образом позитивизма, создаются выдающиеся исследования собственно исторических сюжетов, и прежде всего религиозно-культурных и политических. В мировой литературе появляются такие фундаментальные работы, как «История народов классического Востока» Г. Масперо, т. I–III (1895–1899), «История древности» Эд. Мейера, т. I–V (1884–1910), «История Древнего Востока» Б. А. Тураева, т. I–II (1912–1913), а также сводные труды по отдельным регионам Древнего Востока —«История Египта с древнейших времен» Флиндерса Питри, т. I–III (1894–1905), «История Египта» Д. Брэстеда, т. I–II (1905) и его же «Памятники Древнего Египта», т. I–V (1906–1907), «Вавилонская культура в ее отношении к культурному развитию человечества» Л. Кинга (1903), «История Шумера и Аккада» Г. Винклера (1916), его же «История Вавилонии» (1915), «Ранняя история Индии» В. Смита (1904) и его же «Буддийская Индия»

(1903). В этих трудах разрабатывается собственно история древневосточных государств, закладываются основы событийной, фактологической и концептуальной истории.

Третий этап древневосточной историографии охватывал межвоенный период, с конца 10-х до конца 30-х годов XX в. В это время произошло существенное изменение в мировой исторической науке и в общественной мысли. Оно выразилось в расколе ранее более или менее единого историографического потока. Появилось несколько различных направлений, занимавшихся исследованием древнейших стран с разных позиций: традиционная историография, которая продолжала обогащать наследие прошлого довоенного периода; марксистское направление, сформировавшееся в Советском Союзе, и расистская историография, на позициях которой стояли многие германские и итальянские специалисты.

Противоборство этих направлений сопровождалось ожесточенной, в значительной степени политизированной полемикой, а борющиеся стороны зачастую стремились не столько к выяснению объективной истины, сколько к созданию из своих научных противников образов идеологических и политических врагов. Менее политизированным и потому более плодотворным для научного исследования оказалось традиционное направление, продолжавшее лучшие традиции предшествующей историографии. Широкомасштабные раскопки на больших площадях привели к открытию новых цивилизаций, были найдены новые материалы, например по истории таких крупных государственных образований, как Хеттская империя, государство Урарту, древнейшая государственность Египта (IV–III тыс. до н. э.) и Месопотамии (раскопки Л. Вулли). В Индии была открыта древнейшая цивилизация с центрами в Мохенджо Даро и Хараппа. Резко возросло общее количество самых различных категорий источников, включая дешифровки многих текстов, ранее плохо поддававшихся пониманию (например, древнешумерийских). Важной особенностью традиционной школы древневосточной историографии стало переосмысление роли древневосточных культур в свете концепции мировых цивилизаций, которая в общей форме была высказана О. Шпенглером в его книге «Закат Европы» (1922), а затем развернута в научную теорию Арн. Тойнби («Исследования истории», т. I–XII; до войны вышло четыре тома). Согласно этой теории, Древний Восток признавался регионом, в котором сформировались и прошли сложный и самостоятельный путь несколько независимых цивилизаций: древнеегипетская, вавилонская, иудейская, иранская, индийская, дальневосточная и др. Принципиальным положением теории Тойнби был тезис о равноправии всех древневосточных и западных цивилизаций. Тем самым был нанесен удар по концепции, со времен Гегеля утверждавшей существование глубоких противоречий между

Западом и Востоком, извечного превосходства Запада над Востоком. Бесспорно, появление теории Тойнби объяснялось глубоким кризисом колониальной системы, ростом национального сознания и освободительного движения в колониальных странах Азии, Африки и Латинской Америки. Рост национального сознания способствовал пробуждению огромного интереса к национальной истории и ее истокам, способствовал появлению, правда пока еще немногочисленных, кадров национальных историков. Однако большая часть национальных историков, будь то египтяне, индийцы или китайцы, как правило, были учениками европейских специалистов, получали подготовку в европейских университетах и работали в русле европейской исторической школы. Традиции национальных историографий только начинали складываться.

Четвертый этап. Опустошительная Вторая мировая война прервала научные исследования в области истории Древнего Востока. С ее окончанием произошли крупные изменения в мире и, в частности, в развитии общественных наук, в том числе и в исторической науке. Разгром фашизма и его расистской идеологии, чудовищные разрушения опустошительной бойни в истории человечества способствовали проникновению и утверждению в общественном сознании выстраданных мировой историей идей мира и гуманизма, безвоенного, основанного на уважении человеческих прав всех людей мира. Рухнула мировая колониальная система, возникли самостоятельные суверенные государственные образования многих, ранее порабощенных народов Азии, Африки, Латинской Америки, произошел мощный взрыв национального сознания. Все это не могло не повлиять на культурное и духовное развитие новых наций и их цивилизаций. Пробудившиеся к самостоятельной государственности и культурному творчеству народы стран Азии, Африки, Латинской Америки в целом сохраняли лояльные отношения со своими бывшими метрополиями и их культурами, хотя дело не обходилось без локальных конфликтов, междоусобиц, а в идеологической сфере — эксцессов желтого, черного или другого расизма.

Важным фактором общественного развития после войны явилось создание мировой социалистической системы во главе с Советским Союзом, в рамках которой в качестве господствующей идеологии утвердился марксизм-ленинизм в его догматической сталинской редакции. Развитие общественной мысли, исторической науки в целом и истории Древнего Востока, в частности в социалистических странах Европы и Азии (в Китае, Вьетнаме), происходило на основе материалистической концепции мировой истории, а история стран Древнего Востока понималась как история единой рабовладельческой общественно-экономической формации.

Рост национального сознания, глубокий интерес к истокам своей национальной истории во многих странах Востока активизировали научные изыскания в целом, которые никогда не прекращала европейская (включая США) наука. Это приводило к новым грандиозным раскопкам и блестящим открытиям, к мастерскому изданию многих письменных памятников и появлению многочисленных конкретно-исторических исследований по самым различным аспектам исторического процесса древневосточных стран. Конкретные данные об этом будут приведены в соответствующих главах книги. Здесь же отметим лишь несколько новых особенностей в состоянии мировой историографии Древнего Востока: отказ от односторонности в подходе к историческому процессу разных стран, интерес мировой науки к разным его сторонам, в частности к социально-экономическим отношениям, которые теперь не только в марксистской историографии признаются в качестве важных компонентов исторического процесса наряду с политическими отношениями, сферой культуры и религии. Важным направлением историографических штудий стал повышенный интерес к доисторическим или протоисторическим корням древневосточных цивилизаций, вызванный блестящими археологическими открытиями в Малой Азии и Северной Месопотамии, Китае и Индокитае. Благодаря этому появилась возможность исследовать длительные периоды их исторического развития, воссоздать его *процесс*.

Большое значение в науке приобрело изучение контактов и взаимовлияния древневосточных и античной цивилизаций и тесно связанный с этим вопрос об историческом наследии народов Древнего Востока в истории мировой цивилизации.

Характерной особенностью развития мировой науки стало укрепление национальных школ (в Китае, Японии, Вьетнаме, Индии и др.) в исследовании древнейших периодов своей истории, осмысление опыта европейской науки о Древнем Востоке, изучение национальных культурных традиций.

Развитие научной мысли в послевоенный период, причем как в европейской науке, так и в национальных школах (например, Индии, Китае), открывшее глубокое своеобразие общества и культур Древнего Востока и их отличия от европейских обществ и культур, порождало неудовлетворенность состоянием научного понимания многих сторон древневосточной цивилизации в рамках понятий, которые сложились в европейской науке под влиянием исследований античной и европейской истории («рабство», «феодализм», «капитализм», «республика», «гражданство») и зачастую переносятся на аналогичные явления древневосточных обществ без логической критики. Эта неудовлетворенность научным европоцентризмом в 60-х годах вызвала оживленную дискуссию об азиатском способе

производства. Вспыхнувшая в кругах марксистских или близких к марксизму ученых, она, по существу, отражала общее состояние мировой историографии о Древнем Востоке, включая и традиционное направление. Эта дискуссия, на первый взгляд не приведшая к каким-то конкретным историческим выводам, сыграла роль важного рубежа в развитии всей мировой науки о Древнем Востоке. Она подвела своеобразный итог предшествующего, четвертого, этапа историографии и положила начало новому современному периоду ее развития, причем и для марксистской, и для традиционной историографии. Эта дискуссия закрепила положение о глубоком своеобразии древневосточного общества и древневосточной цивилизации по сравнению с античной, а восточный путь развития (включая Африку и Латинскую Америку) определила как специфичный по отношению к европейскому, тем самым преодолев если не окончательно, то весьма существенно тот научный европоцентризм, о котором говорил в свое время Н. И. Конрад. Для традиционной историографии эта дискуссия привела к существенному пересмотру теории цивилизаций Арн. Тойнби и выходу на новые теоретические рубежи, которые можно определить как рубежи теоретического плюрализма.

Итоги этой дискуссии привели к отказу от догматов теории общественно-экономических формаций, в частности теории рабовладельческой формации. В настоящее время получает распространение концепция множественности путей развития цивилизации и классовых обществ Древнего Востока и происходит известное сближение теоретических позиций современных подходов и традиционной прогрессивной историографии. Это сближение, бесспорно, способствует процессу познания сложной и во многом до сих пор загадочной цивилизации древневосточных народов и обогащению современного этапа развития мировой историографии новыми истинами в познании Древнего Востока.

В современной историографии истории Древнего Востока все большее признание и проявление получают гуманистические и либеральные тенденции в изучении древневосточной цивилизации, понимание ее не просто как чего-то абстрактного и нейтрального по отношению к последующему историческому процессу, а как одной из важных основ современной мировой цивилизации в целом, а не только отдельных, тех или иных, современных восточных культур.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ИРАНА

Историография Древнего Ирана насчитывает примерно 25 веков, и в Новое время история этой страны привлекает пристальное внимание ученых уже в течение нескольких столетий. Среди причин, обусловивших такой интерес, особое значение имели следующие. В ранние периоды возникновения европейской исторической науки о Древнем Востоке (приблизительно с XVII в.) источниками о Древнем Иране служили лишь довольно обстоятельные сообщения античных авторов и сведения, которые можно было почерпнуть из библейских книг. В обоих случаях это являлось традицией, с которой ученые были хорошо знакомы, поскольку в основе европейской исторической науки лежали библейские, древнегреческие и римские историографические воззрения. Поэтому изучению, а отчасти и критическому анализу указанных источников посвятили свои исследования многие западноевропейские ученые XVII–XVIII вв.

Однако до расшифровки древнеперсидских надписей не существовало возможности ни проверить, ни дополнить данные античной исторической литературы и Библии о Древнем Иране. Европейские ученые более двух столетий потратили на то, чтобы расшифровать клинопись. Эта расшифровка, которая явилась достижением ученых ряда стран, стала великим триумфом науки первой половины XIX в., давшим возможность ознакомиться с древнейшей культурой и историей многих народов и тем самым необычайно расширившим область научных и культурно-исторических познаний современного человека. Сначала ученым удалось расшифровать простейший вид клинописи — древнеперсидскую систему письма, а затем, благодаря параллельным и довольно точным переводам трехъязычных надписей ахеменидских царей, и ассиро-вавилонскую клинопись. Так как последним видом письма пользовались почти все народы Передней Азии III–I тыс. до н. э. (шумеры, хурриты, хетты, эламиты, урарты и др.), расшифровка ассиро-вавилонской клинописи позволила вовлечь в фонд источниковедческой базы по истории различных периодов Древнего Ирана огромное количество разноязычных, разнообразных и зачастую точно

датированных источников. Успехи в развитии других востоковедных дисциплин (в частности, расшифровки египетских иероглифов) также способствовали расширению знаний по древней истории Ирана.

Большое значение для изучения древнеиранских религий имела публикация рукописей Авесты — свода древних священных текстов зороастрийской религии. Эти рукописи хранились парсами (или гебрами), потомками зороастрийцев, которые остались верными своей древней религии, в VII в. н. э. после захвата Ирана арабами бежали в Индию и поселились близ Бомбея. В начале XVIII в. одна из рукописей Авесты была вывезена в Европу и попала в коллекцию Оксфордского университета в Англии. Однако в Европе никто не знал авестийского языка, да и рукопись была написана еще совершенно неведомым тогда для ученых письмом.

Молодой француз Анкетиль Дюперрон, случайно увидев несколько страниц авестийского текста, загорелся желанием разгадать секрет этого письма и в 1754 г. отправился в Индию. Ценой опасных приключений он проник в среду парсов и прожил у них в течение многих лет. В 1762 г. Дюперрон вернулся в Париж с текстом Авесты, который опубликовал в переводе через десять лет, в 1771 г. Однако самоотверженный энтузиаст, потративший почти 17 лет на изучение авестийского языка и издание зороастрийских текстов, не получил признания. Его перевод был полон грубых ошибок, так как Дюперрон не имел систематического востоковедного образования, а его учителя из среды парсов плохо ориентировались в древних текстах, которые они изучали лишь по недостоверной традиции. Великий Вольтер обрушился на Дюперрона с резкими нападками, утверждая, что тот клевещет на Зороастра, приписывая ему вздорные высказывания, если же эти высказывания действительно принадлежат последнему, то они лишены всякого смысла, а потому не следовало переводить их на французский язык. Но труд Дюперрона, единодушно осужденный его современниками, все же не пропал даром. Э. Бюрнуф и другие крупные специалисты по санскриту, родственному авестийскому языку, постепенно занялись зороастрийскими текстами и сумели проникнуть в их смысл.

§ 1. Элам

Элам занимал территорию Юго-Западного Ирана (примерно нынешняя область Хузистан) и был одним из очагов древнейшей цивилизации. В начале III тыс. до н. э. эламиты создали ряд раннегосударственных объединений. Начиная со второй половины III тыс. страна была объединена в единое государство со столицей в Сузах. Около 549 г. до н. э. Элам был завоеван персами и стал одной из сатрапий мировой Персидской (или

Ахеменидской) державы. Ахеменидские правители отдавали большую дань древним культурным традициям эламитов, в частности, один из языков, который они использовали для своих трехъязычных (а в ряде случаев и четырехъязычных) надписей, был эламский. Кроме того, в VI–V вв. до н. э. персидская администрация пользовалась эламским письмом и языком для делопроизводства на территории Юго-Западного Ирана, и в Персеполе, одной из столиц Ахеменидской державы, найдено много тысяч хозяйственных и административных документов царского двора, составленных эламскими писцами.

История Элама, в отличие от соседней Месопотамии, довольно скудно освещена письменными источниками, что затрудняет планомерное изучение всех периодов развития эламской цивилизации. Античные авторы не упоминают ни о каких событиях из истории Элама, по всей вероятности, они вообще ничего не знали об Эламе и его оригинальной культуре. В некоторых книгах Библии содержатся лишь изолированные, иногда ценные сведения по истории Элама, главным образом конца первой половины I тыс. до н. э.

Основными источниками по истории Элама являются надписи эламских царей, правивших со второй половины III тыс. до первой половины I тыс. до н. э., а также хозяйственные, административные и деловые документы II–I тыс. до н. э. Не меньшее значение для изучения истории Элама имеют также шумерские, вавилонские и ассирийские тексты, которые дают важные сведения о политических и военных событиях на всем протяжении существования Эламского государства.

Сравнительно поздно, лишь начиная с 30-х годов нашего столетия, ученые стали планомерно заниматься исследованием истории и культуры Элама, и пока еще в этой области не создано крупных трудов концептуального характера. Социально-экономические отношения, культура и политическая история Элама наиболее обстоятельно исследованы американскими учеными Дж. Камероном, Элизабет Картер и М. Столпером, немецким иранистом В. Хинцем (ФРГ), советским эламитологом Ю. Б. Юсифовым и французским историком культуры древней Передней Азии П. Амье. Эламские царские надписи и другие тексты разных эпох изданы австрийским ученым Ф. В. Кёнигом, французским эпиграфистом М. Стэвом и М. Столпером.

§ 2. Мидия

Мидийское царство возникло примерно в 70-х гг. VII в. и существовало до середины VI в. до н. э. Но история мидийской культуры выходит далеко за пределы указанных хронологических рамок.

Вопросы о времени и путях проникновения мидийцев (а также персов) в Иран и их постепенного расселения там вот уже полтора века обсуждаются учеными. В зарубежной науке они рассматривались Ф. Шпигелем, Ю. Прашеком, Ф. В. Кёнигом, Р. Гиршманом, Дж. Камероном, В. Хинцем, Д. Стронахом и многими другими. В отечественной историографии этим проблемам посвящены обстоятельные труды И. Г. Алиева, И. М. Дьяконова и Э. А. Грантовского. Исчерпывающий обзор литературы и различных точек зрения содержится в «Ранней истории иранских племен Передней Азии» Э. А. Грантовского, который рассмотрел весь имеющийся материал по истории иранских племен на Ближнем Востоке до образования Мидийской и Ахеменидской держав.

Э. Мейер, Дж. Камерон, И. М. Дьяконов и И. Г. Алиев высказывали предположение, что иранские племена вторглись в Мидию из Средней Азии и соседних районов, и хотя в IX–VIII вв. до н. э. они заняли территорию Иранского плато, преобладающим там все еще оставалось древнее местное население, в основном касситского и кутийского происхождения. В настоящее время некоторые ученые отвергают эту гипотезу, полагая, что иранские племена направились на плато из южнорусских степей через Кавказ. Так, например, В. И. Абаев на основании лингвистических данных пришел к выводу, что по крайней мере с начала II тыс. до н. э. иранские племена находились на юге России, откуда позднее часть их через Кавказ и вдоль северного побережья Каспийского моря направилась в Иран и Среднюю Азию. По мнению Э. А. Грантовского, данные клинописных текстов IX–VIII вв. до н. э. также говорят в пользу гипотезы о продвижении мидийцев и персов в Иран через Кавказ, а не из Средней Азии. Но эту точку зрения нельзя считать полностью доказанной.

Что касается проблемы расселения иранских племен, то Э. А. Грантовский, рассмотрев ономастический и топонимический материалы клинописных текстов, убедительно показал, что иранские племена появились на территории Ирана к IX в. до н. э., а в районах близ Урмийского озера и в Закавказье — к XII в. Уже к началу I тыс. до н. э. иранские племена утвердились на плато. Правда, в IX–VII вв. в большинстве районов Ирана древнее, неираноязычное, население еще продолжало играть главную роль в политическом отношении, но начиная со второй половины VIII в. иранские племена уже составляли большинство в тех районах, где несколько позднее возникло Мидийское царство. Как впоследствии и царство Ахеменидов, Мидийское царство сложилось в области, где преобладал иранский этнический элемент, и именно на основе предшествующего развития иранских племен.

Культура мидийского народа изучена в трудах выдающегося отечественного ираниста В. Г. Луконина (см., в частности, его книгу «Искус-

ство Древнего Ирана»). Большое внимание мидийской культуре уделялось также в зарубежной научной литературе. Здесь следует упомянуть в первую очередь работы Р. Гиршмана, Л. Ванден-Берге, Э. Негахбана, Д. Стронаха, О. Маскареллы и др.

История Мидии весьма скудно освещена в ассиро-вавилонских текстах и у греческих авторов (главным образом, у Геродота), и нам известны лишь ее отдельные эпизоды, изучению которых посвящены работы И. Г. Алиева, Э. А. Грантовского, И. М. Дьяконова, а в зарубежной науке — Дж. Камерона и Ф. В. Кёнига.

Относительно Мидийского царства высказывались крайние точки зрения. По мнению одних ученых, Мидия была центром огромной империи, простиравшейся от Северной Месопотамии до Бактрии в Средней Азии (например, Э. Херцфельд). По мнению других, Мидия до завоевания ее персами в 550 г. до н. э. была лишь непрочным племенным объединением, и Мидийская империя — фикция, которой мы обязаны Геродоту (Х. Санчиси-Веерденбург). Но такое мнение вряд ли можно принять. О существовании Мидийского государства свидетельствуют Вавилонская хроника и так называемая Базальтовая стела вавилонского царя Набонида, упоминающие о роли Мидии в разгроме Ассирии и позднее о войне между персами и мидийцами. Известно также, что в результате ликвидации Ассирийской державы в 609 г. до н. э. мидийцы захватили восточную часть Малой Азии, коренную территорию Ассирии, и район Харрана в Верхней Месопотамии. Имеются также основания полагать, что мидийцы завоевали территорию Урарту, а также Гирканию и Парфию. Кроме того, из труда Геродота известно, что мидийский царь Киаксар (624–584) организовал регулярную армию. Наконец, судя по всему, административная структура более поздней Ахеменидской державы была сходна с новоассирийской структурой, и, по всей вероятности, персы заимствовали эту структуру через посредство мидийцев. Все это свидетельствует о том, что Мидия в конце VII — начале VI в. до н. э. была не эмбриональным государством, а одной из крупных держав Ближнего Востока.

§ 3. Ахеменидская держава

В конце VII — первой половине VI в. до н. э. Персия находилась в зависимости от мидийских царей. Однако в 553 г. до н. э. персидские племена под руководством своего правителя Кира II из династии Ахеменидов восстали против Мидии и в 550 г. полностью покорили ее. После этого персы захватили Парфию и Гирканию, области у Каспийского моря, а

в 546 г. до н. э. — Лидию, сильное государство в Малой Азии, и затем подчинили себе Восточный Иран и Среднюю Азию. В 539 г. Кир завоевал Вавилонию, Сирию, Палестину и Финикию. В 525 г. при царе Камбизе персы захватили Египет. Между 519–512 гг. Дарий I подчинил Фракию и Македонию на севере Балканского полуострова и северо-западную часть Индии. Таким образом возникла первая в истории мировая империя, границы которой простирались от реки Инд на востоке до Эгейского моря на западе, от Армении на севере до Нубии на юге. В состав этой империи, которая существовала два столетия (до 330 г. до н. э.), входили десятки стран и народов. Отношение центрального правительства к культурным и религиозным традициям покоренных народов было вполне доброжелательным. К тому же Ахеменидская держава в течение значительного периода сумела обеспечить относительный мир на огромной территории, начиная от Египта и кончая Северо-Западной Индией, и создать благоприятные условия для расцвета международной торговли и развития культурных контактов между различными странами.

Все сказанное может легко объяснить тот большой культурно-исторический интерес к Ахеменидской державе, который возник еще в древности и продолжает существовать и в современном мире.

§ 4. Некоторые древневосточные воззрения

Персы еще во времена правления Кира II показали себя как весьма деятельные дипломаты и большие мастера пропаганды. Когда в 539 г. до н. э. Месопотамия была завоевана персами, появился целый ряд вавилонских текстов, утверждавших, что Кир освободил жителей страны от гнета вавилонского царя Набонида, нечестивого правителя, пренебрежительно относившегося к богам и жестоко угнетавшего людей. В стихотворном памфлете, написанном на аккадском языке и рассчитанном на публичное чтение, Набонид обвиняется в беззаконии, в различных преступлениях против вавилонских храмов и народа. Согласно этому же тексту, Кир «вернул идолы вавилонских богов в их святилища, сердца их удовлетворил... (ежедневно. — *М. Д.*) клал перед ними пищу... Настала радость (для жителей. — *М. Д.*) Вавилона, он их из тюрем освободил». В Вавилонской хронике говорится, что Кир даровал жителям города Вавилона мир и держал войско вдали от святилищ. В одной из своих надписей (из города Урука) Кир заявляет, что он является заботливым попечителем вавилонских храмов, в другой (из Ура) он говорит: «Великие боги вручили в мои руки все страны. Я восстановил стране благополучную жизнь».

К этим текстам по своему духу и содержанию примыкает и «Цилиндр Кира», текст которого был составлен вавилонскими жрецами. В нем, в частности, читаем: «Набонид удалил древние статуи богов... Он враждебным образом отменил ежедневные жертвы богам и предал полному забвению почитание Мардука, царя богов. Он всегда творил зло своему городу... Из-за жалоб людей владыка богов (Мардук. — *М. Д.*) впал в гнев... и стал смотреть и оглядел все страны, ища справедливого правителя... Он назвал Кира... чтобы тот стал владыкой всего мира... И Кир обращался справедливо с черноголовыми (вавилонянами.— *М. Д.*)... Мардук, великий владыка, защитник своего народа, будучи доволен добрыми делами и праведным сердцем Кира, велел ему выступить против своего города Вавилона... Он шел рядом с ним как друг, позволил ему вступить в своей город Вавилон без боя, не причинив Вавилону никакого бедствия... Все жители Вавилона и всей страны... князья и наместники склонились перед ним в поклоне и облобызали его ноги, радуясь и сияя, что царство у него. Они с радостью приветствовали его как владыку мира, с помощью которого они вернулись от смерти к жизни». Далее Кир от своего имени говорит: «Мои многочисленные войска вступили в Вавилон мирно, я не позволил никому пугать жителей... Я установил мир в Вавилоне и во всех священных городах... Я отменил иго, которое было наложено на них. Все цари Вселенной... доставили ко мне в Вавилон свои тяжелые подати и облобызали мои ноги... Пусть все боги, которых я вернул в их священные города, молятся Белу и Набу о долгой жизни для меня».

Однако все эти тексты носят характер пропагандистских сочинений и требуют критического отношения, поскольку они были составлены вавилонскими жрецами после захвата страны персами по заказу их царя или его окружения. По рассказу вавилонского жреца Беросса, написавшего историю своей страны приблизительно в 290 г. до н. э., отношение Кира к Вавилону было, скорее, враждебным, ибо он велел разрушить внешние стены города, который показался ему грозной крепостью. Согласно Геродоту и Ксенофонту, столица страны была взята персами лишь после ожесточенного сопротивления. Один вавилонский текст пророческого характера говорит о плохом правлении какого-то царя — судя по содержащейся в надписи информации о нем, имеется в виду Кир, хотя его имя и не названо.

Приблизительно из двухсот древнеперсидских надписей, известных к настоящему времени, лишь одна носит характер подлинно исторического источника: это знаменитая Бехистунская надпись царя Дария I, составленная около 519 г. до н. э. на древнеперсидском, эламском и аккадском языках (содержание всех трех версий в основном идентичное). Она расположена в 30 км к востоку от города Керманшах у древнего караванного пути, пролегавшего между Вавилоном и столицей Мидии Экбатанами.

Бехистунская надпись была переведена на многие языки и послана во все сатрапии Ахеменидской державы, о чем в ней и сообщается. В начале XX века на острове Элефантине (юг Египта) во время археологических раскопок были найдены плохо сохранившиеся папирусы с переводом этой надписи на арамейский язык. В 1899 г. в Вавилоне, в развалинах царского дворца, был обнаружен обломок каменной глыбы с отрывком ее аккадского варианта.

В надписи рассказывается главным образом о восстаниях и мятежах народов Персидской державы против власти Дария I, которые разразились в 522–521 гг. до н. э., и об их подавлении. Она состоит из введения, где дана генеалогия Дария, собственно исторической части, в которой излагаются события, и заключения. В ней приведены точные даты сражений и места, где они происходили, а также (в аккадской и арамейской версиях) число убитых и взятых в плен противников Дария. Отсюда можно заключить, что отчеты об основных битвах составлялись сразу после их завершения, и это является несомненным признаком достоверности многих сообщаемых надписью сведений.

Историческая часть текста начинается с сообщения о походе Камбиза против Египта и кончается описанием победы войск Дария над Арахой, вождем восставших вавилонян, в 521 г. Повествование дано не в хронологическом порядке, а в географической последовательности, т. е. надпись дает описание военных кампаний по отдельным странам. При этом военные действия, которыми руководил непосредственно сам Дарий, выносятся на первый план в том случае, когда это не нарушает логической связи в изложении событий.

Над текстом надписи возвышается рельефная сцена высотой 3 м и шириной 5,48 м, изображающая триумф Дария над восставшими народами Ахеменидской империи и их руководителями. Верховный бог персов Ахурамазда левой рукой протягивает Дарию кольцо, символически вручая ему царскую власть, а правой рукой благословляет его. Заметим, что, согласно надписи, основным аргументом Дария в пользу того, что он законный царь, является желание Ахурамазды, который «принес царство» ему. Сам Дарий изображен в полный рост (1,72 м). Его правая рука протянута в молитвенной позе к Ахурамазде, в левой он держит лук. Левой ногой Дарий попирает Гаумату, на короткое время захватившего престол ахеменидских царей. Слева, за спиной Дария, расположены его придворные — два человека ростом ниже Дария (1,47 м), но выше мятежных царей, изображения которых едва доходят до груди Дария (1,17 м). Непосредственно за Гауматой — восемь мятежных самозванцев и вождь сакского племени тиграхауда, прикованные друг к другу длинной цепью, со связанными за спиной руками.

Бехистунская надпись является типичной царской надписью с субъективным, тенденциозным освещением событий в угоду Дарию. В ней неоднократно сообщается, что войска Дария убили и захватили в плен десятки тысяч противников, но ни слова не говорится о потерях самого Дария. Внимательное чтение надписи показывает, что в ряде случаев победы, которыми хвастается Дарий, на самом деле были серьезными поражениями, понесенными им.

Из других древнеиранских текстов, содержащих какие-либо исторические воззрения, следует упомянуть авестийскую литературу, составляющую свод священных книг зороастрийской религии. Зороастрийские жрецы создали сложное эсхатологическое учение, согласно которому мировая история будет длиться 12000 лет. Первые 3000 лет называют «золотым веком», когда не было ни холода, ни жары, ни болезней и смерти, ни старости. На земле в изобилии водился мелкий и крупный рогатый скот. Это был период господства Ахурамазды — творца мира и вездесущего бога добра, который олицетворяет свет, жизнь и правду. Однако затем «золотой век» кончился, и Ариман, верховный дух зла, создал голод, болезни и смерть. Но в мир явится спаситель из рода пророка Зороастра, и в конечном счете добро одержит полную победу над злом, возникнет идеальное царство, где Ахурамазда будет безраздельно царствовать на небе и на земле, солнце будет сиять вечно и исчезнет всякое зло.

Возможно, что учение зороастрийских жрецов о конце мира, о грядущем спасителе и последнем суде оказало определенное влияние на возникновение подобных же представлений в иудаизме, христианстве и других религиях, а также на философские концепции древних греков.

Из всех древневосточных источников, пытающихся дать какое-то представление о возникновении человеческого общества и государства и их дальнейшем развитии, особое значение имеют книги Ветхого Завета, которые дают цельную картину эволюции государственных институтов и общественной морали. Автор Книги Исайи (точнее, Второисайи), очевидец захвата Вавилона персами, по-видимому, знал общую политическую установку Кира, и целые главы его произведения по своему духу и содержанию примыкают к вавилонским текстам, которые подчеркивают благочестие Кира и осуждают его врага Набонида. Иосиф Флавий, еврейский автор I в. н. э., пишет, что выдержки из Книги Исайи, рассказывающие о захвате Вавилона Киром, были ему прочитаны, т. е. изложение событий было благоприятным для Кира. И поэтому возможно, что иудейский современник захвата Вавилона персами был знаком с «Цилиндром Кира» и другими пропагандистскими сочинениями того же жанра. Исайя несколько раз упоминает Кира по имени, называя его помазанником (мессией)

бога Яхве. Последний говорит о Кире: «Он пастырь мой, и он исполнит все мои желания». «Так говорит Яхве помазаннику своему Киру: я держу его за правую руку, чтобы низвергнуть народы перед ним, и я распоясшу чресла царей, чтобы двери были открыты перед ним и ворота не были заперты. Я пойду перед тобой и сравняю холмы, сломаю медные ворота и сокрушу железные запоры». Таким образом, политика Кира (а позднее и других персидских царей) трактуется как инструмент Божественной воли.

§ 5. Античная историография о Древнем Иране

Труды греческих авторов остаются основными повествовательными источниками по истории Ахеменидской державы, и многие важные исторические события (в частности, Греко-персидские войны, 500–449 гг. до н. э.) и почти вся дипломатическая и политическая история V–IV вв. до н. э. известны из этих произведений.

В обширной греческой исторической литературе, естественно, высказывались самые различные мнения о Персидской державе — от ее полной идеализации до призывов к уничтожению этого «варварского» государства. В стороне от этих крайних течений находится «уравновешенный» труд Геродота. Его «История» — важнейший источник по истории, экономике, культуре и этнографии Ахеменидской державы и в то же время — первая книга по истории в мировой научной литературе, написанная к тому же с изумительной художественной выразительностью и острой наблюдательностью. Геродот первым стал рассматривать историю не как собрание занимательных рассказов о богах и героях, а как предмет серьезного научного исследования. Труд Геродота остался незаконченным из-за смерти автора (точные даты его жизни неизвестны: родился до 480 г. до н. э. в городе Галикарнасе на юго-западном берегу Малой Азии, умер до 424 г. в греческой колонии Фурии в Италии).

В Персии Геродот никогда не был, он путешествовал по странам Ближнего Востока (Вавилония, Финикия, Египет и др.). Никаких языков, кроме своего родного, он не знал и поэтому во время своих странствований целиком зависел от услуг переводчиков.

Центральное место в труде Геродота занимает история Греко-персидских войн (последние пять из девяти книг), в которую в качестве предыстории включена история Лидии, Вавилонии, Египта, Персии и других стран. Это основной и, за исключением некоторых деталей, вполне достоверный источник по истории Греко-персидских войн. В отличие от боль-

шинства греческих авторов Геродот относится к персам объективно, без предвзятой вражды, и стремится учитывать также и персидскую точку зрения на излагаемые им события. Позднее Плутарх в своем сочинении «О злокозненности Геродота» назвал его за это «варварофилом», обвиняя в дружелюбии к персам.

В исторической науке многократно ставился вопрос о надежности сообщаемых Геродотом сведений. Еще в древности Фукидид и Аристотель относились к нему не просто критически, но даже иронически. Древнегреческий историк Ктесий постоянно говорит о Геродоте как о лжеце и болтуне, настойчиво противопоставляя ему себя. В XIX в. английский историк А. Сейс называл Геродота отцом лжи. В течение последнего столетия было опубликовано бесчисленное множество клинописных и других текстов, которые дают возможность проверить, уточнить и лучше понять ряд данных, содержащихся в труде Геродота. Эти тексты позволяют сделать следующие заключения. Многие сообщения Геродота не подтвердились. Он имел смутное представление о ранних периодах истории Египта, Вавилонии и других стран Ближнего Востока. Однако многие сообщаемые им сведения достоверны, и подтверждаются значительным количеством древневосточных текстов. Геродот как историк зависел от источников, которые не всегда были надежны. Тем не менее это был объективный и проницательный наблюдатель, честно стремившийся понять чужую историю и культуру.

Определенный интерес представляет также исторический роман Ксенофонта «Киропедия» («Воспитание Кира», имеется в виду Кир II). Персидский царь изображается автором как идеальный правитель, а Персидское царство рисуется по образцу платоновского государства, где все, в том числе и царь, выполняют законы. Однако в том же произведении говорится, что после смерти Кира начался полный упадок персидских государственных институтов и прежних норм морали. Такой взгляд был принят философом Платоном в его «Законах», а также другими греческими авторами.

Ксенофонту также принадлежат два ценных произведения, дающие важную информацию об Ахеменидской державе. Первое из них — «Греческая история», освещающая военные и политические отношения между персами и греческими государствами (прежде всего Спартой и Афинами). Второе, и особенно ценное, — исторические мемуары «Анабасис». Они посвящены мятежу персидского царевича Кира Младшего против царствовавшего брата Артаксеркса II и последующему возвращению греческих наемников, служивших мятежному царевичу, из Вавилонии через Армению к Черному морю.

Выше говорилось о том, что Геродот относился к персам объективно, без предвзятой неприязни. Но великий философ Аристотель (384–322 гг. до н. э.) выступил с мнением, что лишь греки могут быть свободными людьми, остальные же народы уже по самой своей природе являются рабами. Если Геродот, называя варварами негреков, не вкладывал в это понятие никакого пренебрежительного оттенка, то позднее это слово стало употребляться как прозвище, в уничижительном смысле по отношению к персам и другим народам неэллинского происхождения. Афинский оратор Исократ (436–338 гг. до н. э.) убеждал своих сограждан в том, что захват Персии будет лишь легкой прогулкой. Отсюда оставался лишь один шаг к практическим действиям — объединенному походу всех греков против Персии. Этот шаг был предпринят несколько позднее Александром Македонским, который совершил поход на территорию Ахеменидской державы и сокрушил ее.

Греческие историки V–IV вв. до н. э. считали, что государство персидского царя в отличие от греческого мира было восточной монархией с абсолютным порабощением всего населения. Такое мнение в общих чертах сохраняется в европейской науке до настоящего времени.

§ 6. Ранние этапы европейской историографии

Определенный интерес к древней истории Персии наблюдался в Италии в XIV–XV вв., т. е. еще во времена Данте и Макиавелли. В начале этого периода оригинальный текст труда Геродота был еще неизвестен, и итальянские историки, исходя из отдельных отрывочных данных античных авторов, изображали основателя Персидской империи Кира II беспринципным негодяем. Но в течение следующего столетия стали известны рукописи «Истории» Геродота, «Киропедии» Ксенофонта и ряда других произведений греческих авторов. После этого Кир стал очень популярным персонажем, который рассматривался как идеальный правитель. Такая трактовка повлияла на последующую историографию. Поэтому неудивительно, что идеализация образа Кира в современной исторической литературе своими корнями уходит ко времени раннего гуманизма в Италии.

В 1498 г. некий Иоанн Анний Витербенсис опубликовал в Риме свой труд «Различные древности» (на латинском языке). В XVI в. эта работа многократно переиздавалась. Однако это была фальсификация, в которой вся древняя история персов и других народов (за исключением сведений из Библии) была полностью искажена. Автор стремился дискре-

дитировать сообщения античных авторов и относился с абсолютным доверием к библейской версии истории.

В Англии в XVIII в. было выпущено несколько книг по истории Персии, которую в основном излагали с упором на Греко-персидские войны, следуя версии Геродота. Из английских историков этого времени самым популярным был Уильям Митфорд (1744–1827). Это был серьезный ученый, который требовал критического отношения к источникам, учитывая возможную их субъективность. Он отвергал также распространенное мнение об упадке Персидского государства из-за гаремных интриг при дворе царя.

Европейские путешественники начали активно интересоваться историческими памятниками Древней Персии начиная с XV в. Так, венецианец Дж. Барбаро в 1472 г. посетил Персию и привез на Запад первые сведения о руинах персепольских дворцов и накши-рустамских рельефах. В 1618 г. испанцы Антонио де Гоувеа и дон Гарсиа де Сильва де Фигуэроа, послы испанского короля Филиппа III к персидскому шаху Аббасу I, впервые в Европе сообщили о клинописных знаках, найденных в Персеполе. По рассказу Гарсии, эти письмена сильно отличались от всех известных в Европе видов письма, будучи различными комбинациями пирамидальных фигурок. В 1621 г. Пьетро делла Валле, которого смело можно считать пионером итальянского востоковедения, описал развалины Персеполя и снял копии пяти клинописных знаков, а также установил, что их следует читать слева направо. В 1674 г. французский путешественник Ж. Шарден вывез в Европу копию одной из древнеперсидских надписей. Наконец, в марте 1765 г. датчанин Карстен Нибур во время своего путешествия по странам Ближнего Востока провел несколько дней в Персеполе и сделал точные копии ряда клинообразных надписей. Заметив, что все персепольские надписи расположены тремя столбцами или высечены на отдельных плитах, которых тоже всегда было по три, он пришел к следующему выводу: надписи составлены тремя видами письма, но содержат идентичный текст; письменность первой системы наиболее простая, алфавитная, и содержит всего 42 знака. Нибур опубликовал свою работу в 1778 г., и это способствовало ознакомлению европейских ученых с клинописью и впоследствии послужило необходимой основой при ее дешифровке.

Однако до первых реальных шагов по дешифровке клинописи должно было пройти еще более двух десятилетий. Поэтому историки древности все еще вынуждены были ограничиваться изложением сообщений античных авторов и Библии, не имея возможности ни проверить, ни дополнить

имеющиеся сведения по истории древней Персии по синхронным древневосточным текстам. Достаточно отметить, что от первого знакомства европейцев до удовлетворительного чтения клинописных надписей (расшифровка Г. Гротефенда в 1802 г.) прошло более двухсот лет.

§ 7. Основные достижения XIX в.

В 1802 г. молодой немецкий преподаватель классических языков Г. Гротефенд, не имевший никакого востоковедного образования, предложил свою расшифровку древнеперсидской клинописи. Хотя этой расшифровке придали значение лишь немногие ученые, а полный текст его доклада был опубликован только в 1893 г., вопрос о разгадке клинописи был поставлен на научную основу. В 1836 г. на приоритет окончательной дешифровки этого письма претендовали немец Хр. Лассен, француз Э. Бюрнуф и англичанин Г. Раулинсон. Затем ученые стали переходить к разгадке ассиро-вавилонской клинописи, которой были начертаны вавилонские и эламские варианты трехъязычных ахеменидских надписей. Полный успех на этом пути ожидал Г. Раулинсона, хотя, конечно, в течение целых десятилетий ученые исправляли и уточняли его дешифровку.

Успех Г. Раулинсона объяснялся тем, что он был первым, кто скопировал крупнейшую ахеменидскую надпись — Бехистунскую. Приступив к выполнению этой задачи в 1835 г., но работая с перерывами из-за военной службы в английской армии, он закончил ее лишь в 1847 г.

После дешифровки ассиро-вавилонской клинописи началось стремительное развитие европейской историографии Древнего Востока. Ученые стали читать хранившиеся в музеях и частных коллекциях клинописные тексты, а археологи находили все новые и новые надписи. Перед изумленными глазами просвещенных европейцев стали оживать давно исчезнувшие самобытные цивилизации, которым европейская культура была обязана очень многим.

Обзор археологических открытий в Иране следует начать с раскопок в Пасаргадах — древней столицы государства Кира II и священного города Ахеменидов, где короновался каждый новый царь. Поселение было обитаемо еще в IV тысячелетии, и строительная деятельность продолжалась там и при преемниках Кира — Дарии I и Ксерксе.

Город расположен на высоте 1900 м над уровнем моря в 80 км к северо-востоку от Персеполя. Пасаргадские дворцы и другие здания, являющиеся древнейшими памятниками персидской материальной культуры, воздвигнуты на высокой террасе из светлого песчаника в сочетании с тем-

ным известняком. Дворцы сооружены среди парков и садов, окруженных каменными стенами. В отличие от Персеполя, здания расположены на большом расстоянии друг от друга.

К настоящему времени от дворцов Кира сохранился лишь каменный рельеф, украшавший одну из стен дворцового здания. Это высокая фигура четырехкрылого гения в эламском парадном платье. Надпись на рельефе гласит: «Я — Кир, царь, Ахеменид». По всей вероятности, эта фигура изображает гения-хранителя царя.

К югу от жалких останков этого дворца находится хорошо сохранившаяся гробница Кира — самое известное строение ахеменидского времени. Она состоит из двух частей: высокого постамента из шести плит и возведенной на нем погребальной камеры, представляющих собой скромное по форме здание с высокой двускатной крышей. Общая высота памятника — около 11 м. Описание внутреннего вида погребальной камеры сохранилось у античных авторов. Они рассказывают, что воины Александра Македонского после захвата ими Пасаргад в 330 г. до н. э. обнаружили в гробнице набальзамированное тело Кира в богатых одеждах, покоившееся на убранном коврами ложе.

Многолетние археологические раскопки в Пасаргадах позволили установить строительные приемы и основные этапы возведения тех или иных частей зданий. Именно в Пасаргадах были созданы основные принципы дворцового и храмового строительства ахеменидского периода. Эти принципы можно охарактеризовать так: детали того или иного образа или архитектурного здания известны из прошлых эпох соседних и дальних стран, но сами образы отличаются от всех известных и являются специфически иранскими. Они прокламируют величие царской власти и империи.

Пасаргады были сооружены архитекторами и строителями разных национальностей, греками и представителями народов Малой Азии, которые тщательно отбирали образцы и работали над композициями нового прокламативного искусства.

Европейские путешественники в XIX в. неоднократно посещали Пасаргады и Персеполь, однако регулярные археологические работы, которые производились там, относятся уже к следующему столетию.

С 1884 г. французский археолог Марсель Дьелафуа производил раскопки в Сузах — одном из древнейших городов мира, а позднее административной столице Ахеменидской державы. Археологи обнаружили руины парадного дворца (ападаны) Дария I, занимавшего площадь 10 434 кв. м. Потолок его держался на шести рядах колонн высотой почти 20 м, вершины которых были украшены капителями с изображениями бычьих голов. Из библейской «Книги Эсфирь» можно узнать, что пол царского дворца

в Сузах был вымощен красным, белым, черным и желтым мрамором. Здесь устраивались торжественные приемы сановников и чужеземных послов. Сам царь жил в другом дворце, расположенном рядом с ападаной. Сокровищница, царские склады и мастерские находились к югу от дворца Дария I. Все дворцовые здания были окружены мощной стеной из сырцового кирпича.

Дьелафуа нашел также разбитые на куски фризы с изображением шествия воинов в натуральную величину, с луками на плечах, колчанами за спиной и копьями в руках. Другой фриз изображает шествие львов с разинутой оскаленной пастью.

Дворцы ахеменидских царей были расположены на акрополе, к северо-западу от города, близко к берегу реки Керхе.

§ 8. Современное состояние изученности основных проблем истории древнего Ирана

Археологические исследования. В самом начале XX в. немецкий ученый Э. Херцфельд изучал на месте памятники архитектуры Пасаргад и в 1908 г. выпустил монографию с результатами своих наблюдений. Позднее англичанин А. Стейн и иранец Али Сами производили раскопки на этом городище. В течение 1961–1963 гг. в Пасаргадах систематические раскопки вел Британский институт по изучению Ирана во главе с Д. Стронахом. Находки дали представление об истории города между 546–200 гг. до н. э.

Еще Э. Херцфельдом в Пасаргадах были найдены надписи Дария I на золотой и серебряной пластинках. Это закладные надписи, экземпляры которых обнаружены также в Персеполе и Хамадане; в них указываются границы Ахеменидской державы. Д. Стронах нашел в Пасаргадах, в частности, копию Антидэвовской надписи Ксеркса на сером известняке, которая также является закладной надписью. Ранее она была известна по находке из Персеполя. В ней рассказывается о преследовании Ксерксом капищ каких-то «ложных богов». Эти находки позволяют сделать вывод, в частности, о том, что при Дарии I и Ксерксе в Пасаргадах продолжалась строительная деятельность.

В отличие от Пасаргад, все основные здания которого связаны с именем Кира II, сооружение Персеполя началось при Дарии I около 520 г. до н. э. и продолжалось при его преемниках приблизительно до 450 г. до н. э. План будущего города был детально разработан еще до начала работ. Площадь города составляет 135 000 кв. м. Расположен он на высоте око-

ло 1500 м над уровнем моря в 50 км к северу от современного Шираза. Само название города — греческая передача местного топонима Парса, обозначавшего страну Персию, ее народ и столицу. Благодаря раскопкам, которые велись лишь с незначительными перерывами в течение нескольких десятилетий, Персеполь — один из наиболее хорошо изученных древних городов. К 60-м годам XX века археологические раскопки были завершены, что позволило перейти к ремонту и укреплению зданий.

С 1931 по 1939 г. раскопки на этом городище производились Восточным институтом Чикагского университета под руководством Э. Херцфельда, а с 1935 г. — Э. Шмидта. Были раскопаны руины дворцов и хозяйственных построек, бесконечные ряды рельефов с изображением царей и их придворных, челяди и представителей покоренных народов. Археологи обнаружили также клинописные надписи и целые архивы документов. Результаты работы экспедиции опубликованы в трех томах большого формата, подготовленных Э. Шмидтом. В 40-х годах раскопки продолжались Археологической службой Ирана под руководством А. Годара, а в 60-е годы на смену иранским ученым пришли итальянские археологи, которые занимались укреплением и реставрацией сохранившихся частей зданий и колонн.

Раскопки в сочетании с хозяйственными текстами и царскими надписями дали возможность установить последовательность основных этапов сооружения города. После того как была выровнена скала, в ней прорубили канавы и под поверхностью земли провели дренажную систему для стока воды с крыш зданий. К востоку от будущего города глубоко в земле выкопали колодец, обеспечивавший запасы воды. Кроме того, вода в город шла по каналу, проведенному с расположенной рядом горы Кух-и-Рахмат. Эта же гора снабжала строителей темно-серым известняком, который использовался для сооружения дворцов и других зданий Персеполя.

Персепольские дворцы представляли единый архитектурный ансамбль, состоящий из жилых дворцов и парадных залов. Один из таких залов (ападана), сооруженных Дарием I, занимал территорию 3 600 кв. м и мог вместить 10 000 человек. Его пол был покрыт серо-зеленой штукатуркой, двери деревянные, обшитые золотом. Потолок зала и портиков, окружавших его с трех сторон, поддерживали 72 тонкие и изящные каменные колонны высотой более 20 м. Особые коридоры связывали этот зал с личными дворцами Дария I и Ксеркса.

На лестницах дворца до сих пор сохранились рельефы с различными изображениями людей. Особо следует отметить длинную процессию представителей 33 народов Ахеменидской державы, несущих подарки или дань персидскому царю. Растянутые в одну линию, эти рельефы заняли бы

400 м в длину. Это настоящий этнографический музей, в котором отражены все характерные особенности одежды и внешности различных племен и народов.

В 60–70-х годах XX в. французские археологи продолжали раскопки в Сузах, начатые еще в XIX в. В частности, ими были найдены две таблички из серого мрамора с эламской и аккадской надписями, рассказывающими о сооружении парадного дворца Дария I в Сузах. Как видно из этих текстов, сначала был снят слой почвы до каменного грунта, затем выровнена площадка для фундамента, на котором был возведен дворец из кирпича с каменными проемами для дверей и окон. Археологи нашли также трехметровой высоты статую Дария I, когда-то стоявшую у входа в монументальные ворота, к востоку от парадного дворца этого царя. На прямоугольном постаменте Дарий изображен в образе египетского бога Атума (голова фигуры, к сожалению, не сохранилась), но в персидской одежде. Статуя имела магическую цель — даровать царю вечные благодеяния со стороны египетских богов. На ней сохранилась четырехъязычная надпись (кроме египетского текста — его древнеперсидская, эламская и вавилонская версии).

В Экбатанах, древнейшем очаге иранской культуры и столице Мидийской сатрапии, велись только пробные раскопки, поскольку древний город находится под жилыми кварталами современного Хамадана. К 1977 г. был составлен проект выкупа значительного количества домов с целью их последующего разрушения и планомерных раскопок древних слоев города. Однако начавшаяся антишахская революция 70-х годов помешала осуществлению этого проекта.

Во второй половине XX века археологи раскопали много сатрапских центров ахеменидского времени. Так, в 1952–1955 гг. во время раскопок турецких ученых в Даскилее, столице персидской сатрапии Фригии в Малой Азии (современное селение Эргили), было найдено около 300 оттисков печатей ахеменидского времени, 41 из которых имеет клинописные и арамейские надписи. Одна печать сохранила во фрагментарном виде греческую надпись, а 30 оттисков имеют древнеперсидский текст по две строки, которые во всех случаях сильно разбиты. Эти печати относятся ко времени Ксеркса. На том же месте сохранился рельеф V в. до н. э., изображающий сцену жертвоприношения иранскими магами, но выполненный греческими мастерами. В том же районе Даскилеи найден рельеф с изображением знатных персиянок на конях, который также высечен в греческом стиле.

Эпиграфика. В 30-х годах XX в. в Персеполе было найдено несколько новых ахеменидских надписей, среди которых особо следует отметить

Антидэвовскую надпись Ксеркса о разрушении некоторых неугодных последнему храмов.

К числу важнейших находок XX в. относятся два архива хозяйственных документов на эламском языке. Первый из них обнаружен в 1933–1934 гг. археологической экспедицией Восточного института Чикагского университета в Персеполе. Документы этого архива по месту его находки получили название «таблички крепостной стены». К настоящему времени опубликовано около 2100 текстов, еще несколько тысяч пока остаются неизданными. Эти документы датируются 509–494 гг. Хотя они написаны в самых различных местах Персии и Элама, впоследствии их доставили для отчетности в Персеполь. Часть текстов фиксирует операции по перевозке различных продуктов с одного места в другое в соответствии с хозяйственными потребностями, а остальные документы являются ведомостями о распределении продуктов питания работникам царского хозяйства и жалованья чиновникам государственного аппарата. В архиве сохранилась также служебная переписка высокопоставленных царских чиновников.

В 1936–1938 гг. экспедиция Чикагского университета обнаружила в Персеполе, в одном из помещений царской сокровищницы, еще один архив эламских хозяйственных текстов, позднее получивших название «документы сокровищницы». Всего этих табличек 753, но лишь приблизительно 200 из них сохранились хорошо. Они относятся к 498–458 гг. до н. э. и фиксируют выдачу серебра и натуральных продуктов, главным образом для работников царского хозяйства. Эти тексты являются расчетными документами между дворцовой сокровищницей и дворцовыми складами, откуда отпускались продукты. Эламские документы из Персеполя содержат обстоятельную информацию об имениях и ремесленных мастерских персидского царя, разбросанных по всей территории Персии и Элама.

Особенно крупные архивы хозяйственных, деловых и юридических документов ахеменидского времени сохранились из Вавилонии. К настоящему времени опубликовано около 6000 таких текстов на аккадском языке. Более 3000 из них относятся к раннеахеменидскому периоду (от Кира II до Дария I включительно). Документы эти принадлежат храмовым и частным архивам. Из тех же архивов известно более 400 писем частных лиц и храмовых чиновников. Из храмовых архивов наиболее богато представлены документы храмов Эанна (святилище богини Иштар) в Уруке и Эбаббарры (святилище бога Шамаша) в Сиппаре. Из частных архивов особо следует отметить документы деловых домов Эгиби в Вавилоне (более 1000 текстов) и Мурашу в Ниппуре (приблизительно 800 документов).

Для изучения экономики и социальных институтов ахеменидского времени большое значение имеют папирусы на арамейском языке. Основные их находки относятся к территории Самарии (центральная часть Палестины) и Египта. В 1962–1964 гг. в местности Вади-Далиях, в Самарии, в одной из пещер было обнаружено приблизительно 20 арамейских папирусов и несколько сотен плохо сохранившихся фрагментов. Папирусы содержат тексты частноправового и административного характера (брачные контракты, манумиссии рабов, продажа имущества и т. д.) и датируются 375–335 гг. до н. э.

В Египте найдено около 300 арамейских папирусов ахеменидского времени. Более половины из них происходит из еврейской военной колонии на острове Элефантине (южная часть Египта). Большинство этих документов — брачные контракты, купчие, манумиссии рабов и т. д., но среди них имеются указы персидских царей и другие официальные документы. Часть папирусов датирована второй половиной V в. до н. э. Среди этих текстов были обнаружены и арамейские фрагменты Бехистунской надписи.

Особую группу арамейских текстов составляют 13 писем персидского сатрапа в Египте Аршамы. В отличие от папирусов, о которых говорилось выше, эти письма написаны на коже. Они дают живую картину господства персов в Египте в V в. до н. э., так как содержат инструкции по приобретению рабочей силы и управлению имениями персидских вельмож. Письма отправлены от имени Аршамы и других высокопоставленных персов к управляющим их имениями.

Сохранились также документы архива государственного арсенала по сооружению и ремонту военных кораблей в городе Мемфисе. Другие арамейские папирусы содержат письма к родственникам и деловым партнерам с семейными новостями или различными поручениями.

Из Египта сохранились также папирусы на египетском языке. Среди них особую ценность представляют декрет персидского царя Камбиза об ограничении собственности египетских храмов и указ Дария I о кодификации местных законов. Ценную информацию об администрации и управлении храмами дает переписка персидского сатрапа Ферендата с египетскими жрецами. Сохранились также частноправовые египетские документы об аренде земли, о продаже рабов и т. д.

Экономика и социальные институты. По своему социально-экономическому укладу Ахеменидская держава отличалась большим разнообразием. Наряду с такими развитыми странами, как Египет, Сирия, Финикия, Вавилония и другие, в нее входили области, которые раньше

вообще не знали никаких государственных институтов (например, регионы, где жили сакские, массагетские и колхские племена).

Около 519 г. до н. э. Дарий I разделил державу на 20 административно-податных округов, которые назывались сатрапиями. В ряде случаев их границы совпадали со старыми государственными границами тех или иных стран (например, Египет и Мидия). Список сатрапий сохранился в труде Геродота (III, 89–97), но он лишь частично совпадает с перечнем стран Персидской державы, содержащимся в Бехистунской и других древнеперсидских надписях. В списке Геродота среди 20 сатрапий перечислены около 70 народов и племен, входивших в состав Персидской державы, а в Бехистунской надписи приводятся названия лишь 23 стран.

По мнению Э. Мейера и ряда других ученых, список сатрапий у Геродота восходит через посредство более ранних греческих авторов к официальному персидскому источнику из царской канцелярии в Малой Азии. Что же касается расхождений между данными древнеперсидских надписей и списком Геродота, то они, по-видимому, объясняются тем, что количество сатрапий и их границы менялись вследствие новых завоеваний и отпадения отдельных стран от державы.

В Ахеменидской державе существовали различные правовые системы, истоки которых восходили к традиционным законодательствам тех или иных народов, находившихся в составе империи. В период царствования Дария I велась интенсивная работа по кодификации законов покоренных народов. В частности, действующие в различных странах законы были приведены к единообразию в масштабах данной страны, а в необходимых случаях и изменены в соответствии с политикой правящей династии.

Наша информация о правовых системах различных частей Ахеменидской державы крайне отрывочна. Благодаря большому количеству частноправовых документов мы наиболее осведомлены о вавилонской юридической практике. Этой проблеме посвящено обстоятельное исследование французского ученого Г. Кардашиа (1951) о функционировании делового дома Мурашу в Ниппуре во второй половине V в. до н. э. Как показано в его монографии, при Ахеменидах вавилонское право достигло своего наивысшего расцвета. Оно стало образцом для правовых норм Ближнего Востока и начало распространяться на Запад. Но при персах вавилонское частное право существенно не изменилось, хотя многие государственные учреждения подверглись иранскому влиянию, и в юридических документах начиная с V в. до н. э. встречается много иранских терминов. Но необходимо отметить, что ахеменидская администрация в общении с населением Вавилонии придерживалась местного права, и персы, которые стали принимать активное участие в деловой жизни страны, руководствовались вавилонскими законами.

Храмовые чиновники некоторых вавилонских городов (например, верховный жрец в Сиппаре) были наделены огромной судебной властью, которая распространялась не только на лиц храмового персонала, но и на другие слои населения. Однако приговоры храмовых судей могли быть обжалованы в царском суде, и в решении важных дел храмовые судьи подчинялись царским. Царский суд обычно состоял из коллегии от пяти до семи человек.

Члены царской семьи и многие персидские вельможи, владевшие в Вавилонии обширными имениями, располагали собственной судебно-административной властью.

В ахеменидское время египетское право впервые вступило в контакт с вавилонским и стало испытывать его влияние. По мнению польского историка права Р. Таубеншлага, египетское право заимствовало много элементов вавилонской юриспруденции. Однако некоторые ученые считают, что пока нет бесспорных данных, свидетельствующих о влиянии вавилонского права на египетское.

Судя по частноправовым документам, в египетском праве в ахеменидское время существенных изменений не произошло. Высшая судебная власть в стране принадлежала персидскому сатрапу.

Еврейские военные колонисты на острове Элефантина в основном пользовались привезенным со своей родины Иудеи правом, на которое вавилонские и египетские законы оказали определенное воздействие. Однако в исследовании вопроса о влиянии клинописной традиции на арамейские документы, принадлежавшие еврейским колонистам, мнения ученых разошлись. Историк права Р. Ярон полагает, что, хотя в арамейских документах заметно египетское влияние, именно клинописная правовая традиция оказала решающее воздействие на возникновение арамейского формуляра. Он считает, что это была сирийско-ханаанская ветвь клинописной традиции, а нововавилонская традиция не оказала существенного влияния на правовую сторону арамейских документов. Другого мнения придерживается И. Муффс, полагая, что, хотя арамейские писцы Элефантины и приняли некоторые египетские элементы, они включили их в правовую систему, которая восходила к новоассирийской и нововавилонской традициям.

Основной отраслью производства в большинстве стран Древнего Востока было сельское хозяйство. В исторической науке неоднократно высказывалось мнение, что при Ахеменидах царь, по крайней мере теоретически, считался юридическим собственником всей земли в державе. Однако, судя по источникам, в ахеменидское время еще не существовало

теории о верховной собственности на землю. Во всяком случае землю свободно, без разрешения царской администрации, продавали, закладывали, дарили и т. д. В Египте, по-видимому, были несколько иные порядки, чем в большинстве других регионов державы. Как полагал французский египтолог русского происхождения М. Малинин, частная собственность на землю существовала в Египте лишь в форме уступки прерогатив на определенных условиях.

Много внимания историки уделили исследованию рабства в Иране и других частях державы. В этой связи было обстоятельно рассмотрено положение работников царского хозяйства в Иране, которые назывались *курташ* (букв. «домашний раб»). «Таблички крепостной стены» фиксируют, в частности, выдачу им натуральной платы — зерном, мукой, баранами, вином и пивом — в 509–494 гг. до н. э., а «таблички сокровищницы» отмечают выплату серебра и продовольствия этим работникам в 492–458 гг. Курташ составляли прежде всего ремесленники, которые строили Персеполь со всеми его дворцами: каменотесы, мастера по дереву, плотники, кузнецы, ювелиры, скульпторы, а также пастухи, виноделы и пивовары и т. д. В этническом отношении курташ состоял в основном из представителей покоренных персами народов: египтян, вавилонян, лидийцев, карийцев, согдийцев и др.

Относительно их юридического статуса в литературе высказывались противоречивые мнения. В частности, В. Хинц полагает, что курташ были военнопленными, обращенными в рабов. В. О. Тюрин видел в курташ низы свободного населения персов, потерявших свои земельные наделы и в большинстве по экономическим причинам или принудительно работавших в хозяйствах царей и знати. Согласно Дж. Камерону и Э. Шмидту, часть курташ — свободные персидские ремесленники, остальные же прибыли в Иран из других стран. И. М. Дьяконов, наоборот, считает, что основная масса курташ состояла из рабов, среди которых могли быть свободные общинники, привлеченные в порядке повинности на царя. Это предположение, в частности, аргументируется тем , что более трех тысяч человек не могли работать на царя по найму, учитывая слабую развитость арендных отношений в персидском обществе. По мнению венгерского исследователя Я. Харматты, курташ были полусвободные люди, посаженные на царской земле. Как можно заключить из эламских, вавилонских и арамейских документов, по своему составу и юридическому положению курташ не были однородны: часть их эксплуатировалась как рабы, а остальные были полусвободные люди. Кроме того, среди курташ были и лично свободные люди из низов персидского общества.

По сообщению Геродота (VI, 42), вскоре после подавления восстаний 522–521 гг. до н. э. Дарий I установил новую систему государственных податей. Земля была точно измерена и классифицирована по роду насаждений или же по величине урожая. Все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные для каждой области денежные подати серебром, установленные с учетом обрабатываемой земли и степени ее плодородности на основе среднего урожая за несколько лет в соответствии с кадастрами по отдельным областям. Это сообщение Геродота подтверждается вавилонскими текстами, датированными царствованием Дария I и содержащими указания на площадь, плодородие тех или иных полей и количества деревьев на них. Поскольку самые ранние из этих кадастров относятся к третьему году правления Дария (519 г. до н. э.), по-видимому, именно этим временем следует датировать его налоговую реформу.

Геродот (III, 97) также утверждает, что персы как господствующий народ были освобождены от податей. Однако это утверждение не следует принимать безоговорочно. По-видимому, персы не платили денежных налогов, но не были освобождены от натуральных податей. Во всяком случае, «документы крепостной стены», датированные временем Дария I, свидетельствуют о сдаче мелкого скота и зерна населением Юго-Западного Ирана в качестве государственных податей.

Техника сбора таких податей лучше всего известна по документам архива делового дома Мурашу, функционировавшего в Вавилонии во второй половине V в. до н. э. В этом архиве сохранилось большое количество квитанций об уплате налогов серебром и натурой (ячменем, мукой, мелким скотом, пивом и т. д.).

В начале XX в. немецкий ученый Э. Коталла высказал мнение, что члены дома Мурашу были не частными лицами, а агентами персидского царя по откупу податей и что государственная администрация собирала налоги не непосредственно с населения, с а помощью откупщиков. Коталла полагал, что дом Мурашу выплачивал подати в царскую казну заранее, а затем собирал их с налогоплательщиков, как это позднее делали и римские откупщики податей. При этом Коталла ссылался на тот факт, что Мурашу часто выплачивали налоги с земли, которая не принадлежала им самим. Такое мнение было поддержано акад. В. В. Струве, немецким ассириологом Б. Мейсснером и многими другими исследователями, которые были склонны полагать, что сдача податей на откуп практиковалась персидскими царями не только в Вавилонии, но и в других странах их державы.

Однако в 1951 г. французский историк клинописного права Г. Кардашиа, тщательно изучив документы архива Мурашу, отверг мнение об от-

купе податей. Как известно, откупщики податей собирали налоги по поручению центральной власти, приобретая у государства монополию на откуп. Они выплачивали государству заранее установленную сумму податей и лишь затем взимали ее с налогоплательщиков. Хотя дом Мурашу постепенно сосредоточил в своих руках право на сбор податей в значительной части центральной Вавилонии, персидская администрация вовсе не стремилась к такой практике. Дом Мурашу платил подати за других лиц лишь на частноправовой основе по желанию самих налогоплательщиков и при этом отправлял их не прямо в казну царя, а выдавал соответствующие суммы им самим, чтобы они внесли их в казну. При этом необходимые для уплаты податей суммы дом Мурашу получал не с самих налогоплательщиков, а путем продажи продуктов сельского хозяйства, которыми обычно расплачивались налогоплательщики со своими кредиторами. Поскольку подать надо было платить серебром, землевладельцам часто приходилось занимать деньги у ростовщиков, закладывая свои земли, что в конечном счете приводило к разорению налогоплательщиков. Однако Мурашу или другие подобные им дельцы не выполняли функций откупщиков податей, и в Ахеменидской державе откупа податей не существовало.

Исследование политической истории. Отечественная школа изучения древнеперсидских надписей восходит к В. И. Абаеву, посвятившему этому предмету ряд статей. Для систематического знакомства с текстами этих надписей большое значение имеет также книга И. М. Оранского «Введение в иранскую филологию» (1988). Подробная библиография и тексты древнеперсидских надписей содержатся в труде американского ученого Р. Кента (1953). До сих пор не потеряла своего значения монография немецкого ассириолога Ф. Х. Вейссбаха, в которой даны транскрипции и переводы древнеперсидских, эламских и вавилонских вариантов ахеменидских надписей, опубликованных до 1911 г. Определенную ценность сохраняет также свод древнеперсидских надписей, изданный Э. Херцфельдом в 1938 г.

История образования Ахеменидской державы исследована в книге М. А. Дандамаева «Иран при первых Ахеменидах» (1963). В другой книге того же автора «Политическая история Ахеменидской державы» (1985) дано изложение персидской государственности на всем протяжении ее существования. На эту же тему проведено исследование американским историком А. Т. Олмстедом, опубликовавшим в 1948 г. «Историю Персидской империи». Истории и всем аспектам культуры ахеменидского

времени посвящены сравнительно недавно изданные 2-й том «Кембриджской истории Ирана» (1985) и 4-й том «Кембриджской древней истории» (1988). Эти же проблемы освещаются в «Очерках истории Древнего Ирана» (1955) М. М. Дьяконова, а также в книгах Р. Фрая «Наследие Ирана» (1972) (перевод с английского) и Дж. Кука «Персидская империя» (1983) (на английском языке). До сих пор сохраняют некоторое значение 3–5-й тома «Истории древности» (1902) крупнейшего немецкого историка Э. Мейера, посвященные отношениям Ирана с греческими государствами.

Тщательный анализ греческих источников о войне персов с мидийцами содержится в статьях И. В. Пьянкова.

В современной научной литературе насчитываются десятки книг и статей, посвященных Греко-персидским войнам, написанные главным образом специалистами по истории Древней Греции. Среди них особого внимания заслуживает монография американского ученого А. Р. Бэрна, рассматривающего греко-персидские отношения в 546–478 гг. до н. э. с учетом всей основной предшествующей литературы по этим проблемам. В частности, заслуживает внимания представленный им анализ вооруженных сил воюющих сторон в Греко-персидских войнах. По утверждению Геродота (VII, 184), в армии персидского царя Ксеркса во время похода на Грецию в 480 г. до н. э. насчитывалось 1 700 000 пехотинцев, 80 000 всадников на конях и 20 000 — на верблюдах, колесничие, а также экипажи 1207 боевых кораблей и вспомогательные войска — всего 5 283 220 человек. По мнению Бэрна, Геродот, считая, что в армии Ксеркса было около 2 100 000 воинов, удвоил эту цифру, поскольку полагал, что поваров, конюхов и женщин, следовавших с войском, было не меньше, чем строевых воинов. По Геродоту, в корпусе царской гвардии насчитывалось 10 000 человек, а в остальных корпусах — по 60 000. Однако Бэрн полагает, что персидская армия, подобно корпусу дворцовой гвардии, была организована по десятичной системе, и, следовательно, в каждом корпусе насчитывалось 10 000 человек. Путем таких подсчетов он приходит к выводу, что в армии Ксеркса было 200 000 человек. Но такое большое по тем временам войско невозможно было сосредоточить в каком-либо одном месте из-за трудностей со снабжением.

Рассказывая о битве при Платеях в 479 г. до н. э. — одном из решающих сражений Греко-персидских войн, — Геродот (IX, 29–30) пишет, что всего при Платеях находилось 110 000 эллинских воинов, а в армии их противников, которой командовал Мардоний, насчитывалось 300 000 человек. По поводу достоверности этих цифр мнения ученых значительно расходились. Согласно Бэрну, ключ к определению численности персидской ар-

мии при Платеях дают размеры приблизительно квадратного поля площадью около 900 акров (1 акр равняется примерно 0,4 га), где эта армия располагалась, — место, в 12–14 раз превышающее площадь римского лагеря, вмещавшего один легион. Исходя из таких подсчетов, можно предположить, что в персидском войске было около 60–70 тысяч человек, из которых конница составляла не более 10 000. Бэрн склонен полагать, что объединенная греческая армия численно превосходила персидскую. Таким образом, в решающих сражениях силы сторон были приблизительно равны, к тому же греки имели в своем распоряжении лучшее вооружение, чем персы, и превосходили последних в военном искусстве и технике.

Различным проблемам Ахеменидской державы посвящен сборник статей советских ученых «История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства» (под редакцией Б. Г. Гафурова. М., 1971).

Особо следует упомянуть одиннадцать томов «Ахеменидской истории» (в основном на английском языке), опубликованных в 1987–1990 гг. В них представлены результаты международных симпозиумов под руководством голландского специалиста по древней истории Хелен Санчиси-Веерденбург. В первом томе ставится вопрос: находилась ли Ахеменидская держава в состоянии упадка на протяжении последнего столетия ее существования, т. е. приблизительно в 450–330 гг. до н. э.? Историки, археологи, ассириологи, египтологи и библеисты отвергают уже устоявшийся в науке взгляд об упадке экономики, социальных институтов и культуры в позднеахеменидский период.

Перед авторами второго тома стояла другая задача — пересмотреть восходящую к античным историкам концепцию догматического изображения персидского государства. Эта эллиноцентристская концепция превалирует в науке более двух тысяч лет и в настоящее время не может дать удовлетворительных результатов. В данном томе рассматривается механизм греческой историографии, и особое внимание уделяется тем случаям, когда иранские и греческие источники противоречат друг другу.

В третьем томе обсуждаются теоретические аспекты методов изучения Ахеменидской державы.

Предметом четвертого тома является выяснение влияния центрального государства и его аппарата на социально-административную структуру завоеванных стран. В частности, Санчиси-Веерденбург пытается рассмотреть отношения между нижними и верхними ветвями административной структуры Ахеменидской державы. В связи с этим автор анализирует концепцию французского ученого П. Бриана об «этноклассовой

доминанте», согласно которой иранская аристократия, осевшая во многих завоеванных странах, составляла стержень, позволявший сохранять империю. Как правильно отмечает Санчиси-Веерденбург, эта иранская группа не могла оставаться неизменной и замкнутой в течение десятилетий, но должна была сама подвергаться влиянию происходивших в обществе процессов. Кроме того, сил иранских аристократов было бы совершенно недостаточно, чтобы держать огромную державу под эффективным контролем. Этот контроль мог быть осуществлен скорее благодаря тем социально-экономическим структурам, которые складывались в течение столетий еще до персидского завоевания и позднее были сохранены ахеменидской администрацией.

В пятом томе прослеживаются корни европейской традиции в изучении Ахеменидской державы и ее влияние на развитие самой европейской историографии. Необходимо отметить, что многие современные представления о Древней Персии часто восходят к взглядам ученых, которые жили несколько столетий назад, и противоречат современному состоянию наших знаний, а потому должны быть пересмотрены. Остальные шесть томов этой серии в основном посвящены изучению различных аспектов культур народов Ахеменидской державы.

Что же касается отдельных регионов Ахеменидской державы, то история среднеазиатских и закавказских сатрапий исследована В. В. Струве в книге «Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии» (1968), политическая история позднего Египта рассмотрена Ф. К. Киницем, Палестины — К. Галлингом и И. П. Вейнбергом.

С 1985 г. началось издание монументальной «Иранской энциклопедии», в которой дается современное представление о самых различных аспектах археологии, истории, культуры, религии, философии и литературы народов, населяющих Иранское плато, Среднюю Азию и Кавказ с древнейшего времени и до наших дней. К настоящему времени издано десять объемистых томов (Encyclopedia Iranics / Ed. Ehsan Yarshater. N. Y., 1985–2001. Vol. I–X).

Изучение древнеиранских религий. Европейская наука стала интересоваться зороастризмом, самой крупной теологической системой древнеиранских племен, еще со времен Аристотеля и других греческих философов. В XX в. продолжалась интенсивная полемика относительно места и времени возникновения зороастризма. Наиболее приемлемым представляется предположение, что Зороастр, создатель названной по его имени религии, жил не позднее VII в. до н. э., по всей вероятности,

в Систане (на территории современного Афганистана) или прилегающих к нему областях. К такому мнению пришли независимо друг от друга И. М. Дьяконов и итальянский ученый Дж. Ньоли. Последний, в частности, отмечает, что лишь названный регион детально описан в авестийской географии. Дж. Ньоли указывает также, что, судя по находкам итальянских археологов, на территории Систана, начиная от бронзового века до ахеменидского периода, было широко распространено разведение крупного рогатого скота, о котором постоянно упоминается в Авесте — священной книге зороастрийцев.

Авеста — памятник многослойный. Ее древнейшие части (Гаты) по форме и содержанию сильно отличаются от остального текста. Они написаны в стихотворной форме и являются проповедями самого Зороастра. Наибольшая по объему часть Авесты — так называемая Младшая Авеста. Составление ее ядра началось, по-видимому, приблизительно через двести лет после смерти самого Зороастра, в последней четверти V в. Многие произведения младоавестийской литературы относятся к еще более позднему, послеахеменидскому времени. С момента своего возникновения в результате долгого развития зороастризм пережил сложную эволюцию. Учение Зороастра нашло отражение в Гатах, многие отрывки из которых составлены в форме ответов бога Ахурамазды на обращенные к нему вопросы Зороастра. Согласно Гатам, последний получил от Ахурамазды миссию обновить религию, после чего порвал с древними верованиями. Зороастр осуществил кардинальную религиозную реформу, возвестив веру только в одного Ахурамазду и его конечную победу. Этот бог (в греческой передаче Ормазд), по учению Зороастра, единственный всемогущий бог добра, олицетворяющий свет, жизнь и правду. Он существовал еще до сотворения мира и является его создателем. Но с самого начала наряду с Ахурамаздой был и дух зла Ангхро Манью (в греческой транскрипции Ариман), олицетворяющий мрак и смерть. Вместе со своими помощниками он творит зло. Ахурамазда непрерывно борется с Ангхро Манью и в этой борьбе опирается на своих помощников, которые являются воплощением добромыслия, правды и бессмертия (триада зороастрийской этики). Человек создан Ахурамаздой, но свободен в выборе между добром и злом и потому открыт для воздействия духов зла. Своими мыслями, словами и делами он должен бороться против Ангхро Манью и его помощников.

Еще в IV в. до н. э. началась философская разработка зороастрийского учения о борьбе добра и зла, результатом чего явился зрванизм. Согласно этому учению, добрый дух Ахурамазда и злой дух Ангхро Манью

являются сыновьями-близнецами «Бесконечного времени» — бога времени Зрвана. Каждый из этих духов обладает равной силой и поэтому правит миром по три тысячи лет, после чего в течение следующих трех тысяч лет между ними будет происходить борьба.

До сих пор ученые расходятся в трактовке проблемы религиозной принадлежности ахеменидских царей. В западной науке Э. Мейер, Р. Кент, А. Т. Олмстед и некоторые другие ученые считают Ахеменидов зороастрийцами; Г. Виденгрен, Ж. Дюшен-Гийльмен, Дж. Камерон отрицают идентичность религии Ахеменидов с зороастризмом. В отечественной науке В. И. Абаев и И. М. Дьяконов называют ахеменидских царей зороастрийцами, а по мнению В. В. Струве, их религия отличалась от зороастрийской.

Публикация в 1969 г. эламских «текстов крепостной стены» из Персеполя вновь вызвала оживленную полемику по этому вопросу. Одни ученые полагают, что новые данные свидетельствуют о зороастризме Ахеменидов; другие же, наоборот, утверждают, что последние не были зороастрийцами, и персепольские тексты отнюдь не способствуют пересмотру такой точки зрения. Например, по мнению французского ученого Э. Бенвениста, персепольская ономастика не содержит никаких следов зороастрийского влияния. По мысли английского ираниста И. Гершевича, этот вопрос вообще пока надо оставить открытым. Согласно немецкому исследователю В. Хинцу, в Персии и Эламе около 500 г. до н. э. кроме местных эламских культов существовали персидская народная религия и новая зороастрийская вера, которую поддерживал Дарий I, но которая еще не была господствующей.

Однако такие разногласия в трактовке данного вопроса зачастую вызваны тем, что Авеста — памятник многослойный, и между ее различными частями имеются существенные противоречия. Как отмечает И. М. Дьяконов, необходимо различать учение самого Зороастра, религию, которая нашла отражение в Младшей Авесте, и официальную веру в Иране сасанидского времени. В VI–V вв. в Иране зороастризм еще не стал догматической религией с твердо зафиксированными нормами, и поэтому появлялись различные модификации нового религиозного учения. Исходя из таких предпосылок, можно полагать, что религия ахеменидских правителей была одной из форм раннего зороастризма.

Для мировой иранистики 90-е годы — это прежде всего время появления обобщающих трудов и комплексных проектов по истории Ирана в древности. После издания в 80-х гг. 2–3 тт. Cambridge History of Iran, посвященных истории Ирана от мидийской до сасанидской эпохи, здесь следует особо отметить продолжение издания фундаментальной Encyclo-

paedia Iranica и многотомной серии Proceedings of the Achaemenid History Workshop (Лейден, на базе Нидерландского института востоковедения, изд. Amelie Kuhrt и Helen Sancisi-Weerdenburg; XI том вышел в 1998 г.), всесторонне разрабатывающей вопросы истории державы Ахеменидов. Продолжаются источниковедческие штудии; в частности, регулярно издается Corpus Inscriptionum Iranicarum (L.), а в Чикагском университете под руководством M. W. Stolper'a осуществляется проект полного компьютерного представления и обработки эламских хозяйственных документов из Персеполя.

Литература

Элам

Хинц В. Государство Элам. М., 1977.

Юсифов Ю. Б. Элам. Социально-экономическая история. М., 1968.

Amiet P. Elam. Auvers-sur-Oise, 1966.

Cameron G. G. History of Early Iran. Chicago, 1936.

Carter E., Stolper M. W. Elam. Surveys of Political History and Archaeology. Berkeley; Los Angeles; L., 1984.

König F. W. Die elamischen Königsinschriften (Archiv für Orientforschung, Beiheft 16). Graz, 1965.

Stolper M. W. Texts from Tall-i Malyan: Elamite Administrative Texts. Philadelphia, 1984.

Steve M.-J. Ville royale de Suse 7. Nouveaux mélanges épigraphiques de Suse et de la Susiane (Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran, t. LIII). Nice, 1987.

Мидия

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

Алиев И. Г. История Мидии. Баку, 1960.

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.

Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л., 1956.

Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

Cameron G. G. History of Early Iran. N. Y., 1936.

Ghirshman R. Perse. Proto-iraniens. Mèdes, Achéménides. P., 1962.

König F. W. Älteste Geschichte der Meder und Perser. Lpz., 1934.
Sancisi-Weerdenburg H. Was there ever a Median Empire? II Kurt A. — Sancisi-Weerdenburg H. (eds.). Achaemenid History III. Method and Theory. Leiden, 1988. P. 197–212.
Vanden Berghe L. Archéologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959.

Ахеменидская держава

Авеста. Избранные гимны / Пер. И. М. Стеблин-Каменского. М., 1993.
Абаев В. И. Антидэвовская надпись Ксеркса // Иранские языки. Тр. Ин-та языка и мышления АН СССР. 1945. Т. 1. С. 134–140.
Абаев В. И. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и Антидэвовская надпись Ксеркса // Вестн. древней истории. 1963. № 3. С. 113–118.
Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987.
Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1983.
Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971. С. 122–154.
Дьяконов М. М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
Пьянков И. В. Образование державы Ахеменидов по данным античных источников // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. С. 83–93.
Пьянков И. В. Борьба Кира II с Астиагом по данным античных авторов // Вестн. древней истории. 1971. № 3. С. 16–37.
Струве В. В. Аренда податей в государстве Ахеменидов // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.; Л., 1939. С. 245–248.
Уилбер Д. Персеполь. М., 1977.
Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
Achaemenid History / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg. Leiden, 1987–1998. Vol. I–XI.
Brian P. Hestoire de l'Émpire perse. Paris, 1996.
Burn A. R. Persia and the Greeks, the Defense of the West. C. 546–478 B. C., 1970.
Balcer J. M. A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and noble. Lewiston, 1993.

Cambridge Ancient History. Cambridge, 1988. Vol. IV: Persia, Greece and the Western Mediterranean. C. 525–479 B. C.

Cambridge History of Iran. Cambridge, 1985. Vol. II: The Median and Achaemenian Periods.

Cardascia G. Les archives des Murašû. P., 1951.

Cook J. M. The Persian Empire. L., 1983.

Galling K. Studien zur Geschichte Israels im persischen Zeitalter. Tübingen, 1964.

Cnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980.

Herzfeld E. Pasargadae. Lpz., 1908. «Klio» VIII.

Herzfeld E. Altpersische Inschriften. B., 1938.

Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968.

Kent R. G. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1953.

Kienitz F. K. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. B., 1953.

Malinine M. Un contrat démotique de société // Festschrift für S. Schott. Wiesbaden, 1968. P. 87–93.

Meyer E. Geschichte des Altertums. Stuttgart, 1939.

Muffs J. Y. Studies in the Aramaic Legal Papyri from Elephantine. Leiden, 1968.

Olmstead A. T. History of the Persian Empire. Chicago, 1948.

Schmidt E. F. Persepolis. Chicago, 1953–1970. Vol. 1–3.

Stronach D. Pasargadae. A Report on the Excavations Conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963. Oxford, 1978.

Dandamaev M. A. Iranians in Achaemenid Babylonia. Costa Mesa, 1992.

Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore; L., 1994.

Hoegeman P. Das alte Vorderasien und die Achaemeniden: Ein Beitrag zur Herodot-Analyse. Wiesbaden, 1992.

Humbach H. The Gathas of Zaratustra and other old Avestan Texts. Heidelberg, 1991.

Koch H. Achaemeniden-Studien. Wiesbaden, 1993.

Le Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table Ronde de Paris 12–13.12.1986 / Ed. par P. Briant et M. Herrenschmidt. P., 1989.

Malbran-Labat R. La version akkadienne de l'inscription de Darius a Behistun. Roma, 1994.

Petit Th. Satraps et satrapies dans l'empire achemenide de Cyrus le Gand a Xerxes Ier. P., 1990.

Vallat F. Les noms geografiques des sources suso-elamites (RGTC XI). Wiesbaden, 1993.

Vogelsang W. J. The Iranian Achaemenid Empire. Groningen, 1990.
Wieschoefer J. Die «dunklen Jahrhunderte» des Persis: Untersuchungen zu Geschichte und Kultur von Fars in fruehhellenistischer Zeit (330–140 v. Chr.). München, 1994.
Yaron R. Introduction to the Law of the Aramaic Papyri. Oxford, 1961.
Zawadski S. The Fall of Assyria and Median-Babylonian Relations in Light of the Nabopalassar Chronicle. Poznań, 1988.

Глава II

ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Изучение древней истории Средней Азии наряду с двумя основными историографическими направлениями — выявлением и систематизацией источников и интерпретацией исторического процесса — связано и с уточнением самого предмета исследования. Долгое время территория Средней Азии рассматривалась как часть ираноязычных областей, повествование об этом регионе в исторических трудах включалось в исследования по истории Ахеменидского государства и ему подобных крупных держав. Своеобразие культурного и исторического процессов на территории Среднеазиатского региона и Афганистана иногда заставляло говорить о «Восточном Иране» как об особом понятии. Отечественная наука рассматривает Среднюю Азию и ее древнюю историю как историю региона с особой судьбой и ярко выраженной спецификой. Разумеется, современные политические и административные границы не всегда соответствуют древним реалиям. Как справедливо отмечал М. М. Дьяконов (1954), в Средней Азии реки не разъединяют, а, наоборот, объединяют. Поэтому, например, древняя Бактрия представляет собой единое историко-культурное явление, хотя ныне ее районы расположены по обоим берегам Амударьи, являющейся государственной границей между Афганистаном и государствами Средней Азии.

Древняя история Среднеазиатского региона — это история располагавшихся здесь историко-культурных областей, на территории которых развивались древние государственные образования. Это история Бактрии (среднее течение Амударьи), Хорезма (нижнее течение Амударьи), Согда (бассейны рек Зеравшана и Кашкадарьи), Маргианы (бассейн Мургаба) и северной Парфии, или Парфиены (подгорная полоса Южного Туркменистана). В более северных областях, например, по течению другой крупной реки, Сырдарьи, развивались оседлые культуры, но там не сформировалось четко выраженных политических образований с такими по-

казательными внешними атрибутами, как письменность и регулярный монетный чекан. По границам оседлых оазисов располагались кочевые племена, объединявшие на территории Киргизии и Казахстана мощные группы людей, из которых наиболее известен сакский союз. Они играли существенную роль в древней истории региона, вступая в тесные взаимодействия со среднеазиатскими государствами. Учитывая современное политическое деление, в литературе говорится в целом о регионе Средней Азии и Казахстана.

Такова позиция, выработанная в современной науке. В дореволюционной литературе нередко о Средней Азии говорилось как о Западном Туркестане, в отличие от Восточного Туркестана, под которым понимались западные районы КНР, заселенные тюркоязычными народами. Под влиянием отечественной историографии и особенно впечатляющих открытий советскими археологами в Средней Азии древних культурных центров происходили изменения и в зарубежной историографии. Так, для названия областей между Амударьей и Сырдарьей, в Средние века именовавшихся Мавераннахром, иногда стал использоваться термин «Трансоксиана» [Frye, 1949]. В последние годы употребляется и термин «Средняя Азия» (Grenet, 1984); учитывая бытование в западной историографической традиции понятия «Центральная Азия», стало вводиться также понятие «советская Средняя Азия». Как бы то ни было, предмет исследования и его пространственные очертания приобрели устойчивое определение.

Историография как обобщенная форма отражения процесса познания связана с выявлением и систематизацией источников и интерпретационными подходами к пониманию исторического процесса. Важнейшим источником исторической информации, безусловно, являются различные письменные свидетельства — от сообщений античных авторов до материалов древних архивов и эпиграфических данных. В определенной мере к письменным источникам примыкают и нумизматические материалы, приобретающие при скудном освещении письменными свидетельствами политической и экономической истории особую ценность. Наконец, самым массовым источником являются археологические данные. Правда, следует иметь в виду, что, в отличие от письменных документов, археологические объекты, как правило, создавались не для хранения и передачи информации, а были лишь результатом или спутником тех или иных процессов, происходивших в древних обществах, и в первую очередь процессов культурогенеза. Поэтому требуется значительная осторожность в использовании материалов археологии для исторических реконструкций. Здесь очень важна критика самого источника, в первую очередь выяснение информационных возможностей определенных групп объектов или

памятников. Предложен ряд схем для процедуры исторической интерпретации конкретных фактов археологии, иногда излишне усложненных, но неизменно учитывающих этот опосредованный характер информации.

В интерпретационной части историографии на материалах Средней Азии развиваются три направления. *Первое* — это описательное изложение политической истории с определением основных направлений собственно исторических процессов. Для *второго направления*, время от времени возвращающего себе популярность, характерен скептический подход, иногда перерастающий в гиперскептицизм и агностицизм (так, Геродота одно время именовали не «отцом истории», а «отцом лжи»). Иногда он касается и других разделов историографии древнего мира. *Третье направление* можно назвать концепциональным, когда выдвигаются положения, связанные с определенным теоретическим и методологическим фундаментом и преследующие цель выявить закономерности исторического процесса, его движущие силы и внутренние причины.

С учетом вышеназванных аспектов можно выделить три больших периода в историографии Древней Средней Азии.

Первый период охватывает время с 1738 г., когда появилась первая публикация о Греко-бактрийском царстве, до конца 20-х годов XX в., когда в сферу научного исследования начал широко входить массовый археологический материал. С 20–30-х годов XIX в. в значительном объеме стала поступать нумизматическая информация, имеющая прямое отношение к древней истории Средней Азии. На интерпретационном уровне в этот период преобладали традиционные направления, исследующие политическую историю и историческую географию.

Второй период значительно более короткий — с конца 20-х годов до начала 50-х гг. XX в., что связано с нарастающей интенсификацией научных исследований в СССР, когда в сферу научных работ стали включаться все новые центры и многочисленные кадры ученых. Археология в это время впервые открыла материальную культуру древних обществ Бактрии, Согда, Хорезма и Парфии. Наряду с повествовательными историческими исследованиями появились концептуальные разработки, ориентированные на информационный подход и признание существования в Древней Средней Азии общества рабовладельческого типа.

Третий период начинается с открытия и дешифровки древних архивов — парфянского в Нисе и хорезмийского в Топрак-кале. Это придает исследованиям древней истории региона качественно новый характер, позволяя опираться на строго документированные материалы. Происходит количественный и качественный скачок в сфере археологической и нумизматической информации, осуществляется обработка археологических материалов, нацеленная на их историческую интерпретацию, как,

например, специальное изучение типов жилищ и поселений. В концептуальном плане наряду с попытками уточнения понятия рабовладельческого способа производства применительно к среднеазиатским обществам подчеркиваются слабые стороны такого подхода, нарастает активный агностизм к сфере социально-экономических отношений, на первый план выступают концептуальные разработки в сфере культурогенеза в широком понимании и прежде всего концепции урбанизации.

§ 1. Изучение древней истории Средней Азии в XVIII — начале XX в.

В первый период (1738 — конец 20-х годов XX в.) информация ограничивалась кругом письменных и нумизматических источников. Письменные материалы в данном случае — это те свидетельства о среднеазиатском регионе, которые сохранились в трудах греческих и римских историков и географов и были широко введены в сферу европейской исторической науки. Публикуются в переводах данные китайских хроник, характеризующие историю и культуру древних народов Средней Азии, прежде всего района Ферганы, именовавшейся в этих источниках Даванью, и кочевого объединения усуней, центр которого располагался в Северной Киргизии и на юго-востоке Казахстана. Следует отметить превосходное издание этих сведений русским востоковедом Н. Я. Бичуриным (в иночестве отец Иакинф) в трех томах под названием «Собрание сведений обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851). Этот труд был переиздан в 1950 г. и широко используется в отечественной науке, хотя в ряде случаев приводимая в нем транскрипция собственных имен не отвечает современному уровню синологии. Термин «Средняя Азия» в этом трехтомнике понимается расширительно, подобно западноевропейскому термину «Центральная Азия», и основная часть приводимых сведений касается не столько среднеазиатского региона, сколько более восточных областей. Из западных китаистов большую работу по выявлению и переводу сведений китайских источников проделал Э. Шаванн [Chavannes, 1907].

Подлинный скачок в первый период делает нумизматика. Путешественниками были собраны обширные коллекции древних монет в Афганистане и Северной Индии, некоторые монеты поступали и с территории собственно Средней Азии. Богатые коллекции были составлены на основе антикварных покупок, сделанных на рынках Индии. Однако из наиболее ранних обобщающих работ в этой области стал труд Г. Вильсона «Древняя Ариана» [Wilson, 1841]. Исключительно энергичную и результативную деятельность развил в этой сфере Александр Каннингам — первый

руководитель археологической службы Индии, заново открывший для мировой культуры многие сокровища индийского наследия, в частности сейчас всемирно известный Тадж Махал. А. Каннингам опубликовал серию статей, характеризующих монетное дело наследников Александра Македонского, включая правителей Греко-Бактрии, а затем и монетное дело кушанских правителей. Для Древней Средней Азии особое значение имеет его статья «Монеты тохаров, кушан или юечжи», где названы основные типы монет, связанные с древней историей этого региона, — как подражательные серии, так и оригинальные эмиссии.

К концу XIX в. стали появляться и полные каталоги нумизматических коллекций, до настоящего времени являющиеся надежным источником соответствующей информации. Здесь можно отметить труд английского нумизмата Перси Гарднера «Каталог индийских монет в Британском музее. Греческие и скифские правители Бактрии», изданный в Лондоне в 1886 г. [Gardner, 1886]. Помимо нумизматической систематики развернутое введение дает четкую картину политической истории Греко-Бактрии, греко-индийских владений и Кушанской державы с привлечением сведений письменных источников.

Интерпретация этой информации, содержащаяся в письменных источниках и нумизматических коллекциях, как правило, не выделяла особо среднеазиатский регион. Происходившие здесь события характеризовались в общей связи с историей Ирана и Индии. Исключение, пожалуй, составила Греко-Бактрия, наиболее восточный форпост эллинистической цивилизации, вызывавшей восхищение еще древних историков. Именно с ее изучения начинается историография Древней Средней Азии. Член Петербургской академии Г. З. Байер в 1738 г. опубликовал труд по истории Греко-бактрийского царства [Bayer, 1738], положивший начало обширной историографической традиции (см., например, Rawlinson, 1912). Детально исследовались события, происходившие в Средней Азии в связи с походом Александра Македонского. Важное значение имели разработки по исторической топографии и географии, основанные на анализе данных античных источников, арабских географов и других сведениях. Здесь следует указать на классический труд Томашека, посвященный среднеазиатскому Междуречью [Tomaschek, 1877]. Подобный принцип исследования характерен и для других работ, в частности, таковым является талантливый энциклопедический труд И. Маркварта под названием «Эраншахр» — с многочисленными историко-лингвистическими экскурсами и эссе, освещающий ряд вопросов древней истории южных областей Средней Азии [Marquart, 1901].

Но подлинным основоположником изучения истории Средней Азии как особого раздела древней истории стал замечательный русский ученый

В. В. Григорьев (1816–1881). Его три обширные статьи «Греко-бактрийское царство» (1867), «О скифском народе саках» (1871) и «Поход Александра Македонского в Западный Туркестан» (1881) представляют, по сути, своего рода мини-монографии. Опубликованные на русском языке частично в «Журнале Министерства народного просвещения» [Григорьев, 1867; 1881], они, к сожалению, остались вне поля зрения западных ученых, хотя в 40–60-х годах XX в. по достоинству были оценены отечественными исследователями. По существу к этим исследованиям примыкает обширный комментарий, составленный В. В. Григорьевым к русскому переводу книги К. Риттера «Землеведение. Кобулистан и Кафиристан». Этот комментарий соединяет историко-географический подход и изучение политической истории. Работы В. В. Григорьева помимо полноценного анализа известных к тому времени письменных и других источников отличают трезвость исторического подхода и разумность суждений, хотя иногда и не лишенных резких выпадов в адрес западных исследователей. По существу, именно этими исследованиями началось изучение собственно Среднеазиатского региона как исторического субъекта, а не историко-географического фона для деяний Александра Македонского или правителей из династии Ахеменидов или Селевкидов. В. В. Григорьевым был предложен и соответствующий термин для названия этого региона — «Западный Туркестан».

Из других отечественных исследователей следует отметить ориенталиста В. В. Бартольда, посвятившего несколько работ древнему периоду Средней Азии. Это небольшая статья о границах Греко-Бактрии (1916) и очерк, связанный с выявлением особенностей так называемого восточно-иранского эпоса, характеризующего эпическую традицию обитателей Среднеазиатского региона, увидевший свет в 1922 г. [Бартольд, 1963, II]. Древнейшему периоду посвящен специальный раздел и в книге В. В. Бартольда, рассматривающей культурную жизнь Туркестана (1927). Однако ни по объему привлекаемых источников, ни по уровню исторического синтеза эти работы не идут ни в какое сравнение с монументальными бартольдовскими трудами, посвященными средневековой эпохе.

В первый период деятельность в сфере археологии носила во многом любительский и краеведческий характер и преимущественно была связана с памятниками Средневековья. Заметную активность здесь проявлял находившийся в Ташкенте туркестанский кружок любителей археологии, но его деятельность лишь незначительно затронула памятники предисламского времени. В 20-е годы археологическая активность заметно возросла, археологические памятники стали изучаться более целенаправленно и профессионально. Однако культуры, да и целые цивилизации Древней Средней Азии оставались неизвестными науке.

Таким образом, в течение первого периода были выявлены и систематизированы материалы письменных и нумизматических источников, послужившие основой для изучения древней истории региона; успешно разрабатывались вопросы исторической географии; освещалась политическая история, в первую очередь эпохи Александра Македонского и Греко-бактрийского царства; был очерчен предмет региональной истории, определенный как древняя история Западного Туркестана.

§ 2. Исследования 30–50-х годов XX в.

Во второй период (начало 30-х годов — конец 40-х годов XX в.) происходят качественные изменения в информационном банке и вырабатывается концепциональный подход к освещению древней истории Средней Азии. Фонд письменных источников за это время не претерпел существенных изменений, хотя и не все его возможности результативно использовались исследователями. Вместе с тем предпринимаются издания тематических подборок сведений античных авторов (например, обзор материалов по древней Бактрии, подготовленный в Самарканде Савицким [Савицкий, 1941]. В 1940 г. в Ташкенте был даже выпущен сборник данных письменных источников, представленных в выборках и озаглавленный «Древние авторы о Средней Азии» [Древние авторы..., 1940]. Хотя уровень, а иногда и качество вновь сделанных переводов не отвечали строгим требованиям современного источниковедения, материалы сборника широко использовались исследователями, особенно не владевшими древними языками. Хотя потребность в таких изданиях, как монументальный компендиум В. В. Латышева «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» весьма велика, соответствующая работа не проведена и до настоящего времени.

Изменения в области нумизматики носили скорее качественный, чем количественный характер. По существу, основные типы монет греко-бактрийских, парфянских, кушанских правителей и представителей более мелких династий были выявлены уже в первом периоде. С конца 20-х годов в Средней Азии осуществляется тщательная работа по учету монетных находок и их точной паспортизации, которая проводится М. Е. Массоном [см., например, Массон М., 1933]. Это позволило более обоснованно подойти к исторической интерпретации нумизматических материалов. Таковы исследования А. Н. Зографа о монетах правителя Герая, относящихся к предкушанскому времени [Зограф, 1937], и М. Е. Массона о так называемых монетах «безымянного царя» — одного из ярких представителей раннекушанской эмиссии [Массон М., 1950].

В археологическом источниковедении решающим рубежом стало открытие в 1932 г. в Айртаме, на берегу Амударьи, на территории древней Бактрии каменного фриза буддийского монастыря кушанского времени [Массон М., 1933]. Произведенные раскопки установили наличие в этом месте монументальной постройки, украшенной каменными скульптурными группами, были обнаружены также кушанская керамика и кушанские монеты [Массон М., 1935]. Так впервые был открыт археологический комплекс древней эпохи. В результате в среднеазиатской археологии возникло новое направление — *археология древних цивилизаций*. Открытия следовали одно за другими. Организационно их обеспечивали два вида мероприятий: крупные экспедиции и подготовка кадров, сопровождавшаяся формированием новых научных центров, в первую очередь в республиках самой Средней Азии. Одной из первых крупных археологических экспедиций стала Термезская археологическая комплексная экспедиция, начавшая в 1936 г. широкие работы на юге Узбекистана, в районе Термеза — важного городского центра древней эпохи. С 1938 г. развернули широкие работы Хорезмская экспедиция под руководством С. П. Толстова в низовьях Амударьи на территории древнего Согда, Зеравшанская экспедиция под руководством А. Ю. Якубовского, в южных областях Казахстана широкомасштабные изыскания проводит экспедиция под руководством А. Н. Бернштама. Такие экспедиции в значительной мере стали и центрами подготовки кадров археологов нового поколения.

Эти кадры готовились в разных центрах и на основе различных научных традиций. Именно к 30-м годам восходит формирование трех школ среднеазиатской археологии — Ленинградской, Ташкентской и Московской. Их представители и поныне успешно ведут археологические изыскания в регионе и обеспечивают интерпретационные разработки среднеазиатской древности.

Ленинградская школа сложилась на традициях петербургского востоковедения и блестящих восточных коллекциях Эрмитажа. Уже в ходе раскопок в Средней Азии ее представители овладели спецификой археологии. В их трудах широко представлен анализ привлекаемых в подлинниках письменных источников, историко-культурные экскурсы по торевтике и другим видам художественных изделий. Наиболее крупным представителем этой школы является ученик В. В. Бартольда А. Ю. Якубовский. В этом же русле работали М. М. Дьяконов, А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам.

Ташкентская школа сформировалась на основе традиций туркестановедения, тесно связанного с изучением собственно среднеазиатских археологических памятников в сочетании с разработкой письменных источников, в значительной мере и местных архивов, содержащих средневековые

рукописи и документы. Этот стиль работы развивал В. В. Вяткин. Ташкентская школа выработала специфические приемы археологических раскопок применительно к местным условиям, разработала такие направления, как изучение топографии древних городов, история горного дела, большое внимание уделяла нумизматике, учету местных легенд и преданий. Фактическим создателем этой школы был М. Е. Массон, активными сотрудниками первого поколения — Я. Г. Гулямов, В. А. Шишкин, В. Д. Жуков, А. И. Сухарев. В 1940 г. при Среднеазиатском государственном университете в Ташкенте М. Е. Массоном была создана кафедра археологии Средней Азии, выпускники которой на многие десятилетия образовали надежный состав структуры археологической науки Средней Азии.

Вокруг С. П. Толстова стала группироваться *Московская школа* среднеазиатской археологии, для которой характерно стремление к историко-культурным обобщениям с широким использованием данных этнографии как модели для аналогии, выход на теоретические, хотя и несколько социологизированные обобщения.

Одновременно с ростом кадров происходит и формирование новых научных центров, и прежде всего в Ташкенте. Группы археологов-профессионалов складываются в Самарканде и Ашхабаде, определенная работа проводится в Душанбе и Алма-Ате. Частые организационные перестройки, типичные для 20–30-х годов, не способствовали проведению четкой организационной работы. С образованием республиканских академий наук (1943 г. — в Узбекистане, 1946 г. — в Казахстане, 1951 г. — в Туркменистане, Таджикистане и Киргизии) в них формируются специальные археологические отделы, как правило, в составе институтов истории. В послевоенные годы продолжается деятельность крупномасштабных экспедиций. В 1949 г. М. Е. Массоном была создана Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, работающая до настоящего времени (ЮТАКЭ). В 1947 г. А. Ю. Якубовский возглавил Согдийско-Таджикскую (позднее — просто Таджикскую) археологическую экспедицию. Продолжается деятельность Хорезмской экспедиции и экспедиций, возглавляемых А. Н. Бернштамом.

Эти организационные усилия обеспечили успехи археологических изысканий. Работы на Айртаме и Термезе впервые выявили материальную культуру Кушанской эпохи. М. М. Дьяконов, работая в составе Согдийско-Таджикской экспедиции, произвел раскопки в Кобадиане на юго-западе Таджикистана, где была разработана стратиграфия, охватившая период с середины I тыс. до н. э. до IV–V вв. н. э. [Дьяконов, 1953]. В. В. Григорьев, организационно связанный с Зеравшанской экспедицией, в ходе раскопок на Тали-Баарзу под Самаркандом наметил последовательность археологических комплексов для древнего Согда. В конце 40-х годов тща-

тельные археологические исследования на городище древнего Самарканда — Афрасиабе — позволили А. И. Тереножкину существенно дополнить и уточнить эту стратиграфию [Тереножкин, 1950]. Это были важные шаги в систематизации и организации археологического материала. В Хорезме С. П. Толстовым археологические комплексы были выделены на основе сопоставления разновременных памятников, и его фундаментальная книга «Древний Хорезм», обобщившая эти материалы, долгое время являлась важнейшим пособием среднеазиатских археологов [Толстов, 1948]. Уже в первой половине 30-х годов археологи Ашхабада произвели раскопки на городище Ниса, ими был открыт комплекс парадных строений, найдены детали архитектурного декора и обломки глиняных скульптур парфянского времени. В широких масштабах и на новом методическом уровне исследования Нисы продолжены с 1946 г. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией. В результате этих исследований, длившихся два десятилетия, были раскрыты остатки монументальной архитектуры, в царской сокровищнице обнаружена великолепная коллекция художественных ритонов из слоновой кости, а неподалеку — хозяйственный архив, ставший одной из вех в становлении нового этапа изучения древней истории Средней Азии.

С этим скачком в информационном банке и с усилением теоретических разработок в отечественной исторической науке связаны и успехи в области исторической интерпретации древней истории Средней Азии, которыми характеризуется *второй период*.

В сфере интерпретации уже в 30-е годы формулируются два важных положения — четко определяется предмет исследования (древняя история народов Средней Азии и Казахстана) и появляются первые концептуальные разработки. Во второй период продолжает использоваться и традиционный, описательный подход к рассмотрению древней истории с определением основных направлений исторических процессов. Здесь необходимо отметить прежде всего работы К. В. Тревер, и в первую очередь ее капитальную монографию, продолжающую тематику изучения Греко-Бактрии [Тревер, 1940], и исследование по эпохе походов Александра Македонского [Тревер, 1947]. Эти труды, основанные на анализе письменных источников, отличаются привлечением данных и по материальной культуре, правда, пока в основном из музейных собраний.

Важное значение имел фундаментальный труд английского историка В. Тарна «Греки в Бактрии и Индии», первое издание которого вышло в 1938 г. [Tarn, 1938]. Тщательный текстологический анализ письменных источников ученый сочетает с данными нумизматики. Однако само исследование осталось преимущественно фактологическим, многие заключения по политической истории, предложенные автором, были оценены

учеными как малообоснованные. Отечественные исследователи оперативно отозвались на этот труд рецензией С. П. Толстова «Подъем и крушение империи эллинистического "Дальнего Востока"» [Толстов, 1940]. Помимо других замечаний в рецензии особый акцент был сделан на оценку событий эпохи Александра Македонского и его преемников. Здесь во главу исследования ставилась борьба народов Средней Азии против завоевателей и поработителей, что отражало определенную предвзятую установку, восходящую к тенденции политизации исторической науки. При таком подходе вычленение предмета региональной истории, имеющего право на самостоятельное существование наряду с историей государства Ахеменидов и Аршакидов, приобретало характер нарочитого противопоставления разных культурных традиций, приводило к стремлению упрощенно рассматривать всю историю народов Древней Средней Азии только как успешную борьбу с иноземными захватчиками. Еще более негативную роль сыграло столь же нарочитое стремление обязательно проводить в научных трудах так называемую линию борьбы с паринанизмом, пантюркизмом и вообще с буржуазной историографией, неизменно представляемой в качестве монстра, принижающего достижения среднеазиатских народов. Крайние формы эта тенденция приняла в конце 40-х — начале 50-х годов, в пору развернувшейся идеологической кампании, проходившей под лозунгом борьбы с космополитизмом. Хотя для древней истории Средней Азии и ее кадров это не имело трагических последствий, но потенциально стало питательной средой местничества и национализма в оценке исторических событий.

В 1940-х годах наметилось оживление в изучении древней истории Средней Азии накануне вхождения ее в состав Ахеменидской державы и связанных с ним событий. Этим сюжетам посвятил несколько этюдов В. В. Струве, выполнивший их с филигранной методикой анализа письменных источников и их исторической интерпретации [Струве, 1946; 1948; 1949; 1968].

Принципиально важным явлением в историографии Древней Средней Азии стало применение методологического подхода, основанного на теории формаций. В 30-х годах после многочисленных дискуссий историки остановились на схеме из пяти социально-экономических формаций, и этот подход порой в догматизированной форме распространялся на все ее сферы. В среднеазиатской историографии главным проводником этой концепции стал С. П. Толстов.

Отправным пунктом была взята позиция В. В. Струве, выступившего в ряде работ с тезисом о наличии на Древнем Востоке рабовладельческой формации. С. П. Толстов попытался приложить этот подход к среднеазиатским материалам, выступив в общих чертах с этой концепцией еще

в 1938 г. [Толстов, 1938], а затем в наиболее развернутой и яркой форме и, что более важно, с привлечением археологических материалов — в 1948 г. в книге «Древний Хорезм». Опираясь на материальную культуру и типы расселения, ученый обосновал положение о существовании в Средней Азии общества, которому присущи «основные черты древневосточного социального строя и древневосточных цивилизаций» [Толстов, 1948, с. 342]. Кризис этой системы, по заключению автора, приходится на V в. н. э. и сопровождается не только изменениями в сфере материальной культуры, но и сменой типов поселений, выдвижением на первый план усадеб и замков вместо угасающих городов. Ограниченность, а точнее, отсутствие необходимых материалов предельно затрудняло конкретную социально-экономическую характеристику этого общества. Экстраполируя в древность данные о поре раннего Средневековья и используя этнографические модели и теоретические выкладки, С. П. Толстов определяет строй рассматриваемой древней эпохи как «весьма примитивное в своей основе общинно-рабовладельческое общество с мощными пережитками родового строя» [Толстов, 1948, с. 342]. Принципиальное признание наличия в Древней Средней Азии особой эпохи, связанной с развитием рабовладельческих отношений или прямо рабовладельческой формации, было поддержано и развито на конкретных материалах всеми ведущими учеными и на многие десятилетия определило позиции авторских коллективов, создававших сводные труды по истории отдельных республик.

Таким образом, во второй период в число источников по изучению древней истории широко вошел археологический материал, полученный благодаря успешной деятельности крупных экспедиций и созданию на местах научных центров. Изучение древней истории стало прочно опираться на три вида источников: письменные свидетельства, нумизматические материалы и археологию.

В отечественной историографии прочно закрепляется определение предмета исследований: древняя история Средней Азии, понимаемая как особый историко-культурный регион и полноправный субъект исторического процесса; утверждается концепциональный подход, характеризующий древнюю эпоху как период развития отношений рабовладельческого типа.

§ 3. Проблемы древней истории Средней Азии в 60—90-х годах XX в.

Третий период начинается с открытия в ходе археологических работ древних архивов, что поставило изучение древней истории на качественно новый уровень. Первые парфянские документы в виде черепков крупных

сосудов с хозяйственными записями были обнаружены в 1948–1949 гг. на городище Новая Ниса, являющимся руинами парфянского города [Дьяконов и др., 1951]. Затем последовало открытие аналогичных документов в царской резиденции, остатки которой носят сейчас наименование Старая Ниса [Дьяконов, Лившиц, 1960], а общее число документов достигает почти трех тысяч. Одновременно при раскопках столичного центра Хорезма городища Топрак-кала было найдено около 150 документов на коже и дереве [Толстов, 1958], изучение и дешифровка которых заняли не одно десятилетие [Лившиц, 1984]. Таким образом, древние общества Средней Азии в полный голос заговорили на своем собственном языке, причем это были не литературные сочинения, а подлинные документы, историческая ценность которых огромна. Третий период в историографии Средней Азии продолжается до настоящего времени.

В этот период происходит заметный прогресс в изучении письменных источников, число которых увеличивается благодаря археологическим открытиям. В историографии Средней Азии получает распространение жанр тщательного текстологического анализа греческих и римских сочинений с выяснением первоначальных источников и их информационной надежности. Таковы прежде всего исследования И. В. Пьянкова — его работы о Ктесии (1975) и Мараканде-Самарканде по письменным источникам (1972). Ученый последовательно продолжал эти разработки, монументальным итогом которых стала его работа «Средняя Азия в античной географической традиции», защищенная в 1984 г. в качестве докторской диссертации и до сих пор, к сожалению, полностью не опубликованная [Пьянков, 1984]. Такой подход при анализе источников (как письменных свидетельств, так и данных эпиграфики) используют Г. А. Кошеленко (1979) и В. П. Никоноров (1987, 1990).

Но подлинный скачок, собственно и определивший начальную грань периода, произошел в изучении местных письменных источников. Таковы прежде всего остатки архива парфянской Нисы, представляющие собой документы хозяйственного учета, где фиксируются налоговые поставки с виноградников с указанием года поступления, типа обложения, имени чиновника и некоторых других сведений. Эти документы дали ценный материал по структуре административного деления Парфии, дворцовому хозяйству [Дьяконов, Лившиц, 1960], по распространению в парфянской среде зороастрийских традиций. В настоящее время выходит полное издание этих документов [Corpus Inscriptionum Iranicorum, 1976–1977].

При последующих работах на Нисе были обнаружены и остраки с записями иного рода, в частности о запасах муки. Раскопки парфянских памятников установили широкое распространение практики составления подобных документов — они были обнаружены на крупной усадьбе [Лив-

шиц, 1980], а различные тексты, включая надписи на сосудах, указывающие имя и статус владельца, найдены в Мерве [Лившиц, 1990] и даже на парфянской крепости Игда-кала, расположенной на Узбое, почти в центре Каракумской пустыни [Лившиц, 1978].

Еще более важным по содержанию оказался архив хорезмийской Топрак-кала. В нем обнаружены документы, написанные на дереве и коже, иногда, правда, от них сохранились лишь отпечатки на глине. Они содержали списки членов домовой общины, составлявшиеся, видимо, в фискальных целях, и упоминали имена довольно многочисленных рабов, входивших в эти структуры [Лившиц, 1984]. Интересную информацию представляли и надписи, сделанные на керамических костехранилищах — оссуариях [Лившиц, 1970].

К сожалению, пока не обнаружено подобных документов в Бактрии, где практика использования остраков, видимо, не привилась, а характер культурного слоя, в отличие от Хорезма, не способствует сохранению органических остатков. Здесь известен целый ряд как бактрийских,так и индийских надписей на сосудах преимущественно из раскопок двух крупных буддийских монастырских комплексов в округе Термеза — Кара-тепе и Фаяз-тепе. На одном из городищ найдены и обрывки документов на коже. Важным открытием явилось обнаружение при раскопках Айратама, с которого начиналось изучение археологии древних обществ, строительной надписи кушанского времени, выполненной не курсивом, как представлены тексты на сосудах, а так называемым монументальным письмом.

В области нумизматики в третий период, как и во второй, информационная база пополнялась находками, сделанными в ходе археологических работ или обнаруженными при случайных обстоятельствах, но пространственно документированными. Эти материалы публиковались как в отдельных статьях, так и в виде небольших каталогов [Ртвеладзе, Падаев, 1981]. В виде каталога были изданы кушанские монеты из собрания Государственного Эрмитажа [Зеймаль, 1967]. Специальная публикация была посвящена монетам среднеазиатского междуречья [Зеймаль, 1978], многие новые материалы вошли в книгу Е. В. Зеймаля, названную «Древние монеты Таджикистана» [1983], но, по существу, охватившую в той или иной степени весь Среднеазиатский регион за исключением Парфии и Хорезма. Монеты Хорезма были обстоятельно опубликованы и проанализированы в книге Б. И. Вайнберг (1977). Важным шагом в пополнении источниковой базы стала дешифровка местных легенд на монетах Хорезма, Согда и Маргианы, выполненных арамейским алфавитом. Дешифровка проделана В. Хёнингом и В. А. Лившицем.

Точная паспортизация монет позволила выделить ряд локальных чеканов, что особенно важно для предкушанской Бактрии, политическая

история которой освещена всего лишь несколькими фразами китайских хроник и античных географов [Массон В., 1957; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1971; Давидович, 1976]. Работы в Маргиане и особенно в самом городе Мерве выявили в 50-х годах местный парфянской чекан [Массон М., 1955; Массон В., 1957], что затем на более обширных материалах было подробно проанализировано В. Н. Пилипко (1980). Наряду с использованием нумизматических материалов для изучения политической истории был поставлен вопрос о значении этого источника для изучения древней экономики [Массон В., 1955].

Важнейшим источником по истории доахеменидской Средней Азии, безусловно, являются авестийские тексты. Правда, с этими текстами некоторые исследователи обращаются несколько прямолинейно, используя к тому же не подлинник, а переводы, отражающие разный уровень состояния иранистики. В этом отношении большое значение имеют обзор и интерпретация этих сведений, данные В. А. Лившицем и С. Н. Соколовым в первом томе «Истории таджикского народа» [История..., 1963, с. 137–235]. Важным вкладом в источниковедение явилась публикация переводов авестийских текстов, сделанных и прокомментированных И. М. Стеблин-Каменским [Авеста, 1990].

Рост археологических знаний является одной из ярких черт третьего периода. И дело здесь не только в размахе исследований, по существу завершивших предварительное составление археологических карт (хотя подобная публикация такой карты была осуществлена лишь для Казахстана). В этот период определяющими становятся проблемно-целевые экспедиционные работы, давшие ценные конструктивные результаты. С 80-х годов расширяется международное сотрудничество, проводятся международные симпозиумы — советско-американские в Бостоне и Самарканде, посвященные цивилизациям древневосточного типа [Древние цивилизации..., 1985], и советско-французские (четыре — в Средней Азии и два — в Париже), материалы которых также публикуются в двух странах [Взаимодействия..., 1989; L'archéologie de la Bactria..., 1985, L'Asie Centrale..., 1989; Nomades et sédentaires..., 1990; Городская культура..., 1987].

Осуществляются совместные советско-французские раскопки на Афрасиабе — древнем городище Самарканда, японские ученые принимают участие в изучении кушанских памятников Бактрии, советско-английская экспедиция продолжает прежнее исследование древнейшего, относящегося к VI тыс. до н. э. земледельческого поселения Джейтун в Южном Туркменистане.

Весьма результативными стали многолетние раскопки эталонных памятников. Таковы работы ЮТАКЭ в Древнем Мерве, по материалам которых издано семь томов трудов ЮТАКЭ (т. XI, XII, XIV, XV, XVI, XVII,

XIX), раскопки хорезмской экспедицией на Кой-крылган-кале и Топрак-кале [Кой-крылган-кала, 1967; Топрак-кала, 1984], уже упоминавшиеся исследования Афрасиаба, изучение Ер-кургана — столицы Южного Согда, раскопки северобактрийских памятников — Дальверзина, Тахти-Сангина, Зар-тепе и др. Детальное изучение стратиграфии позволяло более четко во времени организовывать археологический материал. Для эпохи энеолита и бронзы здесь следует отметить хронологическую колонку Намазга-тепе, где было выделено шесть комплексов (Намазга, I–VI), для предахеменидского и ахеменидского времени — работа на Яз-депе в Маргиане с обозначением ставших эталонными комплексов Яз I–III [Массон В., 1959]. Детально разрабатывались вопросы стратиграфии на Ер-кургане; уточнялась периодизация, предложенная для Афрасиаба А. И. Тереножкиным. Исследования в Бактрии также позволили выделить комплексы, представляющие развитие культуры с III–II вв. до н. э. по V в. н. э., заметно уточнив схему, предложенную М. М. Дьяконовым на материалах Кобадиана.

Из целевых многолетних археологических работ можно отметить три направления. *Первое* — это изучение памятников эпохи бронзы на юге Туркменистана, приведшее к открытию цивилизации древневосточного типа Алтын-депе [Массон В., 1981а]. Близкие очаги высокоразвитой культуры урбанизированного облика были затем обнаружены в Северной и Южной Бактрии [Аскаров, 1973; 1977; Сарианиди, 1977]. Своеобразным центром культур этого типа оказалась и Маргиана. В результате выявился местный культурный пласт второй половины III–II тыс. до н. э., на основе которого происходило дальнейшее развитие региона. Средняя Азия была введена в круг процессов древневосточной истории, обнаружены ее тесные связи с обществами Месопотамии и Древней Индии (Хараппа).

Второе направление связано с изучением типов поселений, их классификацией и выходом на пространственное размещение. Такая работа была проделана для древней Бактрии [Ртвеладзе, Хакимов, 1973; Массон В., 1976] и в особенно широких масштабах — для Ташкентского оазиса [Буряков, 1982], где были широко представлены все памятники от древней эпохи до зрелого Средневековья. Это направление позволило более глубоко изучить внутреннюю динамику древних обществ и конкретно проанализировать процессы урбанизации.

Третье направление связано с ограниченностью материалов по социально-экономической истории Древней Средней Азии, где догматическое применение теории формаций вело к тавтологическим построениям. Поэтому особое внимание было обращено на специальное исследование сельских поселений с широкими, а в ряде случаев сплошными раскопками памятников разных типов. Для Хорезма такая работа была проделана

Е. Е. Неразик (1976), для кушанской Северной Бактрии — Ш. Пидаевым (1978), для Парфиены — В. Н. Пилипко (1975). Поселения середины I тыс. до н. э. подобным образом изучались А. С. Сагдуллаевым (1987). Эти данные имеют немаловажное значение для анализа аграрных отношений древней эпохи. Формирование и развитие новых научных центров, рост объема полевых исследований сопровождались мероприятиями по координации научных изысканий и объединению усилий в этих важнейших направлениях. С этой целью с 1970 г. проводился ряд проблемно-тематических совещений, большое значение имела публикация четырех выпусков общесреднеазиатского издания «Успехи среднеазиатской археологии» (1972–1979).

Столь заметные сдвиги в информационном базисе сопровождались и новым уровнем интерпретационных разработок, где, правда, доминанта ярких археологических материалов и слабое значение источников в подлинниках несколько перепрофилировало работы по собственно древней истории. Получают распространение историко-археологические или историко-нумизматические труды в отличие от собственно исторических работ, построенных с привлечением археологического и нумизматического материалов, но подчиняющих их в первую очередь решению исторических задач. Так, можно отметить работу Б. Я. Ставиского, посвященную кушанской Бактрии, в которой бóльшую часть занимают вопросы археологического или культурологического характера [Ставиский, 1977]. Интересная книга Б. И. Вайнберг по хорезмийской нумизматике фактически представляет собой очерк по политической истории Хорезма, но по жанру не является историческим исследованием [Вайнберг, 1977]. Специальные вопросы истории земледелия и аграрных отношений рассмотрены в очерках, посвященных Туркменистану [Массон В., 1971]. Жанр историко-географических штудий получил продолжение в обзоре сведений о Памире, составленном А. М. Мандельштамом (1957). Историческая информация об ахеменидской эпохе, которую можно извлечь из авестийской традиции, удачно обобщена И. М. Дьяконовым (1971).

Исторические разработки стимулировали стремление к созданию итоговых исторических трудов, посвященных отдельным среднеазиатским республикам. Первым таким трудом стала книга «История народов Узбекистана» (1-е изд. — 1950 г.), в которой главы по древнему периоду были написаны К. В. Тревер [История народов Узбекистана, 1950]. Здесь широко представлены данные античных источников, историческая же информация, содержащаяся в полученных к тому времени археологических материалах, использована лишь частично. В ходе подготовки истории Туркменской ССР М. Е. Массоном был составлен развернутый очерк, посвященный парфянскому периоду [Массон М., 1955]. Описательное

направление в историографии Древней Средней Азии в третьем периоде в принципе сохранялось, но в республиканских историях 70–80-х годов оно выявилось описаниями археологических материалов.

Участие в работе по изучению истории и культуры Древней Средней Азии многих ученых, новые проблемы и направления стимулировали появление критических исследований, иногда предвзято обостряющих ситуацию, но, безусловно, способствующих более углубленному и всестороннему анализу. Такое положение создалось вокруг спорного вопроса кушанской хронологии, обзор которого в 1968 г. предложил Е. В. Зеймаль [Зеймаль, 1968]. Этот исследователь и В. Г. Луконин последовательно настаивали на так называемой длинной хронологии, создающей для послегрекобактрийского периода большие лакуны в нумизматических и археологических материалах. Формационный подход к изучению древней истории Средней Азии скептически отвергался в небольшой статье А. М. Беленицким (1970). Была предпринята попытка предложить и альтернативную концепцию. Е. В. Зеймаль определил среднеазиатские общества в междуречье Амударьи и Сырдарьи как «варварскую периферию», как этап, когда здесь начинала создаваться своя государственность, но продолжали сохраняться элементы жесткой родоплеменной организации [Зеймаль, 1985]. Сам термин «варварская периферия» навеян нумизматическими материалами, когда, например, в Согде ряд монетных групп подражал чекану Селевкидов и Греко-Бактрии. Однако появление на чекане местных согдийских легенд и другие признаки свидетельствуют о большом социально-политическом потенциале местного общества [Массон В., 1987]. Данный термин не проясняет социально-экономического содержания исследуемых структур.

Продолжая жанр историко-географических штудий, И. Н. Хлопин основное внимание сосредоточил на скептическом отношении к существующей традиции [Хлопин, 1983]. Разумный скептицизм, безусловно, способствовал поддержанию атмосферы творческого поиска и дискуссий.

В этой обстановке происходит дальнейшее развитие и концептуального направления, которое становится более многогранным. Утвердившийся подход к Древней Средней Азии как к обществу, развивающемуся в рамках рабовладельческой формации, время от времени вызывал скептические выступления, особенно в устной форме. Разумеется, наиболее слабой стороной этого подхода была и остается скудость конкретных данных о социально-экономической структуре древних обществ. Ограниченные сведения о наличии рабов, причем, судя по терминологии, разных категорий и разного юридического статуса, вновь рассматривались Б. А. Литвинским [История таджикского народа, 1963]. Материалы архива Топрак-калы

показали, что в составе домовладений Хорезма находилось довольно значительное число домашних рабов. Однако удельный вес отраслей экономики, связанных с трудом лиц этой социальной категории, оставался неизвестным, что справедливо было отмечено критиками. Для обозначения общего характера эпохи был введен более осторожный термин: не «эпоха рабовладельческого общества», а «эпоха рабовладельческих отношений». Под воздействием разработок И. М. Дьяконова по аграрной истории Шумера применительно к древней истории Средней Азии стали говорить о ведущем значении труда общинников в сельском хозяйстве, о том, что рабский труд был не единственной и не преобладающей формой [Гафуров, 1972]. Однако специфический характер древней эпохи все отчетливее выступал в результате открытия новых археологических памятников, что привело к перемещению акцентов с бесперспективных (при данном состоянии источников) рассуждений вокруг понятия «рабовладение» на проблемы изучения культурных процессов и культурогенеза.

Это стало новым направлением в концепциональных разработках по древней истории Средней Азии. В свое время еще С. П. Толстов подчеркивал, что древнее общество Средней Азии сумело развить интенсивную городскую жизнь [Толстов, 1948, 342]. В 70-х годах этот вопрос был поставлен более широко — стали говорить об урбанизационных процессах в Древней Средней Азии [Литвинский, 1973; Массон В., 1973; 1974]. В этом процессе сам город был лишь нуклеарным средоточием, где вырабатывались культурные стандарты и эталоны, нормативы поведения и образа жизни, получившие затем широкое распространение. Изучение в кушанской Бактрии поселений городского типа и урбанизированной культуры позволило говорить о том, что кушанское общество представляло собой урбанистическую структуру [Массон В., 1976]. Во всяком случае, именно здесь лежала принципиальная грань, отделяющая древнюю эпоху от поры раннего Средневековья с ее замками и усадьбами как определяющим элементом поселенческого пейзажа. Было выдвинуто положение о двух периодах урбанизации в Древней Средней Азии — древневосточном, приходящимся на эпоху бронзы, и периодом, связанным уже с воздействием эллинистических моделей и эталонов, с городскими агломерациями, целенаправленно создававшимися под эгидой государственной власти.

В 80-х годах культурогенетические разработки получали все большее распространение. Так, первый советско-французский симпозиум, проходивший в 1982 г. в Душанбе, был посвящен проблеме взаимодействия традиций и инноваций. На конкретных материалах ставились вопросы культурной интеграции, спонтанной и стимулированной трансформации

[Masson, 1985; Массон В., 1987]. Изобилие археологических материалов, прямо выводящих исследователей на культурные стандарты и эталоны, делает это направление весьма перспективным.

Для концепциональной оценки эпохи Александра Македонского и эллинизма важное значение имеют разработки Г. А. Кошеленко, суммированные им в книге «Греческий полис на эллинистическом Востоке» [Кошеленко, 1979]. Примитивная дихотомия завоевателей-разрушителей и героев местного сопротивления была здесь заменена трезвым историческим анализом. Доказывалось, что греческая колонизация носила массовый характер и что восточно-эллинистический полис стал важным элементом эллинистических государств.

Как уже отмечалось, заметное место в историографии Древней Средней Азии занимают истории отдельных республик, как правило, многотомные и неоднократно переиздаваемые. Так, история «Народов Узбекистана» уже в 1955 г. была переиздана под названием «История Узбекской ССР», а новое издание, усилившее археологическую тематику, но обеднившее историческую интерпретацию, вышло в 1967 г. Переиздавалась «История Казахской ССР», ее последнее издание (1977) содержит обширную систематизированную информацию о культурах древних кочевников на территории республики. В 1984 г. вышло последнее по времени издание «Истории Киргизской ССР». Значение всех этих публикаций двояко: с одной стороны, происходила концентрация средств и усилий на тематике обобщающего характера, осуществлялись целевые разработки, которые должны были вывести на существенные обобщения и заключения; с другой — следование современному административному делению приводило к повторам, ограниченности, а иногда и к идеологическим накладкам. Складывалась парадоксальная ситуация: именно отечественная наука вычленила с подобающей четкостью предмет древней истории Средней Азии как самостоятельного феномена истории древнего мира, раскрывающего судьбы целого региона, и именно советская историография благодаря установке на историю отдельных республик (которые, строго говоря, начинают свою историю в современных границах с 1924 г., а то и позже) разрывала реальные исторические связи, делила формально древние цивилизации. Попытка создания региональной многотомной истории Средней Азии и Казахстана, предпринятая в 70-е годы под руководством А. Л. Нарочницкого, была заморожена прохладным отношением к этому начинанию разного рода политиканов.

Подспудно назревал и другой, потенциально весьма опасный аспект, который можно проследить уже по заглавиям обобщающих трудов, публиковавшихся в отдельных республиках. Такие видные историки, как К. В. Тревер и А. Ю. Якубовский, назвали свой труд, изданный в 1950 г.,

«История народов Узбекистана». Но уже в 1949 г. была опубликована книга Б. Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении». Эта линия получила продолжение в многотомной «Истории таджикского народа», авторами которой были крупные специалисты, фактически обобщившие в первом томе все имевшиеся к началу 60-х годов материалы по древней истории Средней Азии. Но древняя этническая ситуация по существу осталась мало раскрытой, видимо, в силу установки, выраженной в заглавии. То же относится и к книге Гафурова, выпущенной в 1972 г. — «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» [Гафуров, 1972]. Между тем исторический подход к этногенетическим проблемам весьма важен. Этническая преемственность, преемственность культурного наследия — важнейшая линия исторического развития, особенно в зоне оседлых оазисов, базирующихся на искусственном орошении, что в сильнейшей мере стимулировало фактор стабильности. Однако сама этническая ситуация, состав народов, особенно если учитывать такой важнейший показатель, как самоназвание, в различные эпохи был различным. В Древней Средней Азии как устойчивые этносоциальные организмы формировались бактрийская, парфянская, хорезмийская и согдийская народности [Массон В., 1981; 1990]. Но этот процесс оказался затушеванным в республиканских историях. Однако подобная тенденция, частично связанная с политизацией гуманитарных наук, отнюдь не была преобладающей. Фактически авторы сводных трудов, печатавшихся в отдельных республиках, проделали важную работу по историческому синтезу, и лишь общие заглавия их книг могут создать впечатление об искусственном разрыве древнего историко-культурного региона. Многие сводные труды прямо говорят о Средней Азии в целом, как, например, книга Б. Я. Ставиского «Искусство Средней Азии» [Ставиский, 1974] или Э. В. Ртвелидзе «Древние монеты Средней Азии» [Ртвелидзе, 1987]. Раскрытие подлинной истории Среднеазиатского региона в свете выдающихся открытий археологии, современных разработок нумизматов и историков является главной заслугой отечественных ученых последних десятилетий.

Проблемы истории Средней (Центральной) Азии в древности в 1990-е гг. наиболее активно по-прежнему разрабатывались отечественными востоковедческими школами. При этом первая половина — середина 1990-х гг. стала здесь временем очередного подведения итогов: одна за другой вышли несколько обобщающих работ по истории региона, подготовленных ведущими отечественными специалистами в этой области (Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1990; *Вайнберг Б. И., Ставиский Б. Я.* История и культура Средней Азии

в древности. М., 1994; *Боровкова Л. А.* Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. М., 1989 (последняя работа наиболее масштабно привлекает материал китайских источников). Готовится к печати обобщающий труд И. В. Пьянкова по истории географии Древней Средней Азии). Выпущено также несколько обобщающих работ по истории субрегионов Средней Азии и Казахстана. В среднеазиатских странах СНГ при активном участии российских ученых издаются своды источников по истории соответствующих регионов в древности. Несмотря на организационные трудности, продолжается интенсивная археологическая деятельность (особо надлежит отметить раскопки в Маргиане).

Внимание зарубежных исследователей истории Центральной Азии традиционно было обращено преимущественно к территории современного Афганистана доисторической и эллинистической — постэллинистической эпох. И в зарубежной, и в отечественной историографии в 1990-х гг. особое развитие получило изучение проблемы трансиранских связей Средней Азии в III–II тыс. до н. э., ее ранних контактов с Месопотамией и Индией и возможной дравидской этнической окраски (не говоря о патриархе изучения данной темы К. К. Лемберг-Карловски, здесь следует назвать работы F. Vallat, И. И. Пейроса, В. И. Сарианиди и др.).

В 1994 г. было сделано ключевое открытие в области кушанской истории — найдена, опубликована и интерпретирована Рабатакская надпись Канишки (N. Sims-Williams, J. Gribb), существенно расширившая наши знания по политической истории кушан и наконец практически стабилизировавшая кушанскую хронологию. Не меньшее значение имело поступление в 1991–1995 гг. в научный оборот более ста весьма информативных документов некоего бактрийского архива (ныне большинство в частной коллекции Холили, Лондон), покрывающие огромный временной промежуток протяженностью в полтысячелетия (IV–VIII вв. н. э.).

Литература

Авеста. Избранные гимны / Пер. и комм. И. М. Стеблин-Каменского. М., 1993.

Аскаров А. Саппалитепа. Ташкент, 1973.

Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Бартольд В. В. Греко-бактрийское царство и его распространение на северо-восток // Изв. Имп. АН. Сер. 7. 1916. Т. X.

Бартольд В. В. Восточно-иранский вопрос // Изв. Росс. акад. истории материальной культуры. 1922. Т. II.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
Беленицкий А. М. О рабовладельческой формации в истории Средней Азии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1970. Вып. 122.
Бичурин И. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. Т. I–II.
Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1972.
Вайнберг Б. Н. Монеты Древнего Хорезма. М., 1977.
Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. М., 1949.
Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Материалы советско-французского коллоквиума. Самарканд, 1987.
Григорьев В. В. Греко-бактрийское царство // ЖМНП. 1867. Ч. CXXXVI.
Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.
Григорьев В. В. Поход Александра Македонского в Западный Туркменистан // ЖМНП. 1881.
Давидович Е. А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ. 1976. № 4.
Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.) // Хрестоматия / Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940.
Древние цивилизации Востока / Под ред. В. М. Массона. Ташкент, 1985.
Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира // История Иранского государства и культуры. М., 1971.
Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Документы из Древней Нисы. Дешифровка и анализ // Мат-лы ЮТАКЭ, М.; Л., 1951. Вып. 2.
Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н. э. // ВДИ. 1960. № 2.
Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниген (Кобадиан) // МИА. 1953. № 37.
Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. 1954. Т. XIX.
Зеймаль Е. В. Монеты великих кушан в Государственном Эрмитаже // Тр. ГЭ. Л., 1967. Т. IX.
Зеймаль Е. В. Кушанская хронология: материалы по проблеме. М., 1968.
Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока древнего и раннего Средневековья. Л., 1978.
Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Зограф А. Н. Монеты Герая. Ташкент, 1937.
История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. Т. I.
История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. Т. I.
История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. I.
История таджикского народа. С древнейших времен до V в. М., 1963. Т. I.
История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. I, кн. 1.
Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
Кой-крылган-кала. Памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. М., 1967.
Лившиц В. А. Хорезмийские надписи на оссуариях с некрополя Миздахкан // Ягодин В. Н., Ходжанов Т. К. Некрополь Древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
Лившиц В. А. Новые парфянские надписи из Туркмении // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
Лившиц В. А. Парфянские остраки из Коша-депе // СА. 1980. № 4.
Лившиц В. А. Документы // Топрак-кала. Дворец. М., 1984.
Литвинский Б. А. Древний среднеазиатский город // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973.
Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и памирских областей (с древнейших времен до X в. н. э.) // Тр. АН ТаджССР. 1957. Т. LIII.
Массон В. М. К вопросу о чекане юечжийской Бактрии // Изв. Отд. общ. наук АН ТаджССР. Душанбе, 1957. Вып. 14.
Массон В. М. Восточно-парфянский правитель Санабар // Тр. ГИМ. 1957. Вып. XXIV. Нумизматический сборник. Ч. 2.
Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
Массон В. М. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений // Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971.
Массон В. М. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974.
Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология. Бактрийские древности. Л., 1976.
Массон В. М. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана // Общественные науки в Узбекистане. 1981. № 6.
Массон В. М. Алтын-депе // Тр. ЮТАКЭ. Т. XIX. Л., 1981.
Массон В. М. Взаимодействие разноуровневых традиций в городской культуре Бактрии и Согда // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
Массон В. М. Культурогенез и этногенез в Средней Азии и Казахстане в древнюю эпоху // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1990.

Массон М. Е. Находки фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Ташкент, 1933.

Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930–1931 гг. Ташкент, 1933.

Массон М. Е. Скульптура Айртама // Искусство. 1935. № 2.

Массон М. Е. Происхождение безымянного «царя царей великого спасителя» // Тр. Среднеазиатского гос. ун-та. 1950. Ташкент, 1950. Вып. XI.

Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Тр. ЮТАКЭ. Т. V. Ашхабад, 1955.

Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // Из истории жилища и семьи. М., 1976.

Никоноров В. П. Вооружение и военное дело в Парфии: Автореф. канд. дис. Л., 1987.

Никоноров В. П. Маргиана и Мерв в античной историографии. Мерв в древней и средневековой истории Востока: Тез. докл. Ашхабад, 1990.

Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.

Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Герры-кяриз. Ашхабад, 1975.

Пилипко В. Н. Парфянские монеты со знаком П под луком // ВДИ. 1980. № 4.

Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Новые находки античных монет из Правобережной Бактрии // ВДИ. 1971. № 4.

Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Душанбе, 1972.

Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия: Текст, перевод, примечания. Душанбе, 1975.

Риттер К. Землеведение. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических замечаний и дополнил источниками, изданными в течении последних тридцати лет, издал В. В. Григорьев. СПб., 1867.

Ртвеладзе Э. В. Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987.

Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981.

Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Савицкий Г. И. Известия античных авторов о Средней Азии. Древняя Бактриана // Тр. Самарканд. гос. ун-та. 1941. Т. II. Вып. 4.

Сагдуллаев А. С. Усадьбы Древней Бактрии. Ташкент, 1987.

Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. Древний период. М., 1974.
Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. М., 1977.
Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
Тереножкин А. И. Согд и Чач // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. 1950. Вып. XXXIII.
Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1.
Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока» // ВДИ. 1940. № 3–4.
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. 1958. Т. II.
Топраккала. М., 1984.
Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940.
Тревер К. В. Александр Македонский в Согде // Вопр. истории. 1947. № 5.
Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972–1979. Вып. I–IV.
Хлопин И. Н. Историческая география южных областей Средней Азии. Ашхабад, 1983.
Боровкова Л. А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. М., 1989.
Вайнберг Б. И., Ставиский Б. Я. История и культура Средней Азии в древности. М., 1994.
Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997.
Древний Мерв в свидетельствах письменных источников. Ашхабад, 1994.
Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.
Пейрос И. И., Шнирельман В. А. В поисках прародины дравидов (лингвоархеологический анализ) // ВДИ. 1992.
Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. II.
Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия — Тохаристан. Очерки истории и культуры. М., 1990.
Пьянков И. В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени // ВДИ. № 3 (1996).
Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.
Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989.

Сариниди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
Sarianidi V. I. Recent Archaelogical Discoveries and the Aryan Problem // South Asia Archaeology, 1991. Stuttgart, 1993.
Sarianidi V. I. Margiana and the Indo-Iranian World // South Asian Archaeology. 1994. II. Helsinki, 1994.
Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М., 1991.
Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время (серия «Археология СССР»). М., 1990.
Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996.
Bactria and Ancient Oasis Civilisation from the Sands of Afganistan. Venezia, 1989.
Bernard P., Grenet F., Rapin C. De Bactres a Taxila // Topoi VII (1996).
Bopearachchi O. Monnaies Greco-Bactriennes et Indo-Greques. Catalog raisonne. P., 1991.
Дюринг-Касперс Э. Маргианско-бактрийский археологический комплекс и хараппское письмо // ВДИ. № 3. (1997).
L'Asie Centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'age du fer // Actes du colloque franco-sovietique. P., 1989.
L'archéologie de la Bactria ancienne // Actes du colloque franco-sovietique. P., 1985.
Bayer Th. Historia regni graecorum bactriani. Petropoli, 1738.
Chavannes E. Les pays d'accident d'apres le Heon Han chou // T'ang Pao. Leiden, 1907. T. VIII.
Corpus Inscriptionum iranicarum. // By I. M. Diakonoff and V. A. Livshits. L., 1976–1977. Part. II. Vol. II: Parthian Economic Documents from Nisa.
Cunningham A. Coins of Tochari // Numismatic Chronicle. Third Series. 1889. Vol. IX.
Frye R. Notes on the early coinage of Transoxiana. Numismatic notes and monographs. N. Y., 1949. № 113.
Gardner P. The Greek and Scythic kings of Bactria: Catalogue of Indian coins in the British Museum. L., 1886.
Grenet F. Les practiques funeraires dans l'Asie Central Sedentaire de la conquéte Greque á l'islamisation. P., 1984.
Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. 1901.
Masson V. M. La dialectique des traditions et des innovations dans développement culturel de le Bactriane // L'archéologie de le Bactriane ancienne. P., 1985.
Nomades et sédentaires en Asie Centrale // Actes du colloque franco-sovietique. P., 1990.
Rawlinson H. C. Bactria. The history of forgotten empire. L., 1912.
Tarn W. W. The Greaks in Bactria and India. Cambridge, 1951.

Tomaschek W. Centralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien, 1977.
Wilson H. Ariana Antiqua. L., 1841.
Francforth H. P. Foulles de Shortugai. Recherches sur l'Asie central protohistorique. I–II. P., 1989.
Hiebert F. T., Lamberg-Karlovsky C. C. Central Asia and the Indo-Iranian borderland // Iran 30 (1992).
Макдоуэлл Д. У. Династия Аза в историческом контексте // ВДИ III (1996).
Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ III (1997).
Sims-Williams N., Gribb J. A. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. IV. P., 1995–1996.

Глава III

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Развитие исторической науки во многом определяется характером сохранившихся источников. Хорошо известно, что, в отличие от Греции, Рима, Китая, в Индии не сложилось собственной историографической традиции. Огромную роль играло устное предание, эпическое творчество, в котором сказания древности причудливо сплетались с мифами. Лишь на Ланке в начале новой эры составлялись буддийские хроники, но их авторы мало что могли рассказать об индийской старине, кроме благочестивых легенд. В памятниках санскритской литературы бросается в глаза отсутствие исторического сознания.

Работу современного историка осложняет и то, что индийская эпиграфика относительно небогата и появляется поздно — с Маурийского времени. Общая канва политической истории выясняется по надписям с большим трудом. Археологические материалы и памятники изобразительного искусства становятся многочисленными лишь к началу новой эры. В этом отношении индолог находится совершенно в ином положении, нежели египтолог или ассириолог, имеющий в своем распоряжении бесчисленные статуи и стелы, глиняные таблички и папирусы, произведения каменного зодчества, создававшиеся на протяжении тысячелетий. Территория распространения древнеиндийской цивилизации огромна и разнообразна, но даже внешние черты быта в том или ином регионе по доступным источникам представляются современным исследователям несколько абстрактно.

Индия сберегла с древнейших времен обширную литературу и священный язык — санскрит. Проблема дешифровки никогда не стояла перед индологами столь остро, как перед специалистами по истории Ближнего Востока. На первый план здесь выходят иные трудности — текстологии, перевода, интерпретации. Дело в том, что сохранившиеся рукописи датируются, как правило, поздним временем и реконструкция истории текста представляет в е с ь м а сложную задачу. Произведения литературы сопровождались традиционными комментариями, но достоверность

последних каждый раз должна подвергаться сомнению. Проблема истолкования — одна из наиболее важных в санскритологии. Ученые пытаются обнаружить историческое развитие там, где сама культура стремится казаться совершенно неизменной. Поскольку речь идет о живых религиозных традициях, занятия древностью нередко приобретают особую актуальность. Они приковывают к себе широкое внимание, но в то же время в научных построениях проявляются тенденции современной общественной мысли. В этом отношении ситуация в индологии мало отличается от ситуации, сложившейся в истории библеистики.

В целом можно сказать, что основным объектом исследования доныне являлась не история как таковая, а культура Индии. Но и последняя, в силу особенностей источников, изучалась без четкой хронологии и часто неисторически.

Общение Южной Азии с античным миром не было столь интенсивным, как у стран Ближнего Востока, — поход Александра Македонского остался лишь отдельным, хотя и красочным эпизодом. Греки и римляне воспринимали Индию как сказочную землю, расположенную на самом краю Ойкумены. Образ страны диковинных зверей, невообразимых богатств и нагих мудрецов-праведников стал популярным в средневековой литературе («Роман об Александре», «Сказание об Индийском царстве»), повлияв на восприятие Индии в Европе.

В мусульманском мире сведений об индийской действительности было, естественно, больше. Еще в XI в. Абурейхан Бируни написал обширное сочинение об Индии. Оно было основано на знании санскритских текстов и отличалось удивительной беспристрастностью суждений о верованиях и обычаях чужого народа. Но этот труд не имел влияния на развитие европейской науки, да и в самой арабской литературе великий хорезмиец не нашел достойного продолжателя.

Новая информация об Индии появилась в Европе в эпоху великих географических открытий. Португальские и голландские путешественники старались дать описание нравов и обычаев народов далеких стран. Но к серьезному осмыслению даже того, что они видели собственными глазами, купцы и моряки, конечно, не были готовы. В «Космографии» XVI–XVII вв. включалась пестрая смесь сведений, почерпнутых из «Романа об Александре» и рассказов современных мореплавателей.

§ 1. Начало европейской санскритологии

Изучение Индии, как и других стран Востока, было начато христианскими миссионерами. Некоторые из них подолгу жили в Азии — в Индии, Китае, Тибете, Сиаме, обладали солидными познаниями и широким

кругом интересов. Сама необходимость общаться с местным населением побуждала их не только к овладению языками, но и к проникновению в традиционную культуру. Миссионеры знакомились с обычаями, религией и моралью туземцев для того, чтобы обратить их в христианство. Среди принимавших крещение они находили и тех лиц, от которых можно было получить необходимую информацию.

Такого рода сбор сведений мог осуществляться не только миссионерами. Например, в начале XVIII в. в Санкт-Петербурге востоковед Георг Якоб Кер опрашивал крещеного индийца из астраханской колонии Петра Ивановича Сунгура (Джава Притама Сухара) о языках и религии Индии. Эти сведения вошли затем в книгу Готлиба Зигфрида Байера «История Греко-бактрийского царства».

Христианские миссионеры обосновались преимущественно на южном побережье Индостана. Среди них особого упоминания заслуживают католик Роберто де Нобили и протестант Бартоломе Цигенбальг. Р. де Нобили (1577–1656) полагал, что доверие местного населения можно заслужить лишь соблюдением всех норм благочестия, принятых в стране. Он сам себя представлял учителем-гуру, принесшим индийцам учение утерянной ими веды. Недаром его называли «иезуит-брахман». Нобили свободно говорил по-тамильски и выучил санскрит, чтобы обращать индийцев словами их же собственного священного писания. В его сочинениях чувствуется восхищение мудростью индийских религиозных книг и их моралью (по мнению автора, близкой к христианской).

Сходные тенденции можно заметить и в трудах Б. Цигенбальга (1682–1717), основавшего миссию на Коромандельском берегу по поручению датского короля. Ему принадлежит первая в Европе грамматика тамильского языка и многочисленные описания Южной Индии (в «Малабарских письмах»). Но надо сказать, что в Европе к подобным работам относились с некоторым подозрением. В Ватикане Р. де Нобили обвиняли в отступлении от католической веры и пособничестве суевериям. Книгу Б. Цигенбальга «Генеалогия малабарских богов» не удалось даже напечатать. Автору было заявлено, что миссионеров посылают в Индию для того, чтобы они искореняли язычество там, а не для того, чтобы распространяли его здесь.

С миссионерской деятельностью связана и знаменитая подделка «Езурведам» — якобы перевод утерянной веды, содержавшей христианские идеи. Само название ее могло толковаться как «Веда Иисуса», одновременно напоминая слово «Яджурведа». Публикация «Езурведам» произвела большое впечатление на просвещенную Европу. Вольтер считал ее самой ценной из рукописей Востока и рассматривал как доказательство того, что христианские идеалы на самом деле гораздо древнее самого Хрис-

та. Он писал Фридриху Великому: «...наша святая христианская религия основана на древней религии брахманов». Отсюда и стих у А. Н. Радищева в «Песни исторической»: «Се потомки мудрых Брамов... по чреде хранят священной свой закон в Езурведаме буквой древнего Санскрита — древней славы их останка...».

Образованные миссионеры, занимавшиеся переводом христианских книг, давно уже обращали внимание на сходство звучания слов в латыни и в индийских языках, но дать этому объяснение не могли, и догадки подобного рода были скоро забыты. Их пересказы мифологических преданий, как правило, не были точны, но тем не менее они давали Западу первоначальное знакомство с индийской литературой. В Европу начинали поступать и рукописи, которые как редкости хранились в музеях и библиотеках, — таким образом создавалась база для последующей научной работы.

Большая часть написанного миссионерами, в том числе и первые грамматики санскрита, хранились в рукописных фондах библиотек, оставаясь недоступными читающей публике. В середине XVIII в. живший в Пондишери крещеный индиец Маридас Пиллаи выполнил перевод с тамильского «Бхагавата-пураны», где был упомянут царь по имени Чандрагупта. Эта книга попалась на глаза Жозефу де Гиню, автору многотомной «Истории турков, татар, гуннов и других восточных народов». Тамильская форма имени Сантракутта помогла ему отождествить этого царя с Сандракоттом, о котором античные авторы говорили как о современнике Александра Македонского. Но на это открытие, сделанное еще в 1772 г., тогда не обратили никакого внимания.

В XVIII в. французы и англичане проводили активную колониальную политику в Индии. Официальным языком державы Великих Моголов был персидский, давно известный в Европе. По персидским хроникам стала изучаться и история Индии. При некоторых из могольских правителей поощрялся интерес к религиозной литературе индуизма — в особенности к упанишадам. В подражание древним текстам при Акбаре была даже составлена «Аллах-упанишада». В середине XVII в. упанишады переложил на персидский язык принц Дара Шукух, умерщвленный вскоре своим братом Аурангзебом. С этой книги, называемой «Сирр-и-Акбар», т. е. «Великая тайна», и осуществил позднее латинский перевод знаменитый Анкетиль Дюперрон (1731–1805). Он сам вдохновлялся индийским идеалом мудреца, отрешившегося от мира. Два толстых фолианта его «Упнекхат» появились в начале XIX в., когда подобная работа должна была казаться уже неким анахронизмом. Однако именно по ней упанишады изучал Артур Шопенгауэр, а через него с индийской философией знакомилась образованная Европа.

Для научной индологии несравненно большее значение имели события, которые происходили в это время не в континентальной Европе, а в Индии — в Калькутте. Генерал-губернатор владений Ост-Индской компании Уоррен Хастингс стремился установить британское владычество на твердом основании мирного общения с туземцами. Он считал необходимым планомерное изучение покоренной страны и заботу о сохранении ее культурного достояния. С этой целью были основаны санскритские колледжи в Калькутте и Бенаресе (ныне — Санскритский университет г. Варанаси).

Местным жителям позволено было судиться по своим собственным законам: мусульманам — по обычаям ислама, индуистам — на основании санскритских шастр. Однако это приводило к тому, что судьи-англичане оказывались всецело в руках своих консультантов, а в случае противоречий между ними в толковании «закона» бывали просто беспомощны. По поручению британских властей ученые брахманы занялись составлением свода цитат из шастр — своего рода «Дигест». Этот «Кодекс индусского права» был переведен Натаниэлем Халхедом. Правда, санскрита последний не знал, ибо брахманы отказывались обучать священному языку чужеземца. Кто-то из индийцев толковал санскритский текст по-бенгальски, а бенгальский текст, в свою очередь, передавался по-персидски, и лишь после этого Н. Халхед осуществлял свой перевод «Кодекса» на английский язык. Так было положено начало изучению традиционного индийского права.

Под влиянием Н. Халхеда образованный купец Чарлз Уилкинс решил заняться санскритом, и Уоррен Хастингс отправил его в Бенарес — знаменитый центр традиционной учености; в результате появился первый перевод на европейский язык непосредственно с санскрита. В 1785 г. была опубликована «Бхагавад-гита» — один из наиболее почитаемых памятников индуизма. Позже В. Гумбольдт определил ее как «самую прекрасную и, может быть, единственную философскую поэму в мировой литературе». Книга получила известность в Европе, ее переводили с английского на другие языки. Вышел и русский перевод — «Багуат-гета, или Беседы Кришны с Аржуном», отпечатанный в 1788 г. в типографии Н. И. Новикова. Ч. Уилкинсу принадлежала и первая опубликованная в Европе грамматика санскрита.

Еще большее значение имела деятельность *Уильяма Джонса* (1746–1794), одного из блестящих представителей английской культуры конца XVIII в., друга Э. Гиббона, Д. Рейнолдса, Р. Шеридана. По образованию У. Джонс был филологом-классиком и правоведом, занимался также персидским, переводил и писал стихи. Свою грамматику персидского языка он послал У. Хастингсу, предназначая ее для чиновников Ост-Индской

компании. Вскоре ему была предложена должность судьи в Калькутте. Во время долгого плавания из Лондона в Бенгалию У. Джонс набрасывал знаменитый «Меморандум» — широкий план изучения стран Востока: их древней и современной истории, языков, административного устройства и естественных богатств. Но более всего его интересовали поэзия, религия и философия восточных народов. Естественно, что его мысли были обращены, главным образом, к Индии.

В 1785 г. по предложению У. Джонса в Калькутте было основано Азиатское общество — *первая в истории организация востоковедов*. Небольшой кружок образованных англичан, душой которого был У. Джонс, время от времени собирался для обсуждения докладов и сообщений, которые затем публиковались в журнале «Азиатские исследования». Азиатское общество существует и поныне, оно обладает богатой библиотекой, архивом и собственным издательством. В начале XIX в. на основе собрания древностей Азиатского общества в Калькутте возник Индийский музей — один из самых крупных в современной Индии.

У. Джонс с энтузиазмом принялся за изучение санскрита у местных ученых-пандитов. Результатом этих занятий явились его переводы драмы Калидасы «Шакунтала», «Законов Ману» и поэмы «Гитаговинда». Отбор текстов был сделан ученым поразительно удачно. Конечно, он хорошо отдавал себе отчет в практической необходимости переводов с санскрита прежде всего «Законов Ману». Но главное, что воодушевляло У. Джонса, — искреннее восхищение поэтическими сокровищами Индии.

В Азиатском обществе У. Джонс регулярно делал доклады. В сообщении о санскритском языке он говорил: «Какова бы ни была его древность, этот язык обладает чудесным строением, он совершеннее греческого, точнее латинского и утонченнее любого другого». Вдохновленный санскритской поэзией ученый и сам сочинял гимны индийским богам — едва ли не первые образцы англо-индийской литературы.

У. Джонс не мог не заметить сходства санскрита с персидским, латинским и греческим. Он увлекался сопоставлениями богов Греции, Италии и Индии, отождествляя, например, Януса (Гануса) и Ганешу. Сравнения проводились и в области исторических преданий: индийский Ману, критский Минос, египетский Менес и т. д. Наивным сближениям такого рода способствовало и то, что древняя история Ближнего Востока оставалась еще совсем неизвестной, а хронология Индии была доступна лишь в фантастических повествованиях пандитов о космических эрах и времени сотворения людей.

О более поздних периодах можно было говорить, опираясь уже не на мифы и домыслы, а на факты. Так, отождествление Чандрагупты Маурья с Сандрокоттом закладывало основы исторической хронологии, а истолко-

вание греческого названия реки «Эраннобоас» как индийского «Хираньяваха» позволяло локализовать Паталипутру у ее устья в районе совр. Патны. У. Джонс составил собрание санскритских рукописей — часть их ныне находится в архиве Петербургского филиала Института востоковедения. Некоторые из них испещрены пометками основателя индологии.

Сейчас трудно даже представить, какой оглушительный успех имел перевод драмы Калидасы «Шакунтала». С английского она была переведена на все европейские языки (в том числе и на русский — в «Московском журнале» Н. М. Карамзина). В. Гумбольдт писал: «Во всей античной Греции нет изображения женственности и прекрасной любви, которое хотя бы отдаленно приближалось к Саконтале». Ф. Шиллер публиковал в своем журнале отдельные сцены из индийской драмы, ее влияние прослеживается в «Марии Стюарт» и «Вильгельме Телле». И. В. Гёте в подражание Калидасе составил пролог к «Фаусту» и написал стихи: «Хочешь ли в слове одном постигнуть и Небо, и Землю, молвлю Сакунтала я, этим все сказано вдруг». Древнеиндийская драма послужила основой для общих размышлений о человеческой природе и мировой культуре. В предисловии к немецкому переводу «Шакунталы» И. Г. Гердер говорил о единстве человечества, по отношению к которому отдельные народы являются лишь индивидами.

Работы У. Джонса имели большое значение и для самой Индии. Речь идет не только о том, что его восхищение санскритской литературой заставляло индийцев гордиться своим культурным наследием. В духе Просвещения ученый пытался обнаружить в индуизме религию чистого разума, стремясь достичь ее синтеза с христианством. Под влиянием английского индолога находился Рам Мохан Рой (1772–1838), знаменитый писатель и общественный деятель. В своем переводе упанишад он давал последним трактовку в духе монотеизма. Вокруг Р. М. Роя сложилось общество «Брахмосамадж», ставившее своей целью изменение нравов индийцев. Реформаторы стремились освободиться от наиболее варварских пережитков средневековья — таких, как самосожжение вдов, — но при этом объявляли последние искажением первоначальных обычаев и религиозных идеалов индуизма. Модернизацию они представляли как возвращение к подлинной, еще неиспорченной древности. Общественная борьба требовала и от сторонников, и от противников реформ поиска аргументов в санскритской литературе, а следовательно, ее активного изучения. Публицистика изобиловала ссылками на древние тексты, и санскритология приобретала политическую актуальность. Древность в Индии вообще тесно переплетена с современностью — если до последнего времени в судах цитировали старинные шастры, интерпретация их не могла представлять лишь чисто академический интерес.

Азиатское общество послужило образцом для создания в Индии новых объединений. В 1804 г. возникло Литературное общество Бомбея, ставшее затем Бомбейским отделением Азиатского общества (ныне — самостоятельное Азиатское общество Бомбея). Позднее Азиатское общество было основано также и в Мадрасе.

Еще более важное значение имело распространение индологии в Европе. Завершив срок службы в Бенгалии, возвращались в Англию чиновники-востоковеды. Ч. Уилкинс стал библиотекарем в «Индиа Оффис». Другому члену Азиатского общества, морскому офицеру Александру Гамильтону, пришлось надолго задержаться в Париже из-за объявленной Наполеоном континентальной блокады. Он занялся разбором индийских рукописей Национальной библиотеки и преподаванием санскрита. В кругу его знакомых и учеников оказались знаток персидского языка Антуан-Леонар Шези и немецкий поэт и философ Фридрих Шлегель. Последний писал в 1803 г. своему другу Людвигу Тику: «Все вытеснил санскрит, здесь действительно источник всех языков, всей поэзии, всей истории человеческого духа — все, все происходит из Индии, без исключения». Именно эта идея и легла в основу опубликованной им в 1808 г. книги «О языке и мудрости индийцев».

Ф. Шлегель особенно ярко выразил то отношение к Индии, которое было характерно для немецкого романтизма. Для него Восток — это царство религии, духовной цельности, еще не испорченной плоским рационализмом. Священные книги Индии — не просто древнейшие памятники мировой литературы, они содержат изначальное откровение, полное мудрости и высокой поэзии.

Сходство между санскритскими и немецкими словами заставляло искать на далеком Востоке корни германского духа. Такие же идеи воодушевляли ученых и в славянских странах — например, петербургский библиограф Федор Павлович (Фридрих) Аделунг написал сочинение о словах русского языка, близких по звучанию и значению с санскритскими.

Книга Ф. Шлегеля имела большой успех. Под ее влиянием находился, в частности, граф Сергей Семенович Уваров. В 1810 г. он опубликовал на французском языке проект Восточной академии и подробный план ее деятельности. Важнейшее место в последнем уделялось Индии — созданию словаря санскрита, переводам классической поэзии, которая могла бы обогатить новейшую литературу. Такого рода идеи носились тогда в воздухе. Живой интерес к проекту проявил Наполеон Бонапарт. В России некоторые из замыслов С. С. Уварова, вскоре ставшего президентом Академии наук и министром народного просвещения, могли быть осуществлены. В 1818 г. был основан Азиатский музей (из которого впоследствии

вырос Институт востоковедения Академии наук). Правда, коллекции музея были связаны, конечно, не с Индией, а со странами мусульманского мира — ими и занимались его первые сотрудники.

Более успешно санскритология развивалась во Франции, Германии и Англии. В 1815 г. в Коллеж де Франс была образована *первая в Европе кафедра санскрита*, которую занял А.-Л. Шези (одновременно с кафедрой Китая, занятой Абелем Ремюза). Одним из его учеников стал *Август-Вильгельм Шлегель* (1767–1845). Главная задача, которая стояла тогда перед учеными, — издание литературных памятников. А.-Л. Шези опубликовал знаменитую «Шакунталу» — первый санскритский текст, напечатанный в Европе. Но основная заслуга в решении этой задачи принадлежала А.-В. Шлегелю — филологу-классику, принесшему в индологию свой огромный опыт и практические навыки в текстологии. Прусским министром просвещения был Вильгельм Гумбольдт, великий лингвист и философ, сам с энтузиазмом изучавший санскрит. Он способствовал образованию специальной кафедры в Бонне (1818 г.) и формированию богатейшего берлинского собрания рукописей. Основу последнего составила коллекция Роберта Чамберса — калькуттского судьи и одного из ведущих членов Азиатского общества. А.-В. Шлегель опубликовал «Бхагавадгиту» с латинским переводом и значительную часть «Рамаяны». Это он превратил Бонн в «Бенарес на Рейне», куда приезжали учиться санскриту из всех стран Европы. Так начинала складываться немецкая индология.

Наряду с боннской школой появилась и берлинская, связанная с именем *Франца Боппа* (1791–1867). Последний был тоже учеником А.-Л. Шези (а арабским и персидским занимался у Сильвестра де Саси). Ф. Боппа как лингвиста привлекло описание санскрита, данное Панини. Занятия грамматикой санскрита в сопоставлении с латинским, греческим и авестийским привели его к убеждению, что между этими языками есть закономерные соответствия. В его работе 1833 г. по грамматике санскрита содержалось изложение научных методов сравнительной лингвистики и были заложены *основы индоевропейского языкознания*. Среди опубликованных Ф. Боппом текстов был фрагмент из «Махабхараты» — сказание о Нале. Именно по этому изданию санскритолог и поэт-романтик Фридрих Рюккерт выполнил свой перевод. А уже с немецкого на русский «Наля и Дамаянти» перевел В. А. Жуковский.

Г. Гейне в 1821 г. писал: «Португальцы, голландцы и англичане на своих больших кораблях вывозят богатства Индии — нам же, немцам, уготована лишь роль наблюдателей. Но сокровища индийского духа не уйдут от нас, наши купцы Ост-Индской компании — это Шлегель, Гумбольдт и Бопп».

Появились первые санскритологи и в России. В 1830-е годы Бернгард Альбрехт (Борис Андреевич) Дорн был приглашен преподавать восточные языки в Харьковский университет. Здесь он начал вести занятия санскритом и опубликовал сочинение о родстве его со славянским языком. Так как русский язык ученый знал недостаточно хорошо, а слушатели его не владели немецким, преподавание велось на латыни. В те же годы Роберт Христианович Ленц (младший брат известного физика), посланный учиться к Ф. Боппу, издал текст драмы Калидасы «Мужеством добытая Урваши» с латинским переводом. Затем он занялся подготовкой издания «Бхагавата-пураны».

В то время как в Германии (да и во Франции) *санскритология развивалась в духе романтического направления*, в Англии стала преобладающей совершенно иная тенденция. В общих трудах Индии и ее культуре давались самые резкие негативные оценки. Так, по мнению Джеймса Милля, автора официально признанной «Истории Британской Индии», эта страна принадлежала не истории, а скорее «естественной истории». Высокий уровень цивилизации определяется, по его мнению, тем, в какой мере она рациональна и придает должное внимание свободе индивидуальности, следуя принципу утилитарности. С этой точки зрения ни о каких достижениях отсталых азиатов вообще не могло быть речи. Таким образом, Индия нуждается не в изучении, а в сильной власти и распространении на ее территории европейского образования. Другой ученый, знаменитый историк и британский администратор Т. Маколей, говорил, что вся литература Востока не стоит и одной полки европейских классиков. Подобное отношение к Индии колониальных властей, естественно, не могло не сказаться не только на их политике в области образования и культуры, но и на судьбах самой британской индологии.

В то же время именно английские востоковеды имели такие возможности знакомства со страной, каких практически были лишены их коллеги из стран континентальной Европы. Преемником У. Джонса в Азиатском обществе Бенгалии стал *Генри Томас Кольбрук* (1765–1837). Он не обладал поэтическим вдохновением своего предшественника, но зато гораздо меньше грешил фантастическими гипотезами. Это был ученый необыкновенной эрудиции, требовавший прежде всего точности как в фактах, так и в выводах. Ему принадлежат обзоры санскритской литературы и мифологии, первые работы по древнеиндийской астрономии, математике, философии. Огромная коллекция рукописей, собранных ученым, составила основу собрания «Индиа Оффис». Он стал и первым директором Королевского Азиатского общества в Лондоне, образованного в 1823 г.

Среди первых британских индологов необходимо назвать и Горация Геймана Вильсона (1786–1860). В Калькутту Г. Г. Вильсон приехал в качестве врача. Здесь он увлекся санскритом и перевел поэму Калидасы

«Облако-вестник». Долгие годы Г. Г. Вильсон был секретарем Азиатского общества. Но основные его труды появились уже после возвращения в Англию: словарь санскрита, составленный по туземным лексикографическим пособиям, переводы индийских драм и «Вишну-пураны». Когда в 1833 г. была основана кафедра санскрита в Оксфорде — самая престижная в Европе Boden chair, — первым ее занял Г. Г. Вильсон. Одной из важнейших задач, стоявших перед ним, была демифологизация персонажей индийской литературы. Ученый стремился обнаружить зерно исторической истины в запутанных преданиях о Калидасе, Шанкаре, Будде. Другой его заслугой было изучение Центральной Азии. Дело, когда-то начатое Г. З. Байером в «Истории Греко-бактрийского царства», он мог продолжить на новом уровне науки. В распоряжении исследователя находился и значительный свежий материал, так как офицеры — любители древностей уже начинали проводить первые раскопки в северо-западных провинциях Британской Индии.

Работа с археологическими материалами (включая также нумизматику и эпиграфику) составляет самый существенный вклад англичан в индологию. В 1830-е годы Джеймс Принсеп (1799–1840) впервые смог дешифровать письменность брахми. Эта задача представляется значительно более простой, чем та, которая стояла перед Ф. Шампольоном: ведь древнеиндийский шрифт — не иероглифы, а, в сущности, алфавит, да и язык в основном был известен. Ученый располагал небольшими билингвами в виде надписей на монетах индо-греческих царей, уже были найдены и некоторые из эдиктов Ашоки. Исследования Дж. Принсепа открыли совершенно новые перспективы в изучении маурийской эпохи и индо-скифских царств — той главы истории Индии, которая связана с буддизмом.

Крупнейшим исследователем буддизма в середине XIX в. был француз *Эжен Луи Бюрнуф* (1801–1852). Санскриту он учился у А.-Л. Шези, а китайскому у А. Ремюза. После смерти А.-Л. Шези (скончавшегося, как и А. Ремюза, в 1832 г. от холеры) Э. Бюрнуф стал его преемником по кафедре. Сведения о буддизме в то время все более множились, поступая с самых разных сторон. Александр Чома де Кёреш, венгр по национальности (1784–1842), путешествовал по Востоку в поисках прародины своего народа. Встретившийся ему в Лакхнау известный английский агент в Центральной Азии У. Муркрофт в 1822 г. направил его в Тибет. Чома де Кёреш долгие годы провел среди лам в Занскаре, живя как отшельник. Он коллекционировал рукописи и составлял большой тибетский словарь. Его работу продолжил *Исаак Якоб (Яков Иванович) Шмидт* (1779–1847) — немец, живший в России и собиравший сведения о буддизме и тибетском языке среди калмыков. На Цейлоне британский чиновник Дж. Тернер (1799–1843) нашел текст палийской хроники «Махавамса»,

благодаря которому удалось установить, что Пиядаси в индийских надписях — имя царя Ашоки из династии Маурьев. Британский резидент в Катманду Брайан Ходжсон (1800–1894) собрал коллекцию непальских буддийских манускриптов, значительная часть которых была передана им для изучения Э. Бюрнуфу. Последний был наилучшим образом подготовлен к подобной работе, ибо еще в 1826 г. вместе с Х. Лассеном издал первый очерк пали — языка «Типитаки».

Основной труд Э. Бюрнуфа «Введение в историю буддизма» (1844 г.) представляет собой общий обзор религиозной литературы и основных положений учения. Непальские рукописи автор классифицировал по разделам, соответствующим палийскому канону, — сутра, виная и абхидхарма — и старался обрисовать контуры культуры Индии по сведениям буддийских легенд — авадан. В качестве второго тома несколькими годами позже был опубликован перевод «Саддхармапундарики» — «Лотоса благого закона», одной из наиболее священных книг так называемого «северного буддизма». Кстати, и самое разделение буддизма на «северный» и «южный» также принадлежит французскому исследователю. Как и книга русского китаиста В. П. Васильева, его труд заложил основы европейской буддологии.

По сочинениям Э. Бюрнуфа с буддизмом знакомились поэты и философы. Под его влиянием складывался американский трансцендентализм: Индия помогла Эмерсону «освободиться от христианских суеверий», а буддийские мотивы попали в знаменитое сочинение Торо «Уолден, или Жизнь в лесу». А. Шопенгауэр говорил: «У меня в кабинете вы не увидите изображений христианских святых, но я был счастлив, когда мне удалось найти статуэтку Будды». Впрочем, немецкий философ не видел принципиальных различий между буддизмом и философией упанишад.

Немало было сделано Э. Бюрнуфом и в области чистой санскритологии. Он издал, например, санскритский текст «Бхагавата-пураны», выполнив то, что планировал осуществить его приятель Р. Ленц. Э. Бюрнуф стоял у истоков Азиатского общества в Париже (1822 г.), был секретарем Академии, первым редактором «Азиатского журнала» (Journal asiatique). Отношение ученого к задачам индологии ясно сформулировано в одной из его лекций: «Это — больше, чем Индия, это — страница из *истории происхождения мира, первоначальной истории человеческого* духа — вот что должны мы прочитать». Такой подход был очень близок немецкой санскритологии. И не случайно, что именно у Э. Бюрнуфа учились Макс Мюллер и Р. Рот — замечательные исследователи «Ригведы», самого раннего памятника индийской литературы.

Выше уже упоминалось имя сотрудника Э. Бюрнуфа — норвежца *Христиана Лассена* (1800–1876). Ученик и помощник А.-В. Шлегеля,

Х. Лассен отличался удивительной работоспособностью и широтою научных интересов. Он откликался на все новейшие открытия, писал об античных авторах и индийской философии санкхья, о лингвистике и исторической географии. Основной его труд «Исследование индийской древности» (Indische Altertumskunde, в четырех томах, 1847–1861; второе издание — 1867–1873) был энциклопедическим по своему охвату и подводил итоги сделанному в науке к середине прошлого века. В первом томе излагалась география Индии, включая экономические районы, растительный и животный мир, естественные богатства страны, климат. Затем давался обзор древнейшего периода истории Индии, который, вслед за Э. Бюрнуфом, автор называл «добуддийским». Основными источниками Х. Лассену служили эпико-пуранические предания, анализируя которые, он пытался реконструировать древнейшую династийную историю. Отдельные главы книги были посвящены происхождению каст, уровню научных знаний и сведениям о чужеземных странах.

Во втором томе (столь же обширном, как и первый, — более тысячи страниц) изложение политической истории Индии доводилось до поздних Гуптов. Задачей ученого был сбор и интерпретация всех доступных тогда источников, а главной целью — установление наибольшего количества фактов. Его кругозор не ограничивался лишь основными областями Северной Индии и Декана, но захватывал также районы крайнего Юга, Цейлон, Юго-Восточную Азию и острова Индонезии.

Половина третьего тома была посвящена истории индийской торговли со странами Средиземноморья и подробному обзору сведений об Индии в античной литературе. Вторая половина охватывала историю североиндийских княжеств раннего Средневековья. Наконец, в четвертом томе излагалась политическая история Декана, Юго-Восточной Азии, Цейлона и Индонезии с начала Гуптской эры и до мусульманских завоеваний. Здесь же был дан систематический обзор истории классической индийской культуры — религии, философии, языка и письменности, литературы и научных знаний. В раздел о культуре включен был и материал по государству и праву.

Труд Х. Лассена поразительно богат по содержанию, однако этот пестрый калейдоскоп имен и событий не вполне отвечает понятию «история». И дело не только в том, что многие вопросы в середине прошлого века еще не были достаточно изучены. Автор как настоящий гегельянец не усматривал на Востоке подлинного развития, он считал его областью некой «неисторической истории». По его мнению, несмотря на все внешние перемены, современная Индия по духу и сути мало отличается от той, которую могли наблюдать спутники Александра Македонского.

Х. Лассен упрекал Ф. Боппа в том, что последний для реконструкции древнейшей стадии индоевропейских языков привлекает материал классического санскрита, а не самых ранних текстов — вед. Замечание было справедливым, и вполне естественно, что к середине XIX в. внимание специалистов по сравнительному языкознанию сосредоточилось на «Ригведе». В этой области эпоху составили труды *Рудольфа Рота* (1821–1895). Уже в 1846 г. он решительно сформулировал суть своего подхода в нашумевшей статье «К литературе и истории веды». Исследователь отрицал, что в Индии веками и тысячелетиями поддерживалась единая традиция истолкования священных книг. Он возражал Г. Вильсону, полагавшему, что средневековый комментатор Саяна лучше понимал «Ригведу», чем любой современный ученый. По его мнению, Саяна часто бывал беспомощен и искажал комментируемый текст, переосмысливая его в духе своего времени. Сравнительный метод, которым вооружены новейшие ученые, давал более совершенное орудие интерпретации. «Подальше от Саяны», — так провозглашал Р. Рот. В своем анализе «Ригведы» он определял значение слов из контекста и этимологии, широко используя сопоставления с другими индоевропейскими языками, прежде всего авестийским.

«Ригведа» считалась тогда древнейшим памятником индоевропейской литературы, и Р. Рот находил в ней «естественную, первобытную поэзию». Помыслы ведийских ариев были скорее направлены на войну, чем на теологические спекуляции. Лишь много позднее их простое и образное творчество было затемнено и запутано брахманами-богословами. Благодаря Р. Роту и его сторонникам *европейская санскритология впервые сделала попытку освободиться от опеки средневековых комментаторов* и встать на собственные ноги.

В то же время с самого начала работы Р. Рота вызывали серьезные возражения, и прежде всего со стороны тех индологов, которые имели возможность жить в Индии. Мартин Хауг, Теодор Гольдштюкер упрекали знаменитого санскритолога в том, что он совершенно игнорирует ритуал, в котором используются ведийские стихи-мантры. Критики рассматривали его интерпретации как плод чисто кабинетных умствований.

Ближайшим соратником и единомышленником Р. Рота был *Оттон Николаевич (Отто Карл) фон Бетлинг* (1815–1904), родившийся и большую часть жизни проведший в России. О. Бетлинг учился у Ф. Боппа, А.-В. Шлегеля и Х. Лассена. Свою первую работу он посвятил грамматике Панини — ее изданию и переводу. Этот эпохальный труд до сих пор переиздается, не потеряв своего значения.

Делом жизни ученого стало составление вместе с Р. Ротом так называемого Большого Петербургского словаря. Санскрито-немецкий словарь был издан в семи томах в 1852–1877 гг. на средства Академии наук.

Общий объем его составлял почти 10 тысяч страниц — это до сих пор самый крупный из существующих словарей. В нашем столетии выпускались дополнения к этому словарю (они были подготовлены Рихардом Шмидтом в 1920-е годы), сейчас готовится его перевод на английский язык. Сами принципы составления словаря были революционны: О. Бетлинг и Р. Рот основывались не на туземных лексикографических пособиях, не на трудах средневековых комментаторов, а исключительно на анализе самих санскритских текстов. Смысл каждого слова ученые выясняли из контекста и этимологии. В словаре давались также цитаты, документирующие то или иное значение. Таким образом, словарь являлся не просто справочником, он знаменовал *важнейший этап в изучении санскритских текстов*. Историю индологии XIX в. порой так и делили на эпохи: до и после Петербургского словаря.

В обработке уже тогда весьма обширной массы опубликованных произведений и наиболее важных рукописей составителям оказывали помощь коллеги — А. Вебер, У. Д. Уитни, Т. Ауфрехт, Г. Керн и др. Но основную часть всего труда взял на себя О. Бетлинг. Он читал буквально все и параллельно с работой над словарем готовил издания и переводы текстов, антологию санскритской литературы, трехтомный сборник индийских афоризмов. Его публикации касались не только индологии — именно О. Бетлинг был, например, основоположником якутского языкознания.

Сразу же по завершении Большого Петербургского словаря О. Бетлинг уже в одиночку начал составлять «Малый Петербургский словарь», также в семи томах. Здесь практически не было цитат из текстов, зато объем лексики значительно увеличился за счет обработки только что изданных санскритских текстов. На основе последнего Карл Капеллер подготовил однотомный словарь, который практически и поныне является основным учебным пособием на немецком языке.

Под влиянием Р. Рота в 1873–1875 гг. математик и санскритолог Герман Грассман составил полный словарь «Ригведы» с указанием всех грамматических форм, встречающихся в этом памятнике. Он попытался также максимально дифференцировать все оттенки значений его лексики. У Р. Рота училась в Тюбингене целая плеяда виднейших индологов — его лекции приезжали слушать и русские лингвисты и санскритологи.

Одновременно с санскрито-немецкими вышел и обширный санскрито-английский словарь М. Монье-Вильямса, ученика и преемника Г. Вильсона в Оксфорде. Положенные в основу этого словаря принципы радикально отличались от провозглашенных Р. Ротом. Словарь аккуратно и довольно полно воспроизводил толкования туземных лексикографов. Он был, конечно, традиционным, т. е. некритическим, но зато и меньше страдал от гиперкритики и самонадеянных реконструкций. Оба словаря

отражали существенные особенности развития немецкой и английской школ санскритологии. Сами цели их составления были различны: у О. Бетлинга и Р. Рота — содействие компаративистике, а у М. Монье-Вильямса — помощь работавшим в Индии миссионерам (именно такая задача ставилась перед кафедрой Бодена, которую занимал этот ученый).

Наиболее монументальное предприятие в области изучения вед было осуществлено *Фридрихом Максимилианом Мюллером* (1823–1900). Ученик Э. Бюрнуфа в санскритологии, Макс Мюллер занимался также в Лейпциге у Херманна текстологией греческих классиков. Он был столь предан последнему, что однажды однокашника, усомнившегося в правильности какого-то высказывания профессора, вызвал на дуэль. Макс Мюллер предложил Академии наук издать в Санкт-Петербурге критический текст «Ригведы» с комментариями Саяны, однако этому плану воспрепятствовал О. Бетлинг. М. Мюллер стал профессором сравнительной филологии в Оксфорде. Финансировать издание «Ригведы» согласилась дирекция Ост-Индской компании, которой тогда было необходимо показать заинтересованность в культурных начинаниях и тем самым нейтрализовать усиливавшуюся критику своей деятельности в Индии.

С помощью коллег — Теодора Ауфрехта, Юлиуса Эггелинга, Альбрехта Вебера — Макс Мюллер за 25 лет (1849–1874) издал шесть огромных фолиантов «Ригведы» тиражом 500 экземпляров. Эта работа была выполнена на самом высоком уровне достижений немецкой текстологии середины прошлого века. Публикация Макса Мюллера произвела сенсацию и в самой Индии: хотя к «Ригведе» относились с особым почтением, но знали ее, в сущности, плохо, довольствуясь лишь запоминанием отдельных стихов-мантр и не всегда исправными рукописями. В Пуне ученые брахманы специально собрались, чтобы по печатному тексту внести исправления в свои манускрипты. При этом чтение его было поручено человеку не брахманской касты, ибо сами брахманы боялись ритуального осквернения от прикосновения к книге, изданной европейцами. Публикация «Ригведы» дала новый импульс к деятельности по возрождению древней веры и обычаев — созданию в 1876 г. Даянандом Сарасвати общества «Арьясамадж».

Параллельно с «Ригведой» издавались и другие ведийские тексты, рассматривавшиеся как древнейшие памятники индо-германской культуры: «Самаведа» с переводом Т. Бенфея, «Атхарваведа» (Р. Рот и У. Д. Уитни), Белая Яджурведа и Тайттирия-самхита (А. Вебер), наконец, литература брахман («Шатапатха» была опубликована А. Вебером, «Айтарея» — Т. Ауфрехтом). Перед исследователями открывалось безбрежное море санскритской письменной традиции, в котором необходимо было научиться ориентироваться. Огромной заслугой *Альбрехта Вебера* (1825–1901)

явилась подготовка обширного каталога берлинского собрания рукописей (1851–1853). Появились описания и других коллекций, так что через некоторое время возникла потребность в сводном «Каталоге каталогов», который и был издан Теодором Ауфрехтом (1822–1907). В Калькутте с 1848 г. выходила серия «Библиотека Индика», в которой опубликованы десятки и сотни томов на санскрите. Душой этого предприятия был выдающийся индийский ученый, библиотекарь Азиатского общества, а впоследствии его президент Раджендралал Митра (1822–1891).

Цели упорядочения информации о памятниках, написанных на санскрите, служила «История индийской литературы» А. Вебера. Она была как бы комментарием к его каталогу. Автор дал общий обзор известных к тому времени текстов, уделяя особое внимание проблеме их относительной и абсолютной хронологии. Ученый основал также специальный журнал Indische Studien. За полвека (1849–1898) вышло 18 томов «Индологических штудий», большая часть которых принадлежала самому А. Веберу. Здесь помещались публикации и переводы текстов, статьи, порой и поныне сохраняющие значение благодаря богатству использованного в них фактического материала.

Более поверхностной, хотя и блестящей по форме была «История санскритской литературы» Макса Мюллера. Ее автор являлся наиболее популярным индологом прошлого века, охотно и много выступавшим по самым разным сюжетам языкознания и мифологии, философии и литературы. Макс Мюллер предложил условную периодизацию истории ведийской литературы, выделив эпохи самхит, брахман и сутр. Он попытался вывести один жанр из другого, находя, например, источник «Законов Ману» и других дхармашастр в древних сутрах брахманских ритуалистических школ. Оживленную полемику вызвала его концепция о «веках молчания» санскритской литературы (примерно с I века до н. э.), объясняемого господством буддизма. После III века н. э., по мнению ученого, наступил период «санскритского Ренессанса», связанный с возрождением индуизма.

В середине прошлого века индоевропеистика находилась в центре гуманитарных наук. Существовала тенденция создания кафедры санскрита и сравнительного языкознания во всех университетах Европы, а сама санскритология развивалась как важнейшая часть компаративистики. Сравнительный метод из лингвистики распространялся на иные научные дисциплины. Стали появляться работы по индоевропейской мифологии. Адальберт Кун с энтузиазмом сопоставлял персонажи греческих, римских и древнеиндийских мифов, находя их первоначальное тождество. По его мнению, значительная часть древнеиндийского пантеона восходит к праиндоевропейскому единству (культура же праиндоевропейцев оказывалась так же близка древнеиндийской, как реконструируемый индогерманский праязык — санскриту).

Широкую известность получили работы Макса Мюллера. Для него Индия была не просто одной из стран Азии, но как бы нашей собственной общей прародиной. Он писал: «Изучая "Ригведу", мы чувствуем себя так же, как американцы, если бы они совершенно забыли о своем происхождении и вдруг посетили бы Англию». Веды интересовали ученого отнюдь не в связи с историей самой Индии, а как важнейший источник «для изучения человека или, если хотите, индогерманского человека». Составителей «Ригведы» Макс Мюллер считал первобытными поэтами, со всей наивностью и непосредственностью выражавшими свой восторг перед явлениями природы, в их гимнах нет ничего «иррационального или метафизического». Богатство древней мифологии он старался возвести к некоему первоначальному солнечному мифу.

Индийский материал активно использовался и в работах по сравнительной этнологии. Исследователей прежде всего привлекали описания свадебных и похоронных обрядов, которые могли найти аналогии в сообщениях античных писателей, в средневековых германских обычаях и поверьях. Весь сходный материал объявлялся принадлежащим эпохе первоначального индогерманского единства. Общеиндогерманские обряды оказались, таким образом, значительно богаче, нежели те, которые можно наблюдать у отдельных народностей этой семьи. По существу, вместо анализа и реконструкции наиболее раннего состояния делались попытки создания синтетической, сводной картины.

Постепенно в круг этнологических исследований начал включаться материал и о тех племенах, которые не находились в родстве с индоевропейцами. И тогда возникла проблема типологического сходства и общих закономерностей в развитии социальных форм и культуры разных народов. Санскритские источники широко использовались при построении глобальных схем основных этапов истории человечества (на русском языке, например, в работах М. М. Ковалевского по эволюции родового строя, семьи, собственности, общины, правовых обычаев).

Особенно большое значение имела санскритология в развитии фольклористики и сравнительного литературоведения. Центральной фигурой здесь является Теодор Бенфей (1809–1881). Как и большинство индологов того времени, он получил блестящее классическое образование, которое помогло ему в избранном направлении исследований. Славу ученому принесла работа о сборнике басен и новелл «Панчатантре» (1859), в которой он пытался доказать, что бóльшая часть сюжетов мирового фольклора корнями уходит в Индию. В самой же Индии басни о животных обязаны своим происхождением джатакам — рассказам о прежних рождениях Будды — и связаны с индийским учением о переселении душ.

Полемика, вызванная теорией литературных миграций, продолжалась несколько десятилетий, и заслугой Т. Бенфея явилась не только постановка проблемы, но и открытие им целого ряда фактов по истории странствования «Панчатантры».

Тема культурных влияний была чрезвычайно популярна в историографии. Так, А. Вебер, анализируя сходство основных мотивов «Рамаяны» и «Илиады» (похищение жены и великая война), доказывал, что индийский эпос сложился под воздействием Гомера. Он же (а затем и Эрнст Виндиш) защищал тезис о греческом происхождении индийского театра. Ставилась под сомнение самостоятельность развития индийской математики и астрономии. Индуистское учение об аватарах выводилось из христианских представлений о воплощениях, и само имя Кришны связывалось с Христом. Во всей обширной литературе подобного рода недостаточно принималась во внимание возможность чисто типологического сходства, нередко и сами сравнения оставались поверхностными и субъективными. Увлеченные идеей влияния, исследователи не всегда задумывались над причинами, которые могли бы вызвать подобное влияние, или об условиях, которые могли его обеспечивать. Дело часто ограничивалось констатацией как бы перемещения той или иной идеи или образа, а сам механизм взаимодействия разных культур оставался нераскрытым.

В середине прошлого века в санскритологии происходило становление национальных школ. Одним из первых американских индологов был Уильям Дуайт Уитни (1827–1894), переведший на английский язык «Атхарваведу». Он работал в Йельском университете. В 1842 г. было основано Американское общество ориенталистов, а с 1850 г. стал выходить журнал этого общества Journal of American Oriental Society. В Голландии трудился буддолог Гендрик Керн (1833–1917), как и У. Д. Уитни, учившийся в Германии.

Появились *первые санскритологи и в университетах Москвы и Петербурга* П. Я. Петров и К. А. Коссович. Павел Яковлевич Петров (1814–1876) получил образование в Московском университете по восточным языкам: арабскому, персидскому и турецкому. Занимался он и санскритом, для совершенствования в котором был послан к Ф. Боппу. По возвращении в Россию П. Я. Петров преподавал в Казанском университете, а в 1851 г. занял только что созданную кафедру санскрита в Москве. Он был известен как замечательный полиглот (о чем свидетельствует и его библиотека, хранящаяся в Московском университете). Ученики П. Я. Петрова, Ф. Ф. Фортунатов и В. Ф. Миллер, начинали свою деятельность как санскритологи, хотя их основные труды принадлежали другим областям лингвистики.

В Москве учился и Каэтан Андреевич Коссович (1814–1883), усердно занимавшийся греческим, латинским и древнееврейским. К изучению санскрита его подтолкнули славянофилы — прежде всего А. С. Хомяков, подаривший «страстному эллинисту» вильсоновский словарь, купленный по случаю на Сухаревке. А. С. Хомяков и сам был настолько увлечен поисками древнеиндийских слов, сходных со славянскими, что утверждал, будто русский человек легко может читать по-санскритски, вовсе не обучаясь специально этому языку (проблема лишь в незнании шрифта). Памятником такого же рода энтузиазма является и подготовленный (но не законченный) К. А. Коссовичем «Санскрито-русский словарь» (1850-е годы), где слова даются не только русскими буквами, но и располагаются в порядке нашего алфавита, чтобы облегчить пользование им «для лиц, индийского письма не знающих». Когда в Петербургском университете был образован факультет восточных языков, К. А. Коссович занял кафедру санскрита. Преподавание его не отличалось научной глубиной и систематичностью, но все же появилась возможность для специализации в области индологии.

Итоги развития индологии к середине XIX в. можно было бы подвести следующим образом.

В конце XVIII в. началось научное изучение Индии европейцами. Появилась первая организация востоковедов — Азиатское общество, основанное У. Джонсом, журналы и переводы с санскрита.

В начале XIX в. образованы кафедры в ведущих университетах Европы, сложились национальные школы, связанные с именами А.-В. Шлегеля и Ф. Боппа (Германия), Э. Бюрнуфа (Франция), Г.-Т. Кольбрука и Г. Г. Вильсона (Англия).

За несколько десятилетий подготовлены научные издания многочисленных текстов (и прежде всего опубликована Максом Мюллером «Ригведа»).

Осуществлена дешифровка древнеиндийской письменности (Д. Принсеп) и начались первые, еще любительские, раскопки и сбор коллекций древностей.

Накопленная информация собрана и систематизирована в таких общих трудах, как «Исследование индийской древности» Х. Лассена, в каталогах санскритских рукописей и «Истории индийской литературы» А. Вебера.

Санскритология развивалась в рамках индоевропеистики и на основе сравнительного метода исследований. Основу всей последующей индологии заложил Большой Петербургский словарь, составленный О. Бетлингом и Р. Ротом.

§ 2. Классическая индология

В конце XIX и первой половине XX в. индология освобождается от индоевропеистики и становится самостоятельной дисциплиной, или, скорее, — целым комплексом специальных дисциплин. Это время, к которому относится жизнь и деятельность классиков науки.

В центре внимания ученых продолжают оставаться веды, но постепенно подход к ним меняется — их все чаще анализируют в контексте индийской, а не гипотетической индогерманской культуры. В своем шеститомном комментированном переводе «Ригведы» Альфред Людвиг (1832–1912) стремился дать историческую интерпретацию сведениям этого памятника, находя в нем отражение социальной действительности. Он рассматривал, например, термины «арья» и «даса» как обозначения двух этносов — пришлого и аборигенного, а выражение «панчаджана» («пять народов») — как пять арийских племен, осуществлявших завоевание Индии. Ведийское «сабха» ученый предлагал понимать как совет племени, состоявший из представителей отдельных родов (виш). Общество эпохи «Ригведы» А. Людвиг реконструировал в тех социологических понятиях, которые в 70–80-е годы прилагались к только что открытой тогда первобытности. И самая задача подобного исследования ставилась в связи с реконструкцией древнейших форм организации человеческого общества. Аналогичные цели решал в своем исследовании «Ашвины-Диоскуры» и русский индолог Всеволод Федорович Миллер (1848–1913), занимавшийся у А. Людвига в Праге.

Генрих Циммер (1851–1910) в книге «Древнеиндийская жизнь» также стремился собрать материал из различных ведийских текстов для описания первобытных общественных отношений (не задумываясь, впрочем, о том, что самхиты и ритуальные сутры, очевидно, разделены несколькими веками и описывают разную «древнеиндийскую жизнь»). Ученый придавал решающее значение так называемому «арийскому завоеванию» Индии, в результате которого расовые различия между пришельцами и аборигенами были закреплены в виде кастового неравенства. Ариев он рассматривал как «нашу» (т. е. индогерманскую) расу — «юную, сильную и преданную своим богам».

Арийская тема была характерна и для известного санскритолога Леопольда фон Шредера (1851–1920), в обширных трудах и многочисленных статьях которого часто повторялась мысль о кровном родстве и духовной близости древних германцев и создателей вед. Эта идея стала популярной в немецкой культуре, ею вдохновлялся, например, Рихард Вагнер. Здесь закладывалась почва и для создания политического «арийского мифа», распространившегося в Германии в 20–30-е годы.

Ведийские штудии во Франции связаны прежде всего с именем Абеля Бергеня (1838–1886), написавшего трехтомный труд «Ведийская религия по гимнам Ригведы». Основная мысль исследователя заключалась в том, что источник необходимо анализировать сам по себе, вне всяких сравнений. Поэтому он «отбросил прочь Гомера и Эдду и засел за Ригведу». Конечный вывод ученого заключался в том, что ведийские гимны отражают отнюдь не эмоции первобытного человека, а разработанную мифологическую систему. Однако такая система предполагает и развитый религиозный культ — одно немыслимо без другого. В отличие от Р. Рота и Макса Мюллера, А. Бергень увидел в «Ригведе» продукт утонченной жреческой мысли и памятник сложной поэзии, следующей определенным канонам. В России подобное направление исследования представлено Филиппом Федоровичем Фортунатовым (1848–1914), который занимался у А. Бергеня в Париже.

Наиболее обстоятельное изложение ведийской мифологии, основанное не на широких сравнениях и реконструкциях, а на анализе самих ведийских текстов, принадлежало Альфреду Хиллебрандту (1853–1927), ученику М. Хауга. Исследователь рассматривал «Ригведу» как произведение, имеющее определенные тенденции, а отнюдь не в качестве некоего «фольклора». Он доказал, что ведийские божества нельзя воспринимать как простые олицетворения природных феноменов, — таким образом решительно отказавшись от примитивной натурмифологии Макса Мюллера и А. Куна.

Совершенно революционные идеи высказывались в трехтомной монографии «Ведийские штудии» (1888–1901), принадлежавшей Рихарду Пишелю и Карлу Гельднеру. Последний был переводчиком «Ригведы» и исследователем «Авесты». Ученик Р. Рота, К. Гельднер (1852–1929) порвал с идеями своего учителя. Авторы «Ведийских штудий» рассматривали «Ригведу» как памятник чисто индийской древности, в интерпретацию которого не следует вносить никаких домыслов, основанных на изучении языков и религии других индоевропейских народов. Возражая Г. Грассману, они утверждали, что чисто лингвистическое толкование текста опасно и не способно привести к надежным результатам. Кабинетные схемы должны уступить живому восприятию памятника, основанному на анализе лексики классического санскрита. В этой связи подвергались реабилитации и средневековые комментарии.

Британскими чиновниками к тому времени уже была проведена огромная работа по этнографическому описанию различных местностей Индостана. С точки зрения Р. Пишеля и К. Гельднера, изучение подобного материала о верованиях современных индийцев значительно полезнее для понимания ведийских текстов, чем реконструкции гипотетических индо-

европейских древностей. Они находили в «Ригведе» не только развитый жреческий культ (как А. Бергень), но и «жадную охоту за драгоценными металлами», увлечение азартными играми, охотой и гетерами. Выражаясь словами Г. Ольденберга, общество «Ригведы» было обрисовано «красками плутовского романа».

Самому Герману Ольденбергу (1854–1920) принадлежал ряд исследований о ведах — их текстологии, метрике и содержании. Анализируя стихотворные размеры ведийских гимнов, ученый стремился реконструировать первоначальную форму самхит. В интерпретации «Ригведы» он часто шел по пути, проложенному Р. Ротом, стараясь, однако, не впадать в крайности сторонников «сравнительного метода». Книга Г. Ольденберга «Религия веды» выдержала несколько изданий как образец взвешенного исследования и всестороннего изложения предмета.

База для будущих исследований была подготовлена целым рядом справочных изданий. Среди них необходимо назвать труды Мориса Блумфилда (1885–1928), учившегося у Р. Рота и работавшего в университете Джона Гопкинса (США). Ему принадлежат такие книги, как «Ведийский конкорданс» (1906) — алфавитный индекс мантр с указанием цитат в поздневедийской литературе, трехтомный указатель вариантов ведийских стихов (1930–1934). Английские санскритологи Артур Макдоннелл (1854–1930) и Артур Берридал Кейт (1879–1944) подготовили двухтомный «Ведийский индекс», содержащий разъяснения многочисленных реалий, встречающихся в ведийской литературе. Некоторые из этих статей приобрели характер небольших исторических исследований.

А. Бергень, как и ранее Р. Рот, был исследователем преимущественно «Ригведы». Он доказывал существование развитого культа в эпоху ее составления, но сам вовсе не занимался ритуалистикой. Между тем к концу прошлого века уже были изданы все редакции «Яджурведы» (в частности, Л. Шрёдером) и многие другие ритуальные тексты. Важным импульсом к исследованию древнеиндийских обрядов стало развитие общей этнологии в трудах таких ученых, как Э. Тейлор и Дж. Фрэзер.

Еще в середине прошлого века Адольф-Фридрих Штенцлер начал издавать и переводить сутры о домашних обрядах. Затем, в 80-е годы, эту работу продолжил ученик Л. Шрёдера по Дерптскому университету киевский профессор Фридрих (Федор Иванович) Кнауэр. Г. Ольденберг опубликовал в двух томах переводы всех основных грихьясутр, а А. Хиллебрандт дал общий обзор ритуальной литературы Древней Индии. Но особенно плодотворна была деятельность голландца Виллема Каланда (1859–1932), посвятившего этой тематике всю жизнь. Ученик Г. Керна, профессор университета в Утрехте, В. Каланд опубликовал целый ряд наиболее важных ритуальных сутр. Ему принадлежат и несколько моно-

графий, преимущественно о похоронных и поминальных обрядах. Со свадебными обрядами аналогичная работа была проделана М. Винтерницем и Л. Шрёдером. В России Д. Н. Кудрявский опубликовал книгу, содержавшую анализ ритуалов посвящения в брахманские ученики и приема почетного гостя (1914).

Помимо описательных и компаративистских штудий стали появляться и труды, содержавшие общие концепции древнеиндийского жертвенного ритуала. Классическая монография на эту тему — «Доктрина жертвоприношения в брахманах» (1898) — принадлежала ученику А. Бергеня *Сильвену Леви* (1863–1935). Французский исследователь доказывал, что в основе древнеиндийского ритуала лежат магические представления, сходные с теми, которые встречаются у примитивных народов, — ведийский жрец был прежде всего колдуном.

Последняя большая книга Г. Ольденберга «Донаучная наука» была посвящена мировоззрению составителей поздневедийской литературы брахман. Ученый показал, что для них общие понятия являлись не только реально существующими материальными телами, но и выступали как некие магические сущности. Для отраженного в брахманах архаического сознания все в мире взаимосвязано и подчиняется жестким закономерностям. Именно благодаря этому жрец кажется всемогущим и способным превращать одно в другое, добиваясь желаемого результата. Исследователь удачно определил брахманы как «донаучную науку». Работа в том же направлении была продолжена польским ученым С. Шайером.

Идеи, высказанные Л. Леви-Брюлем в его работах о «первобытном мышлении», оказались весьма плодотворными в изучении литературы брахман. Что же касается более поздних текстов — упанишад, то здесь продолжал господствовать ранее сформировавшийся к ним подход как к подлинным философским произведениям. Крупнейший исследователь упанишад Пауль Дойссен (1845–1919), однокашник и друг Ф. Ницше, рассматривал себя как прямого продолжателя дела А. Шопенгауэра (манам последнего он и посвятил знаменитый сборник своих переводов «шестидесяти упанишад»). Труды П. Дойссена приобрели большую популярность в Индии и были переведены даже на санскрит. Они оказали значительное влияние на формирование неоиндуизма (в частности, на Свами Вивекананду).

Проблемы изучения санскритского эпоса были поставлены еще в середине века Адольфом Хольцманом (1810–1870). Он пытался реконструировать первоначальный вариант «Махабхараты», предложив так называемую теорию инверсии. Согласно этой теории, положительные характеристики Кауравов в поэме объясняются тем, что сказания возникли

в среде их сторонников и лишь впоследствии были присвоены потомками Пандавов. В процессе такой передачи подвергся трансформации основной сюжет, и положительными героями стали Юдхиштхира и его братья.

В 1892 г. вышла в свет книга иезуита Йозефа Дальмана (1861–1930) «Махабхарата как эпос и книга о праве». Ученый выступил с убедительной критикой тех построений, согласно которым индийский эпос сложился поздно и под влиянием греков. В то же время его представления о происхождении «Махабхараты» оказались парадоксальными. Он полагал, что основу поэмы составляли дидактические фрагменты, а сами сказания были сочинены автором лишь для иллюстрации сформулированных требований морали — дхармы.

Книга Й. Дальмана вызвала самое широкое обсуждение. Проблемы изучения эпоса, очевидно, назрели, и целый ряд индологов принял активное участие в их решении. Г. Якоби издал книгу, посвященную содержанию «Рамаяны». М. Винтерниц занимался текстологией эпоса. Подчеркивая его многослойность, ученый говорил, что, в сущности, дата каждого стиха должна быть определена отдельно. Г. Ольденберг находил истоки эпической поэзии в гимнах-диалогах ведийской литературы.

Особый интерес представляют работы Эдварда Уошборна Хопкинса (1857–1932). Он учился в Лейпциге, а затем долгие годы преподавал в Йельском университете и был редактором журнала Американского общества востоковедов.

В книге «Социальное положение правящей касты в Древней Индии» автор доказывал, что общество, отраженное в «Махабхарате», решительно отличается от того, которое обрисовано, скажем, в «Законах Ману». Принимая декларации брахманских книг на веру, индологи зачастую писали о всевластии жрецов и теократическом характере древнеиндийских государств. Однако, по данным эпических поэм, следует говорить скорее о том, что власть принадлежала военной аристократии. В книге об эпической мифологии (1915) исследователь приходил к выводу, что и религиозные представления эпоса существенно отличаются от зафиксированных в ведийской литературе.

Между тем в 1883–1896 гг. появился полный английский перевод «Махабхараты», изданный под именем Пратап Чандра Роя. Перевод этот, выполненный Гангули, был полезен для ориентации в огромном произведении, хотя переводчик и не ставил перед собой задачи научного исследования текста. Важнейшим справочным пособием стал подготовленный Сёренсеном «Индекс имен Махабхараты» (1904). В начале XX в. возник грандиозный план критического издания «Махабхараты» под редакцией М. Винтерница, Г. Якоби и Г. Людерса. Замыслы эти были нарушены Первой мировой войной.

В те же годы важную работу над «Панчатантрой» проделал Иоганн Хертель (1872–1955), которому удалось определить древнейшую версию памятника — «Тантракхьяяку» и проследить дальнейшую историю его различных рецензий. Книга о возникновении и распространении «Панчатантры» имела важное принципиальное значение, ибо здесь вырабатывалась самая методика текстологического анализа литературных произведений, имеющих неустойчивый, «текучий» состав.

На рубеже веков неуклонно возрастал интерес к буддизму. Так же, как в изучении христианства, в буддологии сложились две школы: мифологическая и историческая. Крупнейшим представителем первой был француз Эмиль Сенар (1847–1928). В своей книге «Легенда о Будде» (1873–1875) он доказывал, что миф обладает системностью, — поэтому нельзя устранить из него явно неправдоподобные элементы, а остальное считать отражением некоей исторической реальности. По мнению исследователя, «легенда о Будде» имеет все характерные черты мифа, она возникла на основе мифологии Вишну-Махапуруши, последняя же связана с солярным культом. Оппоненты указывали, что концепция Э. Сенара базируется на довольно поздних источниках, а применяемый им метод анализа настолько субъективен, что позволяет и в биографии Наполеона обнаружить солнечный миф.

Теория о солярных культах, лежащих в основе буддийской мифологии, защищалась также Гендриком Керном. Последний сопоставлял Будду с Солнцем, его противника Девадатту — с Луною, шесть еретических учителей — с планетами и т. д. Методика так называемой «натурмифологии» пользовалась успехом в конце прошлого века.

«Историческая школа» представлена именами *Томаса Вильяма Рис-Дэвидса* (1843–1922) и Г. Ольденберга. Эти исследователи полагали, что за вычетом явных вымыслов буддийское предание заслуживает доверия. Т. Рис-Дэвидс был служащим гражданской администрации на Ланке. Он знал санскрит, пройдя в студенческие годы курс у А.-Ф. Штенцлера в университете Бреслау, в Анурадхапуре стал заниматься пали под руководством буддийского монаха. Разыскивая и копируя эпиграфические памятники, ученый все более проявлял интерес к буддизму как основе древней культуры острова. Когда в 1873 г. Т. Рис-Дэвидс был вынужден вернуться на родину, он посвятил себя именно этой области науки. В 1877 г. появилась его первая книга о буддизме, а в 1881 г. Т. Рис-Дэвидс основал общество по изучению палийских текстов (Pali Text Society) с целью публикации канона и исследования так называемого «южного буддизма» (тхеравады или хинаяны). Общество выпускало журнал и серию изданий текстов и переводов. Сам Т. Рис-Дэвидс стал профессором пали и секретарем Королевского Азиатского общества в Лондоне. Вместе с М. В. Фаусбёллем

он опубликовал полный корпус джатак в шести томах. Последним предприятием ученого стала подготовка большого словаря пали, остающегося основным лексикографическим пособием до настоящего времени. После смерти Т. Рис-Дэвидса президентом палийского общества стала его супруга Каролина Рис-Дэвидс, также известный буддолог.

Г. Ольденберг сотрудничал с Т. Рис-Дэвидсом в издании и переводе буддийских сутр и книг «Виная-питаки» о правилах монашеского поведения. Основные концепции исследователя изложены в книге «Будда, его жизнь, учение и община». Г. Ольденберг связывал идеи первоначального буддизма с учением упанишад. Он считал достоверной палийскую традицию и полагал, что канон сложился в основном до собора в Вайшали в 380 г. до н. э. Заслугой автора является четкое разграничение по стилю и содержанию ранних и поздних буддийских текстов. По его мнению, первоначальный буддизм содержал скорее этическую проповедь, нежели религиозную доктрину.

Публикация канонических текстов в Европе вызвала большой энтузиазм на Цейлоне (совр. Шри-Ланка) и в буддийских странах Юго-Восточной Азии. На Западе буддологические изыскания имели шумный успех. Книга Т. Рис-Дэвидса «Буддизм. Очерки жизни и учений Гаутамы Будды», например, уже к 1890 г. выдержала 14 изданий. Была переведена она и на русский язык (как и работа Г. Ольденберга). Буддизм вошел в моду. Интерес к нему не был, конечно, чисто научным — возникали необуддийские общества, издавались специальные журналы типа «Буддист» для поклонников «Индийского Учителя Жизни». Под именем Ньянатилока стал настоятелем буддийского монастыря на Ланке один из известных немецких индологов. Кризис христианства и традиционных ценностей западной цивилизации вызывал жгучий интерес к восточным религиям — будь то буддизм или неоиндуизм. Но одновременно самим индийским учениям давалась модернизаторская трактовка в духе христианства. Даже знаменитую формулу упанишад, утверждавшую единство Космоса и индивида: «То ты еси» (tat tvam asi), П. Дойссен, например, толковал как аналог Нагорной проповеди «Возлюби ближнего своего».

Особого внимания заслуживает деятельность *русских буддологов, начиная с Ивана Павловича Минаева* (1840–1890). Еще в 50-е годы в России были осуществлены реформы в области образования, которые коснулись и востоковедения. Был основан факультет восточных языков Петербургского университета, который должен был стать современным научным центром. Студенты, показавшие особые успехи, получали возможность длительной стажировки в лучших университетах Германии, Франции, Англии. И. П. Минаев в студенческие годы занимался у китаиста-буд-

долога В. П. Васильева и у санскритолога К. А. Коссовича. Затем в течение пяти лет он совершенствовал свои познания в Европе, слушая лекции в Германии, занимаясь в рукописных собраниях Парижа и Лондона.

Первые книги ученого были посвящены изданию буддийского служебника «Пратимокша-сутра» с русским переводом и грамматике языка пали (1860–1870-е годы). Работая с палийскими рукописями, И. П. Минаев особое внимание уделил джатакам — рассказам о перерождениях Будды. Он видел в них прежде всего фольклорные произведения, оказавшие влияние на литературу многих народов мира. По этим источникам им делались попытки описать характер буддийской монашеской общины. Здесь же И. П. Минаев нашел древнейшее свидетельство о торговле Индии с Вавилоном.

Для становления ученого важное значение имели три его путешествия по Индии, Цейлону и Бирме, благодаря которым он составил ценную коллекцию рукописей (ныне хранится в Российской национальной библиотеке). Его впечатления нашли отражение в книге «Очерки Цейлона и Индии». И. П. Минаев активно сотрудничал в журнале Т. Рис-Дэвидса, публикуя неизвестные буддийские тексты. В книге «Старая Индия» он дал блестящий комментарий к «Хожению за три моря» Афанасия Никитина, а незадолго до смерти перевел со старофранцузского «Путешествие Марко Поло». Многочисленные заметки о современной Индии демонстрируют не только его эрудицию, но и замечательную прозорливость оценок.

Основной труд И. П. Минаева — монография «Буддизм. Исследования и материалы» (1887). Одним из важнейших источников для автора послужили только что открытые тогда рельефы ступы в Бхархуте. Сравнивая их сюжеты с изложением легенд в палийской «Типитаке», исследователь пришел к выводу, что ко II в. до н. э. канон еще не сложился в окончательном виде. Тем самым была подвергнута сомнению традиция, согласно которой канонические тексты оформились еще на первых буддийских соборах. Цель самих соборов ученый видел не столько в решении догматических разногласий, сколько в улаживании внутренних распрей по чисто организационным вопросам. Поздняя датировка палийского канона заставляла критически относиться к нему как к записи подлинных слов Будды. Приходилось с бóльшим вниманием относиться к памятникам так называемого «северного буддизма» на санскрите и в переводах на китайский и тибетский языки.

По остро дискутируемому вопросу об историчности самого Будды исследователь придерживался особой точки зрения. Он полагал, что у истоков всякого крупного религиозного движения обычно можно видеть фигуру основателя — Учителя. Если несомненно историческим лицом

был Мухаммед, то почему мы должны отрицать историчность Будды? Напротив, в вопросе о возможности установления фактов его подлинной биографии ученый был настроен скептически, да и не считал эту задачу особенно важной. То, с чем реально приходится иметь дело исследователю, — буддийская легенда, и именно в таком качестве она должна подвергаться научному анализу.

И. П. Минаев стал основателем *русской буддологической школы*, его учениками и преемниками являлись *Сергей Федорович Ольденбург* (1863–1934) и *Федор Ипполитович Щербатской* (1866–1942).

Первые работы С. Ольденбурга были посвящены анализу различных версий санскритских сборников сказок и проблеме влияний древнеиндийских сюжетов на литературу Ирана и арабского мира, а также средневековой Европы. Теория Т. Бенфея тогда подвергалась ожесточенной критике со стороны Ж. Бедье, полагавшего, что сходные мотивы у разных народов возникают независимо друг от друга. На обширном материале, в том числе персидских и арабских рукописей, впервые вводимых в научный оборот, русский ученый вырабатывал методику сравнительного анализа, выделяя те критерии, по которым заимствование может быть не только строго доказано, но и объяснено.

С. Ф. Ольденбург в течение четверти века (1904–1929) занимал должность непременного секретаря Академии наук. На этом посту он многое сделал для организации международного сотрудничества по изучению буддизма и культуры Центральной Азии. С 1897 г. под его редакцией выходила *серия изданий «Библиотека Буддика»*, в которой участвовали многие ученые Европы и Азии. Цель ее была отчасти сходна с той задачей, которую ставило перед собой «Общество», основанное Т. Рис-Дэвидсом, — но по отношению к текстам «северного буддизма». Количество последних значительно больше, чем палийских, и сохранились они на многих языках: санскрите, китайском, тибетском, монгольском, японском, уйгурском, что, естественно, крайне усложняет проблему их изучения — публикации, перевода, интерпретации.

На рубеже XIX–XX вв. накапливалось все больше материала из Восточного Туркестана. Русский консул в Кашгаре Николай Федорович Петровский собирал древности и передавал их для изучения С. Ольденбургу. Последний, в частности, опубликовал фрагмент важнейшего буддийского текста «Дхаммапады» — рукописи, превосходящей по древности любую из сохранившихся в Индии. Материалы экспедиции в этот регион Д. А. Клеменца произвели настоящую сенсацию на Международном конгрессе востоковедов в 1900 г. По решению конгресса был создан Комитет для изучения Средней и Восточной Азии в археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Центром этой интернациональ-

ной организации стал Русский комитет во главе с тюркологом В. В. Радловым и С. Ф. Ольденбургом.

Ученые из Русского комитета долго не могли получить достаточных средств для финансирования экспедиции в Восточный Туркестан, их коллеги из Западной Европы и Японии оказались значительно удачливее и действовали весьма оперативно. На протяжении 1900–1916 гг. английский исследователь *Марк Аурель Стейн* (1862–1943) совершил три экспедиции в этот регион. Их результатом явились богатейшие коллекции памятников искусства и письменности, хранящиеся ныне в Дели и в Лондоне. А. Стейн (Штейн) опубликовал серию многотомников об этих путешествиях: «Древний Хотан», «Серындия», «Внутренняя Азия».

Три немецкие экспедиции в 1902–1907 гг. возглавил *Альберт Грюнведель* (1856–1935). Буддийская настенная живопись, вывезенная А. Грюнведелем и его сотрудником А. Лекоком, теперь составляет гордость Берлинского музея. *В Турфане найдено было и множество старинных манускриптов, сохранившихся в сухом климате Туркестана.* Их разбором в Берлине занялись Рихард Пишель и Генрих Людерс. Сенсацией явились, в частности, обнаруженные среди турфанских находок фрагменты драмы буддийского поэта Ашвагхоши — они дали совершенно новый материал к проблеме древности индийского театра и окончательно опровергли идею Макса Мюллера о веках молчания санскритской литературы.

Французскую экспедицию возглавлял Поль Пеллио (1878–1945), а в разборе материалов ближайшими его сотрудниками были такие крупнейшие востоковеды, как китаист Эдуард Шаванн и индолог С. Леви. С 1902 по 1913 г. в этих краях побывали также три японские экспедиции. Наконец организованы были и русские экспедиции под руководством С. Ольденбурга — в Турфан (1908–1909) и в Дуньхуан (1914–1915). В основном они имели характер археологической разведки, но война и революция помешали продолжению этих работ. Ценное собрание рукописей, находящееся в Петербургском филиале Института востоковедения, и памятники искусства, хранящиеся в Эрмитаже, лишь в последние годы начинают публиковаться.

Центральноазиатские находки во многом определили характер дальнейших исследований по буддизму и индийской культуре.

Ведущими фигурами в европейской буддологии 20–30-х годах являлись Ф. Щербатской, Л. де ла Валле Пуссен (Бельгия), М. Валлезер (Германия), С. Леви (Франция), С. Шайер (Польша), Дж. Туччи (Италия).

Ф. Щербатской в студенческие годы занимался лингвистикой под руководством И. Минаева. Затем он уехал в Вену учиться у Г. Бюлера, готовил диссертацию по санскритской поэзии и читал эпиграфические тексты.

Но наибольшее значение для него имели годы, проведенные в Бонне в семинаре Г. Якоби, которого Ф. Щербатской именовал своим «гуру» — наставником. Круг интересов немецкого индолога составляла духовная культура: характер мышления древних индийцев, особенно их логики и поэтики. Эта тематика стала основной и для русского ученого. С 1900 г. Ф. Щербатской начал преподавать в Петербургском университете (после С. Ольденбурга). Он подготовил двухтомное сочинение «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов» (1903–1909).

Русский ученый возлагал большие надежды на живую традицию, в которой, по его мнению, сохранялись старинные методы обучения и верный подход к интерпретации научных сочинений — шастр. Во время путешествия в Индию в 1910 г. ему посчастливилось познакомиться с индийцем — знатоком логики ньяя. Несколько месяцев ученый провел в деревне возле Бомбея, целыми днями читая с ним средневековые трактаты и обсуждая на санскрите философские проблемы. В Калькутте он узнал, что А. Стейн нашел уйгурскую версию буддийской философской энциклопедии «Абхидхармакоша» Васубандху, санскритский оригинал которой тогда считался утерянным. Целый ряд исследователей в разных странах взялся за изучение этого памятника. Ф. Щербатской уже работал с ним в тибетском переводе. Своего наиболее одаренного ученика Оттона Оттоновича Розенберга он послал на стажировку в Японию в надежде на то, что там появится возможность познакомиться с местной традицией истолкования «Абхидхармакоши».

Итогом многолетних трудов Ф. Щербатского явились три его монографии, в 20–30-е годы опубликованные на английском языке: «Центральное понятие буддизма», «Концепция нирваны» и двухтомная «Буддийская логика». *В работах русского исследователя впервые была раскрыта огромная роль буддийской философии в истории индийской культуры, а также дана современная интерпретация ее основных понятий.* Общее представление автора об эволюции буддизма сводилось к тому, что до возникновения махаяны следует говорить не о религии, а скорее о течении философской мысли, причем течении по сути сходном с кантианством.

В советское время был создан Институт буддийской культуры, где под руководством Ф. Щербатского работали его ученики: Е. Е. Обермиллер, А. И. Вострикова, М. И. Тубянский и др. Большая часть их была репрессирована, и к концу 30-х годов так называемая «русская школа буддологии» перестала существовать.

Постоянным оппонентом Ф. И. Щербатского был *Луи де ла Валле Пуссен* (1869–1938), его однокашник по семинару Г. Якоби. Он категорически отрицал определение буддизма как «атеистической религии»

и возражал против кантианской интепретации его понятий. Первоначальный буддизм казался ему чистой йогой. Многочисленные работы бельгийского ученого посвящены истории догматики и школам махаяны. Основателем целого научного направления стал С. Леви. Результатом его работ стало исследование вклада различных сект (в частности, йогачаров) в буддийскую культуру и история махаянических текстов в странах Восточной и Центральной Азии.

Важные результаты имели также экспедиции Джузеппе Туччи (1894–1984), привезшего санскритские рукописи из монастырей Непала и Тибета. Специалист по махаяне, философии ньяя, искусству Тибета и Непала, Дж. Туччи был директором основанного в 1933 г. Института для изучения Центральной Азии в Риме.

Гейдельбергский профессор Макс Валлезер (1874–1954) написал многотомный труд «Буддийская философия в ее историческом значении». Он отрицал определение раннего буддизма как этического учения, ибо в нем ставилась проблема не межличностных отношений, а лишь спасения индивидуального «Я». Учеником М. Валлезера и философа Э. Гуссерля был Станислав Шайер (1899–1941), профессор Варшавского университета, автор ряда переводов и исследований по буддийской метафизике.

Сама постановка вопроса о философских основах этой религии вынуждала исследователей широко привлекать тексты различных направлений в буддизме (в частности, школ махаяны), сохранившиеся большей частью в переводах. Вставала и общая проблема соотношения этих направлений и возможности реконструкции доканонического предания. По данному поводу высказывались самые различные суждения. Так, если Г. Людерс затратил большие усилия на восстановление «Первоканона», то, например, С. Шайер скептически оценивал не только полученные результаты, но и саму постановку проблемы. Однако в любом случае стало ясно, что нельзя, подобно Т. Рис-Дэвидсу, воспринимать священные тексты палийской «Типитаки» как подлинные слова Учителя.

После революции Мэйдзи к европейской науке приобщились и японцы, для которых, естественно, проблемы буддологии являлись центральными. Ученые буддисты Буньо Нанзё и Такакусу у Макса Мюллера осваивали приемы современной текстологии. В 1883 г. Б. Нанзё опубликовал в Оксфорде ценнейший каталог китайских переводов «Типитаки». В начале XX в. Такакусу приступил к чтению курса лекций по истории индийской философии в Токийском университете. После Первой мировой войны Урай Огихара сотрудничал с С. Леви и Ф. Щербатским в издании буддийских текстов в серии «Библиотека Буддика» и в восстановлении санскритских оригиналов по китайским переводам.

Едва ли не первую работу подобного рода выполнил еще в начале века петербургский востоковед Александр Августович (Александр Вильгельм) Сталь-Гольштейн (1877–1937). После революции он остался в эмиграции и основал в Пекине «Китайско-индийский институт» Гарвардского университета для изучения древнего наследия Южной и Восточной Азии. Классическая работа о понятии «дхарма» и об основных проблемах буддийской философии была написана О. Розенбергом (1888–1919), активно сотрудничавшим с японскими коллегами. Ее автор погиб во время гражданской войны.

В Японии издавалось огромное количество текстов и публикаций по проблемам буддизма, в том числе и индийского, однако далеко не все они являются научными в современном смысле слова. Большое влияние в начале века еще сохраняла традиционная ученость. С другой стороны, под европейским влиянием (в частности, П. Дойссена) буддийским текстам стала даваться модернизаторская интерпретация.

На рубеже веков отдельной ветвью индологии стало изучение джайнских текстов. Одним из первых в Европе исследователей джайнизма был А. Вебер. В 80–90-е годы он получил от жившего в Индии Г. Бюлера джайнские рукописи и в связи с составлением их каталога дал общий обзор литературы секты шветамбаров. Но *наибольшее значение имели работы* его ученика *Германа Якоби* (1850–1937). Именно он доказал, что джайнизм — самостоятельная религия, развивавшаяся независимо от буддизма. Г. Якоби сделал крупный шаг в изучении среднеиндийских языков — пракритов, на которых написаны джайнские тексты, ему принадлежат основные переводы джайнских сочинений.

Наиболее полная грамматика пракритов принадлежит Рихарду Пишелю (1900). Джайнская литература была предметом исследований Эрнста Леймана (1859–1931), у которого в начале века учился Николай Дмитриевич Миронов (1880–1936) — составитель известных каталогов древнеиндийских рукописей Азиатского музея и Публичной библиотеки.

Дело, начатое Г. Якоби, продолжил Вальтер Шубринг (1891–1969), автор фундаментальной монографии «Учение джайнов» (1935). Учеником же последнего был Людвиг Альсдорф (1904–1978). Таким образом установилась традиция в изучении джайнизма — главным образом в немецкой индологии. Однако эта религия и ее литература никогда не привлекали такого пристального внимания исследователей, а тем более широкой общественности, как буддизм.

В последней четверти XIX века Макс Мюллер организовал *знаменитую серию переводов «Священные книги Востока»* (Sacred Books of the East) в пятидесяти томах. Бóльшая часть их содержала важные для

индологии источники. В этой серии вышли большие фрагменты «Ригведы» и «Атхарваведы», полностью «Шатапатха-брахмана» в пяти томах, несколько томов дхармашастр и грихьясутр, ряд книг из палийского канона и том памятников махаяны, два тома основных джайнских сутр. Некоторые статьи, приложенные к переводам, были, по существу, настоящими монографическими исследованиями. Серия эта переиздается и используется до сих пор.

В начале XX в. стало возможным написание большой «Истории индийской литературы» — этот труд взял на себя работавший в Праге Морис Винтерниц (1863–1937). Его трехтомная монография (1908–1922) охватывала не только санскритские тексты, связанные с ведами и индуизмом, но также буддийскую и джайнскую литературу, классическую поэзию и прозу, научные трактаты. Как сводка фактического материала работа М. Винтерница сохраняет свое значение и в Индии была переведена на английский язык.

К концу XIX в. все больше стало появляться работ, посвященных общественному и государственному строю Древней Индии. Прежде, главным образом на основе «Законов Ману», историки говорили о жесткой кастовой структуре, всевластии жрецов-брахманов, обожествлении царя-деспота, который одновременно являлся их послушным орудием. Однако эпические, джайнские и, главное, буддийские источники заставляли внести в эту картину существенные поправки.

Т. Рис-Дэвидс в своей книге «Буддийская Индия» подверг анализу тексты палийского канона и нашел многочисленные указания на республиканские государства (сангхи и ганы), игравшие важную роль во времена Будды. Он показал также, что брахманская литература тенденциозно преувеличивает роль жречества — по крайней мере буддийские тексты явно ставят на первое место военную знать — кшатриев. Миссис К. Рис-Дэвидс собрала большой материал по реалиям, отраженным в «Типитаке», в том числе о характере домохозяйства и земельных владениях, о рабах и слугах, быте и нравах.

Особую важность представляла проблема каст. Ведийские тексты, по которым можно было бы судить о времени появления варн и взаимоотношениях между ними, обсуждал еще А. Вебер. Немаловажное значение имела в свое время и подборка брахманских источников по этой теме, сделанная Джоном Мьюром (1810–1882). Совершенно по-новому эта проблема была поставлена в книге Рихарда Фика (1867–1944) «Социальная дифференциация в Северо-Восточной Индии во времена Будды» (1893). Автор подверг анализу палийские тексты и пришел к выводу, что лишь сами брахманы составляли некую замкнутую касту. Источники типа

«Законов Ману», по его мнению, скорее отражают брахманские теории и претензии, нежели социальную действительность. В середине I тыс. до н. э. реальное положение человека в обществе определялось в большей степени его профессиональными занятиями, чем принадлежностью к той или иной варне.

Тем же проблемам посвятил монографию Э. Сенар. К этому времени английские этнографы уже проделали огромную работу по описанию племен и каст современной Индии. Французский индолог считал значительно более полезным при изучении древности опираться на результаты составленных ими «Газеттиров», чем на чисто кабинетные лингвистические реконструкции. Он полагал, что основной признак касты — эндогамия — прямо указывает на происхождение этого института от родоплеменных образований первобытной эпохи.

В начале XX в. серьезный социологический анализ проблемы касты дал Макс Вебер (1864–1920). Опираясь на переводы источников и труды этнографов, он поставил проблему мобильности в кастовом обществе. Исследователь подчеркивал глубокое принципиальное отличие иерархически организованного общества от эгалитарного и пытался проследить влияние религий буддизма и брахманизма на социальную действительность.

Для восстановления подлинной истории Древней Индии — политической, социальной, культурной — необходимы были данные *археологии, эпиграфики, нумизматики*. Развитие этих наук начиналось с антикварных увлечений отдельных любителей-энтузиастов, но к концу XIX в. работа приобрела не только вполне профессиональный вид, но и нашла организационные формы своего воплощения.

Наиболее значительной фигурой XIX в. в археологическом изучении Индии является *Александр Каннингэм* (1814–1893). Более двадцати лет он отдал военной службе, в 1861 г. вышел в отставку в генеральском чине и полностью отдался любимому делу. А. Каннингэм стал первым генеральным директором основанной в 60–70-е годы *Археологической службы Индии* (Archaeological Survey). Создание этой службы было связано с осуществлением ряда культурных программ, принятых британским правительством после подавления восстания сипаев. Археологическая служба выпускала ежегодные отчеты (Annual Reports) о результатах своей деятельности. В 1871 г. А. Каннингэм опубликовал объемистый труд о древней географии Индии, в значительной мере основанный на анализе французского перевода записок Сюан-цзана. Точные данные китайского пилигрима о тех районах, где он побывал, оказали неоценимую помощь в локализации археологических памятников. Исследователь сам проводил

раскопки наиболее значительных ступ — в Санчи и Видише, Бхархуте и Сарнатхе. Ему принадлежит также публикация свода надписей Ашоки и одна из первых работ об индийских монетах.

Преемником А. Каннингэма стал Д. Бёрджесс (1832–1916), проводивший обмеры скальных храмов и монастырей Западной Индии и уделявший огромное внимание консервации памятников старины и охране древностей. С целью издания находок и их описания в 1872 г. был основан журнал «Собиратель индийских древностей» (Indian Antiquary).

В 1902 г. по инициативе вице-короля Индии лорда Керзона Археологическая служба превратилась в правительственную организацию, получившую солидное финансовое обеспечение. Был принят «Акт об охране древностей» и налажена система регистрации памятников и их изучения. Руководителем Археологической службы стал *Джон Губерт Маршалл* (1876–1958), организовавший планомерные раскопки Таксилы и Паталипутры, древней столицы личчхавов Вайшали и буддийского университета в Наланде.

Одновременно французский археологический институт в Кабуле занимался изучением памятников культуры восточного эллинизма на границах Индии. Итоги этой работы были подведены Альфредом Фуше (1865–1952) в его трехтомном труде «Греко-буддийское искусство Гандхары» (1905–1908 и 1951). Этот же исследователь вместе с Дж. Маршаллом обследовал ступу в Санчи, сопоставляя изображения с сюжетами буддийских джатак. Г. Людерс сравнивал рельефы Бхархута с буддийскими легендами и, в отличие от И. П. Минаева, пришел к выводу о полном согласии источников.

Европейцам XIX в. памятники индийского искусства казались бесформенными и чудовищными — лишь на рубеже XX столетия стали появляться первые работы о специфике восточной эстетики. Связано это как с открытиями многочисленных произведений искусства, так и с изменением художественных вкусов в самой Европе. Важную роль в изучении индийского искусства сыграла работа А. Грюнведеля «Буддийское искусство в Индии» (1893). По мнению автора, до буддизма страна вообще не знала изобразительной традиции, ибо этого не требовала ведийская религия. Искусство возникло с распространением буддизма и складывалось первоначально под греческим влиянием. Лишь позднее Гандхара дала импульс для возникновения других местных школ.

С серьезным возражением против данной концепции выступил С. Ольденбург, который полагал, что наряду с ведийской существовала религиозная система, отраженная в эпосе. Именно в этой, народной по сути, основе и могли находиться истоки древнейшего индийского искусства.

В анализе проблемы ученый исходил из круга идей, высказанных им в трудах о фольклорном происхождении буддийской повествовательной литературы.

В 20-е годы важнейшие археологические открытия были сделаны в долине Инда. Здесь практически одновременно начались раскопки Мохенджо-Даро и Хараппы. Экспедицию возглавил Дж. Маршалл, затем в работах приняли участие американцы (Э. Маккей). Значение этих открытий заключалось прежде всего в том, что историю Индии пришлось начинать на тысячу лет раньше «арийского завоевания» — Хараппа была современницей великих цивилизаций Египта и Месопотамии. Более того, обнаружилось, что в столь глубокой древности между Индией и Ближним Востоком уже поддерживались тесные связи. Загадочная культура, создавшая благоустроенные крупные города и письменность, исчезла столь же внезапно, как и появилась. Она явно не была индоевропейской, а потому возникли новые проблемы — не только ее этнической принадлежности, но и возможного наследия. Таким образом, *археология способствовала постановке вопроса о доарийском субстрате.*

Индия в науке XIX в. рассматривалась исключительно в индоевропейском контексте. Ее древняя история сводилась к расселению ариев и созданию их государств в Северной Индии. *В XX в. ситуация постепенно меняется: страна и ее народы начинают изучаться как часть Азии.* Внимание ученых привлекают история и культура юга полуострова, населенного дравидами. Лингвисты обнаруживают дравидизмы в санскрите и даже в языке «Ригведы». С. Леви и Ж. Пшилуски пытаются объяснить неарийским влиянием самые существенные элементы религии индуизма: почитание коровы, веру в переселение душ, кастовую структуру. Одним из первых специалистов в России, работавшим в этом направлении, был дравидолог Александр Михайлович (Густав Герман Христиан) Мерварт (1884–1932), собравший в Индии и на Цейлоне замечательную коллекцию, хранящуюся ныне в Петербургском Музее этнографии (Кунсткамера). Его деятельность не получила продолжения в Советском Союзе, так как ученый был репрессирован.

Наряду с археологией с конца прошлого века бурно развивалась и индийская эпиграфика. В 1877 г. вышел первый том «Corpus inscriptionum indicarum», содержавший надписи Ашоки. В 1890 г. была основана серия «Надписи Южной Индии», с 1892 г. начал издаваться журнал «Epigraphia indica». Главным образом, публиковались эпиграфические памятники Западной Индии, района особенно богатого старинными надписями. В этой работе активное участие принимали индийские ученые Бомбея и Пуны.

Наиболее выдающийся эпиграфист прошлого века — Георг Бюлер (1837–1898). Он был учеником Т. Бенфея, сотрудничал с Максом Мюл-

лером, семнадцать лет провел в Индии (работая в Эльфинстон-колледж в Бомбее, 1863–1880), а в конце жизни преподавал в Вене. Г. Бюлер проводил систематическую работу по собиранию манускриптов, и его коллекция насчитывала около пяти тысяч номеров. Многие тексты были изданы, в частности, в «Bombay Sanskrit Series», основанной им же в 1868 г. В Европе он опубликовал целый ряд переводов, прежде всего дхармашастр.

Результаты многолетних исследований Г. Бюлера были подытожены в его книге «Индийская палеография» (1896). С тех пор эпиграфика стала превращаться в надежную основу для восстановления политической истории. Немалое значение имела она и для критики субъективных построений в области истории индийской культуры. Так, Г. Бюлер убедительно опроверг концепцию Макса Мюллера о «веках молчания» санскритской литературы. Он установил, что, по эпиграфическим данным, так называемая «искусственная поэзия» кавья уже существовала на рубеже новой эры.

Появилась целая плеяда знатоков индийских надписей. Некоторые из них жили в Индии и служили в эпиграфическом отделе Археологической службы. Среди них особо следует упомянуть крупнейшего специалиста по индийской грамматической традиции Франца Кильхорна (1840–1908). Евгений Хульцш (1857–1927) в 1925 г. подготовил новое издание первого тома «Корпуса индийских надписей». Третий том (1888), включавший в себя надписи Гуптов, составил Джон Флит (1847–1917). Второй том предполагался в двух частях. Вторую часть (надписи кхароштхи) в 1928 г. издал Стен Конов (1867–1948). Первую — надписи брахми — готовил ученик Ф. Кильхорна Г. Людерс. Собранные им материалы увидели свет лишь в начале 60-х годов (эпиграфика Матхуры и Бхархута).

Г. Бюлер был и выдающимся организатором науки. После возвращения из Индии он разработал грандиозный план издания серии монографий Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde, выходившей с 1896 по 1935 г. В ее подготовке участвовали крупнейшие индологи из разных стран мира: Г. Бюлер (палеография), А. Бэйнс (этнография), Э. Рапсон (нумизматика), Р. Пишель (пракриты), В. Гейгер (пали, сингальский язык и литература), Ю. Иолли (право и обычай, медицина), А. Макдоннелл (ведийская мифология), М. Блумфилд (Атхарваведа), Э. Хопкинс (эпическая мифология), А. Хиллебрандт (ритуальная литература), Р. Г. Бхандаркар (вишнуизм и шиваизм), Г. Керн (буддизм), В. Шубринг (джайнизм), С. Конов (классическая драма), Дж. Тибо (астрономия и математика), Р. Гарбе (философия санкхья и йога). Серия не была закончена по первоначальному плану — сначала погиб Г. Бюлер,

потом помешала мировая война, наконец, сошло со сцены поколение классиков индологии. *Но многие из монографий на десятилетия оставались основными трудами по соответствующей теме.*

Характерно, что вся серия была посвящена, как явствует уже из ее названия, именно «индоарийской филологии». В тот период, когда она была задумана, в науке еще не сложилась тенденция к выяснению доарийского и неарийского компонентов древнеиндийской культуры. Не шла речь и о реконструкции древней истории страны — исследователи ограничивались, скорее, обзором ее «древностей».

Между тем исследование политической истории Индии уже начиналось, и основа его была заложена публикацией надписей Ашоки и гуптских царей. Наибольшую популярность приобрели общие труды Винсента Смита (1848–1920): «Ашока — буддийский император Индии» (1901), «Ранняя история Индии» (1904), «Оксфордская история Индии» (1919). Образцами, на которые ориентировался ученый, были труды Дж. Грота, Т. Моммзена, Л. Ранке. Он стремился аргументировать свои выводы, критически оценивая источники, хотя это и не всегда ему удавалось. Всю историю Индии автор делил на три периода: индусский, мусульманский и британский. Самое начало ее он усматривал в «арийском завоевании» (Хараппская культура тогда еще не была открыта). Для всех работ историка характерен своего рода культ героев. В качестве этих великих людей, добивавшихся создания великих держав, фигурируют Ашока, Чандрагупта II, Харша. Индия процветала при сильных правителях, умевших организовать систему «просвещенного деспотизма». Периоды распада крупных государств В. Смит рассматривал как время анархии и упадка. Последовательно проводимая им «имперская идея» соответствовала официальной точке зрения британской историографии.

В начале века Англия уделяла все большее внимание ориенталистике. В 1917 г. была создана лондонская Школа востоковедения, предназначенная для подготовки практических работников в Азии (а позднее и в Африке). Коллектив авторов подготовил «Кембриджскую историю Индии». Первый том ее, посвященный периоду древности, содержал общий очерк политической истории и основные сведения по культуре эпохи древности. Характеристика социальных отношений давалась лишь в связи с общественной моралью. Соответственно, например, гетерам уделялось куда большее внимание, чем рабам. В целом же эта работа английских ученых отличается взвешенностью подхода и осторожностью оценок.

Помимо эпиграфики важнейшими источниками для восстановления политической истории являются так называемые пураны. Пионером исследования индийской исторической традиции был Фредерик Эден Пард-

житер (1852–1927), много лет живший в Бенгалии и служивший там судьей. Ученый начал с перевода «Маркандея-пураны», затем собрал пуранические тексты о династиях Кали-юги и, наконец, обобщил свои выводы в книге «Древнеиндийская историческая традиция» (1929). Ф. Парджитер полагал, что все пуранические генеалогии в наиболее существенных моментах совпадают и, возможно, восходят к единому первоисточнику. Он склонен был считать достоверными сведения пуран не только в отношении поздних династий («Кали-юги» — от Маурьев до Гуптов), но и самых ранних, связанных с ведийскими легендами и эпическими преданиями.

В межвоенный период появилась история Древней Индии и во французской историографии (ее написал Л. де ла Валле Пуссен для серии «История человечества»).

В начале XX в. начинает складываться школа современной историографии в самой Индии. У ее истоков стоял *Рамакришна Гопал Бхандаркар* (1837–1925), один из сотрудников Г. Бюлера. Он получил европейское образование, был вице-канцлером Бомбейского университета, занимался сбором и каталогизацией санскритских рукописей. Как исследователь Р. Г. Бхандаркар вовсе не был похож на традиционного индийского ученого — пандита. Его девизом было: «Историк — беспристрастный судья, который обеспокоен лишь поисками истины». В суровой критике источников он менее всего грешил легковерием — скорее был склонен к гиперкритицизму. Среди трудов Р. Г. Бхандаркара особо надо отметить «Древнюю историю Декана» (1884), посвященную в основном Махараштре, а также монографию «Вишнуизм, шиваизм и малые религиозные секты», вышедшую в серии, основанной Г. Бюлером. Его именем назван исследовательский институт в Пуне, основанный им в 1917 г. (Bhandarkar Oriental Research Institute). К его последователям причисляют таких известных индийских историков, как П. В. Кане, А. С. Алтекар, Нилакантха Шастри и др.

С 80-х годов XIX в. в связи с ростом национального самосознания начинается большая работа по изданию санскритских текстов. В разных частях страны были основаны обширные серии публикаций «Чаукхамба» (Бенарес), «Нирная Сагар», «Анандашрама» — они содержали сотни томов. Активно работало и Азиатское общество под руководством Харапарасада Шастри (1853–1931). Освободительное движение во время Первой мировой войны способствовало созданию новых обществ и научных журналов, призванных осветить прошлое индийского народа. Здесь можно упомянуть «Исследовательское общество Бихара и Ориссы» в Патне и «Общество Индии и сопредельных стран» (Greater India Society), журнал востоковедов Бароды (с 1915), Мадраса (с 1918), Андхры (с 1922), «Анна-

лы института Бхандаркара» (с 1920), «Ежеквартальный индологический журнал» (Indian Historical Quarterly) — Калькутта (с 1925 г.). С 1919 г. регулярно организуются ежегодные сессии индологов (All-India Conference).

Перед Первой мировой войной в Берлине у Г. Людерса приобрел подготовку в области текстологии Вишну Суктханкар (1887–1943). Ему пришлось возглавить то грандиозное предприятие, которое запланировали немецкие санскритологи, — критическое издание «Махабхараты» (Пуна, с 1919 по 1966 г.). В процессе его подготовки индийские ученые отрабатывали современные принципы публикации и исследования огромного эпического текста. В Бароде в 1928–1947 гг. вышло в свет критическое издание «Рамаяны» в восьми томах.

Наряду с работами, находящимися на уровне науки XX в., публиковалось в Индии и множество вполне традиционных сочинений. Ученые знатоки шастр писали санскритские комментарии, подражая средневековым авторитетам. На английском языке появлялись статьи, авторы которых старались датировать веды временем, удаленным от нас на несколько десятков тысяч лет. Вряд ли будет ошибкой сказать, что множество публикаций отличалось отсутствием исторического сознания, незнанием приемов критики источников, по существу, мифологическим представлением об окружающем мире.

С другой стороны, вплоть до XX в. в Индии можно было встретить носителей живой традиции, получивших от учителей знание выработанных веками методов интерпретации текстов. Обращение европейских ученых к шастрам — трактатам по философии и эстетике, астрономии и математике — заставляло их не ограничиваться только филологическим анализом, но и осваивать туземную науку именно так, как ее проходили в местных школах. У индийских пандитов занимались Г. Бюлер и наш соотечественник Ф. Щербатской. Когда-то, во времена У. Джонса и Г. Вильсона, европейцы принимали на веру любое слово, сказанное пандитом. Освобождение от слепого доверия к ним знаменовало становление научной санскритологии середины XIX в. И наконец, уже в XX столетии ученые вновь обратились к живой традиции, изучая ее во всеоружии современного знания и критики.

Можно отметить и другую сторону дела: немецкая санскритология XIX в. складывалась в русле романтической традиции. Весьма характерно, что люди, всю жизнь преданно занимавшиеся древней литературой Индии (как, например, Макс Мюллер), не проявляли ни малейшего желания посетить страну. Когда же более молодые ученые приезжали в Индию (как Рихард Гарбе, известный специалист по философии санкхья),

они не скрывали своего разочарования тем, как мало современность соответствует их представлениям о древности. *Должно было измениться само отношение к Индии, чтобы появился живой интерес к тем же шастрам и их знатокам — пандитам или к буддийской философии и учености лам.* Во времена господства позитивизма индийская мистика и традиционная схоластика обычно вызывали насмешку или просто скуку. В эпоху же появления новых философских школ — неокантианцев, А. Бергсона — вдруг становились актуальными целые пласты древнего духовного наследия и казались понятными основы миросозерцания Индии.

В работах по истории индийской культуры, написанных на рубеже веков, общей тенденцией являлось выявление ее своеобразия. *Прежнее поколение индологов больше было занято проблемами происхождения отдельных литературных памятников, религиозных культов или научных достижений, чем характеристикой того или иного аспекта индийской культуры как системы.* Но ситуация изменилась. С. Леви в классической работе об индийском театре показал, что общие его принципы совершенно отличны от греческого. После работ Г. Якоби об основных категориях санскритской эстетики стало ясно, какие критерии использовали сами индийцы в оценке поэтических произведений. Ф. Щербатской установил, что индийская логика была принципиально отлична от аристотелевской. *Механистические эволюционистские построения стали уступать место пониманию множественности мировых цивилизаций.*

Расширение кругозора западного человека способствовало увлечению восточными культурами. С другой стороны, в самой Индии происходил бурный процесс модернизации и переосмысления традиционных ценностей. Показателем последнего явилась деятельность таких проповедников, как Рамакришна и Свами Вивекананда и их влияние на духовную жизнь Америки и Европы. В истории изучения индийского искусства в этой связи особого упоминания заслуживает Ананда Кумарасвами (1863–1943). Он родился на Цейлоне, после учебы в Лондоне стал директором Минералогической службы острова и основал там общество социальных реформ. С 1910 г. А. Кумарасвами приступил к занятиям историей индийского искусства и стал наиболее авторитетным специалистом в этой области. Вторую половину своей жизни он провел в США, где работал хранителем богатой индийской коллекции Музея изящных искусств в Бостоне. Основная идея многочисленных работ ученого заключается в том, что понимание индийского искусства невозможно без внутреннего постижения духовных ценностей, присущих именно данной цивилизации. Этот

принципиальный подход автора фундаментальной «Истории индийского искусства» оказал влияние на целое поколение искусствоведов и, в частности, на известного немецкого индолога Германа Гетца (1898–1976).

Проблема соотношения основ мировоззрения Индии и Запада ставилась в работах Сарвепалли Раджакришнана (1888–1975), будущего президента Индии. В написанном им обширном труде «Индийская философия» давались оценки культурного наследия в неоиндуистском духе.

После Первой мировой войны в связи с борьбой за самоуправление и освобождение Индии древняя история страны приобретала особую актуальность. Согласно общей концепции, давно уже сложившейся в Европе, индийцы — народ мечтателей и философов, далеких от активной политической жизни. Эта точка зрения высказывалась в различных вариантах. Макс Мюллер, например, подчеркивал, что именно такая особенность нации позволила ей достичь вершин религиозной мысли и поэзии. Винсент Смит делал акцент на другом, утверждая, что для подобного народа чужеземное владычество всегда бывало благодетельно. Исходное утверждение, однако, во всех случаях оставалось тем же, и именно оно совершенно не устраивало молодую индийскую интеллигенцию. Пристальное внимание историков в 20-е годы сосредоточилось на сугубо мирских аспектах жизни индийцев в древности: их заботах об экономическом процветании и государственном управлении.

Исследования этого рода получили мощный стимул благодаря открытию в начале века «Артхашастры Каутильи». Книга, которую традиция связывала с эпохой основателя Маурийской державы, произвела сенсацию и среди европейских индологов. Прежде всего обращали на себя внимание рекомендации политических убийств и другие проявления «аморализма». Ученые видели в Каутилье «индийского Макиавелли» или сравнивали его с Бисмарком по той роли, которую он сыграл в образовании первого общеиндийского государства. Говоря о значении этого памятника, выдающийся его переводчик и исследователь Иоганн Якоб Мейер (1870–1939) писал: «Артхашастра открыла материалистическую в своей основе Индию».

В самой Индии публикация текста и английского перевода «Артхашастры» вызвала невиданный энтузиазм. В 20-е годы не было ни одного индийского историка, который не обращался бы к этому источнику, — «Библии имперской политики», как его тогда называли.

Ведущий индийский историк 20-х годов — Каши Прасад Джаясвал (1871–1937). Он изучал в Оксфорде право, но преподавать в Калькуттский университет его не взяли из-за «репутации опасного революционера». К. П. Джаясвал работал адвокатом и издавал журнал в Патне. Его прославила книга «Индусская государственность» (Hindu Polity). Для

автора характерна резкая модернизация всех политических понятий санскритской литературы (а также манера изложения, присущая адвокату). Общая тенденция работы заключалась в доказательстве того, что в Древней Индии все было так же, как в Европе, но происходило значительно раньше. Например, собрание советников (паришад) он толковал как «совет министров», в эпосе обнаруживал «двухпалатный парламент», а в буддийской литературе — «демократические республики». Обращенные к царю призывы не нарушать дхарму, т. е. обычаи и религиозные нормы, для него были равнозначны конституционным установлениям. В итоге ученый приходил к общему заключению, что древнеиндийское государство было отнюдь не «восточной деспотией», а процветающей демократией (в духе современной Англии). Тиранические же порядки привносились туда лишь иноземными завоевателями (например, Кушанами). Политический смысл его работы вполне очевиден. Но следует заметить, что К. П. Джаясвал собрал значительный материал источников и привлек внимание к целому ряду аспектов структуры государств Древней Индии.

Модернизация древней истории была свойственна некоторым европейским исследователям не меньше, чем индийцам. Особенно характерны в этом отношении работы Бернгарда Брелера (1894–1947), ученика Г. Якоби. Как убежденный национал-социалист, в 30-е годы он стал деканом в Берлинском университете. Самая фундаментальная его работа — ценное исследование об «Артхашастре» в трех томах (1928–1934) — посвящена организации экономики и государственного управления в Древней Индии. Конечные выводы автора заключаются в том, что в Маурийский период было создано плановое централизованное хозяйство и государство с системой тоталитарного контроля. Иначе говоря, как формулирует сам Б. Брелер, в Индии сложилась социальная и политическая структура, весьма напоминающая Советскую Россию и являющаяся воплощением национал-социалистических идеалов.

Работы наиболее видных индийских историков 20-х годов были по самой своей тематике тесно связаны с современностью. Заслуживают упоминания книги таких исследователей, как Радхакумуд Мукерджи (1880–1963) и Ананд Садашив Альтекар (1896–1959). Они занимались, в частности, проблемой сельской общины, подчеркивая способность индийцев уже в древности создавать демократические формы самоуправления, хотя бы и на местном уровне. В идеализированных биографиях Чандрагупты, Ашоки, Харши превозносились заслуги сильных правителей, проявлявших отеческую заботу о подданных державы.

В 30-е годы идеологическая тенденция заметно менялась — все чаще подчеркивалось своеобразие развития Индии и ценность ее духовного наследия. Можно сказать, что если К. П. Джаясвал и его соратники были

в основном «западниками», то теперь наступил черед «почвенников». Национализм не исчез, он приобрел более глубокие формы. В этой связи изменилась и направленность интересов: от чистой политики — к культуре, однако последняя трактовалась прежде всего в плане религиозных традиций, а «индийское» отождествлялось с «индуистским». Все большее внимание уделялось краеведению, и в разных частях Индии создавались местные школы историков. Большинство из них по происхождению были брахманами, многие получали образование в самой Индии.

Особенно важное значение имело изучение древнего культурного наследия в Западной Индии. Прежде всего здесь необходимо отметить исследование литературы дхармашастр. Была издана «Дхармакоша» — многотомное собрание цитат из древних текстов о традиционном долге и благочестии. В этой энциклопедии был распределен по тематическим рубрикам материал не только древних шастр о дхарме (типа «Законов Ману»), но и средневековых комментариев, эпоса, вед. Издание было снабжено указаниями разночтений в публикациях и рукописных вариантах, индексами и словарем терминов. Оно является ценнейшим справочным пособием.

Пандуранг Ваман Кане (1880–1972) издал монографию «История дхармашастры. Древнее и средневековое светское и религиозное право». Она вышла в пяти обширных томах в 1930–1968 гг. и по существу представляла собой подробнейший разбор наиболее важных аспектов традиционной индийской культуры. Первый том монографии был посвящен источниковедческому обзору литературы о дхарме. Во втором речь шла о семейной обрядности и таких важнейших социально-религиозных институтах, как семья и каста. В третьем рассматривались представления индийцев о царской власти, организация судопроизводства и правовые установления. В четвертом и пятом томах затрагивались вопросы культов и религиозных идей, эсхатологии и космологии, т. е. дхарма в широком контексте мировоззрения и практики индуизма.

П. В. Кане в своем изложении весьма пунктуален, а в выводах осторожен. Его книга — надежный ориентир в безбрежном море санскритских источников. Автор каждый раз стремится проследить развитие того или иного явления по текстам, располагая последние в хронологическом порядке. Тем не менее труд его не вполне отвечает самому понятию «история», так как общий подход исследователя остается в основе своей неисторичным. С его точки зрения, несмотря на любую эволюцию, индийские идеалы оставались по своей сути неизменными от эпохи вед до наших дней.

Из ученых, работавших в Калькутте, особого внимания заслуживает Бимал Чаран Лоу (1891–1969), автор книг о племенах и государствах

Индии в эпоху возникновения буддизма по данным палийской «Типитаки».

С Бихаром связана деятельность Рахулы Санкритьяяны (1893–1963) — буддийского монаха и писателя, активного борца за национальное и социальное освобождение, друга Советского Союза и пропагандиста марксизма. Важнейшей заслугой его перед наукой было то, что он привез из экспедиций в Тибет (1929–1936) огромное собрание тибетских и санскритских рукописей. Эти коллекции хранятся в г. Патне и издаются отдельными томами в качестве специальной серии.

В 1935 г. был основан Институт мировой культуры в Дели. Его базой послужило богатейшее собрание памятников из Центральной Азии, принадлежавшее Рагху Вире (1902–1963). Коллекцию изучает и издает сын ученого Локеш Чандра.

Основные итоги данного периода могут быть подведены следующим образом.

Индия постепенно начинает рассматриваться не в рамках индоевропейского языкознания, а в контексте истории Азии. Происходит освобождение от умозрительных схем, связанных с широкими лингвистическими и мифологическими сравнениями. Индология конституируется как самостоятельная наука.

После основания Археологической службы Индии проводятся профессиональные раскопки (А. Каннингэм, Дж. Маршалл), издается «Корпус индийских надписей». Интенсивная работа с эпиграфическими памятниками (Г. Бюлер) дает новые возможности для изучения политической и культурной истории страны.

Издаются классические переводы древнеиндийских источников (в частности, в серии «Священные книги Востока»).

Расширяется круг вводимых в научный оборот литературных памятников (брахманская ритуалистика, эпос, джайнские тексты). Большое значение приобретает исследование буддизма. Основанное Т. Рис-Дэвидсом «Общество изучения палийских текстов» ставит своей задачей полную публикацию «Типитаки». Аналогичные цели по отношению к «северному буддизму» имеет международная серия «Библиотека Буддика», издававшаяся в Петербурге. Складывается русская школа буддологии, восходящая к И. П. Минаеву. Для изучения буддийской культуры особенно важными были находки в Центральной Азии.

Происходит специализация ученых по отдельным отраслям индологии. В серии монографий делается попытка создать полную «Энциклопедию индо-арийской филологии и изучения древности». Появляются первые общие обзоры истории Индии (Оксфордская, Кембриджская истории).

Под влиянием европейских научных методов складывается современная индийская историография (Р. Г. Бхандаркар). В то же время крупнейшие европейские индологи (Г. Якоби, Ф. Щербатской), изучая древние трактаты по философии и эстетике, проявляют пристальный интерес к еще сохранившейся индийской традиции интерпретации этих текстов.

§ 3. Современная индология

Обзор современной индологии целесообразно давать по странам и национальным школам.

Немецкая наука, безусловно, лидировала до Первой мировой войны. Практически в каждом университете в то время была кафедра санскрита. В 20–30-е годы число их сильно сократилось, а после Второй мировой войны уменьшилось вдвое. Однако начиная с 60-х годов вновь наблюдается значительный рост интереса к Индии, преимущественно к ее религиям и культуре.

Одно из важнейших направлений деятельности немецких индологов — *текстологический анализ и публикация памятников*. Занимавшийся когда-то у Г. Людерса Эрнст Вальдшмидт (Берлин, Гёттинген) проделал огромную работу по изданию центральноазиатских манускриптов буддийской школы сарвастивадинов, рукописей из собраний Рахулы Санкритьяяны и Рагху Виры. В Гёттингене завершается начатая Э. Вальдшмидтом публикация словаря буддийских текстов Турфана.

Традиционно большое внимание уделяется *философии и буддологии*. Крупнейшим специалистом в этой области был австриец Эрих Фраувалльнер (1898–1974), автор «Истории индийской философии». Его работы отличаются подчеркнутым объективизмом, приводящим к отказу от трактовки древних понятий в терминах современной философии (что было свойственно индологам предшествующих поколений, в особенности Ф. Щербатскому). Учившийся у него Герхард Оберхаммер готовит словарь индийской логики и теории познания. Основные предметы его исследований — йога и индийская сотериология (учение о спасении) в сопоставлении с христианской традицией. Эта тематика стала преобладающей и в журнале австрийских востоковедов Wiener Zeitschrift für die Kunde des Süd- und Ostasiens.

Палийскими хрониками и каноническими текстами занимается Хайнц Бехерт. В этой связи он затрагивает темы становления буддийской историографии, взаимоотношения государства и сангхи. Х. Бехерт уделил большое внимание проблеме «даты Будды», доказывая, что буддийская традиция не менее чем на столетие удревняет время жизни основателя

учения. Бывший директор Института индологии и иранистики (Мюнхен), ученик Э. Вальдшмидта Д. Шлинглофф провел большую работу по анализу росписей Аджанты — идентификации сюжетов и их датировке. Она имеет первостепенное значение для использования памятников индийского искусства в качестве исторического источника.

Ведущим специалистом по ведийской Индии являлся Вильгельм Рау (Марбург). Его первой работой была книга «Общество и государство Древней Индии в свете брахманических текстов» (1957). Автор, в отличие от своих предшественников (Г. Циммера, составителей «Ведийского индекса»), стремился реконструировать историческую действительность поздневедийского времени, тщательно отделяя материал брахман от ранних самхит. Богатство собранного материала сделало это исследование основным сочинением по данной теме. Социально-политическую структуру ведийской Индии В. Рау склонен определять в феодальной терминологии.

Перу В. Рау принадлежат также несколько небольших, но очень содержательных монографий о ведийской Индии: металлах и металлических изделиях, прядении и ткачестве, керамике, укреплениях («пур»), колесных повозках и колесницах. Общий замысел их сводится к тому, чтобы из колоссальной массы ведийских текстов выбрать весь материал, который может быть сопоставлен с данными современной археологии. Его работы дают общую картину материальной культуры и быта Северной Индии в эпоху составления брахманической прозы.

Гарри Фальк анализирует ведийские тексты с точки зрения современной этнологии, находя в них «мужские союзы», «мужской дом» и ритуальные конфликты между представителями разных возрастных классов. Важные общие проблемы колонизации, легитимации политической власти, роли храмов ставятся в работах Германа Кульке. Впрочем, решаются они, главным образом, на средневековом материале Ориссы. Ведущим журналом Германии является «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft».

В центре внимания историков, живших в ГДР, оказались проблемы социально-экономических отношений. В Берлинской академии работал Вальтер Рубен, ученик Г. Якоби, занимавшийся до войны философией ньяя и текстологией. В 50–60-е гг. он опубликовал ряд исследований (о рабстве по данным джатак, о шудрах), которые представляют определенный интерес.

В книге об «Артхашастре» его учениц Е. Ричл и М. Шетелих доказывается неразвитость древнеиндийского рабства, ставятся проблемы земельной собственности, организации городских ремесел и торговли. В по-

следние годы исследовательницы занимались вопросами сословно-кастового строя и расселения ариев. Заслуживают внимания также работы Марлен Ньяммаш, в которых на материалах эпиграфики прослежены феодальные тенденции в первые века н. э. Из периодических изданий следует отметить тома Altorientalische Forschungen, а также Orientalistische Literaturzeitung.

Давнюю историографическую традицию и богатые собрания рукописей имеет Голландия. Кафедру в университете Утрехта с 30-х годов занимал Ян Гонда, автор многочисленных исследований по ведийской религии и лингвистике. Его статьи составили пятитомное собрание сочинений. Из крупных книг ученого необходимо упомянуть тома, посвященные ведийской религии и классическому индуизму в серии «Религии человечества» (том третий, посвященный буддизму, джайнизму и племенным культам, был написан коллективом авторов). Индолог феноменальной эрудии, Ян Гонда являлся редактором обширной серии монографий «История индийской литературы», охватывающей письменные памятники на разных языках Индии от древности до Нового времени. Сам он написал для этой серии монографии о литературе самхит и брахман и о ритуальных сутрах. Они содержат свод информации по данной тематике, накопленный современной наукой. Голландский ученый много занимался проблемой влияния Индии на культуру Индонезии. У него учились такие разные специалисты, как буддолог Де Йонг и исследователь «Махабхараты» Ван Бейтенен (США).

Кафедру в Лейдене занимал Ф. Б. Я. Кейпер, лингвистические исследования которого связаны с проблемой субстрата и лексикой протомунда в санскрите. Большой резонанс приобрели его *труды по ведийской мифологии и ритуалу.* Он анализирует проблему агонистической структуры ритуала, связанной со спором, противоборством сторон. Ритуалистикой занимается целый ряд голландских санскритологов: Х. В. Бодевиц, Ф. Стааль, И. Хеестерман. Особенно важны работы И. Хеестермана, в которых он проводит различие между классическим и доклассическим ритуалом. Для последнего, по его мнению, характерно участие в исполнении обрядов больших коллективов, совершавших обмены дарами и взаимными жертвами. Лишь позднее появляется фигура яджаманы — заказчика жертвоприношения, а раздачи (дакшины) превращаются в ритуальное вознаграждение жрецов.

Еще в 1925 г. Ж. Ф. Фогель (1871–1958), долгие годы работавший в Археологической службе Индии, основал в Лейдене Институт Керна, который, в частности, занимается изданием «Ежегодного бюллетеня индийской археологии». Ценные работы по искусству и эпиграфике Северной

Индии Кушанского времени принадлежат Лехайзен де Леув, работавшей в Амстердаме.

Основными журналами, издающимися в Голландии, являются Indo-Iranian Journal и Journal of Economic and Social History of the Orient.

Великобритания имеет богатейшие фонды документов и памятников, а *традиции индологии поддерживаются в таких центрах, как Оксфорд и Кембридж, Британский музей и лондонская Школа востоковедения и африканистики*. В первые послевоенные годы большое значение имела деятельность крупного английского археолога Мортимера Уилера (1890–1976), стоявшего во главе Археологической службы Индии. В своих трудах он, в частности, поставил проблему гибели Индской цивилизации, связывая ее с так называемым «арийским завоеванием». Бриджит и Раймонд Олчин также занимались Хараппской культурой, стремясь обнаружить ее истоки в земледельческих поселениях неолитической эпохи.

Ряд лингвистических исследований имеет существенное значение для исторической науки. Так, например, «Дравидийский этимологический словарь» Т. Барроу и М. Эмено помогает реконструировать характер протодравидийской культуры. В этой связи появляются работы и о влиянии дравидийского субстрата на санскрит, важные для восстановления этнокультурной истории Южной Азии. Г. Бейли внес значительный вклад в изучение центральноазиатских древностей, а учившийся у него Дж. Браф занимался анализом брахманских родов — готр по данным «Готраправаранманджари». Огромной популярностью пользовались многочисленные труды буддолога Эдварда Конзе (1904–1979), который занимался преимущественно махаянической литературой праджнапарамита.

Чрезвычайно разносторонни научные интересы Джона Дункана Мартина Дерретта. Основные его работы посвящены классическому индийскому праву дхармашастр и общим проблемам его модернизации. Но он является также автором монографии по средневековой истории Индии, целого ряда статей по отражению индийских мотивов в позднеантичной и раннехристианской литературе.

Пожалуй, наибольшей известностью пользуется имя Артура Лелевьяна Бэшема (1914–1986) — автора книги «Чудо, которым была Индия», в которой дан блестящий общий очерк древнеиндийской цивилизации. Эта работа выдержала множество изданий на разных языках, в том числе и на русском. А. Бэшему принадлежит монография об адживиках, древнем религиозном течении, возникшем одновременно с буддизмом и джайнизмом, ряд исследований по эпиграфике и палеографии. Он был научным руководителем десятков индийских историков. Последние годы жизни ученый занимал кафедру в Канберре (Австралия).

Основными журналами английских востоковедов являются Journal of the Royal Asiatic Society и Bulletin of the School of Oriental and African Studies.

Наиболее важные центры индологии во Франции и Бельгии — Коллеж де Франс, Практическая школа высших исследований, Центр исследований по Индии и Южной Азии, университеты в Страсбурге, Лувене, Генте, а также Музей Гиме (восточный отдел Лувра).

Крупнейшим французским санскритологом был ученик С. Леви *Луи Рену* (1896–1966). Его основные интересы лежали *в области ведийской литературы и грамматической традиции Панини*. В восемнадцати томах его «Этюдов о ведах и Панини» содержится перевод значительной части «Ригведы» с ценными комментариями. Под редакцией ученого (совместно с Ж. Филлиоза) вышел труд «Классическая Индия» (1947–1953), в котором дан обзор древнеиндийской религии и литературы, отличающийся богатством содержания и взвешенностью оценок.

Во многом на ведийском материале построены работы Жоржа Дюмезиля (1898–1986), в которых он пытается доказать первоначальную трехчастность социального деления и трехфункциональность основных богов индоевропейского пантеона.

Классическая литература и право Индии были предметом занятий преподававшего в Сорбонне Людвига Стернбаха (поляк по происхождению, учился во Львове). Он собрал колоссальный материал по индийской афористике, проследив историю сборников и их место в санскритской культуре.

Источникам права в традиционной системе Индии (обычай, религиозная норма, царский указ) была посвящена монография Робера Ленга (1892–1972) — специалиста по обычному праву Юго-Восточной Азии. Связям Индии со странами этого региона уделял большое внимание Жан Филлиоза (1906–1982), основавший французский Институт индологии в Пондишери (1955). Как медик по образованию, он занимался также концепциями, лежащими в основе традиционной индийской медицины.

После Второй мировой войны французские археологические экспедиции активно работали в Северо-Западной Индии. Важные материалы о генезисе Индской цивилизации были получены экспедициями Ж. М. Казаля и Жаррижа. Жаннин Обуайе, главный хранитель музея Гиме, ряд монографий посвятила символике индийского искусства, а также повседневной жизни в Древней Индии.

С Гентским университетом связана деятельность П. Эггермонта (1914–1995) — автора книг по исторической географии и хронологии эпохи Маурьев. Под его редакцией издавался Corpus topographicum Indiae

antiquae, первый том которого посвящен топографии эпиграфических находок.

В университете Лувена работал Этьен Ламотт — один из крупнейших современных буддологов, осуществивший трехтомный перевод текстов праджнапарамита (1944–1970). Ему принадлежат книги по истории индийского буддизма, философии Нагарджуны, развитию легенды о Будде.

В Сорбонне кафедру буддологии занимал Андре Баро, автор фундаментального исследования палийского канона (1963–1971), работ по истории буддийских школ и соборов. Культура, связанная с индуизмом, является предметом анализа Шарля Маламуда и Мадлен Биардо. Пожалуй, лишь эпиграфист Жерар Фюсман проявляет живой интерес к политической истории Индии, эпохам Маурьев и Кушан. Характер кастового строя как иерархической социальной структуры рассматривается в работах ведущего французского социолога Луи Дюмона.

Основным журналом на французском языке является Journal asiatique, кроме того, Центр исследований по Индии и Южной Азии публикует тематические сборники Puruṣartha.

В Италии индологические центры сосредоточены в университетах Рима и Турина, и здесь прежде всего необходимо упомянуть Институт изучения Среднего Востока. Итальянские археологи активно работают в Пакистане, проявляя особый интерес к гандхарскому искусству и проблеме миграции ариев. В области изучения санскритской литературы внимание ученых привлекает, с одной стороны, буддизм махаяны (традиция, идущая от Дж. Туччи), с другой — политическая теория и право Древней Индии (Оскар Ботто).

Основными журналами являются East and West и Rivista degli Studi Orientali. Периодически выходящие сборники Indologica Taurinensia стали печатным органом Всемирной ассоциации санскритологов.

В Дании, с ее давними традициями изучения палийских текстов, выходит обширный «Критический словарь пали».

В последние десятилетия все более активно работают финские индологи. Из них наиболее известен Аско Парпола — издатель санскритских ритуальных текстов и автор работ по дешифровке протоиндийских надписей. Он стремится основные черты позднейшего индуизма возвести к Хараппской культуре. Перу финского исследователя Клауса Карттунена принадлежат интересные монографии, посвященные греческой традиции об Индии.

В Швеции (университет в Упсале) индоарийские исследования связаны в основном с довоенным временем.

В Чехословакии делаются попытки сохранить в университете Карлова (Прага) традиции санскритологии, восходящие к А. Людвигу и М. Винтерницу. Органом чешских востоковедов является Archiv orientální.

В Будапеште работают несколько санскритологов, в том числе Я. Харматта — специалист по кушанской эпиграфике и индоевропеистике.

В Польше индологи работают в Кракове, Вроцлаве и Варшаве, тематика их трудов связана главным образом с индийским театром и этнографией.

В Соединенных Штатах старейшими центрами индологии являются Пенсильванский университет (Филадельфия), Йельский и университет в Чикаго. В последние десятилетия новые кафедры появились в Остине (Техас, Центр азиатских исследований) и в Энн Арборе (Мичиган).

В Пенсильванском университете работал Франклин Эджертон (1885–1963) — составитель словаря и грамматики буддийского гибридного санскрита. Его сменил Норман Браун (1892–1975), прошедший школу не только в Америке (у М. Блумфилда), но и в Индии, в университете Варанаси. Ему принадлежат ценные исследования по индийской культуре, в частности по мифологии — от «Ригведы» до классического индуизма и современного фольклора. Последние годы здесь работали приехавшие из Бельгии Людо и Розанна Роше (Рочер). Основная тематика их работ связана с классическим правом и древнеиндийской лингвистической традицией. Под общей редакцией Л. Роше, возглавлявшего Институт исследований по Южной Азии, начала выходить серия индологических публикаций, переводов, исследований.

В Чикаго работает Венди Дониджер О'Флаэрти, автор целого ряда книг по мифологии индуизма. Из Германии в США переселился Хартмут Шарфе, в последние годы занимающийся «Артхашастрой» и древнеиндийской политической теорией. В Беркли преподавал голландец Фриц Стааль, изучающий ведийскую обрядность.

Кафедру в Энн Арборе занимает Томас Роберт Траутманн, применивший статистический анализ текста для доказательства того, что «Артхашастра» не могла быть написана одним автором (то есть Каутильей). В последние годы его публикации связаны преимущественно с темой дравидийской системы родства.

В Торонто работал Нарендра Натх Вагле, учившийся в Лондоне и опубликовавший ценную монографию о терминологии родства в палийских текстах. Один из основных выводов ученого заключается в том, что реально существующими коллективами в эпоху создания канонических книг являлись касты, а понятие «сословия-варны» служило скорее оценочной категорией.

В США — два ведущих журнала: Journal of American Oriental Society и Journal of Asian Studies.

В Токийском университете преподавал Н. Цудзи (1899–1974), обучавшийся в Оксфорде и изучавший поздневедийскую литературу и ритуалистику. Его преемник Минору Хара специализируется также в области ведийских штудий и индуистских представлений. Естественно, что основная тематика работ японских индологов — буддология. Наиболее известно имя Хадзиме Накамура, преподававшего в Станфорде и писавшего обычно на английском языке. Его труды по философской и религиозной мысли Индии составили двадцатитомное собрание сочинений. В общей оценке буддизма и индуизма ученый признает себя последователем Макса Вебера.

Начиная с 50-х годов в Японии все больше проявляется интерес к социальной и экономической истории Индии. Активно переводятся труды европейских и индийских авторов (М. Уилера, Д. Косамби, Р. Тхапар), организован семинар по индийской истории при университете в Токио. Молодое поколение японских историков находится под влиянием идей индийского историка Д. Косамби. Регулярно проводятся археологические раскопки и полевые этнографические обследования в Южной Азии. С 1972 г. выходит «Журнал индийской археологии». Японских археологов, помимо буддийских древностей, привлекают наиболее ранние, дохараппские памятники на территории Пакистана и Афганистана.

Создана Всемирная ассоциация санскритологов, и регулярно созываются международные научные конференции. И все же остаются справедливыми слова известного английского востоковеда Филипса: «Индология напоминает партизанскую войну, где каждый действует на свой страх и риск без общего плана и без всякого представления о том, чем занимаются соседи». Одну из причин такого положения дел он усматривал в отсутствии общих концепций, которые могли бы объединить исследователей.

После достижения страной независимости *индийская историография приобретает все большее значение в мировой науке.*

Археологическая школа в Индии складывалась под воздействием англичан. Огромную роль в этом сыграл М. Уилер, с 1943 г. стоявший во главе Археологической службы. Крупнейшие индийские и пакистанские исследователи считают себя его учениками — М. Уилер знакомил их с современной научной методикой раскопок. Его экспедиции работали в самых разных районах страны. В 40-е годы был открыт город Арикамеду — римская фактория в Южной Индии. Затем археолог вел раскопки в Брахмагири, где ему удалось проследить последовательность слоев от

каменного века и культуры мегалитов вплоть до периода Андхры. Наконец, очень важное значение имела экспедиция в городе Чарсада, который отождествляется с Пушкалавати — знаменитой «метрополией на северо-западных границах Индии».

Основные задачи, стоявшие перед археологами, первоначально сводились к установлению хронологии и стратиграфии памятников. После открытия Хараппской культуры возник огромный временной разрыв между культурой III–II тысячелетий до н. э. и маурийской эпохой (IV–III в. до н. э.) — заполнить его предстояло индийским археологам. Важнейшей оставалась проблема истоков и предыстории Индской цивилизации. Занятия последней сталкивались с объективными трудностями: после раздела Британской Индии основные центры Хараппской культуры оказались за пределами Индийской республики. Поэтому в большей мере решение задачи ложилось на плечи Археологической службы Пакистана и активно работающих там американских и французских археологов. Итальянские ученые сосредоточились на послехараппских культурах, в частности, в долине Свата. Заметим, что сами пакистанцы проявляют более пристальный интерес к средневековым, а не к древним памятникам на своей земле, так как последние мало связаны с современной исламской культурой страны. Тем не менее Археологическая служба Пакистана ведет раскопки памятников Гандхарского искусства, пытается определить пути арийских миграций. Издается «Журнал пакистанской археологии».

На долю индийских археологов выпала задача определить ареал распространения Индской цивилизации, обнаружить ее провинциальные варианты, прежде всего на севере (Аламгирпур, Рупар) и на юге (Лотхал). Раскопки позволяют также ставить вопросы о характере колонизации, шедшей из основных хараппских центров. Удается проследить постепенный упадок культуры в позднехараппских и послехараппских слоях.

Из крупных поселений особый интерес вызывает Калибанган — город с цитаделью (как Хараппа и Мохенджо-Даро), где найдены также и памятники письменности. Сенсационными оказались раскопки С. Р. Рао на полуострове Катхиавар. Предполагается, что найденный там город Лотхал был морским портом, через который поддерживались связи с Ближним Востоком. Во всяком случае здесь были обнаружены вещи с островов Бахрейна. Одно из сооружений возле города С. Р. Рао склонен считать корабельной верфью.

Интенсивные раскопки проводятся в Западной Индии, где обнаружен целый комплекс поселений энеолитических культур (Навдатоли, Насик, Неваса, Джорве). По материалам этих памятников решаются проблемы происхождения энеолита Декана, его связей с Хараппой и этническими

миграциями II тысячелетия до н. э. Наиболее известным исследователем данного региона и всего комплекса проблем индийской «предыстории и протоистории» был Хансмукх Дхирадж Лал Санкалиа. Он занимался и археологией «исторического периода». Ученый показал, что материальная культура, отраженная в «Рамаяне», соответствует эпохе первых веков н. э.

Еще в 40-е годы при раскопках в Ахиччхатре была обнаружена культура серой расписной керамики. Она стала предметом тщательного изучения со стороны индийского археолога Б. Б. Лала, в 50-е годы проводившего раскопки в Хастинапуре. По его мнению, ареал распространения культуры «серой расписной керамики» хорошо соответствует понятию «Брахмаварта», засвидетельствованному в древнеиндийской литературе. Хронология данной культуры (с XI в. до н. э.) позволяет связать ее с арийской миграцией.

Серая расписная керамика обнаружена при раскопках тех городов, в которых происходит действие древнеиндийского эпоса «Махабхараты». Особый интерес вызвали следы грандиозного наводнения, после которого замерла жизнь в Хастинапуре, что полностью соответствует сообщению пуран. Таким образом, на археологическом материале мог быть поставлен вопрос о достоверности индийской исторической традиции.

В конце 70-х годов сенсационные результаты принесли раскопки Джоши в Бхагванпуре. На этом городище позднехараппский слой непосредственно перекрывается остатками слоя с серой расписной керамикой. Это доказывает, что на периферии распространения Индской цивилизации существовала преемственность между ней и культурой, предположительно принадлежавшей индоариям.

С «серой расписной керамикой» на севере Индии начинается железный век. Проблемы появления железа, времени и путей его распространения горячо обсуждаются индийскими археологами. В этой же связи рассматривается и проблема так называемой «второй урбанизации» в середине I тысячелетия до н. э. Особо следует упомянуть раскопки города Каушамби, проводившиеся Аллахабадским университетом, а также изучение городских укреплений Шравасти, Раджгхата, Уджаини, изучение «культуры северной чернолощеной керамики».

Из более поздних памятников «исторической археологии» следует упомянуть Шишупалгарх (видимо, главный город Калинги возле современного Бхубанешвара) и Тамралипти в устье Ганга, демонстрирующий размах римско-индийской торговли, а также Сангхол, где найдены замечательные произведения скульптуры кушанского времени. *Стало возможно составление общей археологической карты страны.* Однако до по-

следнего времени индийские археологи в силу ограниченности средств и характера поставленных задач редко вскрывали поселения обширными площадями, чаще прибегая к закладке шурфов и разведочным раскопкам.

В индийской археологии активно внедряются методы естественных наук — палеоботаники, палеонтологии, палеоклиматологии, геоморфологии. Массовый материал в специально оборудованных лабораториях подвергается химическому анализу, определению дендрохронологии и т. д. Опирающаяся на эти данные так называемая «новая археология» приобретает все большую популярность, она имеет важнейшее значение не только для решения чисто археологических, прикладных вопросов, но и для восстановления экономической истории. *Современные индийские ученые ставят проблемы развития древней технологии, структуры расселения, социальных последствий распространения железа, характера международных контактов.*

В Индии издается целый ряд археологических журналов, в том числе Ancient India, Indian Archaeology, Puratattva. Основные результаты исследований нашли отражение в двухтомном справочнике «Энциклопедия индийской археологии», подготовленном под руководством А. Гхоша. Том первый составляет тематический обзор находок, том второй — перечень поселений, где производились раскопки.

В последние годы найдено множество древнеиндийских надписей. Изданы книги, содержащие сводные публикации эпиграфики поздних Гуптов и раннесредневековых династий как Северной, так и Южной Индии. Третий том «Корпуса индийских надписей» вышел в новом варианте, со статьями и комментариями, выполненными на современном уровне. Виднейшим индийским эпиграфистом был Динеш Чандра Сиркар (1907–1985), опубликовавший двухтомное собрание надписей по индийской истории, словарь и пособие по эпиграфике. Его многочисленные статьи составили несколько тематических сборников.

В Индии активно работают научные общества — Эпиграфическое и Нумизматическое, публикующие свои журналы: Journal of Epigraphical Society, Journal of Numismatic Society. Многие находки появляются и в местных изданиях. *Постепенно археология, эпиграфика и нумизматика становятся наиболее надежной базой исторических исследований.*

Огромная работа проводится по текстологическому анализу литературных произведений. Близится к завершению «Новый каталог каталогов» санскритских рукописей из всех собраний мира, который был начат под руководством Рагхавана (Мадрас). Его объем уже не одна-две книги, как это было в прошлом веке, а десятки томов.

Осуществляется грандиозный проект по изучению пуранических текстов. Задача подготовки критического издания поставлена перед круп-

нейшими университетами. Выходит журнал «Пурана», примерно до половины дошла серия английских переводов пуран «Древнеиндийская традиция и мифология» в ста томах. Изданы энциклопедии и справочники по религиозным обычаям и верованиям, отраженным в пуранах. Обзор содержания отдельных пуран дан в ряде монографий. Делаются также попытки определить стратиграфию пуран — хронологическую последовательность слоев.

До последнего времени индологам приходилось иметь дело, выражаясь словами Д. Инголлса, с «некритическими переводами, выполненными по некритическим изданиям». Сейчас ситуация решительно меняется. В Бомбее Р. П. Кангле выпустил в свет критическое издание «Артхашастры», сопроводив его переводом, основанным на изучении как средневековых комментариев, так и современных исследований. Аналогичные работы ждут «Законы Ману» и другие дхармашастры (впрочем, последнее скорее станет делом западных санскритологов, во всяком случае, первое критическое издание «Нарадасмрити» вышло недавно в Филадельфии).

В индийской историографии весьма распространены книги, посвященные обзору содержания отдельных памятников, будь то «Камасутра», грамматика Панини или «Махабхашья» Патанжали, «Брихатсамхита» Варахамихиры и т. д. Существует иллюзия, будто, расположив затем эти источники в хронологической последовательности, можно изложить всю историю Индии. По резкому высказыванию Д. Инголлса, вместо подлинной истории получается «винегрет на тысячу лет». Однако некоторые из этих монографий полезны для историка как своего рода справочные пособия.

Исключительно важное значение для ведийских штудий имеет «Индекс лексики вед», подготовленный под редакцией Вишва Бандху (1897–1973), его шестнадцать томов выходили в Хошиарпуре в 1935–1976 гг. Он содержит полный указатель слов, встречающихся в примерно пятистах произведениях ведийской литературы. Вышло несколько томов энциклопедии ведийского ритуала — «Шраутакоша», содержащей фрагменты из ритуальных частей самхит, брахман и араньяк, а также шраутасутры Баудхаяны. Отрывки расположены в соответствии с последовательностью совершения обрядов. «Шраутакоша» публикуется как на языке оригинала, так и в английском переводе. Одним из руководителей издания является Р. Н. Дандекар — крупнейший санскритолог, учившийся некогда в Гейдельберге.

Индологический институт Вишвешварананд публикует подготовленный Л. Стернбахом многотомный свод индийских афоризмов, представляющий исчерпывающий материал о так называемых «бродячих стихах» в санскритской литературе. Помимо ряда глоссариев к текстам отдель-

ных авторов или специальных шастр с 1976 г. издается критический словарь санскрита, выполненный на исторических принципах (Пуна). Однако объем работы настолько велик, что она может стать делом не одного поколения. В вышедших шести томах большого объема содержатся лишь слова, начинающиеся с буквы «а».

Известный цейлонский буддолог Малалаасекара (1899–1973) издал двухтомный «Словарь палийских собственных имен», являющийся ценным пособием для изучения «Типитаки» и ее комментариев. Аналогичная работа проведена по пракритским текстам. Под редакцией того же Малалаасекары с 1955 г. начала выходить международная «Энциклопедия буддизма».

Когда-то Л. Рену издал библиографический справочник по ведийским штудиям, доведя его до 1930 года. Эту работу продолжил Р. Дандекар, выпустив еще пять объемистых томов «Ведийской библиографии», охватывающих всю современную научную литературу. Библиографию работ, связанных с изучением дхармашастр и «Артхашастры», опубликовал Л. Стернбах. По характеру самой тематики она включает практически все исследования о государстве, праве, экономике и социальной структуре Древней Индии.

В настоящее время в разных областях Индии есть крупные научные центры. Два музея — в Дели и в Калькутте — имеют статус национальных. Гордостью калькуттского собрания являются, в частности, рельефы Бхархутской ступы. Активно расширяется Делийский музей, стремясь в своей коллекции охватить все периоды истории индийского искусства. Здесь же хранятся и материалы из Центральной Азии, привезенные А. Стейном. Музей поддерживает самые тесные связи с Археологической службой Индии.

Богатые собрания имеют и местные музеи штатов, особенно в Мадрасе, Бенаресе, Патне. Необходимо упомянуть также музеефицированные памятники (Санчи, Аджанта) и музеи на месте археологических раскопок — в Матхуре и Сарнатхе, в Наланде и Аллахабаде (древняя Праяга). Наиболее значительные коллекции манускриптов хранятся в Мадрасе, Танжоре, Пуне, Калькутте, Варанаси, Бароде и Тривандруме.

Университеты Индии представляют весьма пеструю картину — есть современные научные центры, есть и довольно традиционные учебные заведения. Заслуживает внимания кафедра санскрита (центр санскритологических исследований) в университете Пуны, тесно связанная с исследовательским Институтом Р. Бхандаркара. Старинными центрами являются Санскритский университет Варанаси и Санскритский колледж Калькутты.

В разных штатах имеются институты и исследовательские общества, выпускающие свои периодические издания. Это «Азиатское общество» в Калькутте и Институт Бхандаркара в Пуне, Институт К. П. Джаясвала в Патне и Институт Ганганатха Джха в Аллахабаде, Восточный институт в Бароде и Индологический институт в Хошиарпуре. Крупным научным заведением с огромным архивом и своим печатным органом является теософская библиотека в Адьяре (Мадрас).

Многие университеты стремятся сохранить старинные традиции в самой организации образования. Например, в штате кафедры санскритологии может состоять пандит, а на кафедре буддологии — буддийский монах. Главной добродетелью ученого нередко почитается заучивание наизусть возможно большего количества текстов и умение комментировать эти тексты так, как их толковали столетиями. Однако в *работах нового поколения представителей индийской науки проявляются настоящее историческое сознание и критическое чутье.*

Из общих трудов индийских историков должна быть упомянута прежде всего «История и культура индийского народа», которая готовилась еще до войны Бомбейским ученым обществом. Ее первые три тома, посвященные древности, вышли в 50-е годы под общей редакцией Ромеш Чандры Маджумдара (1888–1980). По европейским меркам это издание не является строго научным. Для него характерна сильная тенденция к модернизации истории. Так, по мнению авторов, Ашока, отказавшись от завоевательных войн, осуществил «моральный эксперимент всемирно-исторического значения». Он явился настоящим предшественником Вудро Вильсона, так как понял, что всеобщий мир является единственным средством спасения человечества. Государственная система Маурьев характеризуется, на основании «Артхашастры», как тоталитарная и сходная с современным социализмом.

В поле зрения авторов попадают не только собственно Индия, но и весь «индийский мир», т. е. страны, испытавшие влияние великой древней цивилизации. Ученые демонстрируют свое восхищение «империалистской» политикой Гуптов и в то же время рассматривают историю сквозь призму духовных ценностей индуизма. Здесь в концентрированной форме выражены все основные тенденции, присущие официальной индийской историографии.

Несколько иной характер имеет «Общая история Индии» (Comprehensive History of India), второй том которой («Маурьи и Сатаваханы») появился в 1957 г., а третий — в 1983 г. (первый том еще не выходил). Большая часть ее посвящена событиям династийной истории и имеет описательный, фактологический характер. Заслуживают внимания общие труды по южноиндийской истории, в частности принадлежащие Нила-

кантха Шастри. В качестве тенденции развития историографии в последние годы следует отметить особый интерес к региональной истории. Это направление кажется весьма перспективным, так как общее представление о ходе эволюции страны может быть составлено только на основе изучения источников, касающихся конкретных районов и населяющих их племен и народностей.

Принципиально новый этап в индийской историографии связан с именем Дамодара Дхармананда Косамби (1907–1966). Сын известного буддолога (одно время работавшего у Ф. Щербатского в Ленинграде), он учился в Гарварде и стал профессором математики в Пуне и в Бомбейском университете. Его первые работы в области истории относятся к началу 40-х годов, и требовали они именно математической подготовки. Д. Д. Косамби провел статистический анализ наиболее ранних, так называемых «клейменых» монет. Последние не имеют надписей и сколько-нибудь детальных изображений, а потому с трудом поддаются датировке. Автор пытался определить хронологическую последовательность этих монет, исходя из их веса.

Следующая книга ученого была посвящена изданию (вместе с Д. Инголлсом) сборника санскритских афоризмов, приписываемых Бхартрихари. Эта сложная текстологическая работа считается образцовой по методике исследования многочисленных вариантов текста, имеющего «текучий» состав.

В послевоенные годы Д. Д. Косамби испытал заметное влияние марксизма (отчасти через труды археолога Гордона Чайлда). Его ум, привыкший к строгости рассуждений и научной определенности, никак не могли удовлетворить туманные рассуждения ведущих индийских историков типа Р. Ч. Маджумдара о специфике индийского духа. «Династийные истории», наполненные мелкими фактами и лишенные всякой попытки теоретического осмысления, ученый считал просто бессмысленными. *Книги Д. Д. Косамби* «История и культура Древней Индии» и «Введение в изучение индийской истории» (1956) *составили эпоху самой постановкой общих проблем*. Исследователь исходит из того, что Индия — часть Азии и, несмотря на ее своеобразие, должны быть общие закономерности ее развития, которые историку и надлежит выяснить, используя при этом терминологию, применимую ко всем странам. Подлинную основу исторического процесса он пытается найти в развитии экономики. Охарактеризовать же последнюю современный историк может, опираясь на объективные данные в виде массового археологического и нумизматического материала, на методы естественных наук.

Помимо нумизматики и текстологии Д. Д. Косамби занимался также археологией, эпиграфикой и этнографией. Он настаивал на применении

комбинированных методов исследования. Ученый впервые на индийском материале поставил важнейшую проблему перехода от племенного общества к гражданскому. Большое значение он придавал роли первобытной периферии в судьбах индийской цивилизации. Д. Д. Косамби пытался обнаружить экономический механизм изменений в индийском обществе, хотя (как часто бывало на ранних ступенях развития историографии) порой рассматривал этот механизм слишком прямолинейно.

Стремясь следовать марксизму, ученый ставил и проблему классовой структуры Древней Индии. Расходясь с оценками советских индологов в решении этого вопроса, он считал основным эксплуатируемым классом не рабов, а шудр. Зависимость последних Д. Косамби определял как близкую по типу к спартанской илотии. Ученый не оставил без внимания и проблему перехода от древности к Средним векам. Он связывал наступление последних с развитием феодальных отношений, причем выделял два пути их формирования: «сверху» — посредством земельных дарений из государственного фонда и «снизу» — путем расслоения внутри общины. Некоторые его идеи и оценки оказали большое влияние на новое поколение индийских историков. Работы Д. Д. Косамби пользуются признанием и в западной индологии, несмотря на критическое отношение к принятой им марксистской терминологии.

Наиболее известным исследователем социально-экономической истории Индии является Рам Шаран Шарма. Его первая книга «Шудры в Древней Индии» была посвящена зависимому населению Древней Индии. Происхождение шудр автор связывает с «арийским завоеванием», для конца периода древности он находит свидетельства постепенного возвышения шудр и превращения их в основное земледельческое население, обязанное платить налоги, — в феодально зависимое крестьянство.

Книга «Политические идеи и институты Древней Индии» посвящена главным образом доказательству того, что в эпоху «Ригведы» у ариев еще не сложилось государственности. Следовательно, и характерные для индийцев поиски политических идеалов в ведийской литературе он считает антиисторичными. В монографии «Индийский феодализм» прослеживаются различные формы и этапы становления феодальных отношений в разных областях средневековой Индии домусульманского времени. В последней своей книге «Упадок городов в Индии» на богатом археологическом и нумизматическом материале исследователь доказывает, что во второй половине I тыс. н. э. происходил процесс дезурбанизации. Причину этого он видит в формировании автаркических феодальных владений и политической раздробленности. В ряде статей Р. Ш. Шармы, вошедших в его сборники (в том числе и на русском языке — «Древнеиндийское общество», 1988 г.), делается попытка истолкования археологического

материала о характере социальных и политических изменений, происходивших в начале «железного века». В настоящее время ученый курирует обширный проект создания словаря социальных и политических терминов индийской эпиграфики.

Широкой известностью пользуются труды Р. Тхапар. Будучи сторонницей материалистического понимания истории, она в то же время активно использует результаты работ современных этнологов в анализе системы обмена дарениями и других явлений, характерных для «престижной экономики» ведийской эпохи. Анализируя пуранические генеалогии, Р. Тхапар пытается проследить процесс постепенной фальсификации исторической традиции в угоду местным династиям раннего Средневековья.

Школа, связанная с именами Д. Д. Косамби и Р. Ш. Шармы, является одной из наиболее влиятельных в индийской историографии. Р. Ш. Шарма заведовал кафедрой истории в Делийском университете, по его учебнику изучают древнюю историю Индии в старших классах школы. Ведущий журнал этого направления — Indian Historical Review систематически публикует статьи и рецензии по древней истории Индии.

Исследования ученых-марксистов по индийской культуре кажутся значительно менее удачными, нежели по социально-экономической проблематике. Даже в тех работах, авторы которых обладают знанием источников (как Дебипрасад Чаттопадхьяя), преобладают догматические утверждения и вульгаризаторские схемы.

Основными противниками историков данного направления являются, конечно, националистически настроенные ученые, апологеты индуизма и сторонники теории об особом пути развития Индии. Но их работы вызывают критику и с другой стороны. Например, Девика Девахути настаивала на том, что культура не просто «надстройка», а равноценная часть исторического процесса, которая имеет свои внутренние закономерности развития. Эти принципы ближе ее учителю А. Л. Бэшему, чем Д. Д. Косамби. Д. Девахути была одним из организаторов «Общества по изучению индийской истории и культуры».

§ 4. Отечественная индология в 50—90-х гг.

В СССР изучение социальной истории Древней Индии, по существу, началось лишь в послевоенные годы. Еще в конце 20-х годов перед востоковедами была поставлена в качестве центральной научная проблема определения характера общественных отношений. В этой связи академик С. Ф. Ольденбург организовал группу индологов для перевода «Арт-

хашастры» и буддийских джатак. Он справедливо полагал, что начинать работу надлежит с анализа и перевода наиболее важных источников. При его активном участии «Артхашастра» переведена Е. Е. Обермиллером, Ф. И. Щербатским и А. И. Востриковым (черновой вариант перевода был опубликован лишь в 1959 г.). Однако основное содержание этого памятника Ф. И. Щербатскому и его ученикам было совершенно чуждо — их основные интересы лежали в области буддийской философии и тибетологии.

Кроме того, скоро выяснилось, что руководство советской наукой было заинтересовано отнюдь не в кропотливом исследовании источников, а лишь в применении к историческому материалу марксистской терминологии. Индию, как и другие страны Древнего Востока, стали причислять к рабовладельческой общественно-экономической формации. Впрочем, соответствующие разделы в общих трудах и учебниках писались обычно людьми, не знавшими языков и не знакомыми с научной литературой.

Между тем внимание к характеру общественных отношений, прежде всего к рабовладению, было привлечено. И в 40-е годы появилось *первое исследование, посвященное положению рабов в Древней Индии,* — диссертация *Григория Федоровича Ильина* (1914–1985), основное содержание которой было раскрыто в его статьях в «Вестнике древней истории» в начале 50-х годов. Автор, естественно, не подвергал сомнению общую концепцию рабовладельческого строя на Древнем Востоке. Однако внимательный и непредвзятый анализ источников привел его к следующим заключениям:

Варну шудр нельзя рассматривать в качестве класса. Их социально-экономическое положение могло быть весьма различно.

Количество рабов в Древней Индии, очевидно, не было значительным, во всяком случае в основных отраслях производства.

Источники перечисляют множество категорий рабов — даса, положение которых представляет самые разные формы и оттенки зависимости. Некоторые из них по своему классовому, социально-экономическому положению не могут быть определены как «рабы», поскольку они владели средствами производства и были правоспособны.

В конечном счете Г. Ф. Ильин объяснял все эти «особенности древнеиндийского рабства» его неразвитостью.

В конце 50-х и в 60-е годы, когда вновь оживились дискуссии о социально-экономических формациях на Востоке, Евгений Михайлович Медведев (1932–1985), опираясь на те же факты, выступил против определения Древней Индии как страны, где господствовал рабовладельческий строй. Занимаясь генезисом феодальных отношений, он стал обнаруживать последние еще на заре индийской истории. В этом отношении суще-

ственной грани между древностью и Средневековьем ученый не видел, по существу склоняясь к концепции «вечного феодализма» (с преобладанием в древности форм «государственного феодализма» в виде взимания ренты-налога и постепенным возрастанием удельного веса частных форм эксплуатации).

Полемизируя с Е. М. Медведевым и другими критиками, Г. Ф. Ильин отстаивал принципиальное единство всего древнего мира. Отказываясь от ранее сделанных им наблюдений и выводов, в своих работах 60-х–80-х годов он подчеркивал то общее, что было в положении рабов в Греции, в Римской империи — и на Древнем Востоке, в Индии.

Развитие исторической науки в 50–60-е годы заставило *существенно расширить круг рассматриваемых вопросов* и отказаться от ряда догматических формулировок. В частности, обратила на себя внимание проблема политического устройства страны — обычная его характеристика как «восточной деспотии» явно не соответствовала действительности. Г. М. Бонгард-Левин писал о немонархических образованиях (ганах и сангхах), о коллегиальных органах управления (царском совете-паришаде) в монархических государствах Древней Индии.

Социально-экономическая структура не сводилась более к проблеме рабства. Стали ставиться такие важнейшие вопросы, как характер общины и земельной собственности. Первоначально общинная организация рассматривалась лишь в качестве пережитка первобытной эпохи. Позднее, отчасти под влиянием изучения средневекового и современного материала, исследователи пришли к выводу о том, что община — органическая часть структуры древнеиндийского общества. Б. Алаев писал о сложном ее составе и иерархическом устройстве уже для эпохи древности.

Среди вопросов, которые стали подниматься в работах историков в 70–80-е годы (например, у Е. М. Медведева) следует назвать такие, как роль первобытной периферии для развития классового общества, происхождение и социальная роль касты, организация городского самоуправления и характер купеческих гильдий. Таким образом, *сама проблема рабства или других форм зависимости решается теперь не изолированно, а в широком контексте всей системы социальных отношений.*

С конца 50-х — начала 60-х годов *возобновляется широкий интерес к проблемам истории духовной культуры.* В Россию возвратился известный буддолог и тибетолог *Юрий Николаевич Рерих* (1902–1960), сын художника. С его помощью удалось организовать занятия пали с профессором Малаласекарой, который был тогда цейлонским послом в Москве. Событием стало издание (1960) русского перевода «Дхаммапады» — изречений Будды.

Постепенно готовились кадры индологов для различных академических институтов (прежде всего Института востоковедения в Москве и Ленинграде) и университетов (кафедры индийской филологии в ЛГУ и ИСАА при МГУ, кафедра истории древнего мира истфака МГУ). К настоящему времени в отечественной науке есть серьезные публикации практически по всем аспектам индийской истории и культуры. По ведийской литературе особо следует отметить многолетний труд Т. Я. Елизаренковой по изучению вед, их языка, поэтики, мифологии. Вышел, в частности, ее полный перевод «Ригведы» с обширными комментариями. В. С. Семенцову (1941–1986) принадлежит монография об интерпретации текстов брахманической прозы, которые он рассматривает как предназначенные для медитации. Переводы упанишад и их монографическое исследование в 60-е годы были выполнены А. Я. Сыркиным (ныне живущим в Израиле). Следует, впрочем, отметить, что все это — труды лингвистов и литературоведов, редко затрагивающие собственно историческую проблематику.

Большое внимание уделяется санскритскому эпосу. Ленинградские ученые с 1950 г. публикуют полный академический перевод «Махабхараты». В исследованиях, посвященных эпическим поэмам (П. А. Гринцер, Я. В. Васильков), ставится проблема их генезиса в связи с особенностями устного творчества. Я. В. Васильков также анализирует мифологию и эпические повествования с точки зрения отразившихся в них этнографических реалий («мужской дом», ритуальные сообщества, игра в кости и обмен дарами и т. д.).

Классической литературе, поэзии, театру, эстетике посвящают свои работы Ю. М. Алиханова, П. А. Гринцер, В. Г. Эрман. Некоторые из идей Ю. М. Алихановой (например, о разных видах классической санскритской драмы, ориентированных на придворный и на городской театр), имеют важное значение для историка. Тамильская литература и ритуал — предмет исследований А. М. Дубянского. Палийские тексты («Милиндапаньха», джатаки) недавно опубликованы в переводах А. В. Парибка. По истории индийской философии следует отметить работы В. К. Шохина.

Советские археологи внесли существенный вклад в решение двух комплексов проблем, связанных с историей Индии. Во-первых, речь идет о раскопках в Средней Азии — преимущественно памятников I тыс. н. э. Их результатом является открытие интенсивных культурных связей с Индией, путей распространения буддизма. Здесь в первую очередь следует упомянуть раскопки буддийских монастырей в Кара-тепе (Б. Я. Ставиский) и Аджина-тепе (Б. А. Литвинский). В изучении Кушанской эпохи есть примеры плодотворного сотрудничества с зарубежными учеными, в частности индийскими. В 1968 г. в Душанбе состоялась международная конференция по этой проблеме.

В Средней Азии найдено довольно много индийских надписей, они изданы и переведены в книге В. В. Вертоградовой «Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе». Автор исследовала общие проблемы проникновения буддизма в этот регион, распространение отдельных буддийских школ, характер контактов монастырей с местным населением. В этой же связи следует сказать о публикации санскритских рукописей из Центральной Азии (Г. М. Бонгард-Левин, М. И. Воробьева-Десятовская, Э. Н. Темкин).

Второй аспект пересечения интересов индийских и отечественных археологов — этнические перемещения II тыс. до н. э., так как миграции индоевропейских племен должны были проходить по территории юга России, Казахстана и Средней Азии. Этой тематике посвящено множество публикаций (в частности, Е. Е. Кузьминой), а также материалы международного симпозиума (Душанбе, 1977).

Особо следует сказать о группе ленинградских ученых под руководством Ю. В. Кнорозова. Результаты их исследований письменности и изображений на печатях Индской цивилизации регулярно публиковались в сборниках Proto-Indica. Анализ текстов показал структурную близость языка Индской цивилизации с протодравидийским. Этот вывод позволил и всю культуру Хараппы интерпретировать в дравидийском контексте, находя аналоги изображениям в позднейших индуистских мифах. Н. В. Гуров пытается определить глубину дравидийского влияния на ранние ведийские памятники и на основе изучения протодравидийской лексики реконструировать характер данного общества.

В области политической истории Древней Индии многое сделано для изучения эпохи Маурьев Г. М. Бонгард-Левиным. В частности, он занимался анализом античной традиции о Нандах и первых Маурьях, установлением хронологии событий правления Чандрагупты и Ашоки. Его монография «Индия эпохи Маурьев» (1973), содержащая большой фактический материал и взвешенные суждения по общим проблемам, была издана в Индии и считается одной из основных работ по теме.

В 60–70-е годы опубликованы четыре книги, охватывающие древнюю, средневековую, новую и новейшую историю Индии. Авторами первого тома «Древняя Индия. Исторический очерк» были *Г. М. Бонгард-Левин* и *Г. Ф. Ильин*. В 1985 г. вышло 2-е переработанное издание этой монографии под названием «Индия в древности». Она охватывает период от каменного века до конца Гуптской эпохи и представляет историю страны комплексно, включая главы по экономике, социальным отношениям, политическим событиям, религии и культуре. Существенно и то, что авторы стремились не ограничиваться лишь Северной Индией, а уделили должное внимание дравидийскому Югу. *В отечественной науке она является основным общим трудом по истории Древней Индии.*

Авторы связывают происхождение Индской цивилизации с местными земледельческими культурами и указывают на постепенность ее развития. Они придерживаются точки зрения относительно протодравидийской принадлежности создавшей ее народности. Термин «цивилизация» употребляется ими вполне сознательно, ибо, судя по материальным остаткам и письменности, речь идет об обществе с развитым социальным расслоением и с оформившейся государственной структурой. Говоря о причинах падения городов долины Инда, Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин решительно отвергают тезис об «арийском завоевании». В то же время не исключается возможность того, что позднехараппские памятники могли существовать вплоть до того времени, когда на территорию Индостана стали переселяться индоарийские племена. Дается краткий очерк археологических материалов из Центральной Индии, энеолитических культур Западного Декана. Относительно этнической принадлежности культуры медных кладов и желтой керамики высказывается гипотеза о связи ее с племенами, говорившими на языках мунда.

Арийскую миграцию авторы рассматривают как постепенное расселение, растянувшееся на века. Создатели вед к тому времени находились на грани образования классов, они имели зачатки сословной (варновой) организации, появление которой, таким образом, никак не связано с отношениями, складывавшимися у ариев с аборигенами. Подчеркивается интенсивно происходивший в поздневедийский период процесс смешения арийских и неарийских компонентов, приведший в конце концов к формированию новой, собственно индийской, этнокультурной общности. Социальное и политическое развитие Индии привело к образованию классов и государства.

В следующий, магадхско-маурийский, период в Индии было несколько крупных государств, имевших как монархическое, так и республиканское устройство. Авторы придают принципиальное значение созданию державы Маурьев как первому общеиндийскому государству с четкой административной структурой, делением на провинции и округа. В то же время Г. М. Бонгард-Левин достаточно осторожно оценивает достигнутую при Маурьях степень централизации управления и бюрократизации государственной системы.

В оценке социально-экономических отношений особое значение авторы придают рабству. Другие формы эксплуатации (как наемный труд кармакаров) Г. Ф. Ильин стремится сблизить с рабовладельческой. Он подчеркивает, что речь идет главным образом не об удельном весе рабского труда в производстве, а о роли самого института рабства в общественной структуре, его влиянии на характер семьи и общины, государство, психологию древних индийцев и их культуру.

В научной литературе существуют самые различные мнения о том, кому принадлежала в Древней Индии земля — основное средство производства. Авторы стоят на точке зрения множественности форм земельной собственности: частной — на участки обрабатываемой земли, общинной — на совместные угодья, государственной — на полезные ископаемые, леса и пустоши. По этой причине категорически отрицается совпадение налога с земельной рентой, а само взимание налогов Г. Ф. Ильин не признает эксплуатацией.

Кушано-гуптский период авторы рассматривают как время наступившего кризиса рабовладения и постепенного вызревания феодальных отношений. Для доказательства кризиса рабовладения Г. Ф. Ильин стремится найти материалы, свидетельствующие о том, что рабов отпускали на волю и сажали их на землю. Основным признаком феодальных отношений он считает распространение земельных дарений, главным образом религиозным учреждениям (монастырям и храмам) или отдельным брахманам. На юге полуострова этот процесс происходил быстрее и раньше, чем на севере.

В работах А. А. Вигасина некоторые проблемы социального и политического строя Индии получают иную трактовку. «Артхашастра» и дхармашастры позволяют констатировать «общинный принцип» древнеиндийской социальной организации, проявляющийся в сельской общине и в территориальном самоуправлении целых округов, в большой семье и патронимии, в ремесленных объединениях и торговых гильдиях, городских кварталах и кастах. Индиец был частью целого комплекса таких больших и малых сообществ, каждое из которых обеспечивало ему поддержку и в то же время ограничивало его самостоятельность и проявления индивидуальности. В этой связи особое внимание привлекает каста как замкнутый коллектив, принадлежность к которому определяется рождением. Каста входит в иерархическую систему и связана с другими кастами сложными отношениями взаимных прав и обязанностей. Ее внутренняя структура напоминает племенную, а возникновение прослеживается вплоть до самого начала индийской истории, когда в источниках появляются упоминания архаичных ритуальных рангов. Понятие варны издавна стало оценочным, оно являлось способом классификации реально существовавших общественных слоев, каст. С этой точки зрения совершенно иное освещение получает вся «история шудр» и в особенности проблема их «возвышения» в конце периода древности. Речь может идти скорее об изменении критериев оценки земледельческих каст, чем о том, что шудры переходили к земледельческому труду.

Проводится резкое различие между собственно рабами и лицами, временно находившимися в частной зависимости. С точки зрения древнеиндий-

ского права первые являлись собственностью своих хозяев (хотя и не полностью лишенной элементов личности), а вторые рассматривались как принадлежащие хозяевам лишь на правах владения со всеми существенными ограничениями прав рабовладельца. В этом контексте теряет убедительность тезис о кризисе рабовладения в конце древности.

Кроме того, рабский статус рассматривается в контексте сословно-кастового деления. Согласно сложившимся в Древней Индии представлениям, рабство должно являться уделом чужаков-«варваров» — тем самым варновая структура оценивается как своего рода гражданский коллектив. Более сложная картина выясняется и при анализе отношений найма. С одной стороны, работа по найму сама по себе ничуть не уподоблялась рабству, а с другой — для ряда категорий работников она являлась постоянным занятием, часто наследственной кастовой обязанностью, и положение последних трудноотличимо от «рабской службы».

Особый интерес вызывает характер древнеиндийской государственности. В последнее время ряд историков (например, Жерар Фюсман) отмечает, что организация Маурийской державы как централизованной и бюрократической была бы в принципе невозможна в силу чисто технических сложностей (транспорта, коммуникаций и т. п.). Однако не менее важна и суть отношений между властями разного уровня. Они оформлялись скорее как личная зависимость, чем чисто административное подчинение. Знатность происхождения и клановые связи в Древней Индии значили безусловно больше, чем чисто бюрократическая карьера. В целом государство представляется достаточно архаичным по типу и чрезвычайно рыхлым по структуре — в этом свете можно легче понять все неожиданные и драматические повороты в индийской истории. *Основные общие вопросы только начинают подниматься* — о сути и причинах возникновения крупных держав, об их исторической роли и условиях распада. Изучение литературных источников непосредственно подводит к этим проблемам, но их решение будет зависеть главным образом от конкретного (в частности, эпиграфического) материала из разных регионов страны.

Положение индологов, живущих в России, радикально отличается от того, в котором находятся их индийские коллеги. Практически не имея доступа к новому нумизматическому и эпиграфическому материалу, историки вынуждены сосредоточивать внимание на давно опубликованных литературных памятниках. Соответственно, речь может идти не об исследовании отдельных регионов, а обо всем субконтиненте — самых общих характеристиках социального и политического строя Индии.

Это — тот путь, от которого чаще всего отказываются современные индийские ученые, разочарованные степенью достоверности религиозно-этических книг (дхармашастр) или так называемого политического трактата

«Артхашастры». Но в изучении их — как и произведений ведийской литературы — еще многое предстоит сделать для того, чтобы можно было использовать их как полноценные исторические источники. В источниковедении до сих пор, по существу, сделано не так уж много — речь шла обычно лишь о традиционных вопросах авторства и датировки произведений. Возникала иллюзия, будто можно излагать историю, просто расположив источники в хронологическом порядке. Распространен и иной подход: историки в духе какой-либо социологической школы конструировали общую схему развития, а затем из бесчисленного множества сведений санскритских памятников выбирали для нее иллюстративный материал.

На самом же деле датировка отдельных санскритских сочинений так же мало достоверна, как и их авторство. Ведь речь идет, главным образом, об изложении некоей традиции, которая складывалась и передавалась веками. В ней главное для историка — не случайное отражение конкретных событий и явлений, а сам характер этой традиции.

Разочарование историков нередко объясняется тем, что в древнеиндийских дхармашастрах они искали «сборники законов», а в «Артхашастре» — описание государства Чандрагупты, научную теорию государства или, на худой конец, некий утопический план. Между тем речь идет о «шастре», само возникновение которой связано с древним ритуалистическим мировоззрением. Круг терминов и логика изложения представляют огромную ценность для исторического исследования, но предварительно необходимо уяснить не только смысл слов текста, но и те намерения, с которыми он создавался, сам *язык породившей его культуры*.

Литература

Алаев Л. Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981.

Альбедиль М. Ф. Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. М., 1994.

Археология Зарубежной Азии. М., 1986.

Барроу Т. Санскрит. М., 1976.

Барт А. Религии Индии. М., 1897.

Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973.

Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. М., 1993.

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия: Исторический очерк. М., 1969.

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М., 1985 (2-е изд. — СПб., 2000).

Бэшем А. Л. Чудо, которым была Индия. М., 1977 (2000).
Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. СПб., 1869. Ч. I, III.
Васильков Я. В. Махабхарата как исторический источник (К характеристике эпического историзма) // НАА. 1982. № 5.
Вертоградова В. В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. Проблема дешифровки и интерпретации. М., 1995.
Вигасин А. А. Представления об Индии в Древней Руси // Ежегодник «Индия 1981–82». М., 1983.
Вигасин А. А. Изучение Индии в России XVIII в. // Ежегодник «Индия 1983». М., 1985.
Вигасин А. А. Изучение индийской культуры в России в первой трети XIX в. // Ежегодник «Индия 1984». М., 1986.
Вигасин А. А. Письма Ф. И. Щербатского из Индии // Российские путешественники в Индии. М., 1991.
Вигасин А. А. Индология // История отечественного востоковедения. М., 1997.
Вигасин А. А., Самозванцев А. М. Артхашастра Каутильи: Проблемы социальной структуры и права. М., 1984.
Воспоминания о Ю. Н. Рерихе. Новосибирск, 1994.
Востоковедные центры зарубежных стран. М., 1984. Ч. I–IV.
Востоковеды Великобритании (Библиографический справочник). М., 1978.
Востоковеды Франции. 1946–1976 (Библиографический справочник). М., 1978.
Гринцер П. А. Древнеиндийская проза (обрамленная повесть). М., 1963.
Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.
Древние культуры Средней Азии и Индии. Сб. ст. Л., 1984.
Древняя Индия. Историко-культурные связи. Сб. ст. М., 1982.
Дубянский А. М. Ритуально-мифологические истоки древнетамильской лирики. М., 1989.
Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в «Ригведе». М., 1993.
Зеймаль Е. В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.
Иван Павлович Минаев. М., 1968.
Избранные труды русских индологов-филологов. М., 1962.
Ильин Г. Ф. Вопрос об общественной формации в Древней Индии в советской научной литературе // ВДИ. 1950. № 2.
Ильин Г. Ф. Древний индийский город Таксила. М., 1958.
Индийская культура и буддизм. М., 1972.
Индия в древности. Сб. ст. М., 1964.

История и культура Древней Индии. Сб. ст. М., 1963.
История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.
Касты в Индии. Сб. ст. М., 1965.
Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки / Сост. Миронов Н. Д. Пг., 1918.
Каталог индийских рукописей Азиатского музея / Сост. Н. Д. Миронов. Вып. 1. Пг., 1914.
Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
Косамби Д. Культура и цивилизация Древней Индии. М., 1968.
Кудрявцев М. К. Кастовая система в Индии. М., 1992.
Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.
Культура Древней Индии. М., 1975.
Лысенко В. Г., Терентьев А. А., Шохин В. К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М., 1994.
Маккей Э. Древняя культура долины Инда. М., 1951.
Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964. Т. I.
Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., Л., 1964.
Медведев Е. М. Очерки истории Индии до XIII в. М., 1990.
Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987.
Миллер В. Ф. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Асвины-Диоскуры. М., 1876. Т. I.
Невелева С. Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.
Огибенин Б. Л. Структура мифологических текстов Ригведы. М., 1968.
Ольденберг Г. Будда, его жизнь, учение и община. М., 1900.
Ольденбург С. Ф. Культура Индии. М., 1991.
Осипов А. М. Краткий очерк истории Индии до X в. М., 1948.
Осипов А. М. Заметки о некоторых советских работах по древней истории Индии // НАА. 1961. № 1.
Осипов А. М. Об индийской национальной историографии по древней и средневековой истории Индии // Историография стран Востока. М., 1978.
Очерки экономической и социальной истории Индии. Сб. ст. М., 1973.
Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1990.
Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.; Л., 1951.
Пишель Р. Будда, его жизнь и учение. М., 1991.
Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.

Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1956. Т. I–II.
Рис-Дэвидс Т. В. Буддизм. Очерки жизни и учений Гаутамы Будды. СПб., 1901.
Розенберг О. О. Труды по буддизму. М., 1991.
Романов В. Н. Историческое развитие культуры. М., 1991.
Самозванцев А. М. Правовой текст дхармашастры. М., 1991.
Семека Е. С. История буддизма на Цейлоне. М., 1969.
Семенцов В. С. Проблемы интерпретации брахманической прозы. М., 1981.
Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986.
Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
Сообщения об исследовании протоиндийских текстов. М., 1970.
Сыркин А. Я. Некоторые проблемы изучения упанишад. М., 1971.
Тюляев С. И. Искусство Индии III тыс. до н. э. — VII в. н. э., М., 1988.
Узловые проблемы истории Индии. М., 1981.
Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.
Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1974–1975. Т. I–II.
Чанана Д. Р. Рабство в Древней Индии. М., 1964.
Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество. М., 1988.
Шохин В. К. Классическая русская санскритология второй половины XIX в. и некоторые актуальные проблемы современной науки // Литература Индии. М., 1989.
Шохин В. К. Брахманистская философия: Начальный и раннеклассический периоды. М., 1994.
Штейн В. М. Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности. М., 1960.
Щербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. СПб., 1903–1909. Ч. 1–2. (2-изд. — 1995).
Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.
Щетенко А. Я. Первобытный Индостан. Л., 1979.
Щетенко А. Я. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968.
Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980.
Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981.
Abegg E. Der Messiasglaube in India und Iran. B., 1928.
Abegg E. Der Buddha-Maitreya. St-Gallen, 1946.
Acharya P. K. An Encyclopaedia of Hindu Architecture. L., 1946.
Adhya G. L. Early Indian Economics, Studies in the Social Life of Northern and Western India 200 BC — 300 AD. L., 1966.

Agrawal D. P. The Copper Bronze Age in India. New Delhi, 1971.
Agrawal D. P. Archaeology of India. L., 1982.
Agrawala V. S. India as known to Panini, Lucknow, 1953.
Allchin B. & Allchin R. The Birth of Indian Civilization. L., 1968.
Alsdorf L. Beiträge zur Geschichte von Vegetarismus und Rinderverehrung in Indien. Wiesbaden, 1962.
Alsdorf L. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1974.
Archaeological Remains, Monuments and Museums. New Delhi, 1964. Pt. 1–2.
Archaeology and History. Essays in Memory of A. Ghosh. Delhi, 1987. Vol. 1.
Asiatic Society. Bicentenary Souvenir. Calcutta, 1984.
Asthana S. History and Archaeology of India's contacts with other countries. Delhi, 1976.
Auboyer J. Le throne et son sympolisme dans l'Inde ancienne. P., 1949.
Auboyer J. La vie quotidienne dans l'Inde ancienne. P., 1961.
Banerjee A. C. Studies in the Brahmanas. Delhi, 1963.
Banerjee N. R. The Iron Age in India. New Delhi, 1965.
Banerjee S. C. Dharmusutras. A Study in their Origin and Development. Calcutta, 1962.
Bareau A. Les premiers conciles bouddhiques. P., 1955.
Bareau A. Recherches sur la biographie du Buddha. P., 1963–1971. Vol. 1–3.
Bareau A. Les sectes bouddhiques du petit vehicle. Saigon, 1955.
Bareau A. u. a. Die Religionen Indiens. Buddhismus... Stuttgart, 1964. Bd. 3.
Basham A. L. History and Doctrines of the Ajivikas. L., 1951.
Basham A. L. (ed.). A Cultural History of India. Oxford, 1975.
Basham A. L. (ed.) Papers on the Date of Kaniska. Leiden, 1968.
Basu J. India of the Age of the Brahmanas. Calcutta, 1969.
Beautrix P. Bibliographie du bouddhisme. Bruxelles, 1970. Vol. 1.
Bechert H. Willhelm Geiger: His Life and Works. Colombo, 1976.
Bergaigne A. La Religion vedique d'apres les hymnes du Rig-Veda. P., 1878–1883. T. 1–3.
Bethlenfalvy G. India in Hungarian Learning and Literature. Delhi, 1980.
Bhandarkar R. G. Vaisnavism, Saivism and minor religious systems. Varanasi, 1965.
Bhargava P. L. India in the Vedic Age. Lucknow, 1971.
Bhattacharya G. (ed.). Deyadharma. Studies in memory of D. C. Sircar. Delhi, 1986.
Bhattacharya H. (ed.). The Cultural Heritage of India. Calcutta, 1953–1961. Vol. 1–4.
Biardeau M., Malamoud Ch. Le Sacrifice dans l'Inde ancienne. P., 1976.
Bibliographie bouddhique. P., 1930 (продолжающееся издание).

Bloomfield M. A. Vedic Concordance. Cambridge, 1906.
Bloomfield M. A. The Atharvaveda and the Gopatha Brahmana. Strassburg, 1899.
Bongard-Levin G., Vigasin A. Image of India. Moscow, 1984.
Bosch F. D. K. The Golden Germ. An Introduction to Indian Symbolism. The Hague, 1960.
Bose D. M., Sen S. N., Subbarayappa R. V. (ed.). A Concise History of Science in India. New Delhi, 1966.
Breloer B. Kautaliya-Studien. Bonn; Lpz., 1927–1934. Bd. 1–3.
Buitenen J. A. V. Studies in Indian Literature and Philosophy. Delhi, 1988.
Burgess J. The Ancient Monuments, Temples and Sculptures of India. L., 1897–1911. Vol. 1–2.
Burnouf E. Introduction á l'histoire du bouddhisme indien. P., 1876.
Caland W. Altindische Zauberei. Darstellung altindisches «Wunschopfers». Amsterdam, 1908.
Caland W. Kleine Schriften, Wiesbaden, 1985.
Caland W. Altindischer Ahnencult. Leiden, 1893.
Caland W. Die altindischen Todten- und Bestattungsgebräuche. Amsterdam, 1896.
Cannon J. Oriental Jones. A biography of Sir William Jones. Bombay, 1964.
Cardona G. Panini. A Survey of Research. The Hague, 1976.
Casal J.-M. Fouilles d'Amri. P., 1964. T. 1–2.
Casal J.-M. La Civilisation de l'Indus et ses enigmes. P., 1969.
Centenary Review of the Asiatic Society. 1784–1884. Calcutta, 1986.
Chakraborty H. India as reflected in the inscriptions of the Gupta Period. Calcutta, 1977.
Chaudhury N. Scholar extraordinary. The Life of Prof. Friedrich Max Müller. N. Y., 1974.
Clark G. Sir Mortimer and Indian archaeology. New Delhi, 1979.
Coomaraswamy A. K. Geschichte der indischen und indonesischen Kunst. Lpz., 1927.
Coomaraswamy A. K. Yaksas. Washington, 1928–1931. Pt. 1–2.
Cumming J. (ed.). Revealing India's Past. L., 1939.
Cunningham A. Ancient Geography of India. Calcutta, 1924.
Dallapiccola A. L. e. a. (ed.) The Stupa: its religious, historical and architectural significance. Wiesbaden, 1980.
Dandekar R. N. Progress of Indic Studies, 1917–1942. Poona, 1942.
Dani A. H. Indian Palaeography. Oxford, 1963.
Dani A. H. Recent Archaelogical Discoveries in Pakistan, P., 1988.
Dating of the Historical Buddha / Ed. by H. Bechert. Göttingen, 1991.
Deppert J. Rudras Geburt. Wien, 1977.

Derrett J. D. M. Religion, Law and the State in India. L., 1968.
Derrett J. D. M. Dharmasāstra and Juridical Literature. Wiesbaden, 1973.
Derrett J. D. M. Essays in classical and modern Hindu Law. L., 1976–1978. Vol. 1–4.
Deussen P. Die Philosophie der Upanishads. Lpz., 1920.
Devahuti D. (ed) Historical and Political Perspectives. Delhi, 1982.
Dey N. L. The geographical Dictionary of Ancient and Mediaeval India. L., 1927.
Dikshitar R. The Purana Index. Madras, 1951–1955. Vol. 1–3.
Dumont L. Religion, Politics and History in India. P., 1970.
Dumont L. Homo hierarchicus. The Caste System and its Implications. Chicago, 1980.
Edwardes M. Everyday Life in Early India. L., 1969.
Eggermont P. H. L. The Chronology of the Reign of Asoka Moriya. Leiden, 1956.
Eggermont P. H. L. Alexanders Campaings in Sind and Baluchistan. Leuven, 1975.
Epic and Puranic Bibliography (up to 1985). Vol. 1–2. Wiesbaden, 1992.
Ezourvedam. A French Veda of the Eighteen Century / Ed. by L. Rocher. Amsterdam; Philadelphia, 1984.
Fairservis W. A. The Roots of Ancient India. L., 1972.
Falk H. Brudershaft und Würfelspiel. Freiburg, 1986.
Fick R. Theodor Benfey als Begründer der vergleichenden Märchenkunde. Göttingen, 1931.
Fick R. Die sociale Gliederung im nordöstlischen Indien zu Buddaha's Zeit. Kiel, 1897.
Foucher A. La vie du Buddha d'apres les textes et les monuments de l'Inde. P., 1949.
Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhara. P., 1905–1951. Vol. 1–2.
Frauwallner E. Die Philosophie des Buddhismus. B., 1956.
Frauwallher E. The earliest Vinaya and the Beginning of Buddhist Literature. Roma, 1956.
Frauwallner E. Nachgelassene Werke. Wien, 1984.
Geiger W. Dipavamsa und Mahamsa und die geschichtliche Überlieferung in Ceylon. Lpz., 1905.
Geiger W. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1973.
Geographical Encyclopaedia of ancient and mediaeval India. Varanasi, 1967. Vol. 1.
Ghosh A. The City in early historical India. Simla, 1973.
Ghosh A. (ed.) Encyclopaedia of Indian Archaeology. Delhi, 1982. Vol. 1–2.
Ghosh A. Indian archaeology. New Delhi, 1960.

Ghoshal U. N. History of Indian Political Ideas. Oxford, 1959.
Glasenapp H. Ausgewählte kleine Schriften. Wiesbaden, 1980.
Glasenapp H. von. Das Indienbild deutscher Denker. Stuttgart, 1960.
Glasenapp H. von. Der Jainismus. Eine indische Erlösungsreligion. B., 1925.
Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden, 1967. Vol. 1–4.
Goetz H. Indien. Fünf Jahrtausende indischer Kunst. Baden-Baden, 1962.
Gonda J. Indology in the Netherlands. Leiden, 1964.
Gonda J. Change and Continuity in Indian religion. P., 1965.
Gonda J. The ritual functions and Significance of Grasses in the Religion of the Veda. Amsterdam, 1985.
Gonda J. Ancient Indian Kingship from the religious Point of View. Leiden, 1966.
Gonda J. Notes on Names and the Name of God in Ancient India. Amsterdam; L., 1970.
Gonda J. (ed.). A History of Indian Literature. Wiesbaden, 1973.
Gonda J. Selected Studies. Leiden, 1975. Vol. 1–5.
Gonda J. Die Religionen Indiens. Stuttgart, 1960–1963. Vol. 1. Veda und älterer Hinduismus; Vol. 2. Der jüngere Hinduismus.
Gopal R. India of Vedic Kalpasutras. Delhi, 1959.
Grassman H. Wörterbuch zum Rigveda. Lpz., 1873.
Gräfe. Systematische Darstellung kulturgeschichtlicher Informationen aus dem Vinayapitakam der Theravādins. Göttingen, 1974.
Gupta P. L. Coins. New Delhi, 1969.
Gupta P. L. Geographical Names in Ancient Indian Inscriptions. Delhi, 1977.
Halbfass W. Indien und Europa. Perspektive ihrer geistigen Begegnung. Basel; Stuttgart, 1981.
Hallade M. The Gandhara Style and the Evolution of Buddhist Art. L., 1968.
Hanayama S. Bibliography on Buddhism. Tokyo, 1961.
Harle J. C. Gupta Sculpture. Oxford, 1974.
Hazra R. C. Studies in the Upapurānas. Calcutta, 1956–1963.
Hazra R. C. Studies in the Purānic Records on Hindu Rites and Customs. Delhi; Varanasi; Patna, 1975.
Hecker H. Der Pali-Kanon, ein Wegweiser. Hamburg, 1965.
Held G. J. The Mahābhārata. An Ethnological Study, L.; Amsterdam, 1935.
Hertel J. Das Pancatantra, seine Geschichte und seine Verbreitung. Lpz., 1914.
Hillebrandt A. Ritual-Literatur. Vedische Opfer und Zauber. Strassburg, 1892.
Hillebrandt A. Vedische Myfhologie. Breslau, 1927–1929. Bd. 1–2.
Hiltebeitel A. Ritual of Battle. Krishna in the Mahābhārata. Ithaca, 1976.
History and Culture of Indian People. L., 1950. Vol. 1; Bombay, 1951. Vol. 2.

Holtzmann A. Das Mahabharata und seine Theile. Kiel, 1892–1895. Bd. 1–4.
Hopkins E. W. The Great Epic of India. N. Y., 1901.
Hultzsch E. Inscriptions of Aśoka. Oxford, 1925.
Index to the Rublications of the Astatic Society. 1788–1953. Calcutta, 1959. Vol. I. Pt. 1–2.
Indian Studies abroad. Delhi, 1964.
Indianisme et Bouddhisme. Mélanges offerts à Mgr. E. Lamotte. Louvain, 1980.
Indological and Buddhist Studies. Volume in Honour of Prof. J. W. de Jong. Canberra, 1982.
Jacoby H. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1970. Bd. 1–2.
Jain J. Ch. Life in Ancient India as depicted in the Jain Canon. Bombay, 1947.
Jain P. Ch. Labour in Ancient India. Delhi, 1971.
Jaiswal S. The Origin and Development of Vaisnavism. Delhi, 1967.
Jayaswal K. P. Hindu Polity. Bangalore, 1955.
Jolly J. Recht und Sitte. Strassburg, 1896.
Jolly J. Georg Bühler. Strassburg, 1900.
Jolly J. Medizin. Strassburg, 1901.
Jong J. W. de. A Brief History of Buddhist Studies in Europe and America. Varanasi, 1976.
Joshi J. P., Parpola A. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Helsinki, 1987.
Kane P. V. History of Dharmaśāstra. Poona, 1930–1962. Vol. 1–5.
Kangle R. P. The Kautiliya Arthaśāstra. Bombay, 1960–1965. Vol. 1–3.
Karttunen K. India in Early Greek Literature. Helsinki, 1989.
Kashikar C. G. Survey of the Śrautasutras. Bombay, 1966.
Katre S. M. Introduction to Indian Textual Criticism. Poona, 1954.
Keith A. B. The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads. Cambridge, 1925. Vol. 1–2.
Kejariwal O. P. The Asiatic Society of Bengal and the Discovery of India's Past. Oxford, 1988.
Kern H. Manual of Indian Buddhism. Strassburg, 1896.
Khanna A. N. Archaeology of India. Delhi, 1981.
Kielhorn F. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1969. Bd. 1–2.
Kirfel W. Das Purāna Pañcalakṣana. Versuch einer Textkritik. Bonn, 1927.
Kirfel W. Die Kosmographie der Inder. Bonn, 1920.
Kirfel W. Die Symbolik des Hinduismus und des Jinismus. Stuttgart, 1959.
Kirfel W. Symbolik des indischen Buddhismus. Stuttgart, 1959.
Kirfel W. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1976.
Kopf D. British Orientalists and the Bengal Renaissance 1773–1835. Berkley, 1967.
Kramrish S. The Hindu Temple. Calcutta, 1946. Vol. 1–2.

Kulke H. a. o. Indische Gesellschaft vom Altertum bis zur Gegenwart. München, 1982.
Lal B. B. Indian archaeology since independence. Delhi, 1964.
Lamotte E. Histoire du bouddhisme indien, des origenes à l'ère Saka. Louvain, 1958.
Lamotte E. Notice sur Louis de La Vallée Poussin // Académie royale de Belgique. Bruxelles, 1965.
Lariviere R. W. Protestants, Orientalists and Brāhmanas reconstructing Indian social History // Center for Asian studies. University of Texas. Austin, 1995.
Lassen Ch. Indische Altertümer. B.; L., 1847–1861. Bd. 1–4.
Law B. C. Tribes in Ancient India. Poona, 1943.
Lefmann S. Franz Bopp, sein Leben und seine wissenschaftliche Verdienste. B., 1891.
Leifer W. India and the Germans. 500 Years of Indo-German Contacts. Bombay, 1977.
Leumann E. Maitreya-samiti. Das Zukunftsideal der Buddhisten. Strassburg, 1919.
Levi S. Doctrine du sacrifice dans les Brānmanas. P., 1898.
Lingat R. Les Sources du droit dans le système traditionnel de l'Inde. Hague, 1962.
Lingat R. Royautés bouddhiques. Aśoka. La fonction royale a Ceylon. P., 1989.
Lohuizen J. E. van. The «Scythian» Period. Leiden, 1949.
Lüders H. Philologica indica. Göttingen, 1940.
Lüders H. Bharhut und die buddhistische Literatur. Lpz., 1941
Lüders H. Vāruna. Göttingen, 1951–1959.
Lüders H. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1973.
Macdonell A. A. Vedic Mythology. Strassburg, 1897.
Macdonnell A. A., Keith A. B. Vedic Index of Names and Subjects. L., 1913. Vol. 1–2.
Mackay E. J. H. Further Excavations at Mohenjo-daro. Delhi, 1938. Vol. 1–2.
Mackay E. J. H. Chanhu-daro Excavations 1935–36. New Haven, 1943.
Maity S. K. Economic History of Northern India in the Gupta Period. Calcutta, 1957.
Majumdar R. C. e. a. (ed.). Comprehensive History of India. Delhi, 1981. Vol. III. Pt. 1–2 (300–985).
Majumdar R. C., Altekar A. S. The Vākataka-Gupta Age. Benares, 1954.
Malalasekara G. P. Dictionary of Pali Proper Names. L., 1937. Vol. 1–2.
Malalasekara G. P. Encyclopaedia of Buddhism. Colombo, 1960.
Mani V. Puranic Encyclopaedia. Delhi, 1975.

Marshall J. Mohenjo-daro and the Indus Civilization. L., 1931. Vol. 1–3.
Marshall J. Taxila. Cambridge, 1951. Vol. 1–3.
Mehendale M. A. Aśokan Inscriptions in India (A linguistic Stydy with an exhaustive Bibliography). Bombay, 1948.
Meyer J. J. Das altindische Buch vom Welt-und Staatsleben. Lpz., 1926.
Minard A. Trois énigmes sur les cent Chemins. P., 1949–1956. Vol. 1–2.
Mode H. Das frühe Indien, Stuttgart, 1963.
Mookerji R. K. Local Government in Ancient India. Calcutta, 1922.
Moti Chandra. The World of Courtesans. Delhi, 1973.
Moti Chandra. Trade and Trade Routes in Ancient India. Delhi, 1977.
Mukherjee, Sir Wiliam Jones. A Study in eighteenth-century British Attitudes to India. Cambridge, 1968.
Müller M. Lebenserinnerungen. Aus meinem Leben. Gotha, 1902.
Nakamura H. Indian and Buddhist Studies in Japan. S. l. 1960.
Nakamura H. Indian Buddhism. Delhi, 1987.
Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.
Nilakantha Śastri. The Age of the Nandas and Mauryas. Benares, 1952.
Noboru Karashima. History of South Asia (Oriental Studies in Japan. Retrospect and Prospect 1963–72). Tokyo, 1974.
Norman K. R. Pali Literature. Wiesbaden, 1983.
Norman Brown. Resources for South Asian Language Studies in the United States. Philadelphia, 1960.
Norman Brown. India and Indology. Selected Articles. Delhi; Varanasi; Patna, 1978.
O'Flaherty W. D. The Origins of Evil in Hindu Mythology. Berkley, 1976.
Oldenberg H. Die Vedaforschung. Stuttgart; B., 1905.
Oldenberg H. Vorwissenschaftliche Wissenschaft. Die Weltanschauung der Brāhmana–Texte. Göttingen, 1919.
Oldenberg H. Die Religion des Veda. B., 1923.
Oldenberg H. Kleine Schriften. Wiesbaden. 1967–1968. Bd. 1–2.
Oppenberg U. Quellenstudien zu F. Schlegels Übersetzungen aus dem Sanskrit. Marburg, 1965.
Orientalism and the Postcolonial Predicament / Ed. by C. Breckenridge and P. van der Veer. Philadelphia, 1993.
Pandey R. (ed.). Buddhist Studies in India. Delhi, 1976.
Pargiter F. E. Ancient Indian Historical Tradition. L., 1922.
Pathak V. S. Ancient Historians of India. L., 1966.
Philips C. H. (ed.). Historians of India, Pakistan and Ceylon. L., 1961.
Pingree D. Census of the Exact Sciences in Sanskrit. Philadelphia, 1970–1976. Vol. 1–3.

Pingree D. Jyotihśāstra: Astral and Mathematical Literature, Wiesbaden, 1981.
Pischel R., Geldner K. F. Vedische Studien. Stuttgart, 1889–1901. Vol. 1–3.
Possehl G. (ed.). Ancient Cities of the Indus. Delhi, 1979.
Proceedigs of the Asiatic society. 1784–1800. Vol. I. Calcutta, 1980.
Przylusky J. La legende de l'empereur Asoka. P., 1923.
Puri B. N. Ancient Indian Historiography. A bi-centenary study. Delhi, 1994.
Pusalker A. D. Studies in Epic and Puranas of India. Bombay, 1955.
Raghavan V. e. a. New Catalogus catalogorum. Madras, 1949 (продолжающееся издание).
Raghavan V. Sanskrit and allied indological Studies in Europe. Madras, 1956.
Raghavan V. Indological Studies in India. Delhi; Varanasi; Patna, 1964.
Rajendralala Mitra (150th Anniversary Lectures). Calcutta, 1978.
Ramakrishna Gopal Bhandarkar as an Indologist. Poona, 1976.
Rao S. R. Lothal and the Indus Civilization. L., 1973.
Rau W. Staat und Gesellschaft im alten Indien. Wiesbaden, 1959.
Rau W. (ed.). Bilder hundert deutscher Indologen. Wiesbaden, 1967.
Rau W. Topferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Wiesbaden, 1972.
Rau W. Metalle und Metallgeräte im vedischen Indien. Wiesbaden, 1974.
Rau W. Zur Vedischen Altertumskunde. Mainz, 1983.
Raychaudhury H. C. Political History of Ancient India. Calcutta, 1950.
Rawlinson H. G. Intercourse between India and the Western World. Cambridge, 1916.
Recent Research on Max Weber's Studies on Hinduism. München; Köln; L., 1986.
Renou L. Les maitres de la philologie vedique. P., 1928.
Renou L. Bibliographie védique. P., 1931.
Renou L. S. Levi et son ouvre scientifique // JA. 1936. Vol. 228.
Renou L., Filliozat J. L'Inde classique. P., 1947–1953. Vol. 1–2.
Renou L. Etudes védiques et paninéennes. P., 1955–1969. Vol. 1–17.
Review of indological researches in last 75 years. Poona, 1967.
Riepe D. The Philosophy of India and its Impact on American Thought. Springfield, 1970.
Rhys Davids T. W. Buddhist India. L., 1903.
Ritschl E., Schetelich M. Studien zum Kautiliya Arthaśāstra. B., 1973.
Ritual, State and History. Essays in Honour of J. C. Heesterman / Ed. by A. W. van den Hoesch e. a. Leiden; N. Y.; Köln, 1992.
Rocher R. Alexander Hamilton (1762–1824). A Chapter in the early History of Sanskrit Philology. New Haven, 1968.
Rocher R. Orientalism, Poetry and the Millenium: the Chekered Life of Nathaniel Brassey Halhed 1751–1830. Delhi, 1983.

Rocher R. Sanskrit and related Studies in United States 1960–1985 // Indological Studies and South Asian Bibliography. Philadelphia, 1986.
Rocher L. Purāna Literature. Wiesbaden, 1985.
Rosenfield J. M. The Dynastic Art of the Kushanas. Berkley, 1967.
Roy A. K., Gidwani N. N. A dictionary of Indology. Delhi, 1985. Vol. 1–4.
Roy S. The Story of Indian Archaelogy 1784–1947. Delhi, 1961.
Roy T. N. The Ganges Civilization. Delhi, 1983.
Rutkowska T. Powoyenna indologia polska // Przeglad orientalistychni. Warszawa, 1976. Vol. 4.
Sankalia H. D. Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Poona, 1974.
Sankalia H. D. Aspects of Indian History and Archaelogy. Delhi, 1977.
Sankalia H. D. Indian Archaelogy today. Bombay, 1979.
Sanskrit Studies in the GDR. B., 1979. Pt. 1–2.
Sanskrit Studies outside India. Weimar, 1976. Pt. 1–2.
Sanskrit Studies outside India 1976–81. Delhi, 1981.
Sanskrit Studies in India 1979–81. Delhi, 1981.
Scharfe H. Untersuchungen zur Staatsrechtslehre des Kautaliya. Wiesbaden, 1968.
Scharfe H. The State in Indian Tradition. Leiden, 1989.
Schelarth B. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Wiesbaden, 1960.
Schlingloff D. Die altindische Stadt. Wiesbaden, 1969.
Schlingloff D. Studies in the Ajanta Paintings. Identifications and Interpretations. Delhi, 1988.
Schroeder L. Lebenserinnerungen. Jena, 1921.
Schroeder L. Indiens Literatur und Kultur in historischer Entwicklung. Leipzig, 1887.
Schubring W. Die Lehre der Jainas. B., 1935.
Schubring W. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1977.
Schwartzenberg J. E. (ed.). South Asia Historical Atlas. Chicago, 1978.
Sen S. N. Bibliography of Sanskrit Works on Astronomy and Mathematics. New Delhi, 1966.
Sen S. P. (ed.). Historians and Historiography in modern India. Calcutta, 1973.
Senart E. Les Castes dans l'Inde. P., 1896.
Sharma J. P. Republics in ancient India. Leiden, 1968.
Sharma R. S. Śudras in ancient India. Delhi, 1958.
Sharma R. S. Indian Feudalism: c. 300–1200. Calcutta, 1965.
Sharma R. S. (ed.). Survey of Research in Economic and Social History of India. Delhi, 1986.

Sharma R. S. Urban Decay (c. 300–1000) in India. Delhi, 1987.
Sharma S. Early Indian Symbols. Numismatic Evidence. Delhi, 1990.
Singhal C. R. Bibliography of Indian Coins. Bombay, 1950–1952. Vol. 1–2.
Sircar D. C. Studies in the Geography of Ancient and Medieval India. Delhi, 1960.
Sircar D. C. Indian Epigraphy. Delhi, 1965.
Sircar D. C. Studies in the Society and Administration of Ancient and Medieval India. Calcutta, 1967.
Sircar D. C. Studies in Indian Coins. Delhi, 1968.
Sircar D. C. Studies in the Religious Life of Ancient and Medieval India. Delhi, 1971.
Smith V. The Early History of India. Oxford, 1924.
Sorensen S. An Index to the Names in the Mahābhārata. Delhi, 1963.
Sparreboom M. Chariots in the Veda. Leiden, 1963.
Sprockhoff J. F. Sannyāsa. Quellenstudien zur Askese in Hinduismus. Wiesbaden, 1976.
Srinivasiengar C. R. The History of Ancient Indian Mathematics. Calcutta, 1967.
Stache-Rosen V. German Indologists. Delhi, 1981.
Stache-Rosen A. (ed) German Indology. A list of Institutions and Persons. München, 1988.
Stacul G. Prehistoric and Protohistoric Swat, Pakistan (c. 3000–1400 b. c.). Roma, 1987.
Stein M. A. Serindia. Oxford, 1921. Vol. 1–5.
Stein M. A. Innermost Asia. Oxford, 1926. Vol. 1–4.
Stein O. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1985.
Sternbach L. Juridical Studies in Ancient Indian Law. Delhi, 1965–1967. Vol. 1–2.
Sternbach L. Bibliography on Dharma and Artha in Ancient and Medieval India. Wiesbaden, 1973.
Strong J. S. Legend of King Aśoka. Princeton, 1983.
Tarn W. W. The Greeks in India and Bactria. Cambridge, 1951.
Thapar B. K. Recent Archaeological Discoveries in India. P.; Tokyo, 1985.
Thapar R. Aśoka and the Decline of the Mauryas. L., 1961.
Thapar R. Interpretations of Ancient Indian History // Ancient Indian Social History. Some Interpretations. Delhi, 1984.
Thibaut G. Astronomie, Astrologie and Mathematik. Strassburg, 1899.
Thieme P. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1971. Bd. 1–2.
Thite G. U. Sacrifice in the Brāhmana-Texts. Poona, 1975.

Thite G. U. Medicine. Its medico-religious Aspects according to the Vedic and later Literature. Poona, 1982.
Trautmann T. R. Kautilya and the Arthaśāstra. A statistical investigation of the authorship and Evolution of the text. Leiden, 1971.
Tucci G. Opera minora. Roma, 1971.
Vallée Poussin L. de la, L'Inde aux temps des Mauryas. P., 1930.
Vats M. S. Excavations at Harappa. Delhi, 1940. Vol. 1–2.
Viennot O. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. P., 1954.
Vogel J. Ph. La sculpture de Mathurā. P., 1930.
Yazdani G. (ed.). The Early History of Deccan. L., 1960. Vol. 1–2.
Wagle N. N. Society at the Time of Buddha. Bombay, 1966.
Waldschmidt E. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. B., 1922–1933. Bd. 1–7.
Waldschmidt E. Von Ceylon bis Turfan. Göttingen, 1967.
Walker B. Hindu World. An Encyclopaedic Survey of Hinduism. L., 1962. Vol. 1–2.
Warder A. K. Indian Buddhism. Delhi, 1970.
Warder A. K. An Introduction to Indian Historiography. Bombay, 1972.
Watters T. On Yuan Chwang's Travels in India. L., 1904–1905. Vol. 1–2.
Weber A. (ed.). Indische Studien. Lpz.; B., 1850–1898. Bd. 1–18.
Weber A. The History of Indian Literature. L., 1878.
Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen, 1921. Bd. 2. Hinduism und Buddhism.
Wezler A. Towards a Reconstruction of Indian Cultural History: Observations and Reflections on 18th and 19th Century Indology // Studien zur Indologie und Iranistik. 1993. № 18.
Wheeler M. Five Thousand Years of Pakistan. An Archaelogical Outline. L., 1950.
Wheeler M. Early India and Pakistan to Aśoka. L., 1959.
Wheeler M. Civilizations of the Indus Valley and Beyond. L., 1966.
Wheeler M. The Indus Civilization. Cambridge, 1968.
Wilson A. L. A mythical Image: the Ideal of India in German Romanticism. Durham, 1964.
Windisch E. Geschichte der Sanskrit-Philologie und indischer Altertumskunde. Strassburg, 1917–1920. Bd. 1–2.
Windisch E. Philologie und Altertumskunde in Indien. Lpz., 1921.
Winternitz M. Geschichte der indischen Literatur. Lpz., 1905–1922. Bd. 1–3.
Witzel M. On magical Thought in the Veda. Leiden, 1979.
Zachariae Th. Opera minora. Wiesbaden, 1976.
Zimmer H. Altindisches Leben. Die Kultur der vedischen Arier. B., 1879.

Zimmer H. Myths and Symbols in Indian Art and Civilization. N. Y., 1946. The Art of Indian Asia, its Mythology and Transformations. N. Y., 1960. Vol. 1–2.

Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. Leiden, 1972. Vol. 1–2.

Zur Schulzugehörigkeit von Werken der Hinayana-Literatur. Ed. H. Bechert. Göttingen, 1985–1987. Bd. 1–2.

Zydenbos R. J. Moksa in Jainism. Wiesbaden, 1983.

Глава IV

ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

§ 1. Китайские истоки

Изучение истории и культуры Китая, в Новое время обозначенное названием «китаеведение» (синология; по-китайски — ханьсюэ, дословно «наука о хань», т. е. об этнических китайцах и Китае вообще), началось, естественно, раньше всего в самом Китае. С некоторым основанием его зачатком можно бы считать т. н. гадательные надписи — вырезанные на костях животных и щитках черепах вопросы к оракулу, касавшиеся разных сторон жизни шан-иньского общества (XIV/XIII–XII/XI вв. до н. э.). Формулируя их, гадатель должен был обладать определенными историческими знаниями, так как, к примеру, ему приходилось просить о помощи предков современного ему правителя, живших иногда за много веков до него, называя их по имени. К тому же сам факт записи событий (в принципе не нужной ни для обращения с вопросом, ни тем более для получения ответа и к тому же требовавшей определенного труда) может быть истолкован как проявление желания оставить их в назидание потомкам и как наличие у шан-иньцев естественного субисторического сознания.

Если согласиться с такой точкой зрения — а ее нетрудно оспаривать, — то следующим шагом можно считать инскрипции на западночжоуских (XII/XI–VIII вв. до н. э.) бронзовых сосудах. В них значительное внимание уделяется деяниям и заслугам предков владельца сосуда и правящего дома Чжоу, формулируется мысль об их связи с современными событиями и содержится призыв к потомкам действовать подобным образом. Иначе говоря, здесь отчетливо прослеживается осознание чжоусцами наличия связи времен и поколений, которое можно назвать протоисторическим мышлением. В еще большей степени оно проявляется в самых архаичных из ныне существующих письменных произведениях «Шан шу» («Записи о прошлом») и «Ши цзин» («Книга песен и гимнов»), наиболее древние пласты которых датируются VIII в. до н. э., а возможно, и более ранним временем.

Однако осмысленное изучение истории, в отличие от простого ее отражения, характерного для вышеупомянутых источников, следует связывать с именем Кун-цзы, известного на Западе под латинизированным именем Конфуций (551–479 гг. до н. э.). Этот великий мыслитель, государственный деятель, учитель, знаток и ценитель этики, основатель философского течения, дожившего в Китае и некоторых соседних странах до наших дней, был одержим любовью к прошлому своей родины и желанием познать и понять его, что подтолкнуло его к поискам следов минувших эпох. Прямым или косвенным результатом стараний Конфуция является богатство сведений, содержащихся в хронике «Чунь-цю» («Вёсны и осени») и философском трактате «Лунь юй» («Беседы и суждения»), приписываемых самому учителю или его ученикам, а также в ряде произведений, созданных под влиянием его идей и взглядов, например в «Цзо чжуани» («Хроника господина Цзо Цю-мина»), «Мэн-цзы» («Трактат учителя Мэн Кэ»; ок. 372–289 гг. до н. э.), «Сюнь-цзы» («Трактат учителя Сюнь Куана»; ок. 325–238 гг. до н. э.) и др. Мэн-цзы, в частности, развивая концепции Конфуция, ратовал за «гуманное управление» через добродетель, а не через жестокость государя, считал народ основой страны и ставил его выше правителя, призывал восстановить будто бы существовавшую в глубокой древности систему «колодезных полей» (когда каждая семья земледельцев получала одинаковый надел земли и вместе с семью другими дворами обрабатывала равный по площади девятый общественный участок) и сформулировал теорию своеобразного исторического круговорота, считая, что каждые 500 лет появляется истинный правитель, который устанавливает порядок в стране и оставляет его в качестве образца для подражания.

Не менее веским вкладом Конфуция в изучение Китая самими китайцами стало создание им атмосферы уважения и глубокого интереса к своей стране и ее истории в образованной среде. Строго говоря, подобные чувства проявлялись и раньше. Внешним признаком их было наличие при дворах правителей специальных чиновников (ши), записывавших речи и действия государей и их приближенных, а также составление упомянутых ранних текстов, возникших за много веков до Конфуция, однако последний придал этим настроениям вид осмысленной и сознательной философской концепции. Благодаря его авторитету и позиции, отведенной ему последующими поколениями, она превратилась в составную часть образа мышления и принципов поведения двора, аристократии, чиновничества и просто образованных людей. В «Лунь юе», популярность которого всегда была огромной, хотя бы потому, что его доскональное знание требовалось при сдаче государственных экзаменов, мыслитель неоднократно подчеркивал свое преклонение перед древностью, величие правителей

и совершенномудрых седой старины и необходимость следовать им как образцам, значимость опыта прежних династий Ся, Шан, Чжоу (XXI–VIII вв. до н. э.), ценность изучения «Шан шу» и «Ши цзина» и т. п. Изречение: «Передаю, а не создаю, доверяя древним и любя их» стало хрестоматийным и известным всякому образованному китайцу. Представляется, что именно благодаря Кун-цзы китайцы стали наиболее исторически ориентированной нацией мира, одним из последних (правда, печальным и даже параноидальным) проявлений чего явилась известная кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», развязанная Мао Цзэ-дуном в 1974 г. Такая направленность мышления привела к появлению сотен и тысяч книг, посвященных самым разным проблемам жизни китайского народа (а попутно и многих его соседей) в различные исторические эпохи. При всей специфике их содержания — это богатейшая сокровищница знаний, без которой изучение истории Китая было бы весьма затруднительным, а то и просто невозможным. К сожалению, лишь немногие из этих произведений могут быть представлены на последующих страницах.

Революционный поворот в становлении китайской историографии связан с именем Сыма Цяня (ок. 145 — ок. 86 гг. до н. э.). Будучи профессиональным и потомственным историографом, он стал основным автором «Ши цзи» («Записи историка») — первого сводного, неанонимного исторического труда в Китае. В нем собран большой по объему и незаменимый по значимости научный материал, касающийся практически всех сторон жизни древнекитайского общества и ряда соседних народностей (корейцев, гуннов и др.) на протяжении 25–30 столетий вплоть до начала I в. до н. э. Если «Ши цзи» сопоставить с «Всеобщей историей» Полибия (ок. 200 — ок. 118 гг. до н. э.), то бросается в глаза огромная разница в хронологическом охвате: несколько тысячелетий против приблизительно 120 лет (264–144 гг. до н. э.), и уже одно это обстоятельство определяет место Сыма Цяня в китайской и мировой науке.

Внимания заслуживает и конструкция «Ши цзи», отражающая своеобразие мышления историка и зрелость его концепции, направленной на рассмотрение исторического процесса под разными углами зрения. «Ши цзи» состоят из пяти крупных разделов: «Основные записи», «Хронологические таблицы», «Трактаты», «Наследственные дома» и «Биографии», каждый из которых охватывает от восьми («Трактаты») до шестидесяти девяти («Биографии») глав. «Основные записи» представляют собой хроники царствований отдельных правителей от легендарного Хуан-ди (2697–2598 гг. до н. э.) до ханьского У-ди (140–87 гг. до н. э.); «Хронологические таблицы» являются нововведением Сыма Цяня и рисуют общую канву правлений и событий периода Чжоу; «Трактаты» — небольшие монографии

на избранные темы: обряды, музыка, календарь, астрономия, жертвоприношения, экономика и др.; в «Наследственных домах» освещена история отдельных царств: У, Ци, Лу, Янь и т. д., лишь в 221 г. до н. э. объединенных в единый циньский Китай; последний же раздел содержит не только биографии людей, но и главы, посвященные сопредельным народам и странам: сюнну, южным и восточным *юэ*, Корее, юго-западными *и* и т. п. При таком распределении материала неизбежными были повторы, но для исторического свода, к тому же пионерского, это скорее достоинство, чем недостаток.

Весьма существен и второй момент, связанный с «Ши цзи», — от них ведет свое начало жанр т. н. чжэн ши — официальных (династийных) историй, повествующих о событиях, происходивших при той или иной династии, и составлявшихся после ее падения. Они создавались по приказу монарха и получали его утверждение. Первая из них, «Хань шу» («История династии Хань»), принадлежит еще одному знаменитому древнекитайскому историку Бань Гу (32–92 гг.), последняя, «Мин ши» («История династии Мин»), была составлена в XVIII в. при маньчжурской династии Цин (1644–1911). Данное собрание, известное как «Эрши сы ши» («Двадцать четыре династийные истории») по праву можно считать богатейшей в мире библиотекой исторических произведений, написанных в одной стране. Кстати сказать, этот огромный, не переведенный до сих пор на иностранные языки thēsaurós содержит большое количество сведений о бесписьменных кочевых народах, будучи нередко единственным источником информации о них.

«Истории» построены в принципе по одному плану, подражающему «Ши цзи». Во всех них присутствуют два главных раздела — «Основные записи» и «Биографии» — и по понятным причинам нет «Наследственных домов». Наличие «Таблиц» и «Трактатов» зависит от объема данной «Истории», являющегося в свою очередь производной мощи и длительности правления конкретной династии. Иными словами, авторы «Историй» (а многие из них писались коллективами ученых) хотя и отражали, конечно, соответствующее время, но при этом пользовались традиционной, освещенной авторитетом Сыма Цяня формой, не пытаясь найти новые средства выражения. Таким образом, с точки зрения истории развития китайской исторической науки указанные труды не вносят ничего принципиально нового, но прогресс в их составлении все же налицо. Так, например, в «Сун ши» («История династии Сун») «Трактаты» занимают приблизительно одну треть текста, ибо касаются ряда тем, которых у Сыма Цяня не было (экзаменационная система, чиновничество, военное дело, наказания, литература и др.).

Уже в XX в. Кэ Шао-минем (1848–1933) была составлена «Синь Юань ши» («История династии Юань в новой редакции»). В 1921 г. по приказу бэйянской клики — милитаристов, контролировавших часть Северного и Северо-Восточного Китая — она была включена в чжэн ши, которых в итоге стало 25 (официальными по-прежнему считаются 24). Она построена по традиционной схеме и написана классическим языком, но с учетом достижений минских и цинских историков. Это единственная династийная история, при написании которой использован труд европейского ученого, а именно: *C. D'Ohsson*. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan. T. 1–2.

Официальные истории не являются единственным результатом интереса китайцев к собственному прошлому. Из ранних произведений следует назвать «Го юй» («Повествования о государствах»), первую хронику, где материал, отражающий события X–V вв. до н. э., расположен по восьми тогдашним царствам: Чжоу, Лу, Ци, Цзинь, Чжэн, Чу, У и Юэ, авторство которой традиция приписывает Цзо Цю-мину (возможному автору «Цзо чжуани»), и «Чжань-го цэ» («Планы Сражающихся царств»), анонимный труд, построенный по тому же принципу, что и «Го юй», и являющийся как бы хронологическим продолжением его. Одновременно, благодаря расцвету древнекитайской философии, появилось немало трактатов (кроме уже упоминавшихся «Мэн-цзы» и «Сюнь-цзы»), уделявших немало места историческим вопросам. Это, к примеру, «Мо-цзы» («Трактат учителя Мо Ди»), «Шан-цзюнь шу» («Книга правителя области Шан»), «Хань Фэй-цзы» («Трактат учителя Хань Фэя»), военные труды «Сунь-цзы бин-фа» («Трактат учителя Сунь У о военном искусстве»), «Сунь Бинь бин-фа» («Трактат Сунь Биня о военном искусстве») и др.

В 213 г. до н. э. культурному наследию Китая был нанесен непоправимый урон. По приказу императора Цинь Ши-хуанди, в 221 г. до н. э. объединившего страну, было сожжено большинство исторических трудов, и прежде всего «Шан шу» и «Ши цзин», хранившихся в частных библиотеках. Поэтому, когда в Китае воцарилась новая династия Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.), ее ученые приступили к огромной, кропотливой работе по восстановлению утраченных текстов. Результаты оказались удивительными не только в части воссоздания потерь, но и в области появления новых работ. Сюнь Юэ (148–209), вероятно, потомок Сюнь Куана, написал «Хань цзи» («Записи о династии Хань»), излагающие историю Китая последних двух веков до нашей эры в хронологическом порядке. Иначе говоря, данная книга по охвату времени приблизительно соответствует «Хань шу», но материал расположен по другому принципу.

Большая группа специалистов, среди которых были: уже известный нам Бань Гу, историк, литератор, музыковед и каллиграф Цай Юн (132–

192) и др., работая, естественно, с перерывами, с 62 по 225 г. создала «Дунгуань Хань цзи» («Записи о династии Хань, составленные во дворце Дунгуань»). Они сохранились до наших дней только во фрагментах, но в свое время послужили источником сведений для целого ряда книг, в частности «Хоу-Хань шу» («История Поздней династии Хань») Фань Е (398–445), входящую в «Эрши сы ши». Среди философских трактатов можно назвать «Чунь-цю фань лу» («Обильная роса высказываний, рожденная летописью "Вёсны и осени"») известного конфуцианского мыслителя Дун Чжуншу (ок. 179–104 гг. до н. э.), благодаря усилиям которого конфуцианство, обогащенное между тем идеями других школ, на два тысячелетия стало официальной государственной идеологией Китая. Используя наработки своих предшественников, например Кун-цзы, Мэн-цзы и Хань Фэя, Дун Чжун-шу выдвинул концепцию общественного устройства, в согласии с которой оно должно руководствоваться «тремя устоями»: власть монарха над народом, отца над детьми и мужа над женой; и «пятью постоянствами» (незыблемыми правилами): человеколюбием, справедливостью, этикетом, мудростью и доверием; и жить, «почитая Небо и следуя древности». Таким образом, в подход Конфуция к прошлому был привнесен новый элемент — Небо, что сакрализовало данное построение и подняло его на более высокий уровень.

Противником Дун Чжун-шу и конфуцианства вообще был атеистически и материалистически настроенный философ Ван Чун (27–97). В его единственном сохранившемся произведении «Лунь хэн» («Критические рассуждения») содержится, в частности, критика идеи почитания древности и упоминавшегося высказывания Мэн-цзы о появлении совершенного правителя через 500 лет. Им противопоставлена мысль о непрерывности исторического развития и превосходстве каждой последующей династии над предыдущей, например Хань над Чжоу. В условиях давления конфуцианских догм это были свежие и революционные положения, не оказавшие, однако, существенного влияния на умонастроения ни его современников, ни потомков.

Реставрируя древние тексты, ханьские ученые не ограничились лишь их физическим восстановлением. Понимая, что к их времени изменились язык, письменность (современные китайские знаки берут свое начало именно с периода Хань, тогда как в более раннее время их форма была совсем иной) и образ мышления, они взялись за комментирование ставшего непонятным классического наследия. Надо отдать им должное — если бы не их пояснения, к которым, конечно, надо относиться критически, чтение древних произведений последующими поколениями китайцев, и тем более (в Новое время) зарубежными учеными, было бы крайне

затруднительно: оно и при наличии их разъяснений дается нелегко. Порожденная ими традиция комментирования сохранилась затем вплоть до современности.

Занимаясь этой работой, ханьские книжники не могли не заинтересоваться проблемами языка, его изменениями во времени и пространстве. Данное обстоятельство натолкнуло их на счастливую мысль составить ряд словарей, оказавших впоследствии неоценимую услугу всем, кто интересуется литературой до-ханьского времени. Где-то в III в. до н. э. появился самый ранний «цыдянь» (словарь слов и выражений, в отличие от «цзыдянь» — словаря одинарных иероглифов) — «Эр я» («Словарь изысканных синонимов и глосс к каноническим книгам»). В IX в. он был включен в конфуцианский канон «Шисань цзин» («Тринадцать канонических книг»), в состав которого входят также названные выше «Шан шу», «Ши цзин», «Чунь-цю Цзо-чжуань», «Лунь юй» и «Мэн-цзы». Чуть позже появился первый словарь диалектизмов «Фан янь» («Слова, используемые в разных местностях») Ян Сюна (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.), над которым его автор трудился 27 лет. Важнейшим лексикографическим достижением той эпохи, несомненно, является «Шо-вэнь цзе-цзы» («Толковый словарь иероглифов»), результат двадцатидвухлетнего труда Сюй Шэня (ок. 58 — ок. 147). Классифицировав иероглифы по повторяющимся исходным графическим элементам — ключам, метод, который и ныне применяется при составлении китайских и японских словарей в этих странах и за рубежом (лишь с иным подбором и количеством ключей), он разделил их на 540 групп, что облегчает обнаружение искомого знака. Каждый иероглиф снабжен разного рода пояснениями, а также, что очень важно для палеографических изысканий, записан в нескольких графических вариантах, включая и бывшие в употреблении ранее III в. до н. э. К концу эпохи Хань появился «Ши мин» («Толковый словарь названий») Лю Си (II–III вв.). Кроме того, тогда же получил распространение особый метод передачи информации о звучании знаков, именуемый фаньце. Суть его в том, что чтение одного иероглифа поясняется двумя достаточно популярными знаками, первый из которых информирует о фонетике начала искомого иероглифа, а второй — о ее конце (каждый китайский знак — это как бы один слог, поэтому данный метод довольно прост и эффективен). Все вышеназванные произведения имеют, естественно, самостоятельную лингвистическую ценность, однако в то же время они оказывают неоценимые услуги историкам, работающим с китайскими источниками, а кроме того, содержат немалую долю исторической информации.

Все сказанное относится к текстам, которые, пусть с потерями и интерполяциями, передавались из поколения в поколение вплоть до XX века. Начиная с периода Хань, когда в Китае, впервые в мире, была изобретена

бумага, они писались, а после появления в IX в. ксилографии — печатались на ней. В таком виде они и дошли до нас.

Существовали, однако, и произведения, которые пропали, казалось бы, бесследно в пучине времени, хотя были записаны на более прочном материале — деревянных, чаще всего бамбуковых, планках. Следовательно, о них никто ничего не знал и ими не пользовался. Эти труды возвращает к жизни современная археология. К ним относятся, в частности, более 1100 планок периода Цинь (221–207 гг. до н. э.), обнаруженных в 1975 г. в Шуйхуди, в центре провинции Хубэй и содержащих, среди прочих, значительное количество ранее неизвестных юридических текстов, а также около 30 000 ханьских планок, найденных в 1930 и 1972–1976 гг. в Цзюйяне, на стыке Ганьсу и Внутренней Монголии. Все эти материалы формально не относятся к настоящему обзору, так как не имеют характера исторических разработок, однако как весьма перспективное направление — количество древних текстов, открываемых китайскими археологами, все время растет — они вполне заслуживают краткого упоминания.

Период Хань сыграл огромную роль в развитии китайской историографии. Он направил эту науку в русло широких, многоплановых исследований, к сожалению придав ей при этом жесткие идеологические рамки. Последние с течением времени все больше сковывали не только свободу слова, но и свободу мысли, в возрастающей степени суживая просторы научного поиска и догматизируя выражение его результатов. Вступив на этот путь на переломе нашей эры, китайские ученые оставались на нем вплоть до Нового времени и, лишь столкнувшись с европейской наукой, начали освобождаться от пут традиционного мышления. Период относительной свободы был непродолжительным, и они вновь оказались в тисках еще более жесткой тоталитарной системы.

После падения династии Хань Китай вошел в полосу раздробленности и вторжений кочевых племен с севера. Она длилась до его объединения под властью династий Суй (581–618) и Тан (618–907). При последней страна достигла самого блистательного расцвета за всю свою историю. Различие условий III–VII и VII–X веков отразилось, конечно, в какой-то мере и на научном творчестве, но все же разбег, взятый при династии Хань, в той или иной степени продолжал действовать все указанное время.

§ 2. Историческая мысль Китая в III–X вв.

В основе исторического творчества данного периода, как, впрочем, и последующего времени до XX столетия, лежал, скрепленный огромным авторитетом Конфуция, пиетет к древности, развитый и конкретизированный

трудами Сыма Цяня, Дун Чжун-шу, Сюй Шэня и вообще ханьских книжников. Но ко всему этому добавился один новый и очень важный элемент. Им была система государственных экзаменов, ставшая, после ее введения в 587 г. и до ее отмены в 1905 г., самым коротким и быстрым, хотя отнюдь не легким путем к чиновничьей карьере, а значит, к власти, зажиточности и почету. Конкретные требования к кандидатам в какой-то мере отличались в разные эпохи, но их конфуцианская направленность, а значит, и преклонение перед древностью, ее мудростью и моральным совершенством, оставались неизменными. Высшие, столичные экзамены, которые часто проходили под личным наблюдением самого императора, проводились обычно раз в три года, число успешно выдержавших их не достигало тысячи, и тем не менее влияние экзаменационной системы на умонастроения образованных слоев общества и ориентацию их интересов трудно переоценить. Думается, что без нее Китай значительно быстрее освободился бы от бремени историзма и традиционности, что, впрочем, не обязательно привело бы его к расцвету и прогрессу.

Одним из примеров плодотворности указанного периода (т. е. III–X вв.) было составление тринадцати из двадцати четырех династийных историй, в том числе таких многотомных трудов, как «Хоу-Хань шу», «Сань-го чжи» («Записи о трех государствах») Чэнь Шоу (233–297), «Цзинь шу» («История династии Цзинь») Фан Сюань-лина (579–648), «Сун шу» («История династии Сун») Шэнь Юэ (441–513), «Вэй шу» («История династии Вэй») Вэй Шоу (ок. 506–572), «Нань ши» («История Южных династий») и «Бэй ши» («История Северных династий») Ли Янь-шоу (? — ок. 676/679), «Суй шу» («История династии Суй») Вэй Чжэна (VII в.) и др.

Сановник и крупный историк рассматриваемого времени Ду Ю (735–812) своим большим трудом «Тун дянь» («Всеобщий свод знаний»), результатом 35-летнего упорного труда, положил начало новому жанру, получившему название «чжэн шу». Оно буквально означает «политическая литература», однако в применении к «Тун дяню» его лучше обозначить понятием «историческая энциклопедия».

Предвестником данной разновидности можно считать «Тан лю дянь» («Установления династии Тан по шести ведомствам»), ранее приписывавшихся императору Сюань-цзуну (712–756), но в действительности составленных группой чиновников во главе с Чжан Цзю-лином (673–740). В книге затрагиваются шесть основных тем — отсюда ее название. Их прямой перевод на русский весьма затруднителен, ибо в силу специфики китайского языка и номенклатуры двух-трехзнаковые термины требуют пространных пояснений. Поэтому укажем лишь, что эти темы охватывали такие сюжеты, как: сановники, имевшие почетные титулы, но не выполнявшие конкретных функций; основные органы государственной

власти: высшие чиновники центрального правительства; группа учреждений, ведавших школами и образованием, казенным и дворцовым ремеслом, строительством официальных зданий, производством оружия, ирригацией, водным транспортом и т. д.; и армия. В их рамках описываются служебные обязанности, ранги, жалованье и прочие детали жизни и деятельности чиновников, принадлежавших к указанным шести ветвям государственной структуры. Позднее, при обсуждении проблем устройства страны, нередко ссылались на данное произведение, содержащее немало интересных материалов по политическим и экономическим вопросам танского периода.

Что же касается труда Ду Ю, то он не является ни простым продолжением, ни развитием «Тан лю дяня». Это было произведение принципиально новое по структуре, объему и другим характеристикам. Наименования восьми разделов «Всеобщего свода»: народное хозяйство, экзаменационная система, чиновничество, правила поведения, музыка, армия и судебно-карательная власть, административное деление (география) и охрана границ, хотя ни в оригинале, ни тем более в русском переводе не отражают всего богатства источника, все же достаточно полно показывают разнообразие и объем информации, собранной в «Тун дяне». Этим и обосновывается выделение его в качестве родоначальника новой разновидности китайской научной литературы.

Другой крупный сановник, историк, член нескольких комиссий по составлению официальных исторических произведений Лю Чжи-цзи (661–721) стал основоположником еще одного нового направления — историографии. В своих теоретических построениях он выдвинул концепцию, что историка должны характеризовать три достоинства: использование источников, знание принципов исторической науки и обладание историческими познаниями — последнее он считал важнейшим. Писать надо беспристрастно, без прикрас и не покрывая зло, поэтому автору необходима историческая мораль — прямота, твердая воля и смелость по отношению к власть имущим. Сам он, видимо, располагал этими достоинствами, что и позволило ему создать первый в Китае историографический труд «Ши тун» («Проникновение в историю»), в котором детально рассмотрена и критически оценена предшествовавшая Лю Чжи-цзи историческая литература. Его подход к научному исследованию и указанная книга служили образцом для последующих поколений ученых.

Зрелость раннесредневековой исторической науки проявилась и в серьезном внимании к проблемам народностей, находившихся на периферии или за пределами собственно китайского мира. К ним обращались уже ханьские историки и их предшественники, но лишь маргинально, попутно с занятиями собственной историей и в связи с ней. Специальные же работы

монографического плана, посвященные исключительно или в доминирующей степени иноземцам (национальным меньшинствам — по определению исследователей КНР), начали появляться только в указанный период. Первым из них было «Хуа-ян го чжи» («Описание государств, расположенных к югу от гор Хуашань») Чан Цзюя (IV в.). Уроженец Сычуани, занимавший к тому же пост советника правителя расположенного там государства Чэн-Хань, Чан Цзюй хорошо знал этот район, что и было им использовано при написании его труда. Кроме того, как бы предвосхищая мысли Лю Чжи-цзи, он тщательно изучил доступный ему материал, благодаря чему «Хуа-ян го чжи» является не только самой ранней, но и очень важной и надежной историей народностей Сычуани (государств Ба и Шу) с глубокой древности до 347 г. н. э. Эта работа, будучи ценным источником, неоднократно использовалась китайскими авторами, например Фань Е при составлении «Хоу-Хань шу».

К данной категории книг можно отнести и «Шилю го чунь-цю» («Хроника Шестнадцати государств») Цуй Хуна (? — ок. 525/527). Понятием «Шилю го» в китайской историографии определяется 135-летний (304–439) период, когда на севере и юго-западе Китая сменяли друг друга недолговечные государственные образования, большинство правителей которых было не-ханьского происхождения: сюнну, сяньби, ди, цян и др. Одним из них было уже знакомое нам Чэн-Хань, существовавшее на востоке Сычуани и соседних районах Юньнани и Гуйчжоу в 304–347 гг., населенное в основном народностью бади и управляемое семьей Ли. Истории этих государств и посвящена «Хроника» Цуй Хуна, частное, не утвержденное императором произведение.

В китайской историографии существенное место занимают труды, которые условно можно бы назвать «географическими», условно потому, что в них содержится и немало сведений о разных других областях человеческого бытия. Возникновение традиции составлять такие произведения, возможно, было обусловлено частыми переселениями шан-иньцев и чжоусцев, связанными, среди прочего, с разливами Хуанхэ. Не исключено, что определенную роль сыграли мирные контакты и военные столкновения с не-китайскими племенами и народностями, а позже, при Цинь-Хань (221 г. до н. э. — 220 г. н. э.), — и большой размер территории государства. Самым ранним текстом такого рода была глава «Юй гун» («Дань, подносимая Великому Юю») из «Шан шу», особо почитаемой книги конфуцианского канона. В древности эта традиция получила продолжение в «Шань-хай цзине» («Книга гор и морей»), произведении, посвященном в той же степени географии (в ее народном оформлении), сколь и мифологии, а также истории, культуре, обычаям и т. д., а затем в соответствующих разделах чжэн ши, и «Шуй цзине» («Книга о реках»), появившемся

где-то в I–III вв. н. э. и утраченном еще в первом тысячелетии нашей эры. Следовательно, из сохранившихся работ этого жанра самой ранней и самой полной следует считать «Шуй цзин чжу» («Комментарии к "Книге о реках"») Ли Дао-юаня (466/472–527). Скромное название не должно вводить в заблуждение. На самом деле Ли Дао-юань написал совершенно самостоятельное произведение, во много раз превосходящее по объему «Шуй цзин». Использовав более 430 книг, значительное количество стел и народных преданий (многие из этих источников уже исчезли бесследно) и взяв «Шуй цзин» лишь в качестве основы, Ли описал 1252 реки (в «Шуй цзине» их было всего 137), а также районы, через которые они протекали, т. е. горы, низины, города, заставы, памятники старины, культовые объекты, а нередко и связанные с ними исторические личности, события, мифы, легенды и т. п. Автор руководствовался стержневой идеей «следовать воде, чтобы показать землю, взойти на землю, чтобы сберечь древность». «Шуй цзин чжу» — бесспорно, новое слово в географической литературе Китая, обладающее при этом высокой исторической и литературной ценностью.

Любопытной разновидностью данного типа историографической литературы можно считать «Лоян галань цзи» («Записки о буддийских монастырях Лояна») Ян Сюань-чжи (VI в.). Как и в случае с «Шуй цзин чжу», содержание произведения намного богаче заглавия. Ян действительно описал буддийские храмы Лояна и его окрестностей, но затронул также вопросы политики, экономики, обычаев, географии и другие. В частности, им уделено значительное внимание мятежу вождя северного племени сюжун Эрчжу Жуна (493–530) и путешествию в Западный край (современные Синьцзян, Средняя Азия, Северо-Западная Индия) в первой четверти VI в. Сун Юня и буддийского монаха Хуэй-шэна. Миссия, целью которой являлось приобретение буддийских писаний, оказалась успешной, и Хуэй-шэн привез в Китай 170 священных книг, а кроме того, оба посланника описали свою поездку. К сожалению, их произведения пропали, и лишь в «Лоян галань цзи» сохранились некоторые фрагменты. Таким образом, данный труд является ценным источником о международных связях Китая в период Северной династии Вэй (420–534).

В рассматриваемое время появилась еще одна важная разновидность географо-исторической литературы, получившая наименование фан чжи (дифан чжи — описание местности, краеведческая литература; само словосочетание появляется уже в трудах примерно IV в. до н. э.) и ставшая важнейшим источником для изучения истории отдельных районов: городов, уездов, провинций и т. п. Китайские ученые видят ее истоки в таких упоминавшихся выше произведениях, как «Юй гун» и «Шань-хай цзин». Думается, однако, что правильнее связывать ее возникновение с именами

ученых первых веков нашей эры: Ин Шао (II в.), Вэй Чжао (Вэй Яо; 204–273), Гу Е-вана (519–581) и др. В их, увы, уже утерянных, произведениях «Шисань чжоу цзи» («Записи о тринадцати округах»), «Сань-у цзюньго чжи» («Описание района Сань-у») и «Юйди чжи» («Описание земли») отразились те качества, которые впоследствии определили характер фан чжи и позволили зачислить последние в разряд комплексных, географо-исторических трудов. Фан чжи делятся на две основные категории: общегосударственные и локальные, но и той и другой присуща широта тематического охвата: география, история, обычаи, образование, экономика, персоналии, легенды и др. Одним из самых крупных и известных творений данного жанра является «Ко-ди чжи» («Описание всего государства»), приписываемое Ли Таю (618–652), но в действительности, скорее всего, принадлежавшее кисти нескольких лиц, в том числе Сяо Дэ-яня (558–654). Благодаря большому объему (550 цзюаней) собранного в нем материала оно весьма часто цитировалось в период Тан-Сун (VII–XIII вв.). Позже, прежде всего в результате многочисленных войн с наступавшими с севера кочевниками, закончившихся завоеванием всего Китая монголами и воцарением династии Юань (1270–1368), значительные части этого огромного труда пропали, и ныне оно существует лишь во фрагментах.

Высокий уровень, достигнутый исторической наукой, в том числе синологией, в течение последних десятилетий, привел к все более глубокому проникновению историков в мелкие события и краткие периоды, чтобы в них находить новый материал для детализированных исследований, ведущих к крупным полотнам. Иначе говоря, очень часто современные научные работы уже нельзя писать кистью маляра, а нужно пользоваться кисточкой каллиграфа. Для этих целей незаменимыми оказываются шилу — правдивые записи, своего рода подробные, хронологически построенные (по годам, месяцам и даже дням) «протоколы» правления каждого отдельного императора. Само выражение «шилу» впервые встречается в биографии Сыма Цяня в «Хань шу», а первым трудом этого жанра были «Лян хуанди шилу» («Правдивые записи об императоре государства Лян») Чжоу Син-сы (?–520), повествующие о лянском монархе У-ди (502–548). К сожалению, они не сохранились до наших дней, поэтому самыми ранними из существующих сейчас и единственными танскими шилу являются «Шунь-цзун шилу» («Правдивые записи о правлении Шунь-цзуна») известного ученого Хань Юя (768–824). Иронией истории следует считать, что сохранились шилу именно Шунь-цзуна, одного из самых незначительных императоров великой династии, который вступил на престол больным, лишенным дара речи и скончался, пробыв на нем всего

несколько месяцев в 805 г. Между тем именно при Тан установилась подхваченная последующими династиями практика составления придворными историографами шилу покойного императора по приказу его наследника — практика, сходная с написанием официальной истории конкретной династии ее преемницей.

Среди разновидностей исторических жанров, возникших в раннем Средневековье, необходимо упомянуть и «хуэй яо». Данный термин можно перевести как «собрание сведений о важнейших событиях», и действительно, серия работ, в названия которых он входит, представляет собой сборники, посвященные прежде всего политическим и экономическим вопросам, однако излагаемым не в общем плане, а с разбивкой на множество конкретных тем. Благодаря этому ими сравнительно удобно пользоваться исследователю, который может сразу обратиться к интересующему его в данный момент материалу. Самым ранним произведением этой категории принято считать «Цзю чао хуэй яо» («Собрание важнейших сведений о девяти правителях династии Тан») Су Мяня (?–805), описывающее события, происходившие в Китае в период от правления основателя династии Тан Гао-цзу (618–626) до царствования Дэ-цзуна (780–805) включительно. В 853 г. по приказу Сюань-цзуна (847–859) Ян Шао-фу (IX в.) к ним было составлено дополнение «Сюй хуэй яо» («Продолжение "Собрания важнейших сведений"»). Затем, уже в сунское время, Ван Пу (919–981) объединил обе книги, расширил их и довел повествование до конца Тан. Его труд в 100 цзюанях, законченный в 961 г., получил наименование «Тан хуэй яо» («Собрание важнейших сведений о династии Тан»). Энциклопедическим характером это сочинение напоминает «Тун дянь» Ду Ю, но оно ограничено рамками одной династии и, следовательно, более подробно освещает затронутую в нем проблематику, разделенную на 514 тем: генеалогическое древо царствующего дома, этикет, музыка, школы и образование, культы и религия, экзаменационная система, чиновничество, государственная администрация, удельные владения, календарь, природные бедствия, пенитенциарная система, народное хозяйство, экипажи и одеяния, контакты с другими странами и др. Даже этот краткий перечень показывает богатство содержания «Тан хуэй яо», тем более что это названия крупных разделов, каждый из которых содержит значительное количество конкретных тем. Скажем, налоги, аренда, монополия на соль и железо, виноделие, денежная система, мельницы, водные перевозки — это лишь часть вопросов, описанных в разделе о народном хозяйстве. Благодаря этому «Тан хуэй яо» является важным источником для изучения истории данной династии. Более того, оно стало моделью для хуэй яо, составленных впоследствии.

Изложенный выше материал показывает, сколь важным этапом в истории становления китайской исторической науки был период Хань-Тан, т. е. II в. до н. э. — X в. н. э. Если предшествовавшее ему тысячелетие являлось временем ее разбега, выработки первых концепций и подходов, фиксации и осмысления хода исторического процесса и поисков путей его отражения (гадательные надписи, инскрипции на бронзовых сосудах, первые письменные источники, деятельность Конфуция и т. д.), то последующие одиннадцать веков, и особенно их начало — Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и конец — Тан (618–907), благодаря труду большой плеяды историков, обозначили период ее зрелости. Собственно говоря, почти все основные жанры исторических произведений, их конструкция, теоретические установки, принципы отношения к изучаемому материалу, многие конкретные приемы (комментарии, фаньце и т. п.) появились именно в указанную эпоху, став прочным базисом дальнейшего, прежде всего количественного, развития китайской историографии. Опережая хронологическое изложение, можно сказать, что только столкновение с европейской наукой в XIX и особенно XX вв. вывели ее на новый виток развития.

§ 3. Историческая мысль в Китае в XI–XX вв.

После падения династии Тан Китай вошел в полосу сложных поворотов его истории. Сначала последовал короткий период Удай Шиго (907–960), когда на части Северного Китая последовательно сменили друг друга пять эфемерных династий, а на остальной территории существовали десять государств. Затем страна была объединена династией Сун (960–1279), которой, однако, не удалось восстановить мощь, славу и размеры Танской империи. Далее, ее соседями были не только такие относительно небольшие государства, как Си Ся (1038–1227) на северо-западе или Дали (937–1253) на юго-западе, но и мощные кочевые образования на севере: киданьское Ляо (907–1125), чжурчжэньское Цзинь (1115–1234) и пришедшее им на смену самое сильное из них — Монгольская империя (1206–1368). И наконец, в результате внутренней слабости и под ударами северных кочевников Суны постепенно теряли территорию и свободу политического и военного маневра. В 1127 г. они были вынуждены оставить почти весь бассейн Хуанхэ, удержав под своей властью лишь южные районы страны, поэтому период 1127–1279 известен как Нань Сун (Южная династия Сун). В 1279 г. Китай был окончательно завоеван монголами, основавшими свою династию Юань (1280–1368). Она пала в результате крестьянского восстания, вождь которого установил китайскую динас-

тию Мин (1368–1644). Последнюю, в свою очередь, свергли маньчжуры, создавшие затем династию Цин (1644–1911), завершившую имперскую эпоху истории Китая. Именно это время, Удай-Цин, представляет собой следующий период китайской историографии, когда продолжалось развитие ее традиционных форм. Конечно, его можно бы подразделить на более мелкие этапы, но, думается, что в этом нет особой необходимости. Во-первых, весь он был достаточно единым с точки зрения характера и языка появлявшихся тогда исторических трудов. Даже XIX в., когда под влиянием европейских государств Китай в целом и китайская наука в частности стали понемногу меняться, не принес каких-то резких и значащих перемен. И лишь в XX в., после падения Цин, в результате «движения четвертого мая» 1919 г. — революционного порыва студенчества, преследовавшего несколько целей, одной из которых была борьба за новую культуру, и в том числе за введение в литературу всем понятного разговорного языка вместо классического, доступного только образованной элите, начался процесс некоторой модернизации и европеизации китайской науки.

Во-вторых, указанный период по духу и стилю историописания являлся продолжением предыдущих веков. Это особенно хорошо заметно на примере творчества времен династий Юань и Цин. Они были основаны иноземными завоевателями, и посему можно было бы ожидать от них каких-то нововведений. Между тем произошло обратное — победители довольно быстро синизировались (монголы в меньшей степени, так как их правление длилось недолго), и китайская культура, язык и традиции играли при них почти ту же роль, что и в другие эпохи.

В-третьих, еще одним элементом, связывающим воедино весь рассматриваемый этап, можно считать появление «блоков» текстов, написанных в разные века, но объединенных тождеством части их заголовков Ниже это будет показано на конкретных примерах.

Продолжение прежних традиций выразилось прежде всего в составлении очередных чжэн ши — девяти из двадцати четырех династийных историй, в том числе и самых крупных во всей серии. Если за основу для сравнения взять полное издание «Эрши сы ши», осуществленное в КНР в 80-е годы, то в до-сунский период самыми объемными были «Хань шу» и «Хоу-Хань шу» — по 12 томов, затем «Ши цзи», «Цзинь шу» и «Бэй ши» — по 10. Между тем «Юань ши» («История династии Юань»), составленная в 1368–1370 гг. по приказу Чжу Юань-чжана, основателя династии Мин, насчитывает 15 томов; «Цзю Тан шу» («История династии Тан в старом изложении»; 941–945) — 16; «Синь Тан шу» («История династии Тан в новом изложении»), над которой в 1044–1060 гг. работали, среди прочих, такие знаменитые историки, как Оуян Сю (1007–1072) и Сун Ци (998–

1061), — 20; уже упоминавшаяся «Мин ши» — 28; а самая большая из них, «Сун ши» («История династии Сун»), написанная в 1343–1345 гг. под руководством монгольского сановника Тото (Токто, 1313–1355), — 40 томов. При всей традиционности данного мероприятия здесь появился и некий новый элемент — составление двух чжэн ши для одной династии, для различия получивших к основному заглавию добавления «цзю» («в старом изложении») и «синь» («в новом изложении»). Это было вызвано изобилием конкретного материала и/или неудовлетворительным уровнем первой редакции. Указанную линию уже в XX в. завершила «История династии Юань в новом изложении», о которой речь шла выше. Необходимо также добавить, что в каждой истории, независимо от того, о какой династии она повествовала, имелось немало отсылок к прошлым событиям, в частности, на много поколений назад прослеживалась генеалогия правящего дома.

Формально, как уже говорилось, серия династийных историй заканчивается «Мин ши». Однако в 1914 г. Юань Ши-кай (1859–1916), бывший крупный сановник Цинского двора, после революции 1911 г. сосредоточивший в своих руках власть в стране, учредил ведомство по составлению истории Цин, поставив во главе его некоего Чжао Эр-сюня. К работе были привлечены более 100 человек, включая Кэ Шао-миня, автора «Синь Юань ши». К 1920 году, т. е. уже после смерти Юань Ши-кая, был создан черновой вариант, который в 1926–1927 гг. подвергся существенной доработке. К сожалению, в то время в Китае создалась сложная политическая обстановка, поэтому окончательный текст не был никем утвержден и получил название «Цин ши гао» («Черновик истории династии Цин»). Он построен по образцу прежних династийных историй: Основные записи, Трактаты, Таблицы и Биографии, и насчитывает 536 цзюаней, отражающих историю Цин за период 1616–1911 гг. Не имея даже такого половинчатого статуса, как «Синь Юань ши», «Цин ши гао» может все-таки считаться равноценной официальной истории Цин.

Вместе с тем в рассматриваемый период в связи с чжэн ши возникло несколько новых направлений историописания. Развитие китайской исторической науки привело к тому, что династийные истории, несмотря на их большие размеры и богатство собранного в них материала, прежде всего из-за их традиционной структуры, перестали удовлетворять запросы образованных слоев общества. Более того, вся до-сунская историческая литература при несомненном ее разнообразии в принципе может быть разделена всего лишь на две основные категории: бяньняньти — хронологическую и цзичжуаньти — биографическую. Обе они обладают определенными достоинствами, но имеют один общий недостаток: крупные события дробятся, и трудно воссоздать их цельную картину, найти нача-

ло и конец, понять ход их развития и определить, что (кто) играет первостепенную, а что (кто) второстепенную роль. Указанные обстоятельства привели к возникновению новой категории исторических трудов, получившей наименование цзи-ши бэнь-мо — описание всего хода событий от начала до конца.

Первым произведением такого рода стала «Тун-цзянь цзи-ши бэнь-мо» (Полная история событий, описанных в «Цзы-чжи тун-цзянь») Юань Шу (1131–1205). Он хорошо знал и высоко ценил «Цзы-чжи тун-цзянь» (о котором подробнее ниже), но считал, что большие размеры затрудняют его чтение. Поэтому, использовав материал «Цзы-чжи тун-цзяня» и вычленив из него 239 дел и событий, Юань Шу около 1173 г. написал собственную книгу. Она охватывает почти четырнадцать веков истории Китая, от начала Чжаньго (конец V в. до. н. э.) и до X в. н. э. События даются в хронологическом порядке, что позволяет проследить весь процесс их развития. В 1176 г. книга была представлена сунскому императору и, получив его одобрение, стала быстро распространяться среди китайских книжников. Затем появились подражатели, и в настоящее время существует свыше десятка наиболее известных цзи-ши бэнь-мо.

Непосредственной континуацией работы Юань Шу стал труд Ли Минханя (XVII или XVIII в.) «Сюй Тун-цзянь цзи-ши бэнь-мо» (Продолжение «Полной истории событий, описанных в "Цзы-чжи тун-цзянь"»), где отражено 110 событий, случившихся после смерти Юань Шу, однако еще ранее Ян Чжун-лян (XIII или XIV в.) составил «Хуан Сун Тун-цзянь чанбянь цзи-ши бэнь-мо» (Полная история событий времен августейшей династии Сун, описанных в «Тун-цзянь чанбянь»). Кроме того, в разное время возникли цзи-ши бэнь-мо к династийным историям Сун, Ляо, Цзинь, Юань, Мин, а в начале XX в. и к Цин, хотя, как было сказано выше, «Эрши сы ши» кончаются «Мин ши», а «Цин ши» так и не была включена в их состав. «Цин ши цзи-ши бэнь-мо» (Полная история событий, описанных в «Истории династии Цин»), принадлежащая Хуан Хун-шоу (XIX–XX в.), имеет некоторую познавательную ценность, тем более что правление последнего императора Пу-и (впоследствии ставленника японцев в Маньчжоу-го) он наблюдал своими глазами, однако в целом это, пожалуй, самая слабая книга данной категории.

Авторы цзи-ши бэнь-мо не обошли вниманием и глубокую древность. В частности, Гао Ши-ци (1644–1703) составил очень хорошую «Цзо-чжуань цзи-ши бэнь-мо» (Полную историю событий, описанных в «Хронике господина Цзо Цю-мина») в 53 цзюанях, где очень подробно, с привлечением материалов из других книг того периода, рассмотрены все крупные события эпохи Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.).

Цзи-ши бэнь-мо, будучи новой категорией исторических сочинений, одновременно являются примером «блоков» текстов, написанных в разное время, но объединенных повторением части их титулов, о чем говорилось выше.

Династийные истории породили еще одну разновидность исторической литературы. Будучи очень крупным собранием текстов — почти 250 томов — они сами стали объектом исследования. Это было вызвано объективной необходимостью, так как в силу разных причин в них имеется немало неточностей, погрешностей, неясностей и т. п.

Первым в этому ряду следует назвать «Эрши эр ши као-и» («Исследование расхождений в двадцати двух династийных историях») Цянь Дасиня (1728–1804), крупного сановника, известного историка, лингвиста и палеографа, участвовавшего в составлении ряда крупных исторических произведений. В 100 цзюанях своего труда, над которым он работал более десяти лет, Цянь Да-синь проанализировал и разъяснил разного рода слабые места: ошибочные знаки, внутренние противоречия информации, несогласованность между более ранними и более поздними сообщениями, различные неточности и т. п. в двадцати двух династийных историях. В его сочинение не вошли лишь «Цзю У-дай ши» («История Пяти династий в старом изложении»), которая в это время не имела официального статуса, и относительно недавно опубликованная «Мин ши».

Сходными по характеру, но несколько отличающимися по охвату материала и, главное, — по конкретному содержанию, являются труды Ван Мин-шэна (1722–1797) «Шици ши шанцюэ» («Разъяснения к семнадцати династийным историям») и Чжао И (1727–1814) «Эрши эр ши чжацзи» («Заметки о двадцати двух династийных историях»). В обеих книгах присутствуют и даже называются в оглавлении «Цзю Тан шу» и «Цзю У-дай ши», но как бы неофициально, ибо они еще не были утверждены в качестве официальных династийных историй. Таким образом, Чжао И на самом деле рассмотрел все 24, а Ван Мин-шэн — 19 династийных историй, доведя свое исследование до X века. Указанные три книги, именуемые в литературе «Тремя великими, исследующими историю, знаменитыми произведениями эпохи Цин», внесли значительный вклад в изучение «Эрши сы ши». Собственно говоря, после их издания истинно научное использование «Эрши сы ши» не должно осуществляться без постоянной сверки и сопоставления оригинального текста с замечаниями названных трех авторов. Правда, их работы тоже не свободны от недостатков, но в какой-то части они взаимно корректируют друг друга, так что в любом случае общая картина получается более четкой и точной.

Параллельно с нововведениями продолжалось развитие и традиционных жанров, в частности шилу и хуэйяо. Именно в рассматриваемое вре-

мя возникли самые крупные шилу: «Мин шилу» («Правдивые записи о династии Мин») и «Цин шилу» («Правдивые записи о династии Цин»), соответственно в 500 и 1220 томах. Как и их предшественницы, они составлялись специальными комиссиями чиновников по приказу двора. В них подробно описываются политические, экономические и военные события, имевшие место в период правления каждого отдельного императора, жизнь царствующего дома: свадьбы, рождения, похороны, жертвоприношения, приводятся указы и другие официальные документы, излагаются биографии крупных сановников, отмечаются стихийные бедствия и необычные природные явления и т. д. В каждом из этих собраний недостает записей об одном императоре: в «Мин шилу» о Дай-цзуне (1450–1456), считавшемся узурпатором, а в «Цин шилу» о Сюань-туне (1909–1911), более известном под его собственным именем Пу-и, ибо в момент падения династии он оставался в живых. Однако впоследствии его трехлетнее правление было отражено в отдельной книге «Да Цин Сюань-тун чжэн цзи» («Записи о политических событиях Великой династии Цин в период правления под девизом Сюань-тун»), опубликованной в 1932 г. в Маньчжоу-го вместе с «Цин шилу». Приведенная выше цифра — 1220 томов — относится именно к данному совместному изданию. Шилу при всех своих недостатках, неизбежных для текстов, создаваемых по приказу и с благословения власть имущих, являются весьма богатыми источниками по истории имперского Китая.

Что касается хуэйяо, то в рассматриваемый период появилась целая серия таких сочинений. В качестве наиболее значимых можно назвать: «У-дай хуэйяо» («Собрание важнейших сведений о Пяти династиях») Ван Пу (919–981), составленное в 961 г. в 30 цзюанях; «Си-Хань хуэйяо» («Собрание важнейших сведений о Западной династии Хань») и «Дун-Хань хуэйяо» («Собрание важнейших сведений о Восточной династии Хань») Сюй Тянь-линя (XII–XIII вв.), соответственно в 70 и 40 цзюанях; «Сун хуэйяо цзи-гао» («Сводный черновой вариант "Собрания важнейших сведений о династии Сун"»), о котором подробнее ниже; «Цзинши да дянь» («Великий свод основ управления государством») почти в 900 цзюанях, который иначе можно бы назвать «Юаньским хуэйяо», подготовленный группой чиновников в 1329–1331 гг., в значительной части утерянный к середине эпохи Мин и ныне существующий только во фрагментах; и наконец, «Мин хуэйяо» («Собрание важнейших сведений о династии Мин») Лун Вэнь-биня (1821–1893), завершенное где-то в 70-х годах XIX в., состоящее из 80 цзюаней и написанное на основании более 200 источников.

Все перечисленные труды различаются по объему, степени сохранности, оглавлениям некоторых разделов и порядку их расположения, однако в основном они сходны классификацией материала по темам, отражающим

все важные стороны государственной и общественной жизни. Это генеалогия правящего дома и вообще разные стороны быта двора, проблемы ритуала и этикета, музыка, экипажи и одежда, образование, предзнаменования, чиновничество, отбор кадров, администрация и управление, народное хозяйство, армия, наказания и законы, административное деление, некитайские народности и др. Очень часто они содержат сведения, не вошедшие в династийные истории соответствующих периодов, личные наблюдения их авторов, разного рода документы, поэтому все они, даже те, которые дошли до нас далеко не полными, представляют собой ценные и важные исторические источники. Примером может послужить «Сун хуэйяо цзи-гао».

«Сун хуэйяо» в течение правления данной династии составлялись десять раз, и их общий объем превысил 2200 цзюаней, однако ни один из этих текстов не был опубликован, и они хранились в специально созданном учреждении. Монголы после завоевания Китая вывезли «Сун хуэйяо» на север и широко пользовались ими при написании «Сун ши». В начале Мин, когда проводилась огромная работа над «Юн-лэ да дянь» («Великий свод, составленный в период Юн-лэ»; о нем речь пойдет ниже), «Сун хуэйяо» было разбросано по кускам в соответствующие ячейки «Великого свода». К середине династии Мин исходный текст оказался утерянным, а к концу династии начались потери и «Юн-лэ да дяня». В 1809 г. чиновник цинского двора Сюй Сун (1781–1848), получивший приказ собрать танские материалы, попутно переписал из «Великого свода» 500–600 цзюаней «Сун хуэйяо». Эту работу ему не удалось довести до конца, поэтому после него еще многие ученые внесли свою лепту в восстановление текста «Сун хуэйяо», но так и не довели его до конца. Тем не менее в 1935 г. он был издан в 200 томах под заглавием «Сун хуэйяо цзи-гао», а в 1957 г. переиздан в восьми фолиантах. Опубликованный текст существенно отличается от первоначального «Сун хуэйяо»: он значительно меньше, иначе построен, из-за многочисленных переписок в нем немало ошибок, пропусков, переставленных иероглифов и т. п., и тем не менее это самый богатый и крупный источник по истории Китая и сопредельных районов в период Сун и наиболее полное собрание оригинальных эдиктов, докладов и других официальных документов.

В рассматриваемое время в результате деятельности Сыма Гуана (1019–1086) появилась еще одна разновидность историописания. Политик и сановник, глава консервативной группировки, под лозунгом «Устоев старины нельзя менять» боровшийся против реформатора Ван Аньши (1021–1086), пытавшегося серией политических и экономических мероприятий вывести империю Сун из тяжелого внутреннего кризиса и спасти ее от наступающих северных соседей, Сыма Гуан был одновре-

менно крупнейшим историком своей эпохи, а также автором важного филологического опуса «Лэй пянь» («Классификация знаков»), основанного на «Шо-вэнь цзе-цзы» и подражавшего ему. Однако opus magnum его жизни стало «Цзы-чжи тун-цзянь» («Всепроникающее зерцало, управлению помогающее») из 294 цзюаней — первая хронологически построенная общая история Китая, охватывающая период от поздней древности (403 г. до н. э.) до эпохи Удай (959 г. н. э.). Это был результат почти двадцатилетней (1066–1084) работы, в которой ему помогали другие известные историки: Лю Шу (1032–1078), Лю Бань (1023–1089) и Фань Цзу-юй (1041–1098). Любопытно отметить, что титул книги является сжатой передачей похвалы, высказанной Сыма Гуану императором Шэньцзуном (1068–1085), покровителем реформ Ван Ань-ши, после представления ему данного труда. Для написания последнего Сыма Гуан и его коллеги использовали более 220 источников, в том числе 17 династийных историй, частные сочинения, биографии и родословные, сборники литературных текстов и т. д. Широкая и разнообразная источниковедческая база обеспечила высокий научный уровень и надежность «Цзы-чжи тун-цзяня». Определенным его недостатком является концентрация на политических и военных вопросах, тогда как проблемам экономики и культуры уделено недостаточное внимание.

Другие произведения Сыма Гуана положили начало специфически китайскому явлению, для которого можно бы предложить название «гнездовое историописание», или полнее — «гнездовая система писания исторических работ». Мы имеем в виду создание разными авторами в различное время текстов, связанных общим названием с каким-то исходным трудом или являющихся его продолжением. Истоком этой традиции явились сочинения самого Сыма Гуана: «Цзи-чжи тун-цзянь као-и» («Исследование разночтений в «Цзы-чжи тун-цзяне») — своего рода библиографическая справка к «Всепроникающему зерцалу», «Цзи-чжи тун-цзянь мулу» (Оглавление "Цзы-чжи тун-цзяня"»), включающее таблицы и каталоги, «Цзи-гу лу» («Записи об изучении древности») — дополнение к «Цзы-чжи тун-цзяню», охватывающее период от времен легендарных правителей (III тыс. до н. э.) до 1067 г. н. э.

Эта линия была продолжена соратником Сыма Гуана Лю Шу, составившим «Тун-цзянь вай-цзи» (Посторонние записи к «Всепроникающему зерцалу»), а затем и более поздними учеными: Ли Тао (1115–1184) «Сюй Цзы-чжи тун-цзянь чанбянь» (Хронологически расположенная подборка материалов, продолжающая «Цзы-чжи тун-цзянь»), Чжу Си (1130–1200) «Тун-цзянь ган-му» (Главные основы «Тун-цзяня»), Ху Сань-сином (1230–1302) «Цзы-чжи тун-цзянь инь-чжу» (Пояснения и комментарии к «Цзы-чжи тун-цзяню»), Янь Янем (1575–1645) «Цзы-чжи тун-цзянь бу-чжэн»

(Дополнения и исправления к «Цзы-чжи тун-цзяню»), Ван Фу-чжи (1619–1692) «Ду Тун-цзянь лунь» (Суждения, рожденные прочтением «Тун-цзяня») и, наконец, Би Юанем (1730–1797) «Сюй Цзы-чжи тун-цзянь» (Продолжение «Всепроникающего зерцала, управлению помогающего»). Таким образом, возникла целая библиотека «Тун-цзяней». В рамках ее лучшим (впрочем, не достигающим мастерства самого Сыма Гуана) считается последний труд. В результате 20-летней работы Би Юань, сановник, поэт, историк, специалист по классическим книгам, памятникам старины и географии, и его сотрудники составили 220 цзюаней, в которых «на встык» продолжили изложение истории Китая периодов Сун, Ляо, Цзинь и Юань, т. е. от 960 по 1370 год.

Внимания заслуживает и тот факт, что в создании названной библиотеки принимали участие такие знаменитости, как крупные философы Чжу Си и Ван Фу-чжи, приобретшие славу своими философскими трудами. Очевидно, что составление «Тун-цзяней» считалось почетным делом, не бросающим тень на доброе имя очередного автора.

Созданные Сыма Гуанем новый жанр и новая традиция получили продолжение в работах других средневековых авторов. В 1161 г. Чжэн Цяо (1103–1162) завершил «Тун чжи» («Всеобщие записи») — общую историю от седой старины до династии Сун из 200 цзюаней. Материал в ней излагается хронологически, но разбит на пять тематических разделов. При Цянь-луне (1736–1795) чиновниками было составлено, а Цзи Юнем (1724–1805) исправлено «Сюй Тун чжи» (Продолжение «Тун чжи») в 640 цзюанях. В нем не только излагается история от начала Тан до конца Мин (VII–XVII вв.), но и содержатся разные дополнения и исправления к «Тун чжи».

Важным сочинением рассматриваемого периода, несомненно, следует считать «Вэнь-сянь тун-као» («Исследование всех главных разделов истории Китая») в 348 цзюанях, итог более чем 20-летней работы Ма Дуань-линя (ок. 1254–1323). Здесь более подробно, чем в «Тун дяне» Ду Ю, в историческом разрезе рассмотрены от прадавних времен до начала XIII столетия 24 проблемы, в том числе землевладение и налоги, денежная система, повинности, население, торговля, отбор чиновников, школы и образование, государственные органы, жертвоприношения, музыка, армия, наказания, география и ряд других. Круг использованных источников также шире, чем в «Тун дяне», особенно много оригинального сунского материала. Кроме того, Ма Дуань-линь на основе личного опыта высказывает ряд критических замечаний в адрес последних сунских правителей, приведших страну к национальной катастрофе и не сумевших защитить ее от монгольского завоевания. В китайской библиографии «Тун дянь», «Тун чжи» и «Вэнь-сянь тун-као» объединяются общим

определением «Сань тун» (Три произведения, имеющие в заглавии иероглиф «Тун»). В 1586 г. Ван Ци, а в 1747 г. цинские чиновники составили две континуации, получившие одинаковое название «Сюй Вэнь-сянь тун-као» (Продолжение «Вэнь-сянь тун-као»). Первая из 254 цзюаней стыкуется с «Вэнь-сянь тун-као», охватывая период от первых десятилетий XIII в. до начала правления под девизом Вань-ли (1573–1620), но она шире по содержанию (30 тем) и включает немало ценных сведений по минскому периоду. Уровень изложения не отличается высоким мастерством. Вторая, в 250 цзюанях, доработанная Цзи Юнем, основана на труде Ван Ци, но излагает историю от начала XIII в. и до конца Мин (1643 г.).

В тот же период правления под девизом Цянь-лун группой чиновников при участии Цзи Юня было составлено и «Сюй Тун дянь» (Продолжение «Тун дяня») в 150 цзюанях. Его конструкция повторяет оригинал с небольшим отступлением: проблемы армии разделены на две части, поэтому вместо восьми разделов «Тун дяня» тут имеются девять. В этой работе описаны исторические события на протяжении тысячи лет от танского Су-цзуна (757–761) до конца Мин, причем большая часть материала относится к последней династии.

В эпоху Средневековья была создана еще одна важная разновидность научной литературы, которую нельзя однозначно отнести к историописанию, но тем не менее невозможно не упомянуть, поскольку она тесно и многими нитями связана с историей, включая и древнюю. Речь идет об очень крупных компиляциях энциклопедического характера, содержавших огромный и разнообразный материал и сыгравших существенную роль в его сохранении до наших дней. Первым, если не считать более мелких текстов, является «Тай-пин юй-лань» («Высочайше просмотренное собрание книг, составленное в период правления Тай-пин»). В 977 г. император Тай-цзун (976–997; в 976–984 гг. правил под девизом Тай-пин, который и был поставлен в заглавие) приказал группе чиновников во главе с Ли Фаном (925–996) подготовить свод текстов предыдущих эпох, который бы по своим размерам превзошел все, что было создано в этом направлении раньше. После нескольких лет напряженного труда, в 983 г., 1000 его цзюаней была представлена государю под названием «Тай-пин бянь-лэй» («Расположенное по классам собрание книг, составленное в период правления Тай-пин»). Тай-цзун решил лично ознакомиться с ним и, прочитывая по три цзюаня ежедневно, в течение года просмотрел весь труд, который после этого и получил название «Тай-пин юй-лань». В нем в 55 тематических разделах собраны важнейшие фрагменты 1690 сочинений, использованных в качестве источников, многие из которых не дошли до нас, причем часть из них пропала еще до воцарения сунской династии и была извлечена из других книг. Увы, сходная участь постигла и «Юй-лань».

Оригинальное издание исчезло почти полностью, но, к счастью, в той или иной степени сохранились рукописные копии. На основе их сопоставления и тщательной сверки в 1572 и 1812 гг. предпринимались переиздания «Юй-ланя». Несмотря на изъяны и ошибки, это очень большая и ценная коллекция текстов о разных сторонах жизни китайского общества и его истории в первую очередь.

Подобное мероприятие предпринял и Чжэнь-цзун (998–1022), наследник Тай-цзуна. В 1005 г. по его приказу была создана комиссия из 15 человек, в которую, в частности, вошли крупный сановник Ван Цинь-жо (962–1025) и литератор Ян И (974–1020). В инициативе Чжэнь-цзуна проявился неиссякаемый интерес китайцев к собственному прошлому, так как целью работы комиссии была подготовка компендиума — энциклопедии, освещающей хронологически все детали устройства государства и общества, начиная с древнейших времен. Трудясь с 1005 по 1013 г., они составили большое произведение из 1000 цзюаней, подразделяющихся на 31 крупный раздел и 1104 тематических параграфа. Как и его отец, Чжэнь-цзун лично и очень тщательно просмотрел весь текст, изъял из него все неясные и ошибочные фрагменты, написал предисловие и дал название «Цэфу юаньгуй» («Зерцало книжных сокровищниц»). Таким образом, возникла еще одна большая и авторитетная энциклопедия по общей истории Китая от глубокой древности до периода Удай. Она была переиздана в 1642 г.

Следующим событием было появление по приказу третьего минского императора Чэн-цзу (1403–1424, девиз правления Юн-лэ) «Юн-лэ да дянь» («Великий свод, составленный в период Юн-лэ»). Сразу после вступления на престол он повелел Се Цзиню (1369–1415) возглавить группу из почти 150 человек для создания всеобъемлющей энциклопедии. Работа была выполнена очень быстро — менее чем за два года, и после представления монарху получила от него наименование «Вэнь-сянь да чэн» («Полное собрание исторических документов»). Однако достигнутый результат не удовлетворил амбиций императора. Была образована новая комиссия, насчитывавшая около 2200 сотрудников, в том числе Яо Гуан-сяо (1335–1418) и Лю Цзи-чи (1364–1424) в качестве ближайших помощников Се Цзиня. После привлечения 7–8 тысяч дополнительных источников, на переломе 1407–1408 гг. был завершен новый вариант из 22 877 цзюаней, не считая оглавления в 60 цзюанях. Если для сравнения вспомнить, что, например, монументальное произведение Сыма Цяня «Ши цзи» насчитывает 130 цзюаней, то становится понятно, каким колоссальным был этот труд, получивший теперь наименование «Юн-лэ да дянь». О его объеме говорит и тот факт, что распоряжение Чэн-цзу о его публикации так и не было выполнено: рукописную копию удалось сделать уже в 1404 г.,

однако доски для печатания (печатание с досок — ксилография — известно в Китае с периода Тан, а подвижные литеры были изобретены в сороковые годы XI в.) так и не были вырезаны из-за слишком высоких затрат, необходимых для их изготовления. Часть «Да дяня», видимо, сгорела во время пожара, вспыхнувшего во дворце в 1557 г., однако известно, что в 1572 г. в наличии имелись два манускрипта. Во время военных действий в конце Мин — начале Цин (середина XVII в.) оригинал и одна копия погибли в огне, вторая копия тоже лишилась почти 2,5 тысячи цзюаней. При захвате Пекина армиями восьми государств в ходе подавления боксерского восстания (1900 г.) интервенты сожгли или разворовали значительную часть последнего экземпляра, и когда уже после образования КНР началась работа по его воссозданию, удалось собрать лишь 730 цзюаней, т. е. чуть больше 3% первоначального текста, которые и были напечатаны в 1960 г. В 1962 г. подобное мероприятие было осуществлено и на Тайване. Действия европейских «культуртрегеров» причинили непоправимый ущерб китайскому историко-литературному наследию, ибо вместе с «Юн-лэ да дянь» пропали, вероятно безвозвратно, многие сочинения, которые полностью или хотя бы частично нашли свое последнее, и как оказалось — ненадежное, убежище на его страницах.

В южносунское время энциклопедически образованным ученым — знатоком классических книг, астрономии, географии и китайской древности Ван Ин-линем (1223–1296) был создан «Юй хай» («Море самоцветов») в 200 цзюанях. Двадцать один тематический раздел (астрономия, география, чиновничество, народное хозяйство и др.), написанный на основании тщательно отобранного материала из разных *шилу*, историй, дневников и т. п., а также адденда из 13 его же более мелких произведений, превращают эту книгу в интересный исторический источник. Любопытно отметить, что ее первое издание состоялось лишь в 1351 г. под патронатом последнего императора монгольской династии Юань Шунь-ди (1333–1368). Это свидетельство прочности китайской традиции и широты взглядов, характерной для большинства монгольских ханов-правителей Китая.

К рассматриваемой категории следует отнести также «Шань-тан сы као» (Свободные исследования из «Горного кабинета») Пэн Да-и и Чжан Ю-сюэ в 240 цзюанях, завершенные в 1595 г.; энциклопедию энциклопедий — «Юань цзянь лэй хань» («Бездонное зерцало — вместилище документов, расположенных по разделам») в 454 цзюанях, в которой использованы материалы предшествующих произведений такого рода, в частности «Тай-пин юй-лань» и «Цзы-ши цзин-хуа» (Лучшее из разделов «Мыслители» и «История»), как бы сокращенный вариант предыдущего труда в 160 цзюанях, обе они были составлены по приказу Шэн-цзу (1662–

1722) и закончены соответственно в 1710 и 1727 гг.; и, наконец, энциклопедию — цитатник искусства и науки (музейное дело, художественное ремесло, астрономия, география, архитектура, зоология, ботаника и т. д.) «Гэчжи цзин юань» («Источник образцов постижения природы вещей») в 100 цзюанях Чэнь Юань-луна (1650–1736), опубликованную в 1735 г. В этом море крупных по размерам и весьма богатых по содержанию трудов два сочинения заслуживают особого внимания. Оба они связаны с именем уже упоминавшегося маньчжурского императора Шэн-цзу, правившего под девизом Кан-си. Речь идет о «Гу-цзинь ту-шу цзи-чэн» («Полное собрание древних и современных рисунков и книг») в 10 000 цзюаней (плюс 40 цзюаней оглавления) и «Сы-ку цюань-шу» («Полное собрание книг по всем четырем разделам») в 79 337 цзюанях. Первое из них было составлено группой ученых, возглавляемых Чэнь Мэн-лэем (?–1741), под названием «Гу-цзинь ту-шу хуэйбянь» («Сборник древних и современных рисунков и книг») в царствование Шэн-цзу, а затем по приказу его преемника Ши-цзуна (Юн-чжэн, 1723–1735) вновь отредактировано Цзян Тин-си (1669–1732). Второй этап работ был закончен в 1725 г., а книга, переименованная в «Ту-шу цзи-чэн», достигла указанного объема. Она состоит из шести частей, 32 крупных разделов, 6109 тематических глав. Первая часть «Небесные тела (Астрология)» включает четыре раздела: Звездное небо (Небесные знамения), Сезоны года и сезонные сельскохозяйственные работы, Календарь, Предзнаменования, связанные с явлениями природы; вторая — «Большая земля» — тоже из четырех: Земля, Административное деление, Дань и налоги, Горы и реки, Окраинные земли; третья — «Этика и этикет» — из восьми: Престол, Палаты императорской четы, Служебные обязанности чиновников, Семейные порядки, Дружеские отношения, Род, Отношения между людьми, Женщины; четвертая — «Памятники культуры и природа» — из четырех: Искусство, Удивительные явления, Животный мир, Растительный мир; пятая — «Умственная жизнь» — из четырех: Канонические книги, Образование, Литература, Иероглифология; и последняя — «Управление государством» — опять из восьми: Отбор чиновников, Меры веса, Народное хозяйство, Правила поведения, Музыка, Армия и военные дела, Судопроизводство, Ремесло. Приведенный перечень, с одной стороны, показывает весьма своеобразные принципы классификации материала, отличные от европейских, а с другой — огромное богатство и разнообразие текстов, включенных в «Гу-цзинь ту-шу цзи-чэн». По значимости и размерам китайские ученые ставят его на второе место после «Юн-лэ да дяня».

Плеяду крупных трудов завершает «Сы-ку цюань-шу». Собственно говоря, ни к нему, ни к рассмотренным выше такие привычные термины, как «произведение», «труд» и т. п., по сути дела, не подходят и могут при-

меняться лишь весьма условно. На самом деле речь идет о целых сериях книг или библиотеках из десятков и сотен томов, очень пестрых по содержанию, как было показано на примере «Гу-цзинь ту-шу цзи-чэн», но объединенных одним общим названием. Именно так обстоит дело и с «Сы-ку цюань-шу», рассмотрение которого начнем с пояснения выражения «Сы-ку», буквально означающего «Четыре хранилища». В традиционной китайской библиографии, начиная с III в. н. э., принято деление всех книг на четыре категории (сы бу), которым в «Суй шу» были окончательно определены наименования и порядок их расположения: цзин — каноны, ши — исторические труды, цзы — трактаты мыслителей и цзи — сборники. Танский император Сюань-цзун (712–756), будучи ценителем книг, собирал и размещал их в книгохранилищах двух крупнейших городов империи Чанъани и Лояна, и с тех пор термин «сы ку» стал использоваться как синоним «сы бу». Иначе говоря, ими обозначается вся совокупность письменной продукции, ибо любой манускрипт или печатное издание находит свое место в одном из четырех разделов библиографии, причем принципы классификации тоже довольно специфические и не всегда понятны западному исследователю.

Пояснив смысл названия «Сы-ку цюань-шу», мы можем теперь вернуться к нему самому. В 1772 г. Чжу Юнь (1729–1781), ведавший образованием в провинции Аньхуэй, выступил с предложением собрать книги, хранившиеся у частных лиц, с тем, чтобы издать их общий свод. Оно было принято Гао-цзуном (Цянь-лун, 1736–1795), который уже в следующем году повелел учредить специальное бюро, занявшееся сбором материала. В итоге десятилетнего труда было собрано 3503 книги. Весь этот текст был переписан вручную (не печатался) в семи копиях, сброшюрованных в более чем 36 000 томов каждая. Они были размещены в разных зданиях, специально для этого построенных в 1775–1784 гг. в Пекине, его окрестностях и нескольких городах провинций Хэбэй, Цзянсу, Ляонин и Чжэцзян. Одно из них было сожжено в 1860 г. англо-французской армией, наступавшей на Пекин в ходе второй «опиумной» войны (1856–1860), еще два сгорели вследствие других причин, одно рухнуло в 1860 г., и хранившийся в нем экземпляр сильно пострадал, но затем был постепенно восстановлен. Тексты, дошедшие до наших дней, находятся ныне в музее «Гугун» (Пекин), Пекинской библиотеке и в провинциальных библиотеках Ляонина и Чжэцзяна. «Сы-ку цюань-шу» — самая большая в Китае, а вероятно, и в мире, коллекция книг, объединенных единым заглавием. Она содержит богатейший материал по всей истории Китая, за исключением, естественно, тех двух веков, которые уже прошли после ее компиляции, а также по многим другим проблемам жизни страны.

Часть ее — 232 произведения — была опубликована в 1934 г. под названием «Сы-ку цюань-шу чжэньбэнь чу цзи» (Первый сборник ценных книг из «Полного собрания книг по всем четырем разделам»).

Параллельно с работой над основным текстом в 1781–1782 гг. было составлено «Сы-ку цюань-шу цзунму тияо» (Резюме общего оглавления «Полного собрания книг по всем четырем разделам») в 200 цзюанях, своего рода краткий аннотированный каталог произведений, вошедших в «Полное собрание», важнейшая и очень полезная библиографическая работа.

Помимо целого ряда новых жанров историописания, Средние века ознаменовались еще одним нововведением, сыгравшим существенную роль в развитии исследований ранних этапов истории Китая. Мы имеем в виду цзиньшисюэ (буквально: «наука о металлах и камнях»), китайскую разновидность палеографии, или эпиграфики, в рамках которой изучались надписи на бронзовых сосудах и каменных стелах, а затем и сами эти предметы — их внешний вид, орнамент, вес, вместимость и т. п. Ее истоки можно увидеть в занятиях древними письменами ханьских ученых: уже упоминавшимся Сыма Цянем («Ши цзи») и Сюй Шэнем («Шо-вэнь цзецзы»), а также Чжан Чаном (?–51 г. до н. э.), расшифровавшим надпись на бронзовом сосуде, обнаруженном на территории нынешней провинции Шэньси. Их работу продолжили ученые III–IV вв., которые из бамбуковых планок, найденных около 281 г. в Хэнани в могиле конца IV — начала III в. до н. э., восстановили более десяти древних текстов. Однако подлинное рождение этой науки произошло при династии Сун, когда наблюдался большой подъем общего интереса к далекому прошлому. Именно тогда Лю Чан (1019–1068), считающийся ее основателем, велел своим людям снять копии с одиннадцати бронзовых сосудов, хранившихся в его доме, срисовать их изображения и вырезать все это на ныне уже не существующих стелах, получивших название «Сянь-Цинь гу ци ту бэй» («Стелы с изображением древних до-циньских сосудов»). Данный период стал также временем ее первого взлета. Последующие эпохи Юань и Мин (1271–1644) не принесли особых достижений, зато Цин (1644–1911), начиная с правления под девизом Цянь-лун (1736–1795), несомненно, была вершиной расцвета цзиньшисюэ. В XX в., после возникновения под западным влиянием современной археологии, цзиньшисюэ, которую можно считать ее предтечей в китайских условиях, интегрировалась в нее и постепенно прекратила свое существование.

Цзиньшисюэ породила особую разновидность исторической литературы, на примере коей можно, кстати, проиллюстрировать ее развитие при Цин: если в период Сун было написано чуть более 20 произведений,

а за 700 лет от его начала до Цянь-луна — менее 70, то за 200 лет от Цянь-луна до XX в. — более 900. Естественно, мы назовем лишь самые значительные из них.

Самым ранним из ныне существующих является завершенное в 1092 г. «Као-гу ту» («Иллюстрированное изучение древности») в 10 цзюанях Люй Да-линя (ок. 1042 — ок. 1090). В нем описаны 234 бронзовых и яшмовых изделия: ритуальные сосуды, музыкальные инструменты, разного рода регалии и украшения II–I тыс. до н. э. из нескольких дворцовых и почти 40 частных коллекций. Каждый предмет прорисован, снята копия инскрипции, сообщены его размеры, вес и вместимость, а по мере возможности — также место обнаружения и хранения, иногда проведено критическое исследование (проверка аутентичности и т. п.). В книге предпринята также пионерская попытка установления названия, возраста и других качеств предмета путем изучения его в целом и имеющейся на нем надписи. Все это позволяет дать высокую оценку научной ценности «Као-гу ту».

В 1123 и 1063 гг. появились еще две важные книги: «Сюаньхэ богу ту» («Антикварные древности из дворца Сюаньхэдянь с иллюстрациями») в 30 цзюанях и «Цзи-гу лу» («Записи о собранной старине») известного историка и литератора Оуян Сю (1007–1072) в 10 цзюанях. «Богу ту» по приказу сунского императора Хуэй-цзуна (1101–1125) составил Ван Фу (? — 1126), описав в ней 839 лучших бронзовых предметов (сосуды, зеркала, музыкальные инструменты и др.) из дворцовой коллекции, хранившейся во дворце Сюаньхэдянь — их общий вид, инскрипции, размеры и т. п. Текст сопровождается прорисовками, с указанием их масштаба; предложена также классификация сосудов, используемая по сей день. В расшифровке надписей имеются небрежности и неточности, однако в целом книга представляет большой интерес для исследователя древней истории Китая. Во время военных столкновений и внутренних беспорядков 1126–1127 гг., сопровождавших падение Северной династии Сун, значительная часть императорской коллекции наступающими чжурчжэнями была вывезена на север, и лишь менее 20% предметов удалось спасти, переправив их на юг страны. Таким образом, «Богу ту» — это и документ об утерянных ценностях.

Оуян Сю всю жизнь собирал эстампы и наклеивал их на материал с валиками для свертывания, как это китайцы делают с картинами. Его собрание насчитывало до тысячи таких свитков. К каждому из них в 1056–1067 гг. он написал пояснение, содержащее разного рода информацию о данном эстампе и его оценку. Они и составили содержание названной книги. Кроме того, в ней изучены 20 бронзовых изделий I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. В исходном варианте эти тексты были размещены в порядке их

появления, в последующих изданиях их расположили хронологически — по возрасту соответствующих эстампов. «Цзи-гу лу» — это самое раннее из дошедших до нас исследование надписей на каменных стелах.

Интересный памятник оставила Юаньская эпоха. Завоевание Китая монголами привело, среди прочих, к новому явлению в государственной жизни страны — наплыву туда значительного числа жителей Центральной Азии, которым монголы охотнее, чем китайцам, доверяли посты в администрации. Среди них был выходец из района оз. Балхаш Гэлолу Найсянь (XIV в.). Вслед за своим старшим братом он поселился на севере Чжэцзяна, занимал разные должности в научно-учебных заведениях, а с 1345 г. стал путешествовать по бассейну Хуанхэ и северу Китая. При этом Найсянь особенно интересовался древними городами, дворцами, храмами, могилами и другими памятниками прошлого. Личные наблюдения и собранный in situ материал, в частности надписи на стелах, он сопоставил затем с данными источников и в 1363 г. написал «Хэшо фангу цзи» («Записи о посещении исторических памятников на севере Китая») в 16 цзюанях, которые в начале Мин вошли в «Юн-лэ да дянь». Сама же книга перестала распространяться и пропала. Затем более 130 ее фрагментов (примерно три цзюаня) были извлечены из «Великого свода» и помещены в «Сы-ку цюань-шу». Несомненной заслугой Гэлолу Найсяня является то, что, будучи иностранцем, он тем не менее прекрасно вписался в типично китайскую традицию. Кроме того, он ввел новый для специалистов по цзиньшисюэ стиль работы — тщательное и продолжительное изучение конкретного материала в полевых условиях. Его произведение считается одним из важнейших трудов в истории китайской археологической науки.

Юаньская эпоха оставила также самое раннее сочинение о древних яшмовых изделиях — «Гу юй ту» («Древние нефритовые предметы с иллюстрациями») Чжу Дэ-жуня (1294–1365) в двух цзюанях, в котором описаны коллекции, находившиеся в аристократических домах тогдашнего Пекина.

В период Мин в 1388 г. Цао Чжао (XIV в.) создал древнейший из доступных в настоящее время специальный труд, посвященный экспертизе антиквариата — «Гэ-гу яо-лунь» («Важнейшие суждения о классификации произведений старины») в 3 цзюанях. Волна коллекционирования, начавшаяся в Сун, при Минах достигла нового апогея, а вместе с ней и торговля реликвиями прошлого. Необходимость правильной оценки предметов, умение отличить оригиналы от подделки (а последние делались мастерски и в большом количестве) породили спрос на соответствующие знания и литературу. «Гэ-гу яо-лунь» был ответом на него и одновременно солидным справочником о древних памятниках материальной культу-

ры. Его содержание значительно шире любой из названных выше других книг по цзиньшисюэ. В 13 «Суждениях», на которые разделен «Гэ-гу яолунь», кроме привычных сюжетов о бронзе или оттисках со стел, присутствуют: древние картины, авторские манускрипты, тушечницы, изделия из агата, жемчуга, рога носорога, слоновой кости, железа и лака, хлопковые и шелковые ткани, причудливые камни (они высоко ценились как украшения парков и садов, а также — в миниатюре — домашнего интерьера) и ряд других диковинок. Благодаря этому данный труд представляет интерес для специалистов разных направлений, а не только для историков.

Среди множества книг цинского периода мы остановимся лишь на группе из четырех произведений, поскольку в них отражена крупнейшая из тогдашних коллекций — императорская и проявляются как сильные, так и слабые стороны цзиньшисюэ данного времени. Речь идет о «Сицин гу цзянь» («Зерцало древностей из дворца Сицин»), «Сицин сюй цзянь цзя бянь» («Продолжение зерцала древностей из дворца Сицин. Выпуск первый»), «Сицин сюй цзянь и бянь» («Продолжение зерцала древностей из дворца Сицин. Выпуск второй») и «Ниншоу цзянь гу» («Древности, постигаемые во дворце Ниншоугун»), объединяемых общим названием «Сицин сы цзянь» («Четыре зерцала древностей из дворца Сицин»). Это составленные по приказу монарха коллективные труды о 4100 с лишним бронзовых изделиях, хравнившихся во дворце, а ныне находящихся в главных музеях Пекина и Тайбэя. «Гу цзянь» был подготовлен в 1749–1751 гг. группой ученых во главе с Лян Ши-чжэнем (1697–1763), а напечатан в 1755 г. Основной текст насчитывает 40 цзюаней, описывающих и показывающих прорисовки по образцу «Сюаньхэ богу ту» 1529 бронзовых изделий, включая зеркала, отлитые в XV в. до н. э. — IX в. н. э., причем среди них доминируют древние шан-чжоуские (XV–IV вв. до н. э.). Как и в «Богу ту», сообщаются названия сосудов, дается рисунок их внешнего вида, копия инскрипции, разного рода сведения об изделии, иногда экспертное заключение о нем и другие пояснения. Иллюстрации, как правило, уменьшены, но не сообщается пропорция; орнамент и надписи воспроизведены недостаточно четко, в расшифровке и толковании последних встречаются неточности и ошибки. Кроме того, как это ни покажется странным, в императорское собрание попало немало фальсификатов, что чаще всего не было раскрыто авторами «Гу цзяня». Вообще книга в целом, несмотря на ее респектабельный (связь с правящим домом) характер, закрепленный включением ее в «Сы-ку цюань-шу», содержит значительное количество различных изъянов, которые даже привели к появлению специального корректирующего их труда «Сицин чжэнь-вэй цуньи бяо» («Списки древностей из дворца Сицин неустановленной аутентичности») современного ученого Жун Гэна (1894–1983). В настоящее время

пользование «Гу цзянем», который, несмотря ни на что, ценится из-за большого количества учтенных в нем предметов и недоступности части оригиналов, возможно только в сочетании с трудом Жун Гэна. К 40 цзюаням основного текста приложены 16 цзюаней «Цянь лу» («Записи о деньгах»), посвященных монетам и денежным знакам разных времен, являющихся одной из заслуживающих внимания китайских нумизматических работ.

В 1793 г. Ван Цзе (1725–1805) и его сотрудниками была завершена подготовка обоих («Цзя бянь» и «И бянь») продолжений «Сицин гу цзяня». В них отражены новые поступления в дворцовые хранилища: в «Цзя бяне» описаны 944 изделия XV в. до н. э. — X в. н. э. и 31 более поздние, включая и императорские печати, а в «И бяне» — 900 предметов. Книги были опубликованы соответственно в 1910 и 1931 гг., т. е. в самом конце династии Цин и уже после ее падения. В 1913 г. из печати вышла последняя часть квадрилогии еще о 600 сосудах и 101 зеркале. Тем самым практически вся императорская коллекция стала доступной историкам и другим специалистам.

Труды цзиньшисюэ, несомненно, знаменовали появление целого нового направления в китайской исторической науке — специализированного интереса к его материальной культуре. Думается, что если бы в Китай и не пришла в XX в. западная археология, то, вероятнее всего, эта страна изобрела бы ее самостоятельно именно на базе цзиньшисюэ и с учетом ее опыта, достижений и слабых сторон.

Мировая синология

В правление последних трех династий имперского Китая: Юань, Мин и Цин произошел коренной поворот в истории страны — не по своей воле и даже вопреки желанию она была выведена из состояния изоляции и вовлечена в стремительное русло мировых процессов. Конечно, Китай никогда не был полностью отрезан от внешнего мира, а в периоды Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) и Тан (618–907) поддерживал с ним оживленные и многосторонние связи, выступая к тому же активной стороной, но с XIII в. они приобрели качественно иной характер. Начало положила величайшая держава мира — Монгольская империя, объединившая под своей властью многочисленные страны двух континентов и открывшая Европу для Азии, а Азию для Европы. Перед изумленными глазами последней впервые столь масштабно возникли народы, отделенные от нее тысячами километров, впервые также был проложен путь в неведомые

дали. И Европа не преминула им воспользоваться, чтобы побольше узнать о невесть откуда появившихся странных наездниках и установить контакты с их правителями.

§ 4. Италия

Инициатором выступила католическая Церковь, самая образованная и дальновидная организация того времени. В 1245 г. папа Иннокентий IV (конец XII в. — 1254, на папском престоле с 1243 г.) направил к великому хану, которым в 1246 г. стал сын Угэдэя Гуюк (умер в 1248 г.), дипломатическую миссию во главе с францисканским монахом Плано Карпини (Giovanni da Pian del Carpine, 1182–1252). Он присутствовал при избрании Гуюка, познакомился со ставкой великого хана и жизнью монголов. Вернувшись в 1247 г. к Святому престолу, он отразил все это в «Historia Mongolorum quos nos Tartaros appellamus» — ценном источнике по истории, этнографии, географии и государственному устройству Монголии.

Затем последовали и первые непосредственные контакты с Китаем. В 1253–1269 гг. венецианские купцы Поло: Никколо (? — ок. 1300) и его брат Маттео (? — ок. 1310) оказались там случайно, а в 1271–1295 гг. вместе с Марко (1254–1324), сыном Никколо, — с официальным посланием папы Григория X (1229–1276, папой стал в 1271 г.). Пожалуй, главным результатом их поездки и 17-летнего пребывания на Дальнем Востоке стала знаменитая «Книга Марко Поло» (русский перевод И. П. Минаева), изобилующая недостоверными сведениями, передающая китайские названия в форме, далекой от оригинала, но близкой или идентичной их звучанию в персидском языке, и тем не менее остающаяся по сей день ценным документом эпохи и интересным источником по географии, культуре и истории Китая XIII в. С некоторой натяжкой, но и не без основания, ее можно считать прачалом европейской и итальянской синологии.

Необходимо отметить, что книга Марко Поло со временем стала пользоваться большой популярностью. Она переводилась на разные языки, многократно переиздавалась и сыграла важную роль в ознакомлении Европы с Китаем по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, до ее публикации Запад вообще мало что знал о Срединной империи. Древность оставила ему отрывочные и неточные записи о серах и изготовлении ими шелка в произведении Плиния Старшего (23/24–79) «Naturalis historia» и столь же краткие замечания у некоторых других авторов. В Средние века, благодаря постепенно доходившим до Европы сообщениям арабских географов, количество информации начало увеличиваться. Возникновение в VII в. ислама и последовавшие затем завоевательные

походы его приверженцев привели к тому, что в VIII в. арабский мир достиг границ Китая. В частности, в 713 г. в Чанъани, столице Тан, появилось первое посольство Халифата, а в 751 г. произошло непосредственное столкновение двух империй — известное сражение у реки Талас (крайний запад Киргизии), проигранное китайцами. Таким образом, начиная с VIII в. были установлены довольно тесные связи между западом и востоком Азии, причем не только по суше, но и по морю. В этом процессе, помимо дипломатов, военных и купцов, участвовали и ученые. В разное время в Китае побывали (или ознакомились с ним косвенно): Ибн-Вахб (2 пол. IX в.), Ибн Хордадбех (ок. 820 — ок. 912), Абу Зайд Ас-Сирафи (? — 979), Абу Са'ид Гардизи (XI в.), ал-Идриси (1099–1166) и другие. Кое-что из собранных ими сведений тем или иным путем попало затем в Европу и обогатило ее познания, правда, в весьма ограниченной степени.

Во-вторых, как явствует уже из вышесказанного, вся эта информация достигала Запада, проходя через многочисленных посредников, переводчиков и переписчиков, деформируясь по пути. Естественно, конечный продукт мало чем походил на первоначальный оригинал. В отличие от этого, труд Марко Поло представлял читателю широкую панораму восточной части Монгольской империи, основанную на личных наблюдениях автора. Конечно, в ней было немало причудливых сюжетов, которые ныне воспринимаются как слабые места его сочинения, но следует иметь в виду, что средневековой человек относился к ним по-иному. У него чудеса и небылицы не вызывали недоверия и скептицизма, а наоборот, казались ему очевидной действительностью, будоражили его мысли и повышали интерес к книге и описанным в ней странам.

Марко Поло был первым, но не единственным итальянцем, побывавшим в Китае во время монгольского правления. Святой престол проявлял исключительную заинтересованность Востоком, надеясь распространить там христианскую веру. Кроме того, как у Церкви, так и у светских лиц имелись политические и экономические (торговля) устремления. По велению папы Николая IV (1288–1292) в 1294 г. в Ханбалык (Даду-Пекин) прибыл францисканец Монтекорвино (Giovanni da Montecorvino, 1247–1328), проживший там вплоть до своей кончины. В 1307 г. буллой папы Климента V (1305–1314) он был назначен первым «архиепископом (Пекина) и патриархом всего Востока». Монтекорвино оставил заметный след своего пребывания в Китае: он перевел на монгольский «Новый Завет» и «Книгу Псалмов» из «Ветхого Завета», между 1298 и 1318 гг. построил три костела, а между 1313–1318 гг. расширил миссионерскую деятельность на Южный Китай, послав в Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянсу своих подчиненных.

Около трех лет, по-видимому, между 1324/1325 и 1328 гг., пробыл в Китае еще один францисканец Одорик (Odorico da Pordenone, китайское имя Хэ Дэ-ли, 1286–1331). Невозможно установить, когда и с какой целью он туда отправился, но достоверно известно, что он был первым европейцем, посетившим (на обратном пути) Лхасу. В 1330 г. Одорик вернулся в Европу. В мае в монастыре св. Антония в Падуе он продиктовал монаху Гильельмо из Саланьи свое «Восточных земель мира описание». В январе 1331 г. по дороге на родину (селение Порденоне близ Фриули — одного из торговых центров Венецианской республики) он скончался. Эстафету перенял еще один францисканец — Мариньолли (Giovanni dei Marignolli, ок. 1290 — ок. 1360). В 1338 г. папа Бенедикт XII (1334–1342) послал его во главе посольства в Пекин, куда он прибыл в 1342 г. и был принят Шунь-ди (1333–1368), последним императором династии Юань. Около 1345 г. Мариньолли отправился домой и в 1353 г. достиг Авиньона, тогдашнего местопребывания пап (с 1309 г.). В 1354–1355 гг. Мариньолли, приглашенный императором Карлом IV (1316–1378), составил в Праге «Fontes serum Bohemicarum» — довольно слабую компиляцию по истории Чехии, куда вставил свои записки «Путешествие на Восток».

Из перечисленных монахов лишь Одорик сумел оставить после себя компактное произведение, которое в XIV–XV вв. распространялось в рукописной (известно почти 80 латинских, итальянских, французских и немецких манускриптов), а с XVI в. — в печатной форме. Воспоминания других сохранились во фрагментах, включенных в какие-то другие книги. Тем не менее отчеты католических миссионеров, их донесения, путевые записки и т. п. позволили Х. де Мендосе, участнику и историку экспедиции д'Андраде (Fernao Peres d'Andrade; см. ниже), составить и опубликовать в 1585 г. в Риме первую «Историю великого государства Китая» (Juan Gonzàles de Mendoza, «Historia de las cosas mas notables, riots y costumbres, del gran reyno de la China»). Ее перевод на английский, вышедший в 1588 г., явился первой книгой о Китае, напечатанной в Англии (см. также «The History of the Great and Mighty Kingdom of China», trnsl. by R. Parke. London, 1853). Указанные материалы были обработаны современными учеными и ныне доступны читателю в изданиях: «Cathay and the Way Thither. Being a Collection of Mediaeval Notices of China», trnsl. and ed. by H. Yule. Vol. I–IV. London, 1913–1916; и «После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий». Пер. с лат. и староитал. яз., вступит. статья и прим. Я. М. Света. М., 1968.

Путешествия Одорика и Мариньолли завершили первый, предварительный этап становления европейской синологии. Изгнание юаньских правителей из Китая и распад Монгольской империи на отдельные, нередко враждовавшие друг с другом, а внутри раздираемые множеством

противоречий улусы создали новую геополитическую обстановку в Евразии. С одной стороны, исчез страх перед новой монгольской инвазией, и, следовательно, уменьшился интерес к монгольско-китайским делам: важнее были более близкие соседи (улус Джучи — Золотая Орда). С другой — движение по межконтинентальному пути, остававшемуся, несмотря на развитие морского сообщения, главным связующим звеном, значительно затруднилось, а порою было просто невозможно. Существенное значение имела ситуация, возникшая в Китае после воцарения Минской династии. Первоначально Мины проводили активную внешнюю политику: изгнали монголов из Шэньси, Ганьсу, Сычуани, Юньнани, Ляодуна, где они еще оставались после падения династии Юань, защищали восточное побережье от японских пиратов, посылали посольства в страны Юго-Восточной Азии, организовали в 1405–1433 гг. семь крупных морских экспедиций под руководством Чжэн Хэ (1371–1435), достигших даже восточных берегов Африки, отправили между 1415–1420 гг. несколько сухопутных миссий в Среднюю Азию, Тибет и Индию. Однако с середины XV в. международные позиции Китая начали ослабевать, причем уже с 30-х годов в его политике все явственнее проступали изоляционистские тенденции, а в XVI в. были предприняты попытки вообще закрыть страну для внешнего мира. Между тем последний и особенно его активнейшая часть — Европа как раз в это время стали проявлять возрастающий интерес к Китаю, притом воинственного, колонизаторского характера. В авангарде шли португальцы. Закрепившись в 1510 г. в Гоа и в 1511г. в Малакке, они в 1516 и 1517 гг. (эскадра Фернана д'Андраде) попробовали приобрести фактории и на китайском побережье. Сначала их попытки были безуспешными, однако уже в 1553–1557 гг. им удалось заполучить Аомэнь и создать там первую колонию на территории Китая — Макао. В 1590 г. они обосновались и на Тайване, назвав его Ilha Formosa — Остров Красивый.

В 1575 г. в Китай, после захвата нескольких Филиппинских островов, прибыли испанцы; в 1573–1627 гг. голландцы несколько раз пытались обосноваться в Кантоне, однако, потерпев фиаско, они сконцентрировали свое внимание на Тайване и в 1623 г. вытеснили оттуда японцев, португальцев и испанцев, став хозяевами острова до 1662 г., когда он был отвоеван китайцами. Наконец, в 1636 г. корабли Дж. Уэдделя (John Weddell), разбомбив форт, прикрывающий Гуанчжоу, продемонстрировали Срединной империи намерение англичан иметь с ней дело. К началу XVII в. относится и первый контакт России с Китаем. В 1618 г. Пекина достигло посольство во главе с томским казаком Иваном Филипповичем Петлиным. Из-за отсутствия подарков оно не было допущено к минскому императору Шэнь-цзуну (Вань-ли, 1573–1620) и в 1619 г. вернулось в Томск. Несмотря на получение грамоты китайского монарха с предложением вес-

ти торговлю, в дипломатическом плане оно закончилось неудачей, ибо в Москве не оказалось никого, кто смог бы ее перевести, и общий смысл документа стал известен только в 1675 г., когда в Пекин направлялся Николай Гаврилович Спафарий-Милеску (1636–1708).

Указанные экспедиции оставили небольшой след, который несколько условно можно бы назвать синологическим. Участник миссии д'Андраде (1517) Т. Пирес (Tomaso Pirès), первый европеец, посетивший Пекин в минское время, а до этого проживавший в Индии и Малакке, изложил свои впечатления от Азии, включая Китай, в книге, известной в ее современном английском переводе «The Suma Oriental of Tomé Pirès» (trnsl. by Amando Cortesao. London, 1944). После Марко Поло это было первое и к тому же более достоверное описание Срединной империи, принадлежавшее европейцу.

И. Петлин, оказавшись в сентябре 1619 г. в Москве, тоже представил детальную «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым, и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам» — первый рассказ о ранее неизвестном пути в Китай через Алтай, Саяны, Гоби и Великую Китайскую стену. Поездка Петлина и его «Роспись» стали известны в Европе и привлекли внимание дипломатов и ученых. Всего пять лет спустя появился ее английский перевод (*Purchas S.* Hakluytes Posthumus or Purchas his Piligrimes. Containing a History of the World in Sea Voyages and Land Travels by Englishmen and Others. London, 1625), а затем и издания на немецком и других языках.

Общий фон возникновения синологии, весьма сжато представленный выше, необходимо дополнить еще одним штрихом. Внимательный читатель заметил, вероятно, что, за исключением семьи Поло, главными действующими лицами в монгольский период были францисканцы. В минское время их сменили иезуиты. Созданный в 1534 г. испанским студентом Сорбонны св. Игнатием Лойолой (López de Loyola, 1491–1556) и утвержденный в 1540 г. папой Павлом III (1468–1549, папа с 1534) под названием «Societas Jesu», орден очень быстро стал одной из главных опор католической Церкви в самых разных проявлениях ее деятельности: инквизиции, ультрамонтанстве, борьбе против Реформации и т. п. Одной из них являлась миссионерская активность, и иезуиты, многие из которых были очень образованными, широкого кругозора людьми, заняли в ней весьма заметные позиции. Они с разным успехом подвизались не только в Китае, но и в Индии, Японии, на Филиппинах и в других районах Азии. Умение приспосабливаться к местным условиям, успешное овладение языком страны пребывания, изучение ее истории и культуры были сильной стороной иезуитов и залогом определенных успехов также и в выполнении основной задачи — распространения христианства.

В принципе, можно было бы сказать, что все упомянутые выше монахи в той или иной степени причастны к становлению европейской, итальянской синологии, однако особое место среди них занимает М. Риччи, «отец западной синологии» — по определению известного французского ученого П. Демьевиля. В Китае он прожил почти 30 лет, языком овладел в степени, скорее всего позже никем не превзойденной, свободно читал классические произведения и сам писал по-китайски, а для Европы — на латыни и итальянском. В Китае он создал почти 20 трудов, в большинстве, к сожалению, утраченных, в частности, фонетический словарь китайского языка (вместе с Л. Каттанео), разговорник, карту мира (в 1602 г.), из которой китайцы впервые (это слово можно использовать по отношению почти ко всем начинаниям Риччи) узнали о существовании континента Америка и о реальном расположении своей страны на земном шаре (одна копия хранится в Royal Geographical Society в Лондоне), перевел шесть книг «Начал» Эвклида (ок. 330–275 гг. до н. э.), катехизис и ряд работ по астрономии, математике, геометрии и т. д. На латынь же перевел конфуцианское «Четверокнижие» — четыре философских трактата: «Лунь юй», «Мэн-цзы», «Да сюэ» и «Чжун юн», служивших элементарным набором текстов при сдаче государственных экзаменов. Материалы, касающиеся Китая, во втором издании известного географического произведения «The Principal Navigations, Voyages, and Discoveries of the English Nation» Р. Хеклюта (Richard Hakluyt, ок. 1552–1616), описывающего путешествия и открытия, сделанные с XI по конец XVI в., восходят, в конечном счете, к донесениям Риччи. Самый, пожалуй, глубокий след в познании Европой Китая оставили его дневники, переведенные в 1615 г. на латынь, а затем французский, немецкий и итальянский (см.: *Trigault N.* China in the 16th Century: The Journals of Matthew Ricci, 1583–1610. Trnsl. by L. J. Gallagher. N. Y., 1953). Отрывки из них были также включены продолжателем дела Хеклюта С. Перчесом в его труд (*Purchas S.* Hakluytes Posthumus, or Purchas his Piligrims), вышедший в 1625 г. Произведения Риччи неоднократно переиздавались и в XX веке: *Venturi P. T.* Opere storichi del P. Matteo Ricci. Vol. 1–2, Macerata, 1911; *d'Elia P. M.* Fonti Ricciane: Documenti originali concernenti Matteo Ricci e la storia delle prime relazioni tra l'Europa e la Cina (1579–1615). Vol. 1–3. Roma, 1942–1949; см. также: *Bernard H.* Le père Mattieu Ricci et la société chinoise de son temps. Tientsin, 1937. Добавим, что столь привычное для всего мира звучание имени Кун-цзы как Конфуций в форме Confucius было впервые введено именно Риччи; он уже установил, что Cathay и Manzi Марко Поло — это название одной страны, чем и решил длительный спор вокруг этой проблемы.

Деятельность Риччи продолжили его собратья. В 1625 г. во время земляных работ вблизи Сиани, административного центра пров. Шэньси, была обнаружена крупная — 2,80 × 0,85 × 0,16 м — стела, покрытая китайскими, а в отдельных местах и древнесирийскими текстами. Как выяснилось, она была воздвигнута в 781 г. н. э. и повествовала о пребывании в Китае первого известного по имени посетителя с Запада (Сирии) Алобэня (ретранскрипция иероглифической записи; в оригинале, скорее всего, Раббан или Рубен), достигшего в 631 г. Чанъани, столицы Тан, и о распространении им несторианской формы христианства. Находка вызвала большой интерес миссионеров как свидетельство появления данной религии в Китае уже в VII в., за тысячу лет до них. Иезуит и историк, португалец по происхождению, отец Семедо (Alvarez de Semedo, Лу Дэ-чжао, 1585–1658, с 1613 г. в Китае, где и скончался), перевел ее на португальский и вместе со своей историей Китая опубликовал в Мадриде в 1641 г., но она более известна по английскому переводу его книги: *Semedo A. de.* The History of the Great and Renowned Monarchy of China. London, 1655. Есть и более поздние переводы ее на разные языки (см., например: *Havret H.* La Stèle Chrétienne de Si-ngan fou. Shanghai, 1895).

В 1653 г. повторный перевод на латынь осуществил прибывший в 1645 г. на остров Хайнань, а в 1650 — в Гуанси польский иезуит, естествовед М. Бойм (Michal Piotr Boym, Бо Ми-гэ, 1612–1659). В 1651 г. южноминский двор (остатки правящего дома Мин, в 1644–1661 гг. предпринимавшие отчаянные усилия закрепиться на крайнем юге страны, чтобы оттуда восстановить утерянную власть), часть которого к этому времени под влиянием Бойма приняла христианскую веру, направил его к папе Иннокентию X (1644–1655) с просьбой о помощи. Миссия оказалась очень сложной, и только в самом конце 1655 г. он получил ответ от папы, которым между тем стал Александр VII (1655–1667). Достигнув в 1658 г. Тонкина, он понял, что судьба Южной династии Мин решена, однако чувство долга заставило его продолжить путь. В 1659 г. он вернулся в Гуанси, где 22 августа скончался, истощенный трудностями путешествия. Таким образом, фактический срок пребывания Бойма в Китае был непродолжительным, но он успел многое сделать в области математики, философии и медицины, а также составил карту Китая. Часть этих работ была у него украдена. Упомянутый выше перевод несторианской стелы опубликован в книге итальянского иезуита А. Кирхера (Athanasius Kircher, 1602–1680) «China monumentis... aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrata» (в литературе именуемой сокращенно «China Illustrata»). Amsterdam, 1667. Однако особенно популярным стало его описание природы Китая «Flora sinensis», в 1656 г. вышедшее в латинском

оригинале в Вене, а в 1696 г. в французском переводе (*Thevenot*. Relation des Voyages).

Описанная деятельность итальянских и других монахов имела основополагающее значение для ознакомления Европы с Китаем минско-цинского времени и для возникновения европейской синологии. В то же время ей были присущи определенные, в принципе неизбежные и естественные, недостатки, обусловленные пионерским характером, миссионерской направленностью, отсутствием предварительной китаеведческой подготовки, наконец, ограничениями, накладываемыми на них эпохой, в которой они жили, ее нравами, стандартами мышления и т. п. Воздействие времени и его характерных черт сказывалось не только на них самих, но и на их, в широком смысле этого слова, окружении: западном, посылавшем их в Китай, и восточном, их принимавшем (папах, правителях, императорах, чиновниках и обычных людях). К тому же если монгольский этап характеризовался, в общем, обоюдной заинтересованностью и дружелюбием, то мин-цинский — рядом отрицательных моментов, которые в конечном счете можно сфокусировать в двух: враждебности и ксенофобии. Данное явление было результатом того факта, что образованные миссионеры составляли лишь небольшую часть европейского наступления на Азию, и не они, а военные, пираты, купцы — с одной, и ничего не понимающий двор и жадное чиновничество — с другой стороны, определяли взаимные отношения. Для иезуитов, включая и самого китаизированного из них, Риччи, это выливалось в труднопреодолимую стену отчуждения, которая отделяла их от местного населения и затрудняла изучение его культуры и истории. Сказывалась и разрозненность их научных поисков — практически каждому приходилось действовать по своему умению и разумению, так как не было учреждений, которые направляли бы их усилия.

Первая попытка преодоления указанных недостатков связана с именем М. Рипа (Matteo Ripa, 1682–1745). Посланный папой Климентом XI (1700–1721), он в 1710 г. прибыл в Макао, а в 1711 — в Пекин. В скором времени М. Рипа понял, что в обращении китайцев в католичество лучших результатов добьются туземные неофиты, которых к этому, однако, нужно подготовить. В 1723 г. с разрешения Ши-цзуна (Юн-чжэн, 1723–1735) он покинул Китай, забрав с собой четверых учеников и их учителя. Вернувшись в Италию, Рипа предложил организовать колледж для обучения китайцев миссионерству. Несколько лет усилий и ожиданий увенчались успехом, и в 1732 г. при поддержке папы Климента XII (1730–1740) и императора Карла VI (1711–1740) в Неаполе была открыта Китайская коллегия (Collegio dei Cinesi) — первое почти синологическое учебное заведение Европы. Основная его цель заключалась в подготовке

священников-китайцев для последующего возвращения на родину и распространения там христианства. Одновременно итальянские миссионеры получили возможность изучать в нем китайский язык, историю, культуру и обычаи страны; была также налажена работа по переводу китайских произведений на латынь и итальянский, составлению словарей и т. п. В частности, сам М. Рипа подготовил китайско-латинский словарь. Кроме того, он оставил довольно многословные, но интересные записи о своем пребывании на Дальнем Востоке и делах в Неаполе, которые в 1832 г. вышли в трех томах под заглавием «Storia della Fondazione della Congregazione e dell Collegio dei Cinesi... scritto dallo stesso Fondatore Matteo Ripa, e de Viaggi da lui fatti». В 1861 г. в Лондоне был опубликован их сокращенный английский вариант «Memoirs of Father Ripa. Trnsl. by Fortunato Prandi».

С ликвидацией в 1860 г. Гарибальди Королевства обеих Сицилий и включением его территории в состав объединенного Итальянского королевства для Китайской коллегии создалась новая обстановка. В 1889 г. она была секуляризована, подчинена министерству просвещения и реорганизована в Азиатскую коллегию (Collegio Asiatico), а затем в Восточный институт (Istituto orientale). Следствием явилось расширение тематики — в новом заведении стали преподавать арабский, турецкий, персидский, а с 1902 г. также и японский языки. Институт возглавил китаевед Л. Ночентини (Lodovico Nocentini, 1849–1910), бывший до этого переводчиком итальянской миссии в Пекине и владевший, кроме китайского, также и другими дальневосточными языками: маньчжурским, корейским и японским. Его научные интересы лежали в сфере экономики и политики Китая, кроме того, он занимался переводами с китайского и описанием своих путешествий по Китаю и Корее. В 1898 г. Ночентини был назначен заведующим созданной между тем кафедрой китайского языка и литературы в Римском университете.

Вторая половина XIX в. дала Италии еще одного заметного ученого-иезуита А. Зоттоли (Angelo Zottoli, 1826–1902), автора крупного пятитомного компендиума по китайской литературе «Cursus litteraturae sinicae», вышедшего в 1879–1883 гг. Приехав в Китай в 1848 г., он оставался там до своей смерти, посвятив всю жизнь деятельности в иезуитских учреждениях в Сюйцзяхуэй — деревне (ныне находящейся в пределах городской территории Шанхая, известной в научной литературе как Zikawei, или Sicawei), избранной в 1847 г. в качестве центра активности ордена в Южном Китае. В частности, в 1847 г. там была создана библиотека, а в 1850 г. основан Колледж св. Игнатия, которым А. Зоттоли руководил долгие годы. В нем училось до 400 студентов, а преподавали иезуиты

и китайские учителя. После образования в 1902 г. Университета Аврора (Université l'Aurore, Чжэньдань дасюэюань), колледж, среди прочего, готовил студентов для поступления в него.

В конце XIX в. и в течение двух первых десятилетий XX в. ведущую позицию в итальянском китаеведении занимал К. Пуини (Carlo Puini, 1839–1921), с 1877 г. до своей кончины являвшийся профессором Королевского института высших знаний (Regia istituto di studi superiori) во Флоренции и преподававший там историю и географию Китая и Японии. Будучи широко образованным востоковедом, К. Пуини написал более ста работ по истории, филологии, философии и искусству Китая и Японии. Эстафету перенял, как бы завершая довоенный период, Дж. Вакка (Giovanni Vacca, 1872–1953), профессор истории и географии Восточной Азии, сначала Флорентийского, а с 1922 г. — Римского университетов. Названным областям посвящены и его научные труды. Кроме того, Дж. Вакка собрал довольно большую коллекцию книг, в частности относящихся к категории цуншу, и периодики, которая затем обогатила китайский фонд библиотеки Ватикана.

В XX в. происходила дальнейшая институционализация итальянской синологии. В 1925 г. был повышен статус старейшего учреждения — Восточного института. Он получил право присуждать докторские степени, а не только, как раньше, дипломы о его окончании, чем был приравнен к университету. Это нашло отражение в его новом названии: Университетский восточный институт Неаполя (Instituto universitario orientale di Napoli). Здесь в течение четырех лет по очень обширной программе изучались политические науки, языки, история и культура, искусство и литература стран Востока, включая и Восточную Европу. Для китаеведа она охватывала, в частности, историю, философию, этнографию, политическую и экономическую географию, право, четырехгодичный курс китайского и двухгодичный — японского, английского и французского языков и ряд других предметов. Сотрудники института получили возможность публиковаться в собственном органе: с 1800 г. он назывался «Annali dell'Istituto orientale di Napoli», а с 1929 г. «Annali dell'Istituto universitario orientale di Napoli». В Институте имеется и своя библиотека.

В 1917 г. при Папском университете (Pontificia Universitas Gregoriana), основанном еще в 1553 г. И. Лойолой и Ф. Борджа, был организован автономный Институт востоковедения (Pontificio Istituto per gli Studi Orientali). Кроме того, в самом университете на богословском и миссионерском факультетах ведется преподавание синологии.

Важным событием в развитии итальянской ориенталистики явилось создание в 1933 г. по инициативе известного тибетолога Дж. Туччи (Giuseppe Tucci, 1894–1984) Института Среднего и Дальнего Востока (Istituto

Italiano per il Medio e l'Estremo Oriente, ИСМЕО), ставшего центральным координирующим учреждением Италии в области востоковедения. В институте ведется и преподавательская, и исследовательская работа, особенно по истории литературы, культуры и философии, и по современности Китая. Научные интересы самого Дж. Туччи, возглавившего Институт, привели к появлению в его стенах сильной группы тибетологов, подготовивших к изданию несколько средневековых тибетских хроник. С 1950 г. публикуются «Serie orientale» и ежеквартальный журнал на английском языке «East and West». Ведется также работа по выпуску материалов, оставленных итальянскими путешественниками, посетившими Китай, например «Il nuovo Ramusio» — сборник отчетов и донесений, собранных в свое время итальянским географом, историком и дипломатом Дж. Рамузио (Giovanni Battista Ramusio, 1485–1557), издателем Марко Поло.

ИСМЕО обладает собственной, основанной в 1937 г. библиотекой, которая насчитывает несколько десятков тысяч книг о Китае (на китайском и западных языках), периодику и микрокопии лучших книг Пекинской библиотеки. При Институте имеется также музей восточного искусства. В Милане работает филиал ИСМЕО.

Институт сочетает «классическую» синологию с потребностями современной жизни. Он, например, готовит специалистов в разных областях внешнеполитической деятельности. Кроме того, в 1956 г. при нем был образован комитет для распространения в Италии знаний о Китае путем организации публичных лекций, выставок, концертов, показов фильмов и т. п. Тогда же началось издание популярного журнала «Cina», освещающего проблемы нынешнего Китая.

ИСМЕО обеспечивает кадрами еще одно римское учреждение — Восточную школу (Scuola Orientale), существующую при филологическом факультете Римского университета. Почти все его сотрудники работают там по совместительству, читая лекции по китайскому языку, истории, литературе, философии и религии, географии, истории искусства и другим дисциплинам. Школа имеет свою библиотеку и издает журнал «Rivista degli studi orientali».

Самый, насколько известно, молодой центр возник в Венеции. В 1967 г. при Институте иностранных языков и литературы Венецианского университета был образован синологический семинар с весьма ограниченным количеством студентов и преподавателей, и библиотекой, где собрано несколько тысяч томов на китайском и западных языках. Китайские фонды имеются здесь еще в двух библиотеках: Национальной библиотеке св. Марка и в Институте «Венеция и Восток».

В названных выше учреждениях трудится основной отряд итальянских китаеведов, и именно они определяют лицо итальянской синологии, ее научные достижения. Кроме них, однако, есть еще исследователи и переводчики, которые занимаются синологией «на дому» или работают в разного рода научных и общественных организациях. Так, например, в Милане существуют Институт изучения международных отношений (создан в 1934 г.) и образованный в 1954 г. Итало-китайский культурный институт (Istituto culturale Italo-Cinese), а в Риме — Центр по развитию связей с Китаем (Centro per lo sviluppo delle relazioni con la Cina), в которых работают или сотрудничают с ними отдельные китаеведы. Два последних издают свои журналы: «Civiltà cinese» (Милан, с 1954 г.) и «Cina d'oggi» (Рим, с 1956 г.).

Для итальянской синологии характерен еще один момент — здесь ранее и в более широких масштабах, чем в других европейских государствах, стали привлекать к сотрудничеству этнических китайцев, особенно в качестве преподавателей языка. Значительная часть их тесно связана с Италией религиозными узами — они католики, а некоторые — даже священники или монахи. Кстати сказать, духовными лицами являются иногда и сами итальянцы. Китайские преподаватели имеются ныне во всех университетах и институтах Рима, Неаполя, Милана и Венеции, где изучают китайский язык. Истоки этого явления следует искать в деятельности М. Рипа и иезуитских учреждений Сюйцзяхуэя.

Послевоенное китаеведение продолжает в основном традиции классической синологии, изучая прежде всего проблемы древнего и средневекового Китая. Упор при этом делается на несколько главных направлений: история Китая и Центральной Азии, крестьянские движения в старом Китае, философия. Важное место занимают также исследования по истории и культуре Тибета — можно говорить о наличии в Италии своей школы тибетологов, ведущими представителями которой были Дж. Туччи (ее создатель) и Л. Петек (Luciano Petech). Ими опубликовано свыше 60 работ.

Однако перемены, происходившие в мире после Второй мировой войны, не могли не затронуть итальянской науки. Образование КНР, установление с нею в ноябре 1970 г. дипломатических отношений, «культурная революция», нашедшая живой отклик среди крайне левых группировок, превращение КНР в мировую державу, начавшееся после визита туда президента Никсона в феврале 1972 и установления полных дипломатических отношений с США в январе 1979 г., ее успехи в 80-е годы и другие события вызвали в Италии рост общественного интереса к современному Китаю. Ответом на него стал определенный сдвиг в научных интересах китаеведов, особенно молодого поколения, в направлении занятий

современностью и заметное увеличение количества публикаций, ей посвященных. Правда, немалая их часть выходит из-под пера людей, не имеющих специальной подготовки: журналистов, политиков, деятелей культуры и т. п., они характеризуются определенными упрощениями, но зато более доступны широкому читателю, чем строго научные труды. Не менее четверти всех публикаций, вышедших в последние 50–60 лет, относится к текущей проблематике, причем большинство появилось в 70–80-е годы.

Среди итальянских китаеведов XX в. крупнейшим, вероятно, следует считать Дж. Туччи, специалиста в области тибетской филологии и буддизма, профессора Римского университета и директора ИСМЕО, члена Итальянской академии и нескольких зарубежных научных обществ, главного редактора журнала «East and West», автора свыше ста работ на нескольких языках. Среди более значимых можно назвать: «Storia della filosofia cinese antica». Bologna, 1922; Il Buddismo. Foligno, 1926; Indo-Tibetica. Vol. 1–4. Roma, 1932–1941; «Forme dello spirito asiatico». Milano, 1940; «Asia religiosa». Roma, 1946; «Tibetan Painted Scrolls». Vol. 1–2. Roma, 1949; «The Tombs of the Tibetan Kings». Roma, 1950; «Minor Buddhist Texts». P. 1–3. Roma, 1956–1971; «Storia della filosofia indiana». Bari, 1958; «Tibetan Folk Songs From the District of Gyantse». Ascona, 1966; «Die Religionen Tibets und der Mongolei». Stuttgart, 1970 (в соавторстве с W. Heissig); «Opera minora». Vol. 1–2. Roma, 1971; «Bardo Thödel. Il libro tibetano dei morti». Torino, 1972. Ряд его трудов переводился на иностранные языки.

Учеником и близким сотрудником Дж. Туччи был Л. Петек, специалист по истории Центральной и Восточной Азии, особенно Тибета, профессор Римского университета, сотрудник ИСМЕО, автор нескольких десятков публикаций, в том числе: «A Study on the Chronicles of Ladakh (Indian Tibet)». Calcutta, 1939; «China and Tibet in the Early 18th Century: History of the Establishment of Chinese Protectorat in Tibet». Leiden, 1950; «Northern India According to the Shui-ching-shu». Roma, 1950; «Profilo storico della civiltà cinese». Torini, 1957, второе издание — 1971; «Mediaeval History of Nepal (c. 750–1480)». Roma, 1958; «L'area culturale indiana: India, Tibet, Asia Centrale, Indonesia, Indocina». Milano, 1960; «L'Asia ieri e oggi». Torino, 1963.

Из других исследователей назовем еще священника М. Бенедиктера (1908–1969), специалиста по истории китайской литературы, особенно поэзии периода Тан: «Wang Wei, P'ei Ti. Poesie del fiume Wang». Torino. 1956; его коллегу Дж. Бертуччиоли, автора первой в Италии истории китайской литературы: «Storia della letteratura cinese». Milano, 1959, ее дополненный и исправленный вариант: «La letteratura cinese». Firenze; Milano, 1968; историка Пьеро Коррадини, автора «La Chine». Torino, 1969 —

общей истории Китая с древнейших времен до современности, а также «Antologia della letteratura cinese». Milano, 1970; «Confucio e il confucianismo». Fossano, 1973; историка и филолога Л. Ланчотти: «Shen Fu. Sei racconti di vita irreale». Roma, 1955; «Contributo italiano alla conoscenza dell' Oriente. Repertorio bibliografico dal 1935 al 1958». Firenze, 1962 (в соавторстве с О. Pinto), «Che cosa ha veramente detto Confucio». Roma, 1968; «Letteratura cinese». Milano, 1969; востоковеда широкого профиля, владеющего многими языками, знатока религии и философии Дальнего Востока П. Филиппани-Ронкони, которому принадлежат ценный труд «Storia del pensiero cinese». Torino, 1964, где излагается история китайской мысли с древности до Нового времени, и «Avviamento allo studio del pensiero orientale». Vol. 1–2. Napoli, 1959; «Ummu'l-kitab». Napoli, 1966; «Canone buddista. Tripitaka. Discorsi brevi». Torino, 1968; «Upanishads. Upanishad antiche e medie». Torino, 1968. В общем, современная итальянская синология является заметной частью мирового китаеведения, но не занимает в нем ведущих позиций.

§ 5. Германия

Корни немецкой синологии уходят в XVII в. В 1622 г. в Пекине появился немецкий иезуит А. Шалль (Johann Adam Schall von Bell = A. Scaliger, Тан Жо-ван, 1591–1666). Его глубокие и разносторонние познания, в частности в области астрономии и оружейного дела, имевшие прикладное значение для правителей Китая, обеспечили ему довольно прочные позиции при минском и цинском дворах. Правда, тюрьмы, как и многим его предшественникам (Риччи, Семедо, Ваньони и др.), избежать ему не удалось, но это был лишь непродолжительный эпизод. Он оставил несколько произведений на китайском языке (например, первое в Китае описание телескопа Галилея), а также историю миссионерской деятельности в Китае «Historica narratio, de initio et progressu missionis apud Chinenses, ac praesertim in regio pequinensi», 1655 — первая книга об этой стране, написанная немцем.

Одним из первых, кто начал научно увлекаться Китаем, был настоятель Берлинского собора, советник Прусской королевской библиотеки (Preussische Königsbibliothek) А. Мюллер (Andreas Müller, ок. 1630–1694). Его работой в этой области интересовался известный математик и философ Г. В. Лейбниц (1646–1716). Мюллер и его преемник на посту советника библиотеки Х. Менцель (Christian Mentzel, 1622–1701), врач бранденбургского курфюрста, занимались, в частности, поисками филологи-

ческих «ключей», которые раскрывали бы содержание древнекитайских текстов, что нашло отражение в произведении «Clavis sinica». Кроме того, Менцель составил небольшой, посредственный словарь «Sylloge Minutiarum Lexici Latino-sinico-characteristici», а также «Lexicon sinicum» и хронологию китайских императоров «Kurtze chinesische Chronologia oder Zeit-Register alles chinesischen Kayser» — первую публикацию, в которой имена правителей были набраны иероглифами.

Словарик Менцеля сыграл, однако, свою роль, ибо с его помощью, используя также словарь Диаса, стал изучать китайский язык четырнадцатилетний юноша, позже ставший одним из крупнейших немецких китаеведов — Ю. Клапрот (Jules Henri Klaproth, 1783–1835). В девятнадцать лет он опубликовал в Веймаре двухтомную работу «Asiatisches Magasin». Благодаря этому он был приглашен в Россию и включен в качестве переводчика в состав посольства графа Ю. А. Головина. Головин направлялся в Китай Александром I для расширения взаимной торговли. Его сопровождала группа ученых, возглавляемая известным польским историком, археологом, писателем и путешественником графом Я. Потоцким (1761–1815), в которой состояли астроном, ботаник, зоолог, минеролог, хирург и представители других дисциплин. В октябре 1805 г. миссия достигла Кяхты, где Клапрот стал изучать монгольский и маньчжурский и собирать книги. После короткого пребывания в Урге (Улан-Батор) посольство в 1807 г. вернулось безрезультатно в Петербург. Однако услуги Клапрота получили высокую оценку, и он был послан сначала на Кавказ, а затем в Берлин, с тем чтобы надзирать за печатанием каталога китайских и маньчжурских книг, хранящихся в Петербургской академии. Здесь он отказался от дальнейшей службы русскому царю, а в 1815 г. уехал в Париж, где и скончался. В 1816 г. прусский король Фридрих Вильгельм III (1797–1840) впервые в Европе присудил Ю. Клапроту звание профессора языков и литературы Азии, назначил месячный оклад и фонды для публикации его книг и разрешил оставаться в Париже, пока они не будут напечатаны. Из-под пера Ю. Клапрота, кроме названного выше двухтомника, вышло много книг и статей по самой разной тематике, в основном на французском языке, например: «Inscription de Yu», 1811; «Supplément au Dictionnaire chinois du Basile de Glemona», 1819 (см. ниже); «Catalogue des livres et manuscripts chinois et mantchous de la bibliothèque de Berlin», 1822; «Chrestomatie mandchou», 1828; статьи в «Journal Asiatique».

В это же время В. Шотт (Wilhelm Schott) выполнил первый перевод на немецкий основного текста древнего конфуцианства «Лунь юя» — «Werke des tschinesischen Weisen Kung Fu Dsü und seiner Schüler». Bd. 1–2, Halle, 1826; Berlin, 1832.

Словари, упомянутые в связи с Клапротом, подталкивают пусть к сжатому, но отдельному рассмотрению проблемы их появления, поскольку они являются основой основ мирового китаеведения. Как уже говорилось, они были необходимы самим китайцам, которые приблизительно в III в. до н. э. и положили начало их составлению (см.: «Эр я», «Шо-вэнь цзецзы», «Фан янь» и др.). Естественно, что иностранцы еще более нуждались в них. Этой работой занялись уже первые миссионеры, но, к сожалению, результаты их труда чаще всего оставались в рукописях и ныне рассеяны по крупным библиотекам Европы и частным коллекциям или попросту пропали. Самым ранним, вероятно, был J. Cobo «Lingua sinica... seu vocabularium sinense», но, насколько известно, ни один экземпляр его не попал в Европу. Словарь подготовил Риччи, а Кирхер в «China Illustrata» даже утверждал, что имеет его экземпляр, однако ныне о нем ничего неизвестно. Существует ошибочная информация о словаре отца Колладо, будто бы напечатанном в Риме в 1632 г., но на самом деле это был словарь японского языка. Н. Триго (Nicolas Trigault, Цзинь Ни-гэ, 1577–1628) опубликовал в Китае в 1626 г., в помощь миссионерам, изучающим китайский, трехтомные «Си-жу эр-му цзы» («Материалы для ушей и глаз западных ученых»). Однако, по мнению Ремюза (о котором ниже), данная публикация могла лишь служить китайцам для того, чтобы выучить немного латыни. В этом же году Г. Магеллан (Gabriel Magalhaens/Magaillans, Ань Вэнь-сы, 1611–1677), выходец из семьи знаменитого мореплавателя Ф. Магеллана (ок. 1480–1521), появившийся в Китае в 1640 г. и ставший там сотрудником А. Шалля, издал «Traité des lettres et de la langue chinoise», нечто среднее между лексиконом и грамматикой. Внимания заслуживает попытка А. Семедо составить первый двусторонний китайско-португальский и португальско-китайский словарь. К сожалению, он скончался, не завершив своего труда, который так и не был напечатан. Наконец, необходимо сказать несколько слов о словаре Диаса. В Китае работали и там же скончались два португальских иезуита, видимо, не связанные никакими родственными узами, но носившие одинаковые фамилии — Emmanuel Diaz. В Китае они были известны как Ли Ма-но (1559–1639) и (1574–1659). Последний являлся автором многих произведений, напечатанных в Китае. Скорее всего, он и подготовил китайско-испанский словарь, содержавший 7160 иероглифов, расположенных в алфавитном порядке. Экземпляр его хранился в Берлинской библиотеке, и, вероятно, именно им пользовался юный Клапрот.

У разных авторов встречаются упоминания и о других словарях, однако чаще всего сообщается лишь имя автора, но ничего больше ни о нем самом, ни о его детище неизвестно. В общем, можно сказать, что начальный этап (XVI — первая половина XVII в.) не принес каких-нибудь круп-

ных достижений, которые стали бы путеводной звездой для последующих столетий, но создал достаточно прочный и широкий методологический и лексикографический базис, на который могли опереться более поздние ученые. Иначе говоря, именно ему мы обязаны дальнейшими успехами европейской синологии — европейской, так как словари составлялись представителями разных народов, пусть и объединенных общим языком — латынью.

Последние десятилетия XVII и первая половина XVIII в. ознаменовались определенным прогрессом в области лексикографии. Самым значительным можно считать «Ханьцзы си и» («Перевод китайских иероглифов на западные языки») Базилия Джемонского (Basile de Gemona/Glemona, т. е. Basilio Brollo, 1648 — ок. 1703/1706), францисканца из Италии, в 1680 г. уехавшего в Китай. Рукописные копии его стали появляться начиная с 1714 г., а напечатан он был по приказу Наполеона в 1813 г. под заглавием «Dictionnaire chinois, français et latin par M. de Guignes». Это — типичный пример научного пиратства, ибо небольшие переделки де Гиня никак не оправдывают присвоения им авторства, не говоря уже о том, что они лишь ухудшили оригинал. Неудивительно, что Клапрот, знавший истинное положение вещей, в своем «Supplement» назвал Базилия, а не де Гиня. Печатный вариант насчитывает более 1100 страниц in folio, что говорит об объеме работы, проделанной Бролло; в 1853 г. он был переиздан в Гонконге.

В дальнейшем все более заметным становится вклад французов. Ж. Бувэ (Joachim Bouvet, 1656–1730), один из пяти иезуитов, посланных в 1685 г. Людовиком XIV (1638–1715, король с 1643 г.) в Китай и обучавший Кан-си математике, составил китайско-французский словарь. Испанский францисканец Х. Фернандес (Juan Fernandez, 1655–1735) в 1724 г., находясь в Хэнани, завершил «Vocabularium Sinice et Latine». Завершает же список Ж. Премар (Joseph Henri Prémare, ок. 1666 — ок. 1734/1736), выдающийся миссионер-иезуит и ученый. Он уделял большое внимание изучению китайского языка, так как хотел свободно на нем писать, а в древнекитайских книгах рассчитывал найти аргументы в пользу христианской религии. Благодаря этому, а также новому подходу, что язык надо изучать на практике, а не в теории и согласии с латинской грамматикой, Премар стал одним из лучших филологов среди иезуитов. В сотрудничестве с одним из своих коллег он составил латино-китайский словарь, экземпляры которого сохранились в Национальной библиотеке в Париже. Однако главным делом его жизни стала грамматика китайского языка «Notitia Linguae Sinicae», фактически вторая в Европе работа на данную тему после опубликованной в 1703 г. в Кантоне «Arte de la Lengva mandarina» доминиканца Ф. Варо (Francisco Varo). Однако формально

таковой нужно считать «Linguae Sinarum Grammatica Duplex» Э. Фурмона (Etienne Fourmont, 1683–1745), вышедшую в 1742 г., но, во-первых, «Grammatica Duplex» — это перевод, а точнее — плагиат книги Варо, что уже показывает научную нечистоплотность Фурмона, в общем, довольно плодовитого автора, но прежде всего семитолога, а не китаеведа. Во-вторых, что еще хуже, Премар состоял с ним в переписке и уже в 1728 г. послал ему свой манускрипт. Фурмон сделал все, чтобы обеспечить себе приоритет (и Премар успел это узнать до своей смерти), а затем похоронить рукопись Премара в недрах Королевской библиотеки. Три из пяти ее томов были обнаружены А. Ремюза (Jean Pierre Abel Rémusat, 1788–1832) лишь в следующем столетии и опубликованы в 1831 г. Англо-китайским колледжем в Малакке. Английский перевод, выполненный американским священником Дж. Бриджмэном (James Granger Bridgman,? — 1850), родственником первого американского миссионера в Китае Э. Бриджмэна (Elijah Coleman Bridgman, Би Чжи-вэнь, 1801–1861), вышел в Кантоне в 1847 г. В XVIII же веке появился первый немецко-китайский словарь Ф. Бара (Florian Bahr).

Подводя итог словарно-грамматическому отступлению, можно сказать, что усилиями ученых разных стран к середине XVIII в. был заложен солидный фундамент для синологических исследований, обеспечивший успешное продвижение их на все более высокий уровень. Создавали же этот фундамент прежде всего миссионеры, работавшие долгие годы, часто вплоть до своей кончины, в Китае, и поэтому, как правило, знавшие очень хорошо не только сам язык, но и тот культурно-исторический субстрат, который его породил. Без знания последнего нельзя хорошо овладеть столь чуждым европейцу языком, как китайский.

Примерно со второй половины XIX в. началось становление немецкой школы китаеведения. Существенный вклад в ее развитие внесли такие крупные ученые, как Г. фон Габеленц (Hans Georg von der Gabelentz, 1840–1893), выпустивший в 1881 г. одну из лучших для своего времени грамматик китайского языка; В. Грубе (Wilhelm Grube, 1885–1908), «Geschichte der chinesischen Literatur» (Leipzig, 1902), которая до сих пор сохраняет научную ценность; О. Франке (Otto Franke, 1863–1946), признанный ведущий китаист Германии, член Прусской академии наук, историк и историограф, автор пятитомного, капитального труда «Geschichte des chinesischen Reiches», незаменимого путеводителя по всей тогдашней мировой синологической литературе, отраженной в примечаниях; А. Форке (Alfred Forke, 1867–1944), создавший столь же основательный трехтомный труд по истории китайской философии «Geschichte der chinesischen Philosophie», очень спорный и устаревший в плане интерпретации понятий и идей китайских мыслителей, но ценный как источниковедческая

и фактографическая конкорданция; Р. Вильгельм (Richard Wilhelm, 1873–1930), переводчик, для того времени порой единственный не только в Германии, но и в мире, ряда древнекитайских текстов: «И цзина» («I-King, Buch der Wandlungen»), «Лунь юя» («Kungfutse Gespräche»), «Дао-дэ цзина» («Lao Tse. Tao Te King») и других; Э. Хэниш (Erich Haenisch, 1880–?), крупнейший китаевед и монголовед ФРГ, член Германской АН (ГДР), специалист по истории Китая и Монголии, знаток китайского (3-томный «Lehrgang der chinesischen Schriftsprache»), монгольского и тибетского языков, первым в мире реконструировавший монгольский текст по китайской записи, составивший к нему словарь и осуществивший перевод на немецкий: «Manghol un niuca tobca'an», «Wörterbuch zu Manghol», «Die geheime Geschichte der Mongolen». Leipzig, 1935, 1939, 1948; китаеведом и японоведом является и его сын Вольф; Э. Эркес (Eduard Erkes), специалист по древней истории Китая: «Das Problem der Sklaverei in China». Berlin, 1952, и переводчик древнекитайского даосского мыслителя Лаоцзы; Ф. Йегер (Fritz Jaeger, 1886–1957), историк, особенно интересовавшийся Сыма Цянем и другими учеными ханьского времени: «Das Studium der Klassiker in Neuen China». Glückstadt, 1935; Э. Цах (Erwin Ritter von Zach, 1872–1942), австриец по национальности, один из крупнейших переводчиков классической художественной литературы, прежде всего поэзии, в том числе объемного собрания «Вэнь сюань» («Антология литературы») Сяо Туна (501–531) — «Die chinesische Anthologie», т. 1–2. Cambridge, Massa, 1958, исследователь китайской философии («Geschichte der chinesischen Philosophie», т. 1–2, Reichenberg, 1927) и ее государственного значения («Kuan-tse. Das Leben und Wirken eines altchinesischen Staatsmannes». Wien, 1941).

Параллельно с исследованиями перечисленных ученых, которыми, конечно, не исчерпывается список немецких синологов данного времени, шло и организационное оформление их работы — при университетах создавались относительно небольшие, практически самостоятельные востоковедные отделения, именуемые семинарами. Первое из них возникло в 1887 г. в Берлинском университете (Humboldt-Universität), а затем в Бонне (Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn), Бреслау (Universität Breslau), Мюнхене (Ludwig-Maximilians-Universität München) и Гамбурге (Hansische universität). В последнем в 1907 г. был создан Колониальный институт (Kolonial-Institut), название которого четко определяло его предназначение. В нем в 1910 г. появился Восточноазиатский семинар (Ostasiatisches Seminar), где велись занятия и по Китаю. Сразу после Первой мировой войны в 1919 г. на базе этого Института был организован Гамбургский университет. В него вошел и упомянутый семинар,

переименованный в семинар китайского языка и культуры (Seminar für Sprache und Kultur Chinas). Его возглавляли известные ученые: О. Франке (с 1910 по 1923), А. Форке (1923–1935), Ф. Йегер (1935–1948), а затем В. Франке, Э. Балаш и др.

События междувоенного периода и в особенности приход Гитлера к власти отрицательно сказались на немецкой синологии. Многие ученые, в силу тех или иных причин, навсегда покинули родину. Например, В. Эккэ (Wilhelm Gustaw Ecke, 1896–?), археолог и искусствовед, долгие годы (1923–1948) являвшийся профессором разных университетов Китая (Сямэнь, Цинхуа, Фуцзянь), участвовавший в археологических раскопках в провинциях Фуцзянь, Шаньдун, Хунань, Хубэй, Шаньси, а в 1935–1948 гг. занимавший пост редактора по искусству журнала «Monumenta Serica», органа Пекинского Католического университета, и М. Лёр (Max Loehr, 1903–?), специалист в области археологии и искусства стран Дальнего Востока, воспитанник Мюнхенского университета, тоже несколько лет проработавший в Китае, осели в США; В. Либенталь (Walter Liebenthal, 1886–?), знаток буддизма, владеющий пали, санскритом, тибетским и китайским языками, отправился в другом направлении — в Индию; во Франции нашел пристанище Э. Балаш (Etienne Balazs, 1905–1964), венгр по происхождению, известный исследователь древней и средневековой истории Китая: «Beiträge zur Wirtschaftgeschichte der T'ang-Zeit (618–906)». Berlin, 1913–1932; «Chinese Civilization and Bureaucracy». New Haven; London, 1963; Г. Хэлоун (Gustav Haloun, 1898–1951), изучавший китайскую древность, особенно период Хань; У. Саймон (Ernest Julius Walter Simon, 1893–?), крупный лингвист, член Британской академии (Britisch Academy, основана в 1901 г. как высшее научное учреждение в области гуманитарных наук), и Б. Шиндлер (Bruno Schindler, 1882–1964), филолог и историк, основавший (вместе с Ф. Веллером) в 1924 г. в Лейпциге журнал «Asia Major» (выходил он до 1938 г.) — один из ведущих ориенталистических органов мира (с 1949 г. Б. Шиндлер возобновил его выпуск в Лондоне на средства Кембриджского, Оксфордского и Лондонского университетов) — эмигрировали в Англию. Мировая синология от переезда названных ученых не пострадала, а может быть, даже и выиграла, поскольку и на новых местах они плодотворно трудились, но немецкому китаеведению их отъезд нанес серьезный урон.

Еще более ощутимый удар был нанесен Второй мировой войной. Ведение научных занятий было крайне затруднено, китаеведы призывались в армию наравне с другими группами населения, значительная часть библиотечных фондов, включая и частные коллекции, погибла, была разграблена или оказалась за границей (например, в СССР). Только после ее окон-

чания, в новых условиях разделенной и оккупированной страны, начался медленный процесс восстановления. В силу больших трудностей, обусловленных и внешними причинами, на первых порах он был малорезультативен, что не удовлетворяло ни правительство, ни самих ученых. Переломным моментом можно считать составление в 1960 г. группой ведущих востоковедов (в нее вошел и синолог Х. Франке) по поручению Немецкого исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft) «Меморандума о состоянии востоковедения» — «Denkschrift zur Lage der Orientalistik», в котором не только было проанализировано прошлое и настоящее, но и даны обоснованные рекомендации на будущее. «Меморандум» сыграл свою роль, и дальнейшая судьба ориенталистики и синологии как ее части определялась тремя моментами: расширением исследовательской и преподавательской базы, ее «американизацией» и изменением программ.

Первый из них заключался в создании новых кафедр китаеведения в университетах: Вюрцбургском (Julius-Maximilians-Universität), Гейдельбергском (Ruprecht-Karl-U.), Мюнстерском (Westfälische-Landes-U.), Саарбрюкенском (U. Saarbrücken) и Бохумском (U. Bochum). Организованный в последнем Институт изучения Китая (Institut für China-Forschung) мыслился как крупнейший в стране центр комплексного исследования этой страны, с учетом новой ситуации в мире, опыта других стран, прежде всего США, и достижений мировой науки. Поэтому если в других университетах, как правило, существовала лишь одна кафедра синологии, научная деятельность которой подгонялась к тому же под интересы ее руководителя, то в Бохуме их было несколько: языка, истории, литературы, социологии и др.

К 70-м годам постепенно на первый план, кроме Бохумского, вышли университеты Гамбурга и Мюнхена, за ними следовали Боннский, Гёттингенский (Georg-August-U. zu Göttingen), Кёльнский (U. Köln), Марбургский (Philipps U.), Франкфуртский (Johann Wolfgang Goethe U.) и Западноберлинский (Freie U.). Мюнхенскую школу синологии сформировали два выдающихся ученых: уже упоминавшийся Э. Хэниш, в 1947–1951 гг. являвшийся директором Восточноазиатского семинара (Ostasiatisches Seminar) и заведующим кафедрой синологии Мюнхенского университета, и занявший впоследствии эти посты его ученик Х. Франке (Herbert Franke, 1914–?), ученый международного масштаба и специалист широкого профиля, но особое внимание уделяющий вопросам монгольского правления в Китае: «Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolen-Herrschaft» (Leipzig, 1949), «Beiträge zur Kulturgeschichte Chinas unter der Mongolenherrschaft» (Wiesbaden, 1956), «Orientalistik. I Teil. Sinologie» (Bern, 1953), см. также «Sung Biographies». Bd. 1–4 (Wiesbaden,

1976), «Studia Sino-Mongolica. Festschrift für Herbert Franke» (Wiesbaden, 1979). Их дело продолжил ученик Э. Хэниша и сотрудник Х. Франке — В. Бауэр (Wolfgang Bauer, 1930–?), историк и филолог: «Chang Liang und Ch'en P'ing, zwei Politiker aus der Gründungszeit der Han Dynastie» (München, 1953), «Der chinesische Personenname» (Wiesbaden, 1959). Важным мероприятием мюнхенского центра является издание с 1969 г. В. Бауэром и Х. Франке серии «Мюнхенские восточноазиатские исследования — Münchener Ostasiatische Studien». В ее рамках вышли, в частности, названные выше «Sung Biographies», а также, например: *Jugel U.* «Politische Funktion und soziale Stellung der Eunuchen zur späteren Hanzeit: (25–220 n. Chr.)»; *Porkert M.* «Die theoretischen Grundlagen der chinesischen Medizin»; *Unschuld P. U.* «Die Praxis des traditionellen chinesischen Heilsystems»; *Töpelmann C.* «Shan-ko von Feng Men-lung. Eine Volksliedersammlung aus der Ming-Zeit»; *Schmidt-Glintzer H.* «Das Hung-ming chi und die Aufnahme des Buddhismus in China»; *Brinker H.* «Die zen-buddhistische Bildnismalerei in China und Japan»; *Schüssler A.* «Affixes in Proto-Chinese»; *Lippert W.* «Entstehung und Funktion einiger chinesischer marxistischer Termini»; *Linck-Kesting G.* «Ein Kapitel chinesischer Grenzgeschichte. Han und Nicht-Han im Taiwan der Qing-Zeit». Этот неполный список показывает, насколько широк тематически и разнообразен хронологически диапазон серьезных, больших по объему исследований, издаваемых в данной серии.

Любопытным явлением послевоенного периода стала «американизация» западногерманской и «советизация» восточнонемецкой (главный центр — Humboldt-U.) синологии. Последнее практически имело исключительно политические и идеологические обоснования, с первым же дело обстояло сложнее. Конечно, и здесь международная обстановка, связанная с существованием двух враждебных блоков, находила отражение в среде ученых и, может быть, даже лежала в основе указанного феномена, но думается, что не она определяла весь ход его развития. Истинные причины крылись в другом. Американская синология моложе европейской, но все же имеет довольно древние корни, уходящие в конец XVIII — первые десятилетия XIX в. Однако только Вторая мировая война, которая для США являлась прежде всего войной на Тихом океане, заставила эту страну серьезно заинтересоваться Японией и Китаем. Сделано это было с типично американским размахом, организованностью и учетом современных научных, технических и методологических достижений, не говоря уже о значительных капиталовложениях. Естественно, что Западная Германия, как, впрочем, и Япония на противоположном конце Евразии, находясь в пределах «Pax Americana» и в орбите ее разносторонних

влияний, в поисках образца для возрождающейся науки обратила свой взор к США. Заманчивыми были также поездки в Америку, ее богатые библиотечные фонды, возможность публиковаться там, контакты с американскими коллегами и многое другое.

Третий момент тесно переплетается со вторым. Послевоенная действительность, возрастающая роль ФРГ в международной политике и другие факторы диктовали необходимость замены традиционной синологии с ее почти исключительным интересом к классическому, т. е. древнему и средневековому Китаю на науку, соответствующую новому времени и современным потребностям, охватывающую социологию, политологию, экономику, демографию и другие дисциплины. Такую потребность в той или иной степени испытывало китаеведение всех стран, хотя везде она преломлялась по-своему. В этом плане помощь и пример динамичной, быстро реагирующей на изменения обстановки в мире и хорошо оснащенной американской синологии были ценны и важны для немецкой науки. Геополитическое положение ФРГ, граничащей непосредственно с восточным блоком, в котором все более весомую роль играли азиатские страны, и прежде всего Китай, настоятельно требовало расширения традиционного для Германии «изучения Востока — Ostforschung» за пределы чистой советологии. Эти две тенденции вылились, с одной стороны, в определенный синтез, который лучше всего можно бы выразить неологизмом «синосоветология», а с другой — в организационные мероприятия. Например, в 1961 г. в Кёльне был образован Федеральный институт марксизма-ленинизма (Bundes Institut für Erforschung des Marxismus-Leninismus), где изучению Китая и других социалистических стран Азии уделялось большое внимание. Свой взор на международное положение и внутренние проблемы указанных стран обратили также Институт геополитики (Institut für Geopolitik) и его журнал «Zeitschrift für Geopolitik». Современная тематика была поставлена во главу угла созданного в 1957 г. в Гамбурге Института по изучению Азии (Institut für Asienkunde). Ее не обошли стороной и такие научные журналы, как «Oriens Extremus» (Гамбургский университет), «Saeculum» (Мюнхенский университет), «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» и «Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens» (выходящие в Гамбурге органы одноименных научных обществ).

Базой для всех этих исследований служат китайские фонды различных учреждений. Кроме собраний, имеющихся в университетах, где представлена синология, они наличествуют в таких крупных библиотеках, как Баварская государственная (Bayerische Staatsbibliothek) в Мюнхене и Западногерманская (Westdeutsche Bibliothek) в Марбурге, а также в Музее

восточноазиатского искусства (Museum für Ostasiatische Kunst) в Кёльне, Музее народоведения и древнейшей истории (Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte), Музее искусства и ремесла (Museum für Kunst und Gewerbe) в Гамбурге, а в бывшей ГДР — Государственной библиотеке (Staatsbibliothek) и Берлинском университете. Последние, и особенно восточные фонды берлинской Staatsbibliothek, в связи с объединением Германии перестраиваются и информатизируются, но быстрому завершению этого процесса мешает нехватка квалифицированных библиотекарей и компьютерных операторов.

Семидесятые годы принесли и отрицательные явления. Немецкое востоковедение практически полностью сосредоточено в университетах, оно не представлено в Обществе Макса Планка (Max Planck Gesellschaft) и не входит в состав структуры, сопоставимой, например, с Centre National de la Recherche Scientifique во Франции. Deutsche Forschungsgemeischaft — это общественная организация, которая лишь выделяет ограниченные средства на конкретные проекты, обычно на три года. Между тем в указанное время университетское востоковедение в связи с его «модернизацией» и «политизацией» оказалось в пучине перемен, в основном негативных: отрицалась связь прошлого азиатских стран с их настоящим, дискредитировались методы и достижения XIX в., особенно в филологии, ориенталистика, наука по самой своей сути полидисциплинарная, подвергалась бюрократической «мультидисциплинаризации» — делились факультеты, институты и библиотеки, а их сегменты включались в другие общественные науки. Параллельно же шел процесс определенной «ориентализации» общества, проявлявшийся как в области сознания (события в и вокруг КНР играли здесь не последнюю роль), так и в «материальной» сфере (усиление азиатской иммиграции в ФРГ).

В 80-е годы началось постепенное осмысление допущенных перегибов и восстановление целостности востоковедческого преподавания и исследований. В настоящее время ориенталистика присутствует в 28 университетах (в том числе 4 в бывшей ГДР) на разных факультетах: истории, философии, языка и литературы, искусства и археологии и др. Иногда они объединяются в подобие американских «area studies» (комплексное изучение определенных регионов, например Дальнего Востока), а порою остаются сегментированными. Среди молодежи наблюдается рост интереса к сотрудничеству, в частности с китайскими партнерами, а также к работе в компьютерных центрах и библиотеках, в последние годы в ряде университетов были организованы специализированные курсы для студентов других кафедр и факультетов, большое внимание обращается также на обучение азиатских студентов и воспитание у них уважительного отношения к собственной традиции в соединении с европейским подхо-

дом к ней. Похоже, что немецкое востоковедение и китаеведение, несмотря на все еще переживаемые трудности, имеет перед собой довольно неплохие перспективы.

Модернизация немецкой синологии не означала, однако, что было забыто изучение древности и Средних веков. Скорее, наоборот — лучшие специалисты работали и продолжают работать именно в этих областях, причем особенно сильно представлена медиевистика. Выше уже упоминался Х. Франке, изучающий период правления династии Юань. Этим же отрезком истории успешно занимался и восточногерманский ученый П. Рачневски (Paul Ratchnevsky), писавший в основном по-немецки (например, «Historisch-terminologisches Wörterbuch der Yuanzeit. Medizinwesen». Berlin, 1967), но главный труд своей жизни издавший по-французски: «Un Code des Yuan», т. 1–2, Paris, 1937, 1972. Одним из крупнейших китаеведов является В. Франке (Wolfgang Franke), сын Отто, до ухода на пенсию профессор Гамбургского университета и редактор «Oriens Extremus», много сил отдавший исследованию истории Китая: «Das Jahrhundert der chinesischen Revolution, 1851–1949». München, 1958; «The Reform and Abolition of the Traditional Chinese Examination System». Cambridge (Mass.), 1961; «China und Abendland». Göttingen, 1962; «An Introduction to the Sources of Ming History». Kuala Lumpur; London, 1968. В. Фукс (Walter Fuchs, 1902–1978), китаевед и маньчжуровед, профессор Мюнхенского, Западноберлинского и Кёльнского университетов, многие годы (1926–1947) проработавший в Китае, написал ряд книг по разным проблемам средневекового Китая: «Beiträge zur mandjurischen Bibliographie und Literatur». Tokyo, 1936; «Der Jesuiten-Atlas der Kanghsi-Zeit, seine Entstehungsgeschichte nebst Names–Vindices für die Karten der Mandjurei, Mongolei, Ostturkestan und Tibet». Peking, 1943; «Bedeutung und Durchführung der inneren und äusseren Werbung im Fremdenverkehr». München, 1953. Среди медиевистов можно еще назвать Т. Гримма (Tilemann Grimm), бывшего директора Института по изучению Азии («Erziehung und Politik im konfuzianischen China der Ming-Zeit, 1368–1644»), П. Ольбрихта (Peter Olbricht), профессора Боннского университета («Das Postwesen in China unter der Mongolenherrschaft im 13 und 14. Jahrhundert»), Х. Фризе (Heinz Friese), профессора Гамбургского университета («Das Dienstleistungs-System der Ming-Zeit, 1368–1644») и Х. Шульте-Уффелаге (Helmut Schulte-Uffelage), сотрудника Франкфуртского университета («Das Keng-shen wai-shih, eine Quelle zur späten Mongolenzeit»).

Немецкие медиевисты делали также отдельные экскурсы в древнюю историю Китая, однако существуют ученые, которые занимались или занимаются ею специально. Среди них можно назвать искусствоведа и археолога Э. Констен (Eleanor Konsten-Erdberg, 1907–?), профессора истории

искусств Высшей технической школы (Rheinisch-Westfälische Technische Hochschule) в Аахене («Das alte China»), историка-археолога М. фон Дэваль (доцента Хайдельбергского университета («Pferd und Wagen im frühen China»), исследователя «Ши цзи» Х. Поля (Herbert Pohl), сотрудника Гамбургского университета («Schi Ki, Kapitel 128. Ein Beitrag zur altchinesische Divination») и профессора Гёттингенского университета Х. Штанге (Hans Otto Heinrich Stange), переводчика ряда древнекитайских текстов («Die Monographie über Wang Mang», «Gedanken und Gespräche des Konfuzius: Lun-yü», «Chuang-tzu. Dichtung und Weisheit von Tschuang-tse»); а также восточногерманских синологов: Р. Фельбера (Roland Felber) — «Die Entwicklung der Austausch-Verhältnisse im alten China (Ende 8. Jh. bis Anfang 5. Jh. v. u. Z.)»; Р. Морица (Ralf Moritz) — «Hiu Shih und die Entwicklung des philosophischen Denkens im alten China» и Э. Штайнфельда (Erich Steinfeld) — «Die sozialen Lehren der altchinesischen Philosophen Mo-tzu, Meng-tzu und Hsün-tzu».

В завершение обзора укажем, что вопросы искусства и литературы Китая тоже не остались вне поля зрения немецких специалистов. Их, в частности, изучали А. Хоффманн (Alfred Hoffmann, 1911–?) — «Die Lieder des Li Yü (937–978)», «Frühlingsblüten und Herbsmond»; В. Контаг-Винтерфельдт (Victoria Contag-Winterfeldt, 1906–?) — «Die sechs berühmten Maler der Ch'ing-Dynastie», «Zwei Meister chinesischer Landschaftsmalerei, Shih T'ao und Shih Ch'i»; и В. Шпайзер (Werner Speiser, 1908–?) — «Die Kunst Ostasiens», «Vorderasiatische Kunst», «China: Geist und Gesellschaft».

§ 6. Франция

Начало французской синологии можно бы увидеть в францисканце Рубруке (Guillaume de Rubruquis, собственно: Willem de Ruysbroeck, ок. 1215/1220–ок. 1270) и его «Itinerarium», известном по многим переводам (например: *De Backer*. «Guillaume de Rubrouck, traduit de l'original Latin», 1877; «Reise zu den Mongolen 1253–1255». Übersetzt von F. Risch, 1934), где описано путешествие к монгольскому хану Мэнгу (1251–1259), совершенное им в 1253–1255 гг. по поручению Людовика IX (1214–1270, король с 1226 г.). В действительности, однако, история ее началась позднее, в XVII–XVIII веках, когда в Китай направились, вслед за итальянскими, также и французские миссионеры. Среди первых следует назвать уже упоминавшихся выше в связи с составлением словарей и грамматик Н. Триго, достигшего Китая в 1610 г., Ж. Бувэ (1685), Ж. А. Премара

(1698) и Э. Фурмона, который, насколько известно, в Китае не бывал, но сотрудничал с китайцами в Париже. Не был там и Ж. Б. Дюгальд (Jean Baptiste du Halde, Ду Хэ-дэ, 1674–1743), на основе 27 рукописных донесений миссионеров составивший огромный четырехтомный in folio труд «Description géographique, historique, chronologique, politique de l'Empire de la Chine...», вышедший в Париже в 1735 г., а уже в 1736 и 1738–1741 гг. дважды переведенный на английский (R. Brookes, E. Cave).

В отличие от них иезуиты-миссионеры, о которых сейчас пойдет речь, не только провели в Китае многие годы, но и скончались в Пекине. Первым из них был Ж. Ф. Жербийон (Jean François Gerbillon, Чжан Чэн, 1654–1707), который в 1687 г. прибыл в Китай, а в 1688 г. — в Пекин. Быстро выучивший маньчжурский, он состоял при Кан-си переводчиком и в этом качестве принял участие в заключении в 1689 г. «Набучу (Nipchon) тяоюэ — Нерчинского договора», составленного на русском, маньчжурском и латинском языках. Жербийон был автором «Elementa linguae Tartaricae» — первого европейского исследования маньчжурского языка. Ж. де Майя (Joseph Anne Marie de Moyriac de Mailla, Фэн Бин-чжэн, 1669–1748), с 1703 г. живший в Китае и хорошо владевший китайским и маньчжурским, прославился переводом на французский труда Чжу Си «Тун-цзянь ган-му». Он вышел в 1777 г. в Париже в 13 in quarto томах под названием «Histoire générale de la Chine». Миссионерский этап французского китаеведения завершается А. Гобилем (Antoine Gaubil, 1689–1759), приехавшим в Китай в 1722 г. и обучавшим там латыни маньчжуров, готовившихся стать переводчиками при переговорах с представителями России. Его перу принадлежат переводы жизнеописания Чингисхана — «Histoire de Gentchiscan» (1739), фрагментов «Шу цзина» и танских анналов, а также «Traité de la chronologie chinoise», который был издан уже после его смерти (в 1814 г.). Кроме того, он оставил много рукописей, позднее частично опубликованных А. Кордье в «T'oung Pao».

XVIII век ознаменовался и крупным издательским мероприятием, уникальным в мировой науке того времени. В 1702 г. орден иезуитов начал печатать в Париже серию «Lettres édifiantes et curieuses», своего рода историко-этнографическо-географическую энциклопедию, рисующую картину современного ему мира. До 1776 г. вышло 34 тома. В 1741 г. были переизданы первые 12 томов, а затем предпринято новое издание в 26 томах, разделенных тематически, в котором 16–26 тома посвящены Китаю. В 1808 г. появились восемь томов «Choix des Lettres édifiantes» (первые три о Китае), а в 1818–1823 гг. — восемь томов «Nouvelles Lettres édifiantes», рассказывавших о миссионерской деятельности в Китае и Ост-Индии (Восточная Индия; термин, возникший в XVI в. и охватывавший

Индостан, Индокитай и Индонезию для отличия от Вест-Индии, или Западной Индии — островов, находящихся в Карибском море). Серия высоко ценилась, поэтому разные ее части были переведены на ряд языков.

Вторым предприятием такого рода были «Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois par les missionnaires de Pékin», издававшиеся в Париже в 1776–1814 гг. В публикации затрагивались самые разные вопросы Китая, начиная с глубокой древности. Авторами выступали французские представители католической Церкви, особенно отец Амио (Jean Joseph Marie Amiot, Ван Жо-сэ, 1718–1799). Приехав в 1740 г. в Китай, он выучил китайский и маньчжурский, что позволило ему составить грамматику последнего языка, тоже вошедшую в «Mémoires».

«Description générale de la Chine» аббата Гросье (Grosier), вышедшая в качестве 13 тома труда де Майя, представляла собой, по оценке А. Ремюза, своего рода резюме «Description» Дюгальда, «Lettres» и «Mémoires». Затем она переиздавалась как самостоятельная работа, причем третье издание в 7 томах (1818–1820 гг.) получило название «De la Chine, ou Description générale de cet Empire».

Обе «Description» являются произведениями энциклопедического характера, содержащими разнообразную информацию не только о Китае XVII–XVIII веков, но и о его прошлом — истории, культуре, философии, выдающихся личностях и т. п. Среди этих тем присутствует и география, что вполне естественно, ибо, находясь в Китае, миссионеры естественным образом знакомились с нею и передавали соответствующие знания своим читателям. В Европе интерес к географии Китая имел давние корни. Одним из ранних проявлений его был, несомненно, т. н. «Каталонский атлас» — рукопись 1375 г., находившаяся в библиотеке Карла V Мудрого (1337–1380, король с 1364 г.), а ныне хранящаяся в «Bibliothèque Nationale». Это несколько деревянных пластинок, обтянутых с обеих сторон пергаментом, на который нанесены цветные карты, украшенные золотом и серебром и снабженные пояснениями на каталонском языке. Среди них имеется и карта Китая (Cathay), изображенного довольно верно. В 1655 г. в Амстердаме был опубликован «Novus Atlas Sinensis a Martino Martini Soc. Jesu Descriptus» — первый серьезный труд по географии Китая, вышедший из-под пера М. Мартини (Вэй Куан-го, 1614–1661), приехавшего в Китай в 1643 г. и остававшегося там до конца жизни. Однако важнейшим событием в данной области явилось изучение в 1708–1718 гг., по приказу Кан-си, территории Китая группой иезуитов (Tartoux, Regis, de Mailla и др.), с последующим изготовлением карт отдельных провинций, собранных в «Хуанъюй цюаньту» («Собрание карт страны») — мероприятие беспрецедентное как по точности измерений

и расчетов, так и по масштабу проделанной работы. В 1921 г. экземпляр этого атласа был обнаружен в бывшем императорском дворце в Шэньяне и переиздан под заглавием «Цин нэйфу итун юйди ми ту» («Сводные секретные карты земель империи Цин из государственного хранилища»).

Чтобы завершить описание вклада французов в изучение географии Китая, назовем еще Ж. Данвийя (Jean Baptiste Bourgignon d'Anville, 1697–1782). Он составил карты для Дюгальда, которые затем публиковались и самостоятельно, и включенными в «Description» Грозье (1785). Их оригинал хранится в Национальной библиотеке в Париже.

Неутомимые усилия католических миссионеров-иезуитов XVII–XVIII вв. создали солидную базу для дальнейшего развития французской синологии. Подготовленные ими словари, грамматики, переводы и исследования, которые легко критиковать с высоты последнего десятилетия XX в., для тогдашней Франции и Европы в целом были неоценимым источником информации о Срединной империи и пособиями для ее изучения. Впрочем, и сегодня многие из них сохранили познавательную ценность. Неудивительно, что именно в то время, правда, не исключительно благодаря их деятельности, в Европе возникло культурное явление, получившее французское наименование «chinoiserie», охватившее Францию, Англию, Германию, Голландию, Польшу и другие страны. На бытовом уровне оно выражалось в увлечении приобретением разного рода предметов (например, изделий художественного ремесла), привозимых из Китая, а также из Японии и Индии. Одновременно, однако, идеи «шинуазри» вдохновляли великих художников А. Ватто (1684–1721), Ф. Буше (1703–1770) и Ж. Пилльмана (1728–1808), мыслителей и ученых Г. В. Лейбница и Ф. М. Вольтера (1694–1778), создателя нового стиля в изготовлении мебели Т. Чиппендейла (1718–1779), по его фамилии и названного «chippendale», устройство «китайских» парков, например, Kew Garden в городском комплексе Лондона или вокруг дворца Petit Trianon в Версале, оборудование «китайских» кабинетов и салонов в дворцах (Chantilly), соответствующую стилизацию керамики, выпускаемой ведущими мастерскими Европы: Руэн (Франция), Мейсен (Германия), Делфт (Нидерланды), Дерби (Великобритания), и т. д., и т. п.

В указанное время французы преследовали в Китае религиозные, миссионерские цели. Однако с последних десятилетий XVIII в. ситуация начинает меняться: к ним присоединяются, а затем выходят на первый план торговые и политические интересы. В 1767 г. Французская Ост-Индская компания, уже и до этого посылавшая свои корабли в Китай, впервые оставила несколько своих суперкарго в Кантоне, обретя тем самым как бы постоянную точку опоры на китайском континенте. В 1776 г. в Кантон

был послан первый консул, не получивший, впрочем, официального признания ни местных, ни центральных властей. В 1802 г. главный суперкарго французской фактории Ж. Б. Пирон был назначен также представителем французского правительства, что означало прямое объединение коммерции и дипломатии.

После поражения Китая в первой «опиумной» войне (1840–1842) и подписания с Англией Нанкинского договора (29 августа 1842 г.) — первого неравноправного трактата, обеспечивавшего Великобритании ряд льгот и привилегий, французское правительство решило воспользоваться благоприятной обстановкой. 24 октября 1844 г. в Хуанпу (Вампу) был заключен франко-китайский договор, по которому Франция получила практически те же права, что и Англия, а кроме того, еще некоторые дополнительные возможности для ведения миссионерской деятельности. В 1856 г. Англия начала вторую «опиумную» войну, к которой вскоре присоединилась и Франция. Цинская армия, вообще уступавшая по оснащенности и выучке войскам западных государств и к тому же ослабленная тайпинским восстанием (1850–1868), терпела одно поражение за другим. В итоге, 27 июня 1858 г. Франция и Китай подписали договор в Тяньцзине, а 25 октября 1860 г. — дополнительное соглашение в Пекине. На основании их Франция, как и другие державы, могла открыть в Пекине постоянное посольство, а в портах и некоторых других городах — консульства. Ее граждане получили право беспрепятственного передвижения по Китаю, а миссионеры — свободной покупки и аренды земли и строительства зданий; возвращалась конфискованная ранее собственность и т. п. Все это создало для синологии новые условия, возможности и потребности.

Одним из них была ее институционализация. Процесс становления учебных и научных учреждений, связанных с ориенталистикой, можно разделить на четыре этапа. Два первых — образование в 1530 г. Collège du Roi (позже — Collège de France) с 2 кафедрами: греческого и иврита, и в 1669 г., по предложению Ж. Кольбера (1619–1683), одного из самых выдающихся политиков Франции, Школы молодых лингвистов (Ecole des Jeunes de Langues) — были ответом на внимание рационалистов к библейским штудиям в XVI в. и дипломатические и торговые нужды XVII в. Третий характеризуется появлением глубокого интереса к великим цивилизациям Азии и Африки, открытым в ходе колониальной экспансии. В 1795 г. возникла Школа живых восточных языков (Ecole spéciale des langues orientales vivantes), а к концу правления Наполеона III (1808–1873, император 1852–1870) — Прикладная школа высшего образования (Ecole Pratique des Hautes Etudes, EPHE).

Тогда же, впервые в Европе, изучение Китая стало частью программы высшей школы — в 1814 г. в Коллеж де Франс была образована кафедра

синологии, первым руководителем которой стал один из крупнейших китаеведов Франции А. Ремюза (Jean Pierre Abel Rémusat, 1788–1832), самостоятельно изучивший китайский и уже в возрасте 23 лет опубликовавший свой первый труд «Essai sur la langue et la littérature chinoise» (Paris, 1811). После него этот пост занимала целая плеяда выдающихся ученых: с 1832 г. — лингвист С. Жульен (Stanislas Julien, 1797–1873), с 1893 г. — историк и религиовед Э. Шаванн (Edouard Chavannes, Ша Вань, 1865–1918), автор первого перевода «Ши цзи» — «Les Mémoires historiques de Se-ma Ts'ien», т. 1–5, P., 1895–1905, т. 6, 1969, и ряда работ по китайской древности — «Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux» (1903), «Le T'ai chan, essai de monographie d'un culte chinois» (1910), «Cing cents Contes et Apologues extraits du Tripitaka chinois» (t. 1–3, 1910–1911), «Mission Archéologique dans la Chine septentrionale» (три тома, 1909–1915) и др.; с 1911 г. — китаевед и монголовед, зачинатель французской монголистики П. Пеллио (Paul Pelliot, Бо Си-хэ, 1878–1945), его экспедиция в 1906–1908 гг. в Ганьсу-Синцзян обогатила Национальную библиотеку большой коллекцией манускриптов, вывезенных из Дуньхуана, — «Les Mongols et la papauté» (1922–1923), «Jades archaiques de la Chine» (1925); с 1927 г. — историк и языковед А. Масперо (Henri Maspero, Ма Бо-лэ, 1883–1945), сын известного египтолога и археолога Г. Масперо (Gaston Camille Charles Maspero, 1846–1916) — «La Chine antique» (1927); с 1946 г. — крупный специалист по истории литературы, культуры и искусства П. Демьевиль (Paul Demiéville, 1894–?) — «Le concile de Lhassa: Une controverse sur la quietisme...» (1952), «Les débuts de la litterature en chinois vulgaire» (1952), «Choix d'études sinologiques (1921–1970)» (1973); а с 1964 г. — специалист по древней и средневековой истории (социально-экономические отношения, общественная мысль) Ж. Жернэ (Jacques Gernet, 1921–?) — «Entretiens du maître de Dhyâna Chen-houei» (1949), «La Chine ancienne des origines à l'Empire» (1964), «Le monde chinois» (1972).

К этому же этапу относится и возникновение в 1822 г. «Азиатского общества — Société Asiatique» — научной ассоциации профессиональных востоковедов, призванной содействовать развитию научных исследований и ознакомлению общества с культурами Востока. Среди ее президентов были и китаеведы: А. Ремюза в 1829–1832 гг., П. Пеллио в 1935–1945 гг. и тибетолог Ж. Бако в 1946–1951 гг. Общество проводит постоянные заседания, издает серьезный научный журнал «Journal Asiatique» и серию «Cahier de la Société Asiatique», располагает также библиотекой, в которую, в частности, вошли коллекции Шаванна и Масперо.

Кроме ученых, названных выше, в XIX — первой половине XX в. во Франции трудилась большая группа китаеведов, прославивших отечественную синологию и обеспечивших ей ведущее место в мире. Их интересы

лежали прежде всего в китайской древности (история, культура, язык и т. д.), хотя для того времени характерным явлением в мировой науке был широкий подход к занятиям Китаем; более узкая специализация возникла главным образом после Второй мировой войны. Среди них можно назвать: Э. Био (Edouard Constant Biot, 1803–1850), железнодорожного инженера, выучившего китайский у С. Жульена и оставившего труды, сохранившие ценность и сегодня, в особенности единственный до сих пор перевод «Чжоу ли» — «Dictionnaire des Noms anciens et modernes... dans l'Empire chinois» (1842), «Essai sur l'histoire de l'Instruction publique en Chine» (1847), «Le Tcheou-li» (т. 1–3, 1851); языковеда графа М. Клечковского (Michel Alexandre Kleczkowski, 1818–1886), натурализованного француза польского происхождения, долгие годы находившегося на дипломатической службе в Китае, — «Cours de Chinois parlé et écrit» (1876); крупного лингвиста и переводчика на французский и латынь, иезуита С. Куврера (Seraphin Couvreur, 1835–1919), с 1870 г. работавшего в Китае — «Dictionnaire classique de la langue chinoise» (четыре издания: 1890, 1911, 1930, 1947), «Chou King. Texte chinois avec une double traduction en français et en latin» (несколько изданий — четвертое в 1934); А. Кордье (Henri Cordier, Као Эр-де, 1849–1925), основателя (в 1890, вместе с голландцем Г. Шлегелем — Gustave Schlegel, 1840–1903) известнейшего журнала «T'oung Pao» и составителя большого каталога западных работ по Китаю «Bibliotheca Sinica» — главного дела его жизни, — впервые вышедшего в 1878–1895 гг. в восьми частях, дополненного в 1893–1895 гг., расширенного и переизданного в 1904–1908 гг. — «Histoire des Relations de la Chine avec les Puissances occidentales»; иезуитского миссионера, врача Л. Вигера (иногда неправильно — Вьеже; Leon Wieger, 1856–1930), плодовитого исследователя и переводчика — «Textes philosophiques. Confuciisme. Taoisme. Buddhisme» (1906), «Histoire des Croyances religieuses et des Opinions philosophiques en Chine» (1917), «La Chine à travers les Ages» (1924), «Textes historiques. Histoire politique de la Chine depuis l'origine, jusqu'en 1929» (т. 1–2, 1929); уже упоминавшегося крупного тибетолога Ж. Бако (Jacques Bacot, 1877–1965), написавшего ряд книг по истории, языку, литературе Тибета — «Tibet révolté vers Népémakö» (1912), «Une grammaire tibétaine du tibétain classique» (1928), «Le Bouddha» (1947), «Ras-Chun. Milarepa» (1971); религиоведа, социолога и этнолога М. Гранэ (Marcel Granet, 1884–1940), одного из создателей Института китаеведения (Institut des Hautes Etudes Chinoises) при Парижском университете и его первого руководителя (1926–1940), который ввел в синологию метод социологического анализа — «La religion des Chinois» (1922), «La civilisation chinoise» (1929), «La pensée chinoise» (1934).

Как видно из вышеизложенного, на третьем этапе сложилась французская школа китаеведения — блестящее созвездие знаменитых ученых, занимавшихся главным образом историей, особенно древней, и филологией. Здесь сказалось влияние китайской традиции глубокого и постоянного внимания к далекому прошлому и разбуженное Возрождением увлечение античностью и Востоком. Одним из конкретных проявлений этого сочетания стало создание в 1900 г. в Сайгоне, на базе Индокитайской археологической миссии (Mission archéologique d'Indo-Chine, 1898), Французской дальневосточной школы (Ecole Française d'Extrême-Orient, ЭФЭО) по образцу Французских афинской и римских школ (Ecole française d'Athènes, E. f. de Rome). В 50-е годы в связи с освобождением Индокитая от колониальной зависимости Школа переехала в Париж. В настоящее время она не играет первостепенной роли во французской ориенталистике. Однако в свое время это был крупный научный организм с собственной библиотекой, музеем, издательской базой и филиалами в нескольких странах (ныне имеется ее отделение в Японии). Она вела комплексное изучение всего Дальнего Востока и ЮВА, в особенности в области истории, археологии, филологии, а затем и этнологии. Ею была выполнена также большая работа по охране исторических и культурных памятников Вьетнама и соседних стран. Она продолжалась и после переезда Школы в Париж в форме технической помощи правительствам этого региона. Добавим, что заботу о наследии азиатских стран проявляла не только ЭФЭО. В частности, в 1908 г. в Пекине иностранцами даже было создано специальное «Общество китайских памятников» (The China Monument Society), которое занималось сохранением реликтов прошлых эпох на благо китайского народа и всего человечества. Важным элементом активности Французской школы является также издательское дело. С 1901 г. она выпускает «Bulletin de l'Ecole Française d'Extreme-Orient» и другую печатную продукцию.

Вторая мировая война и немецкая оккупация тяжело отразились на французской синологии. Учебный и научный процессы были так или иначе прерваны, связь с далекой Азией тем более, ученые погибали — Масперо скончался в Бухенвальде, истощенный Пеллио умер через несколько месяцев после ее окончания — в октябре 1945 г. Поэтому четвертый этап начался только где-то в 50-х годах XX столетия, подогреваемый крушением мировой, в том числе и французской, колониальной системы. В 1954–1962 гг. Франция должна была признать независимость Индокитая, Марокко, Туниса и Алжира и по-новому строить отношения как с Дальним Востоком (27.01.1964 г. Франция установила дипломатические отношения с КНР, однако еще до этого в Пекине появились первые студенты-синологи), так и с арабским миром.

Этому отвечало создание в 1960 г. секции № 24 «Восточные языки и цивилизации — Langues et Civilisations orientales» в Национальном центре научных исследований (Centre national de la recherche scientifique, CNRS). За прошедшие с тех пор 30 с лишним лет CNRS принял около 200 (при общем числе 11 250 для всех дисциплин) исследователей и стал важнейшим центром ориенталистики во Франции, причем Китай занимает в нем заметное место. Среди преподавателей и студентов немало граждан афроазиатских стран, например, китайцев, защищающих там докторские диссертации. Затраты Центра на востоковедение составляют около 130 млн франков (приблизительно 25 млн долларов) в год.

Шестидесятые годы вообще ознаменовались скачкообразным развитием французской синологии — количественным и качественным. В результате на китаеведческих кафедрах числятся более 2000 студентов вместо прежних десятка-другого. Главными учебными центрами являются университеты Парижа, Бордо, Лиона, Прованса и Ниццы, но соответствующие курсы имеются и в других вузах, включая многие колледжи (Grandes Ecoles). С 1958 г. китайский язык введен в программу примерно 30 лицеев. Более 300 студентов учатся в Национальном центре заочного обучения (Le Centre National de l'Enseignement à Distance). Некоторые специальные дисциплины преподаются в профильных заведениях, в частности, искусство и археология Китая в музейной школе Лувра (Ecole du Louvre) — до уровня лиценциата; в Парижском университете IV (Université Paris IV-Sorbonne) на кафедре истории искусства Дальнего Востока (chaire d'histoire de l'art de l'Extrême-Orient), основанной в 1988 г., — I–III циклы; а на уровне докторантуры — в рамках направления «Археология Китая» (Archéologie de la Chine) четвертой секции Прикладной школы высшего образования (EPHE).

Крупнейшим центром востоковедения является Национальный институт восточных языков и цивилизаций (ИНАЛКО) Парижского университета III (Institut National des Langues et Civilisations Orientales de l'Université de Paris III), который в 1995 г. отпраздновал свое 200-летие. Отдел языка и цивилизации Китая насчитывает 6 профессоров, более 30 преподавателей, около 1500 студентов. В нем можно получить полную подготовку, вплоть до первого цикла докторантуры и диплом практической работы в сфере международных отношений. К ИНАЛКО прикреплен также Центр изучения Китая (Centre d'Etudes Chinoises), занимающийся новым временем и современностью.

Вторым большим центром является китайская секция института «Восточной Азии» Парижского университета III («Asie Orientale» de l'Université de Paris III). 24 преподавателя (в том числе четыре профессора)

обеспечивают почти 500 студентам возможность учиться вплоть до первого цикла докторантуры.

Остальные университеты обладают более скромными возможностями. Девять преподавателей (два профессора) и около 100 студентов синологии плюс созданный в 1992 г. Центр исследований Дальнего Востока (Centre de recherche sur l'Extrême–Orient) в Бордо III; 60 студентов и посвященный почти исключительно социально-экономической истории Шанхая XIX–XX вв. Центр исследований современного Дальнего Востока (Centre de Recherche sur l'Extrême-Orient contemporain) в Лион III; пять преподавателей (один профессор) китайской секции и две ассоциированные исследовательские группы: китайская философия и современный Дальний Восток в Университете Экс-ан-Прованс; китайское отделение с четырьмя преподавателями и почти 100 студентами в Секции восточных и славянских языков и цивилизаций (Section des langues et civilisations orientales et slaves) в Университете Ниццы; а также разного уровня курсы языка и отдельных предметов в Париж VIII и X, Лилль III, Тулуза II и некоторых других университетах — все это говорит о богатстве выбора для молодых людей, интересующихся Китаем. Конечно, имеются проблемы и недостатки: наблюдается острая нехватка преподавателей и средств на их привлечение, хромает координация деятельности разных университетов, а также последних, с одной стороны, и лицеев — с другой, значительны различия в уровне преподавания и подготовки студентов, и все же в целом можно сказать, что в данной области Франция по-прежнему занимает ведущие позиции в Европе: Китай и китайский изучают практически повсюду, в итоге в той или иной степени им овладели более 150 000 человек, свыше 10 000 студентов получили дипломы высшей школы, в том числе около 300 защитили докторские (кандидатские) диссертации.

Следует иметь в виду, что параллельно с занятиями в своей Alma Mater студенты, проживающие в Париже, имеют возможность повышать уровень своих знаний на семинарах, организуемых в Collége de France, Ecole pratique des Hautes Etudes, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, и одновременно получать там первые навыки исследовательской работы. В названные учреждения, а также на синологические кафедры Париж III и VII, довольно тесно связанные с CNRS, нередко приглашаются иностранные ученые (также из России).

В отличие от Германии, синологические исследования во Франции не сконцентрированы в университетах. Они ведутся в названных выше промежуточных организациях: Париж III и VII, EPHE и EHESS, однако главным образом в Национальном центре научных исследований — CNRS, где работают около сорока китаеведов. К сожалению, кризис, который в 70-е годы поразил немецкое востоковедение, в 90-е ударил по француз-

скому. В 1991 г. в результате реорганизации CNRS резко сократились исследования в области гуманитарных наук вообще. Что же касается ориенталистики, то 18 февраля была ликвидирована секция «Восточные языки и цивилизация» (Langues et civilisations orientales), насчитывавшая тогда 31 исследовательскую группу (formations de recherche), в сравнении с приблизительно 20 в 1967–1968 гг., в том числе по литературе и истории Китая (заведующий — M. Cartier), манускриптам Дуньхуана (J.-P. Drege), языку и культуре Тибета (A. M. Blondeau). Сотрудники секции в основном не потеряли работы, но были рассеяны по другим подразделениям, что, естественно, заметно снизило эффективность их труда. Востоковеды расценили эти изменения как прямую угрозу существованию их науки и предприняли ряд шагов, направленных на ее спасение. В частности, при поддержке «Азиатского общества» 10 января 1992 г. состоялся коллоквиум «За новую политику в отношении ориенталистики» (Pour une nouvelle politique de l'orientalisme), а в 1993 г. была выпущена «Livre blanc de l'orientalisme français», где была дана резко отрицательная оценка неуважительному отношению к разностороннему изучению Востока и указана необходимость понимания взаимосвязи прошлого и настоящего народов Азии и Африки, их традиций и современности, а также разных дисциплин, составляющих востоковедение. Энергичные усилия принесли первые плоды — 6 января 1992 г. решением генерального директора CNRS был образован «Комитет востоковедения» (Comité des Orientalismes) из 18 членов во главе с китаеведом П.-Э. Виллем (Pierre-Etienne Will), профессором Коллеж де Франс. К сожалению, Комитет наделен весьма ограниченными полномочиями. Его задача сводится лишь к выработке советов и рекомендаций, поэтому положение французской ориенталистики пока остается тревожным.

Однако французское китаеведение продолжает существовать. В рамках секции «Общественные науки» (Sciences Sociales: Anthropologie, Ethnologie, Sociologie) CNRS действуют: Центр антропологии Южного Китая и Индокитая (J. Lemoine), Междисциплинарная группа по изучению современного Китая (Equipe de recherche interdisciplinaire sur la Chine contemporaine — L. Bianco, Th. Pairault) и некоторые другие подразделения, находящиеся как в Париже, так и вне его (например, Институт Восточной Азии — Institut d'Asie orientale, созданный в январе 1993 г. в Лионе).

Указанным исследованиям и обучению студентов способствуют восточные фонды многочисленных библиотек в Париже и на периферии, коллекции музеев: Лувра, Гимэ (Musée National des Arts Asiatiques — Guimet) и Чернуски (Musée Cernuschi). Директором последнего в 1952–1982 гг., а затем директором Гимэ и почетным генеральным директором французских музеев был известный китаевед, выходец из знаменитой семьи русских

купцов Вадим Елисеев («Selected Chinese Antiquities», 1949; «Trésors d'Arts chinois. Récentes découvertes archéologiques de la République Populaire de Chine», 1973; «Bronzes archaïques chinois au Musée Cernuschi», 1977; «La Civilisation chinoise classique», 1978 в соавторстве с Danielle Elisseeff, его супругой, тоже синологом), сын крупного китаиста и японоведа Сергея Григорьевича Елисеева (1889–?). Сменила его на этом посту китаевед М.-Т. Бобо (Marie-Thérèse Bobot, «L'art chinois», 1973; «Musée Cernuschi. Promenade dans les collections chinoises», 1983; «Musée Cernuschi. Collection des peintures et calligraphies chinoises contemporaines», 1985; см. также «L'encre des lettrés de T'aiwan», 1986; «Chine connue & inconnue», 1993). Отметим попутно, что В. Елисеев, ребенком вывезенный отцом из России, не потерял чувства связи с родиной, приезжал в СССР, старался познакомить французов с русским искусством. Благодаря прежде всего его личным усилиям в музее Чернуски в конце 1988 — начале 1989 г. состоялась в ознаменование тысячелетия крещения Руси прекрасная выставка икон — см. «Hommage au Millénaire du Baptême de la Russie. Icônes et Merveilles. Mille and de tradition chrétienne». Музеи имеют свои издания, в частности Гимэ и Чернуски выпускают «Arts Asiatiques. Annales du musée Guimet et du musée Cernuschi».

В заключение обзора французской синологии назовем еще нескольких ученых, чьи интересы лежат, пусть и не исключительно, в области изучения Древнего Китая: Э. Балаш (Etienne Balazs, 1905–1964), венгр по происхождению, ученик Отто Франке, с 1923 г. учившийся и работавший в Германии, а с 1935 г. — во Франции, где и написал большинство работ — «Chinese Civilization and Bureaucracy», 1964; «Histoire et institutions de la Chine ancienne...», 1967 (в соавторстве с H. Maspero); «La bureaucratie céleste», 1968; специалист по древнекитайской литературе Ж. П. Дьени (Jean Pierre Dieny, 1927–?) — «Hsiao T'ung. Les dix-neuf poèmes anciens», 1963, «Aux origines de la poésie classique en Chine», 1968; лингвист и этнолог, крупный знаток языков ДВ и ЮВА А. Одрикур (André George Henri Haudricourt, 1911–?) — «La notation des langues, phonétique et phonologie», 1967 (в соавторстве с J. M. C. Thomas); литературовед и библиограф И. Эрвуэ (Ives Hervouet, 1921–?) — «Catalogue des monographies locales chinoises dans les bibliothèques d'Europe», 1957; «Un poète de cour sous les Han: Sseu-ma Siang-jou», 1964; «Le Chapitre 117 du Che Ki», 1972; один из самых выдающихся специалистов по даосизму, уроженец Вены М. Кальтенмарк (Max Kaltenmark, 1910–?) — «Liu Hsiang. Le Lie-sien tchouan», 1953; «Deux philosophes chinois. Siun Tseu et Tchouang Tseu», 1959; «Lao Tseu et taoisme», 1965; «La philosophie chinoise», 1972; сотрудница музея Гимэ, искусствовед М. Пиразцоли-Черстевен (Michèle Pirazzoli-T'Serstevens) — «La civilisation du Royaume de Dian à l'époque Han»,

1973; лингвист, русский по происхождению, но уроженец Франции Алексей Николаевич Рыгалов (Alexis Rygaloff, 1922–?) — «Confucius», 1946; «Grammaire élémentaire du chinois», 1973; историк-законовед Л. Вандермерш (Leon Vandermeersch) — «La formation du légisme», 1965; историк общественной мысли в Китае, ученица П. Пеллио, Н. Вандье-Николя (Nicole Vandier-Nicolas) — «Art et sagesse en Chine: Mi Fou (1054–1107)», 1963; «Le taoisme», 1965; специалист по даосизму, голландец К. Шиппер (Kristofer Schipper) — «Concordance du Pao-P'ou-tseu wai-pien», 1969; «Le Fen-Teng: Ritual taoiste», 1975.

Французские китаеведы могут публиковаться в издаваемом в Лейдене совместно с голландскими китаеведами (с 1890 г.) журнале «T'oung Pao», в ежегодниках «Revue bibliographique de sinologie» (с 1956 г.) и «Cahiers d'Extrême-Asie» (с 1985 г.), а также в двугодичниках «Etudes chinoises» (с 1983) и «Extrême-Orient — Extrême-Occident» (с 1982 г.). Кроме того, синологам предоставляют свои страницы: «Journal Asiatique» (1822), «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrê-Orient» (1901) и «Arts Asiatiques. Annales du Musée Guimet et du Musée Cernuschi» (1920). Помимо них, некоторые университеты имеют свои печатные органы, например, INALCO — «Cahiers d'études chinoises», Rennes II — «Asie-Extrême» и т. п. Наконец, им доступны и журналы самого общего характера, например, «Journal des Savants» (1665).

§ 7. Великобритания

История английской синологии имеет свои особенности. Она возникла позже, чем на континенте, и не прошла через миссионерский этап, что связано со слабостью католицизма в стране. В XVII–XVIII вв., после установления англо-китайских межгосударственных контактов, когда необходимость серьезного изучения Китая стала очевидной, овладение языком или коллекционирование книг и вещей (вспомним «шинуазри») тем не менее носили прикладной и любительский характер. Появление в Лондоне в 1669 г. книги Дж. Уэбба (John Webb) «A Historical Essay Endeavouring a Probability that the Language of the Empire of China Is the Primitive Language», переизданной в 1678 г., которую можно считать первой ласточкой, знаменующей возникновение в Англии научной синологии, было лишь отдельным эпизодом и не вызвало никаких заметных последствий. Лучшее доказательство этого — отсутствие в стране, столетие спустя, переводчиков для миссии Макартнея (1792–1793 гг.), поэтому действительными пионерами следует считать Стаунтона и Моррисона. Однако прежде чем рассмотреть их творчество, необходимо отметить еще одну

особенность раннего этапа британской синологии — он в значительной мере формировался не в Англии или Китае, а в Индии. Эта страна, служа базой английской колониальной экспансии в ЮВА и на Дальнем Востоке, одновременно являлась центром учебно-практической и научной деятельности. Ее английские власти готовили кадры для колониальной администрации, дипломатической службы, коммерции и т. д. и, в частности, стимулировали изучение Китая. Здесь работал крупный юрист и востоковед (в какой-то мере и китаевед) У. Джонс (Sir William Jones, 1746–1794), в Калькутте же было организовано в 1784 г. первое востоковедческое научное общество — Asiatic Society of Bengal. Первый полный перевод Библии на китайский, выполненный Маршмэном, был опубликован тоже в Индии в 1822 г. Там же многие годы (1840–1862) провел Х. Юль (Henry Yule, 1820–1889), автор упоминавшегося выше произведения «Cathay and the Way Thither» (1866) и перевода Марко Поло «The Book of Ser Marco Polo» (1870), выдержавшего много изданий. Подобных примеров можно было бы привести больше.

Вернемся теперь к названным двум ученым.

Карьера Д. Стаунтона (Sir George Thomas Staunton, 1781–1859) началась очень рано, когда он в 11-летнем возрасте вместе с отцом сопровождал лорда Макартнея и учился у двух китайцев-студентов из Коллегии М. Рипы в Неаполе, став единственным некитайским членом посольства, знавшим этот язык. С 1798 г. он работал в Ост-Индской компании в Кантоне и в 1816 г. занял пост главы фактории. В этом же году он получил назначение в посольство Амхерста, а затем вернулся в Англию. В 1823 г. вместе с известным индологом Х. Колбруком (Henry Thomas Colebrook, 1765–1837) основал «Royal Asiatic Society», передав ему в дар около 3000 китайских книг. Его перу принадлежит ряд работ по британо-китайским отношениям (например, «Miscellaneous Notices Relating to China and Our Commercial Intercourse With that Country», 1822), перевод цинского свода законов «Ta Tsing Leu Lee... The Penal Code of China» (1810), а на китайский — трактата о вакцинации, т. е. в основном труды прикладного характера.

Как было отмечено, английская синология не прошла через «миссионерский этап», однако это не означает, что в Китае посланцы Великобритании не занимались пропагандой своего вероисповедания. Первым, не очень удачливым (10 обращенных за 25 лет) распространителем протестантизма был Р. Моррисон (Robert Morrison, 1782–1834). Кроме латыни, греческого и иврита, он выучил немного китайский еще до поездки в Срединную империю, куда направился в 1807 г. В 1809 г. он стал переводчиком Ост-Индской компании, что помогло ему в дальнейших научных изысканиях: в 1812 г. он написал грамматику, а в 1814 — словари китайского

и кантонского языков. В 1816 г. Моррисон принял участие в посольстве Амхерста, в 1823 г. на два года вернулся в Англию, чтобы затем остаток жизни прожить в Китае. В 1818 г. он основал Anglo-Chinese College в Малакке (в 1843 г. переведен в Гонконг) — единственный протестантский колледж к востоку от Ганга. Моррисон не только дал деньги на его организацию, но и финансировал в течение пяти лет. Одним из студентов колледжа был его сын John Robert Morrison (1814–1843), родившийся и умерший в Макао, тоже китаевед. Колледж располагал собственным издательством, где, в частности, в 1831 г. была напечатана книга Премара «Notitia Linguae Sinicae».

К раннему этапу относится также деятельность переводчиков Библии на китайский и составителей пособий (словарей, грамматик) для этой работы. Первыми среди них были уже упоминавшийся Дж. Маршмэн (Joshua Marshman, 1768–1837), У. Мэдхерст (Walter Henry Medhurst, 1796–1857), автор почти ста работ на китайском, малайском и английском языках, его сын (1823–1876), носивший те же имена, отец и сын Майлн (William Milne, 1785–1822, William Charles Milne, 1815–1863) и Дж. Стронак (John Stronach, 1810–1888), а также немец К. Гюцлафф (Karl Friedrich August Gützlaff, 1830–1851), писавший на нескольких языках (немецком, голландском, японском и тайском), а главным образом на английском, в том числе выпустивший одну из первых книг по истории Китая: «Sketch of Chinese History». Возникновение данной струи английской синологии было связано с началом деятельности в Китае в 1807 г. Лондонского миссионерского общества (London Missionary Society), посланцами которого являлись Р. Моррисон, У. Майлн и др. В отличие от францисканцев и иезуитов, довольствовавшихся переводами фрагментов Священного Писания, протестантские священники, появившиеся на китайской арене с опозданием на несколько веков, значительно менее удачливые распространители веры, чем их католические предшественники, взялись за перевод всей Библии, т. е. Ветхого и Нового Заветов. В 1822 г. Маршмэн, трудившийся в Серампоре (Индия), с помощью армянина, родившегося в Макао, опубликовал там свой вариант, результат 16-летних усилий, а в 1874 г. в Китае появился перевод Моррисона и Майлна, выполненный ими в 1813–1819 гг. Несколько позднее, в 1856 г., Мэдхерст-отец и Стронак выпустили первый перевод на языке, близком к разговорному. Это были крупные достижения английских китаеведов-священников.

Указанная работа, кроме прикладного значения, имела еще один очень важный аспект — она привела к появлению в миссионерской среде группы крупных исследователей-переводчиков, обладавших познаниями в области истории, филологии и культуры Китая, которых можно назвать со-

здателями классической английской синологии. Их имена хорошо известны китаеведам всего мира: Дж. Легг (James Legge, 1814–1897), А. Уайли (Alexander Wylie, 1815–1887), Т. Уэйд (Thomas Francies Wade, 1818–1895), Х. Джайлс (Herbert Allen Giles, 1845–1935; его сыновья Бертрам и Ланцелот работали в Китае на дипломатическом поприще, а Лайонел был хранителем восточных книг и манускриптов в Британском музее).

В организационном плане Дж. Легг с 1839 по 1873 гг. был связан с Англо-китайским колледжем, долгое время в качестве его директора, а после возвращения в Англию (1873) стал первым профессором кафедры синологии Оксфордского университета, созданной в 1876 г. Он был плодовитым автором, но особую славу приобрел благодаря многочисленным, до сих пор непревзойденным, хотя и несколько устаревшим, переводам канонических книг, основного источника наших знаний о древней истории и культуре Китая: «The Chinese Classics», т. 1–8, Hongkong, 1861–1872 (перепечатывавшиеся затем несколько раз, в том числе в 1882–1885 гг. в серии «The Sacred Books of the East» т. 3, 16, 27–28, 39–40 и в 1966 г. по решению ЮНЕСКО); «The Texts of Taoism», 1891; «The Four Books. Confucian Analects, The Great Learning, The Doctrine of the Mean and The Work of Mencius», Shanghai, / S. A. /. В подготовке этих изданий ему помогал ученый и политик Ван Тао (1828–1897), внеся тем самым китайский элемент в становление английской школы китаеведения.

Крупный знаток китайской литературы А. Уайли в 1847 г. прибыл в Шанхай, где занимался изданием Библии на китайском и изучением разных языков, включая монгольский, маньчжурский и русский, а также совершенствовался в китайском, который самостоятельно выучил в Англии. В его научном наследии много статей, переводов математических трактатов, исследование несторианской стелы, а главное — «Notes on Chinese Literature», Шанхай, 1867 («New Edition» — 1902), энциклопедическое произведение, весьма полезное до сих пор, особенно для историков, т. к. почти 90% текста отведено каноническим, историческим и философским работам и лишь 12% — художественной литературе.

В отличие от миссионеров Легга и Уайли, Т. Уэйд был военным, участником первой «опиумной» войны, а затем дипломатом, игравшим немаловажную роль в отношениях Англии с Китаем — именно он вместе с Ли Хун-чжаном подписал в Чифу (Чжифу = Яньтай) 13 сентября 1876 г. конвенцию, завершившую «дело Маргари» (убийство в Юньнани 21 февраля 1875 г. консульского чиновника А. Маргари) и обеспечившую иностранцам ряд новых привилегий. Вернувшись в Англию, Уэйд стал в 1888 г. первым профессором синологии в Кембридже, обогатив его библиотеку ценной коллекцией китайских книг. В 1867 г. он выпустил «Цзы-эр цзи» («Начальное собрание»; переиздания: 1886, 1913) — лучшее для своего

времени введение в «mandarin», общекитайский разговорный язык. В «Syllabary» (английское название «Собрания») была, в частности, разработана система романизации, которая с доработками Джайлса используется в англоязычных публикациях и поныне.

Как и его коллеги, Х. Джайлс провел многие годы (1867–1891) на дипломатической службе в Китае, что позволило ему хорошо ознакомиться со страной и ее языком. После возвращения, в 1897 г., он занял вакантное, в связи с кончиной Т. Уэйда, профессорское кресло в Кембриджском университете. Основной областью его исследовательской работы являлась китайская литература («Gems of Chinese Literature», «Chinese Poetry in English Verse», «History of Chinese Literature»), хотя и история также была предметом его интереса («Historic China», «The Civilization of China», «Religions of Ancient China»). Однако славу ему принесли «Chinese Biographical Dictionary» (1898) и в еще большей степени крупнейший его труд «Chinese-English Dictionary» (второе издание — 1912), для своего времени лучший и самый объемистый словарь, послуживший многим поколениям китаеведов мира. На его основе в сочетании со словарями Куврера и Палладия создал свой «Полный китайско-русский словарь» (Пекин, 1909) епископ Иннокентий.

Как явствует из сказанного, в XIX в. параллельно с исследовательской работой крупных ученых шел процесс оформления системы обучения китаеведов. В 1818 г. открылся колледж в Малакке, в 1825 г. Моррисон организовал изучение китайского в Лондоне, в 1837 г. С. Кидд (Samuel Kidd, 1799–1843), профессор (1827–1832) и директор (1828–1832) Малаккского колледжа, автор общего труда по древней культуре Китая «China, or Illustrations of the Symbols, Philosophy... of the Chinese» (L., 1841), был назначен профессором китайского языка и литературы в Университетском колледже (University College, University of London), в 1847 г. преподавание китайского введено и в Кингс-колледже (King's College) того же университета. Сначала его вел Д. Фирон (D. R. Fearon), а с 1853 г. — Дж. Саммерс (James Summers, ок. 1830), до этого работавший в Гонконге.

Эти первые шаги имели прежде всего прикладной характер и не закладывали прочного фундамента для научных исследований. В какой-то мере лакуну заполнили создававшиеся в это время научные общества: 1823 г. — Королевское азиатское общество в Лондоне (Royal Asiatic Society, RAS), призванное изучать историю, культуру, языки и искусство народов Азии, издающее «Journal of the Royal Asiatic Society» (с 1834 г.) и серию монографий и располагающее довольно крупной библиотекой и рукописным фондом; 1847 г. — его отделение в Гонконге (China Branch of the RAS), к 1859 г. выпустившее шесть томов своих «Transactions», затем прекратившее работу и возродившееся лишь в 1959 г. под названием Гонконгское

отделение (Hongkong Branch of the RAS; «Journal of the HK Branch of the RAS» с 1961 г.); 1857 г. — в Шанхае Северокитайское отделение RAS (North China Branch of the RAS). Данный процесс продолжался и на рубеже XIX–XX вв.: в 1889 г. в Лондоне возникла Китайская ассоциация (The China Association), в 1904 г. организовавшая в Кингс-колледже специальную школу китайского языка, благодаря чему там одновременно существовали две кафедры, где преподавался древний и современный китайский язык, возглавляемые бывшими дипломатами Р. К. Дугласом (Robert Kennaway Douglas, 1858–1913) — «The Languages and Literature of China» (1875), «Confucianism and Taoism» (1877), «Society in China» (1894), «Europe and the Far East» (1904), и У. К. Хильером (Walter Caine Hillier, 1849–1927) — «The Chinese Language and how to learn it» (1907), «An English-Chinese Dictionary» (1910); в 1901 г. в Лондоне было создано Королевское общество Центральной Азии (Royal Central Asian Society, ныне — Royal Society for Asian Affairs) для изучения современной жизни, культуры и политики стран Среднего и Дальнего Востока и Центральной Азии, с 1914 г. издающее свой «Journal of the R. C. A. S.» («Journal of the R. S. A. A.»); а в 1906 г. образовано Китайское общество (China Society), чтобы способствовать изучению языка, истории, литературы, науки, искусства, фольклора и развитию интереса к прошлому и настоящему китайского народа.

Несмотря на возникновение и развитие разнообразных форм синологической деятельности и достижения ученых мирового масштаба Легга, Джайлса и Уайли, английское китаеведение отставало от французского и немецкого и не могло удовлетворить конкретных потребностей, если учесть, сколь важную роль играла в то время Великобритания в судьбе Китая. Даже в знаменитых Оксфордском и Кембриджском университетах количество занятий и число студентов были крайне ограниченны. Все это привело к тому, что состоянием британского китаеведения и востоковедения в целом заинтересовалось правительство и в 1907 г. был образован специальный комитет для анализа ситуации и выработки рекомендаций для ее улучшения.

Результаты этого шага сказались не сразу и, видимо, не в ожидаемой степени, чему, среди прочего, помешала и Первая мировая война. После продолжительной подготовительной работы в 1917 г. при Лондонском университете возникла Школа востоковедения (с 1938 г. Школа востоковедения и африканистики — School of Oriental and African Studies; ШВА) в качестве центра по подготовке практических работников, но с упором и на исследовательскую деятельность. При Школе были созданы довольно большая библиотека и собственный «Bulletin of the School of Oriental and African Studies» (с 1917 г.), который наряду с «Journal of the RAS»

стал одним из главных печатных органов английских китаеведов. Общее положение синологии (и ориенталистики) не претерпело, однако, коренного изменения — период между двумя войнами можно, пожалуй, считать неблагоприятным временем с точки зрения выполнения (точнее — невыполнения) правительственных обещаний в области финансирования, небольшого количества студентов-китаеведов и состояния науки в целом.

Вместе с тем имелись и положительные сдвиги. В 1930 г. было принято решение использовать часть средств, поступающих от контрибуции, выплачиваемой Китаем после боксерского восстания, на финансирование кафедр синологии Оксфордского, Кембриджского и Лондонского университетов, создание доцентуры в Манчестерском университете, и с 1932 г. — кафедры китайской археологии и искусства в Институте искусств Кортольда (Courtauld Institute of Art) Лондонского университета. Последнюю возглавил специалист по ранней истории Китая У. П. Йетс (Walter Perceval Yetts, «The George Eumerfopoulos Collection: Catalogue of the Chinese and Korean Bronzes, Sculpture, Jade, Jewellery and Miscellaneous Objects», vol. 1–3, 1929–1932; «The Cull Chinese Bronzes», 1939, «An-yang, a Retrospect», 1942). Вообще же иследования в области искусства и археологии были той струей английской синологии, которая благополучно развивалась в междувоенные годы. В Школе востоковедения ими занимался знаток китайского искусства, создатель крупнейшией (около 1200 предметов) за пределами Китая коллекции керамики и фарфора IX–XVII вв. П. Дэвид (lord Percival Victor David, 1892–?), передавший ее в 1950 г. Школе вместе с собранием книг по культуре и искусству Китая. Этим было положено начало Фонду-музею (Persival David Foundation of Chinese Art), где студенты специализируются по искусству и археологии Китая. Научные публикации Дэвида сводятся к небольшому числу статей.

Особо следует сказать об А. Уэйли (Arthur David Waley, 1889–1966), которого по праву считают последним классиком британской синологии. Окончив Кембриджский университет (магистр искусств), он работал сначала в Британском музее (1912–1930), а затем в Школе востоковедения, став крупным специалистом по истории культуры Китая и Японии, переводчиком с этих двух языков, исследователем китайской литературной классики, за что получил ряд правительственных наград, а также древней философии и истории: «A One Hundred and Seventy Chinese Poems» (1918, 1939, 1962), «'The Temple' and Other Poems...» (1923), «Li Chih-ch'ang. The Travels of an Alchemist...» (1931), «Lao-tzu. The Way and Its Power...» (1934, 1958), «The Book of Songs», vol. 1–2 (1937), «The Analects of Confucius» (1938, 1956), «Three Ways of Thought in Ancient China» (1939, 1946, 1956, in German 1947, in French 1949), «The Real Tripitaka...» (1951, 1952), «Ch'ü Yüan (ca 343-ca 277 B. C.). The Nine Songs...» (1955, in German

1957), «An Introduction to the Study of Chinese Painting» (1923, 1958), «Ballads and Stories from Tun-huang. An Anthology» (1960), не считая многочисленных (порядка 200) статей.

Определенную положительную роль в развитии британской синологии довоенного периода сыграли немецкие иммигранты (см. раздел о Германии), которые привезли с собой континентальные традиции, достижения и навыки и активно включались в научную жизнь Великобритании (например, Г. Хэлоун в 1938 г. возглавил кафедру в Кембридже). Завершающим аккордом стало создание в Оксфорде в 1939 г. по инициативе Э. Хьюджеса (Ernest Richard Hughes, 1883–1956) Особой школы китаеведения (Honour School of Chinese Studies) для повышенной подготовки студентов.

На протяжении всего времени существования английской синологии важную роль в ней играл основанный в 1753 и открытый в 1759 г. Британский музей. Располагая уникальными коллекциями восточных древностей и большой библиотекой, БМ был и продолжает оставаться крупным научным и методическим центром для разных отраслей наук. В китайском фонде библиотеки хранятся собрания Р. Моррисона, Ю. Клапрота, Дуньхуанские материалы А. Стейна (Sir Aurel Stein, 1862–1943; третий великий путешественник по Центральной Азии, после китайца Сюаньцзана, 602–664 гг., и венецианца Марко Поло и один из первых и самых упорных европейцев, изучавших этот район археологически: «Sand-buried Ruins of Khotan», «Ancient Khotan», «Ruins of Desert Cathay», «On Ancient Central-Asian Tracks»), включающие ценные рукописи и печатные издания, и ряд других. В нем представлены также книги, журналы и газеты, издающиеся в Китае на протяжении XX века. БМ — это, бесспорно, одно из ведущих мировых хранилищ исторических и культурных ценностей Китая.

Вторая мировая война, которая для Англии проходила не только в Европе, но и на просторах от Северной Африки до Тихого океана (Великобритания объявила войну Японии на следующий день после Перл-Харбора), со всей наглядностью показала необходимость изучения Востока как основы для выработки новой политики Лондона в изменившихся в ходе войны и в ее результате условиях. Китай, в отличие от Японии, оказавшейся под американской оккупацией и тем самым как бы закрытой для Англии, занимал здесь особое место не только по старой традиции, но и в связи с продолжавшимся конфликтом между Гоминьданом и КПК, закончившимся победой последней. Поэтому во время войны было организовано широкомасштабное обучение переводчиков (прежде всего китаистов и японистов) для нужд армии и дипломатии, а востоковедческие центры включались в подготовку и переводы разного рода документов и справок,

цензорский надзор, работу с военнопленными, разведывательную деятельность и т. п. Конечно, это были потребности особого рода и сиюминутные, однако они влияли на общее настроение умов, особенно людей, обладавших властью принимать решения. Кроме того, они вскрыли слабые места английского востоковедения и его недоразвитость в целом. Для исправления такого положения в декабре 1944 г. Министерство иностранных дел создало «Междепартаментскую комиссию по изучению востоковедения, славяноведения, восточноевроповедения и африканистики», для анализа положения в перечисленных дисциплинах и выработки мероприятий по улучшению их состояния и повышению уровня. В 1947 г. она опубликовала «Foreign Office. Report of the Interdepartmental Commission of Enquiry on Oriental, Slavonic, East European and African Studies» (подготовлен весной 1946 г.), из которого, в частности, следовало, что китаеведческие центры страны работают в отрыве друг от друга, количество студентов и аспирантов невелико, научная деятельность ограничена по тематике и объему, а важные вопросы современности вообще не затрагиваются. Из данного анализа вытекали рекомендации по расширению изучения живого разговорного языка, социальных, политических и экономических, а также, подчеркнем, исторических проблем, повышению профессионального уровня и увеличению количества профессорско-преподавательского состава, существенному улучшению распространения знаний о Востоке. Теоретические советы были подкреплены финансовыми вливаниями в течение последующих десяти лет на развитие ориенталистики и научные поездки за границу. При этом было решено укрепить востоковедение в шести основных университетах: Кембриджском, Оксфордском, Лондонском, Манчестерском (University of Manchester, основан в 1880 г., не имеет специализации по синологии, но его библиотека — John Rylands University Library of Manchester — обладает коллекцией китайских книг), Даремском (University of Durham, 1832, Department of Oriental Studies создан в 1948 г., при нем существует кафедра китайского языка и культуры, а в подчиненном ему Gulbenkian Museum of Oriental Art and Archaeology, 1960 г. — собрание китайской керамики и изделий из яшмы) и Эдинбургском (University of Edinburgh, 1583, востоковедение в составе факультета гуманитарных наук — с 1642 г., имеется кафедра китайского языка и богатая библиотека с большой коллекцией китайских книг; ЭУ — главный востоковедческий центр Шотландии и место пребывания Scottish Association of Asian Studies, 1974).

Принятые меры дали определенные результаты, выразившиеся в оживлении и подъеме английской синологии. Ведущая роль принадлежала Кембриджу, благодаря, среди прочего, возвращению в него в 1946 г. из

Китая, где он в 1942–1946 гг. возглавлял Британскую научную миссию, Джозефа Нидэма (Joseph Needham, 1900–?), крупнейшего в мире знатока истории китайской науки (Chinese Science, 1945; Science and Society in Ancient China, 1947; The Development of Iron and Steel Technology in China, 1958, 1964; The Grand Titration, 1969, 1972; Clerks and Craftsmen in China and the West, 1970), действительного члена Королевского общества (The Royal Society of London) и Британской академии наук (British Academy), а также иностранного члена Чжунъян яньцзююаня (Academia Sinica). Вместе с китайским математиком Ван Лином и группой сотрудников он осуществил самый масштабный научный проект XX в. в области синологии — издание огромного труда «Science and Civilization in China» (vol. 1–5, 1954–1976), в котором отражена полная история развития всех научных дисциплин и множество других проблем Китая.

В этом же университете историю стран Дальнего Востока вел В. Парселл (Victor William Purcell, 1896–1964), бывший сотрудник английской колониальной администрации и консультант ООН, специалист по ЮВА и китайской эмиграции: The Spirit of Chines Poetry, 1929; Problems of Chinese Education, 1936; The Chinese in Malaya, 1948; The Colonial Period in Southeast Asia, 1953; The Boxer Uprising, 1963.

В достижения послевоенных лет свою лепту внесли также иммигранты и иностранные ученые. Уместно напомнить Г. Халоуна, с 1938 г. и до своей смерти возглавлявшего кафедру китаеведения в Кембридже, Б. Шиндлера, в 1943 г. возобновившего в Лондоне издание «Asia Major», и У. Саймона, проработавшего в Школе востоковедения и африканистики почти четверть века (1936–1960 гг.), в том числе последние десять лет в качестве заведующего отделением языков и культур Дальнего Востока. В 1951 г. к ним присоединился Чжэн Дэ-кунь (1907–?), археолог и знаток китайского искусства, автор четырехтомного труда «Archaeology in China» (1959–1966), а также «A History of Ancient Szechwan» (1946), «Archaeological Studies in Szechwan» (1957, 1967), «The Study of Ceramic Wares in South-East Asia» (1972), преподаватель и доцент Кембриджского университета; там же в 1953–1968 гг. трудился канадец Э. Пуллиблэнк (Edvin George Pulleyblank, 1922–?), в 1954 г. занявший освободившееся после смерти Халоуна место заведующего кафедрой истории, специалист по источниковедению и историографии Китая: «The Background of the Rebellion of An Lu-shan» (1955), «Historians of China and Japan» (1960, эдитор совместно с японистом W. G. Beasley); в Кембридже работал и голландский ученый П. ван дер Лун (Piet van der Loon, 1920–?), известный прежде всего в качестве одного из инициаторов ежегодных международных встреч молодых китаеведов (с 1948 г.; после 1973 г. они превратились в конгрессы

European Association of Chinese Studies, созываемые каждые два года) и организатор и первый главный редактор (1955–1961) международного библиографического журнала «Revue Bibliographique de Sinologie».

В Оксфорде в 1947–1960 гг. профессором являлся бывший миссионер (1918–1924 гг. в Хунани) американец Г. Дабс (Homer Dubs, 1892–?), крупный специалист по древней истории и философии Китая и переводчик ранних текстов: «Hsüntze, the Moulder of Ancient Confucianism» (1927), «The Works of Hsüntze» (1928), «Pan Ku. The History of the Former Han Dynasty» (vol. 1–3, 1938–1955), «A Roman City in Ancient China» (1957); а в 1948–1952 гг. известный американский лингвист У. Добсон (William Arthur Charles Dobson, 1913–?): «A Selected List of Books on the Civilizations of the Orient» (1955), «Late Archaic Chinese» (1959), «Early Archaic Chinese» (1962), «Late Han Chinese» (1964) — последние три работы оцениваются в качестве наиболее значимых филологических трудов, посвященных древнекитайскому языку после упоминавшейся выше грамматики Габеленца.

Несмотря на несомненные успехи британской синологии послевоенных лет, а к сказанному выше следует еще добавить возросшую активность ученых, работавших в Гонконге, в частности Э. Керби (Edward Kirby, 1909–?), преподавателя ШВА (1946–1948), профессора Гонконгского университета (1948–1965), редактора журнала «Contemporary China»: «Introduction to the Economic History of China» (1954), она в целом все же не соответствовала изменившейся международной обстановке, потребностям правящих кругов, возросшему интересу британцев к Китаю (прежде всего к современной проблематике). В связи с этим в третий раз на протяжении XX в. ориенталистика, а вкупе с нею африканистика и изучение Восточной Европы, подверглись критическому анализу — в 1961 г. для этой цели была образована подкомиссия во главе с сэром У. Хэйтером (William Hayter). В своем отчете (University Grants Committee. Report of the sub-committee on Oriental, Slavonic, East-European and African Studies. L., 1961) она констатировала неудовлетворительное состояние названных дисциплин и предложила увеличить ассигнования на них, создать новые центры, главным образом для исследований по современности, привлечь иностранных специалистов, улучшить подготовку студентов, особенно в области восточных разговорных языков, и поменять приоритеты научной работы.

Некоторые рекомендации — об ориентации на современность, о создании новых центров и т. п. — вызвали протесты, например, специалиста по средневековой истории Китая, в то время (1960–1968) профессора ШВА Д. Твитчетта (Denis Crispin Twitchett, 1925–?) («Financial Administration under the T'ang Dynasty», 1963, 1970). Тем не менее намеченный

курс стал успешно претворяться в жизнь, чему способствовала и помощь, оказанная фондами Форда, Рокфеллера и Карнеги, — одно из проявлений наблюдавшегося в те годы сближения китаеведов двух стран. В частности, в 1963 г. китаеведение появилось в Лидском университете (University of Leeds), его возглавил крупный американский китаевед и монголист О. Латтимор (Owen Lattimore, 1900–?), бывший политический советник Чан Кай-ши (1941–1942), а затем одна из жертв маккартистских преследований, автор многочисленных высокоценимых трудов: «The Desert Road to Turkestan» (1929), «Manchuria, Cradle of Conflict» (1932), «Inner Asian Frontiers of China (1940), «Ordeal by Slander» (1950), «Pivot of Asia» (1950), «Nomads and Commissars» (1962), «History and Revolution in China» (1970). Кроме того, в ШВА и других университетах появились группы по изучению современного Китая, но с учетом его истории и культурной традиции. Попутно, особенно после 1965 г., были предприняты усилия по улучшению исследовательской базы: выделялись немалые средства (35 тыс. ф. ст. ежегодно) на приобретение журналов и книг, развернулась работа по составлению каталогов, изданию документов и т. п. Руководили этими мероприятиями библиотека Британского музея и созданная в 1969 г. Китайская библиотечная группа.

В конце 60-х — начале 70-х годов XX столетия в мире произошли изменения, создавшие новую обстановку, существующую и поныне. В их основании лежали крупные внутрикитайские и международные события и прежде всего открытие КНР и установление ею полных дипломатических отношений с ведущими капиталистическими странами: Канадой (13.10.1970), Италией (06.11.1970), Японией (29.09.1972), ФРГ (11.10.1972), Австралией (21.12.1972) и США (01.01.1979), которые в результате получили непосредственный доступ к Китаю. Для британской синологии это имело двойственный эффект: с одной стороны, существенно уменьшился ее удельный вес в мировой науке, ибо на первый план вышли китайские и американские ученые, а с другой — она получила новые возможности в виде командировок в КНР, участия в организуемых там конференциях и симпозиумах, притока в Англию большого количества современной печатной продукции, сотрудничества с АН и АОН КНР, ее высшими учебными заведениями и т. д. К сожалению, появившиеся в то же время финансовые проблемы не позволяют английским китаеведам в полную силу использовать указанные возможности.

Английская синология, будучи сосредоточенной в Лондонском, Кембриджском, Оксфордском и в меньшей степени — Лидском, Даремском, Эдинбургском и Сассекском (University of Sussex) университетах, прежде всего является вузовской. Однако свой вклад в ее развитие вносят и другие учреждения и организации: Британский музей (крупнейшая в Англии

коллекция восточных книг; археолог У. Уотсон, William Watson, 1917–?; «Flint Implements», 1956; «Archaeology in China», 1960, «China Before the Han Dynasty», 1961; «Ancient Chinese Bronzes», «Cultural Frontiers in Ancient East Asia», 1970); Британская академия; Королевское азиатское общество, членами которого были или являются уже упоминавшиеся О. Латтимор, П. ван дер Лун, Дж. Нидэм, У. Саймон, Э. Пуллиблэнк, Д. Твитчетт и У. Уотсон, а также профессор Кембриджского университета, историк древности (период Хань) *М. Лоуи* (Michael Loewe, 1922–?): «Military Operations in the Han Period» (1961), «Imperial China» (1966), «Records of Han Administration» (vol. 1–2, 1967), «Everyday Life in Early Imperial China» (1968, 1970, 1973), «Crisis and Conflict in Han China» (1974); *М. Мэдли* (Margaret Medley, 1918–?), историк искусства и культуры: «A Handbook of Chinese Art for Collectors and Students» (1964), «Yuan Porcelain and Stoneware» (1974); тибетолог Д. Снелгроув (David L. Snellgrove) и др.; Китайское общество («Occasional Papers», «Sociological Series»); Королевское общество Центральной Азии; созданное в 1965 г. Общество за англо-китайское взаимопонимание (Society for Anglo-Chinese Understanding, «China Now»); основанная в 1950 г. Британская ассоциация востоковедов (British Association of Orientalists, «Bulletin of the BAO»); Шотландская ассоциация азиатских исследований (Scottish Association of Asian Studies, 1974); Общество восточной керамики (Oriental Ceramic Society, 1921, «Transactions» и каталоги выставок); Общество восточной нумизматики (Oriental Numismatic Society, 1970, «Newsletter»); филологическое общество (Philological Society, 1842, «Transactions»); Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии (Royal Antropological Institute of Great Britain and Ireland, 1843, «Man. The Journal of the RAI», «Anthropological Index», «Rain», «Occasional Papers»); Англо-китайский просветительский институт (Anglo-Chinese Educational Institute, 1966, «Modern China»). Важной базой всей указанной научной, учебной и просветительской деятельности являются богатые библиотеки и музеи. Первые имеются во всех университетах, где существует специализация по Китаю (особенно крупные: ШВА, Кембридж, Оксфорд и Лидс), и во многих названных выше организациях; кроме них, внимания заслуживают: Британская библиотека (British Library, «The British Library Journal», «Annual Report») в Лондоне, образованная в 1973 г. путем слияния нескольких крупных библиотек (British Museum Library, National Central Library и др.); Библиотека по истории науки в Восточной Азии (East Asian History of Science Library) в Кембридже, Библиотека Индийского ведомства (India Office Library, 1801) в Лондоне, где хранится интересная коллекция тибетских книг, и некоторые другие. Что касается музеев, то, помимо Британского, можно назвать: Museum of Archaeology

and Ethnology, Fitzwilliam Museum, учебный синологический музей в Кембриджском университете, Музей Виктории и Альберта (Victoria and Albert Museum, 1851) в Лондоне и Художественную галерею леди Ливер (Lady Lever Art Gallery, 1922) в Порт Санлайт (Port Sunlight, Wirral); последние особенно интересны для исследователей китайской керамики. Китаеведением занимаются также английские учреждения за рубежом — в Гонконге и Сингапуре (British Institute in South-East Asia, 1976).

Заключая обзор английской синологии, упомянем еще несколько заслуживающих внимания имен ученых, связанных с изучением древнего Китая. Это — в алфавитном порядке — филолог-литературовед Р. Доусон (Raymond S. Dawson, 1923–?) — «The Chinese Chameleon» (1967, 1970, 1972), «An Introduction to Classical Chinese» (1968), «Imperial China» (1972); историк М. Элвин (Mark D. Elvin, 1938–?) — «The Pattern of the Chinese Past» (1973), «Cultural Atlas of China» (1983, в соавторстве с Caroline Blunden); филолог и философ А. Ч. Грээм (Angus Charles Graham, 1919–?) — «Two Chinese Philosophers. Ch'eng Ming-tao and Ch'eng Yi-ch'uan» (1958), «The Book of Lieh-tzu: A New Translation» (1961), «The Problem of Value» (1961), «Poems of the Late T'ang» (1965); литературовед Д. Хоукс (David Hawkes) — «Ch'u Tz'u: The Songs of the South» (1959); философ Д. Лау (D. C. Lau, 1921–?) — «Lao-Tzu. Tao Te Ching» (1964), и «"Mencius". The Book of Mencius» (1970); филолог, искусствовед, религиовед венгерского происхождения Л. Легеза (Laszlo Legeza, 1934–?) — «Tao Magic. The Secret Language of Diagrams and Calligraphy» (1975); профессор зоологии Кембриджского университета, по совместительству читающий там курс истории китайской музыки, крупный ее знаток, собиратель китайских народных песен и музыкальных инструментов Л. Пиккен (Laurence Ernest Picken, 1909–?) — статьи. К сожалению, приведенная библиография является неполной, ибо соответствующая информация поступает с большим опозданием (если вообще поступает).

Остается добавить, что английские китаеведы могут публиковаться во многих журналах: «Asia Major», «China Quarterly», «Oriental Art», «Arts and Sciences in China», «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», «Journal of Oriental Studies», «Central Asian Review», «Journal of the Royal Asiatic Society» и др.

§ 8. США

Американская синология, ныне бесспорно занимающая ведущее место в мировом китаеведении, стала складываться намного позднее, чем национальные школы в Европе. Это, естественно, связано с собственным

историческим развитием страны — наука не могла возникнуть раньше государства, провозгласившего свою независимость лишь в 1776 г., и только в XIX в., после приобретения в 1803 г. от Франции Луизианы (территория от Мексиканского залива до Канады; одноименный штат охватывает ее южную оконечность), а в 1846 г. от Англии — Северо-Запада (Айдахо, Орегон, Вашингтон) и завоевания у Мексики в 1845–1848 гг. Техаса, Аризоны и Калифорнии, вышедшего на противоположный Китаю берег Тихого океана. Правда, некоторые контакты имели место еще до указанных событий: первое американское торговое судно «Empress of China» появилось у берегов Китая в 1784 г., первый консул был назначен в 1798 г., а в промежутке американские купцы успели прочно обосноваться в Кантоне. Туда же по поручению базировавшегося в Бостоне Американского совета представителей для зарубежных миссий («The American Board of Commissioners for Foreign Missions») в 1829 г. прибыл Э. К. Бриджмэн (Elijah Coleman Bridgman, Пи Чжи-вэнь, 1801–1861), в 1833 г. — С. У. Уильямс (Samuel Wells Williams, Вэй Сань-вэй, 1812–1884), а в 1834 г. — П. Паркер (Peter Parker, Бо Цзя, 1804–1888), положившие начало миссионерской деятельности американских протестантов в Китае и одновременно синологии США.

Э. К. Бриджмэн проявил себя в Китае в самых разных областях. В сотрудничестве со священником М. Л. Кальбертсоном (M. L. Culbertson) он перевел на китайский Новый Завет, являлся первым президентом (1857–1859) North China Branch of the Royal Asiatic Society (см. выше «Великобритания»), был переводчиком и секретарем американского посланника К. Кушинга (Caleb Cushing, 1800–1879), в 1844 г. участвовал в церемонии подписания Вансяского договора, принесшего США ряд дополнительных прав по сравнению с теми, которые получили англичане на основании Нанкинского договора 1842 г., а в 1858 г. готовил материалы для Тяньцзиньского договора. Однако главным его достижением стала организация ежемесячника «The Chinese Repository», выходившего в Кантоне в 1832–1851 гг., причем до 1847 г. под его собственным руководством. Этот журнал, содержащий богатую и ценную информацию о современных ему событиях, ныне представляет большую библиографическую редкость.

С «Chinese Repository» была также связана судьба Дж. Г. Бриджмэна (James Granger Bridgman, ? — 1850), родственника Илайджа, переводчика «Notitia Linguae Sinicae» (Кантон, 1847) Премара (см. выше «Франция») и С. У. Уильямса. Последний многие годы (1855–1876) отдал дипломатической работе и, в частности, принимал участие в заключении Тяньцзиньского трактата и миссии коммодора Перри (Matthew C. Perry, 1794–1858), открывшей в 1853–1854 гг. Японию для США, однако в отличие от обоих

Бриджмэнов, скончавшихся в Китае, он, проведя там 40 лет, вернулся в США и в 1877 г. стал первым профессором синологии Йельского университета. Выучив китайский и японский, он опубликовал несколько базисных для США работ: «Vocabulary of Mandarin», «Easy Lessons in Chinese», «Tonic Dictionary» (1856) кантонского диалекта, «Middle Kingdom» (1874) и др.

П. Паркер не был китаеведом в узком смысле этого слова. Врач по образованию, он в 1827 г. создал глазную больницу в Макао, а 1835 г. — в Кантоне, в 1838 г. тоже в Кантоне вместе с Э. К. Бриджмэном и Т. Р. Колледжем (Thomas R. Colledge), врачом Ост-Индской компании, основал Медицинское миссионерское общество (Medical Missionary Society in China, ММО), призванное развивать и финансировать кантонскую лечебницу. Несмотря на превратности судьбы (в 1856 г., в ходе англо-китайской войны, она была сожжена), в ней с 1870 г. стали обучать студентов (в 1879 г. там появились даже две женщины, первые китаянки, занимавшиеся западной медициной) и переводить учебники. Общество открыло еще четыре больницы в Гонконге, Амое, Нинбо и Шанхае. В значительной степени благодаря П. Паркеру, который и после возвращения (1850) в США выполнял функцию президента ММО, все они продолжали работать и в XX в.

Вышесказанное рисует начальный этап (конец XVIII — середина XIX вв.) становления американской синологии. Необходимо, однако, иметь в виду, что она произрастала не на совсем пустом месте. В 1636 г. решением местных властей в Ньютауне (Newtown, с 1638 — Cambridge) в английской колонии Массачусетс Бэй была основана старейшая высшая школа США, в 1639 г. получившая название Гарвард (John Harvard, 1607–1638, пуританский священник, передавший ей половину своего состояния и библиотеку), а в 1780 г. — статус университета. Религиозные убеждения Дж. Гарварда предопределили интерес к ивриту и древнесирийскому. Позже внимание преподавателей американских вузов привлекли и другие восточные языки. В Гарварде, ныне одном из ведущих центров синологии США, изучение Китая началось в 1879 г. В настоящее время оно ведется на Отделении языков ДВ (Department of Far Eastern Languages: китайский, корейский, японский; создано в 1937 г.), в Восточноазиатском исследовательском центре (H. U. East Asian Research Center, 1956 г., история, международные отношения и главным образом современные проблемы ДВ) и Гарвард-Яньцзиньском институте (Harvard Yenching Institute, 1928). Последний не только ведет научно-исследовательскую и издательскую («Harvard Journal of Asiatic Studies», «Harvard-Yenching Institute Monograph», «Harvard-Yenching Institute Studies») деятельность и обладает крупной специализированной библиотекой, но и содействует развитию высшего образования в Восточной и Южной Азии (его отделение в Китае было закрыто властями КНР) и финансирует там учебные и научные

программы. При ГУ имеются два музея: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology (1886) и William Hayes Fogg Art Museum (1925) с прекрасными коллекциями азиатского искусства и тематическим книжным собранием. Сотрудники обоих музеев читают лекции и занимаются исследованиями в соответствующих областях. Библиотека ГУ (1638 г.) — одна из самых богатых в мире (в США — вторая, после Library of Congress); издает «Harvard Library Bulletin».

В следующем, XVIII столетии в США возникло несколько новых вузов: University of Pennsylvania (Philadelphia, 1740), Princeton (1746), Brown (Rhode Island, 1764), Un. of Pittsburgh (1787), Georgetown Un. (Washington, D. C., 1789), однако востоковедение и особенно китаеведение появились в них значительно позже, в основном в XX веке.

Из созданных тогда американских университетов наибольшего внимания заслуживают Йельский и Колумбийский.

Первый, основанный в 1701 г. в Нью-Хейвене как частный колледж, в 1861 г. был преобразован в университет (Yale University). Преподавание китайского языка ведется в нем с 1876 г., благодаря чему он является старейшим в Америке центром синологии, сохраняющим и поныне одну из ведущих позиций в этой области. Первоначально там готовили кадры для миссионерской и благотворительной деятельности в Азии. Зимой 1900–1901 гг. из выпускников Йеля было сформировано миссионерское общество (Yale Foreign Missionary Society), в 1902 г. начавшее просветительскую, медицинскую и воспитательную работу в Китае. Здесь же в 1842 г. возникло первое востоковедческое общество США — American Oriental Society. Оно проводит ежегодные конференции, стимулирует развитие научных исследований истории, языков, литературы, археологии, искусства и историографии стран Востока, издает «Journal of the AOS» (с 1851 г.) и «Monograph Series», а также имеет филиалы и собственную библиотеку. В настоящее время с изучением Китая и преподаванием синологических дисциплин связано несколько его подразделений: Отделение языков и литератур Индии и Дальнего Востока (1945 г.), Институт языков ДВ (создан в 1945 г. на базе Школы китайского языка, которая во время Второй мировой войны готовила военных переводчиков), Центр изучения языков и стран ВА (1945), Центр изучения ЮВА (1947), Центр изучения экономического роста (1961), Совет по изучению ВА. При университете существуют крупная библиотека, основанная в том же 1761 г., и галерея искусств (1831), в которой представлены многочисленные китайские экспонаты: картины, керамика, бронза и т. д. Она публикует «Art Gallery Bulletin»; издательскую деятельность ведет и сам университет: «Yale Review», «Translation Series», «Bibliography Series» и др., однако важнейшим печатным органом является уже упоминавшийся «JAOS».

В 1754 г. образованием в Нью-Йорке King's College было положено начало одному из старейших и широкоизвестных вузов США — Columbia University (название введено в 1912 г.). Синология появилась в нем в 1901 г., т. е. относительно рано (для США). После Второй мировой войны КУ занял важную позицию в американском китаеведении, которое представлено в Институте Восточной Азии (1949). Отделении китайского и японского языков, Школе международных отношений и некоторых других подразделениях. При университете имеется довольно большая библиотека, включающая книги и периодику на китайском, маньчжурском, монгольском и тибетском языках. Как и другие американские вузы, КУ располагает собственной полиграфической базой и издает «East Asian Institute Studies Series», «Journal of International Affairs», «Columbia University Bulletin», «Journal of Philosophy» и другую периодику.

Кроме университетов, заслуживает внимания возникший еще в XVIII в. Dartmouth College (1769, Hanover, New Hampshire). Преподавание востоковедческих предметов, включая китайский язык, историю и литературу, началось в нем в 1921 г., а более широкая программа по китайской цивилизации появилась в 1942 г. С 1963 г. при колледже работает Центр сравнительных исследований, в задачу которого, помимо преподавания, входит сравнительное изучение исторических процессов в широком смысле, т. е. с охватом культуры, философии, искусства и т. п. стран Востока и Запада, для чего приглашаются, в частности, и внештатные специалисты.

Если попытаться подытожить приведенный выше материал, то можно сделать несколько общих выводов.

Во-первых, в период XVII — середина XIX вв. в Америке были заложены основы научного потенциала, который в XX в. вывел ее синологию на главенствующее место в мире. Однако в то время в данной дисциплине он еще не реализовался, поскольку не появились крупные ученые, которые могли бы создать труды, сопоставимые с тогдашними работами европейских китаеведов.

Во-вторых, то немногое, что все-таки в указанный период было достигнуто, связано с миссионерской деятельностью американских протестантов в Китае, поэтому есть некоторые основания говорить о наличии миссионерского этапа в становлении американской синологии. Вместе с тем очевидно, что ни по каким параметрам он не сопоставим с соответствующим явлением в немецкой и тем более в итальянской науке.

Наконец, возникновение американской синологии началось не только намного позже, чем в Европе, но и в иных исторических условиях. Некоторые из этих условий, например процесс образования самих Соединенных Штатов, играли определяющую роль, другие — скажем, существование

английского китаеведения, имели не столь существенное значение, но так или иначе наложили отпечаток на формирование этой молодой ветви мировой науки.

Во второй половине XIX — первой половине XX в. положение стало меняться. В это время возник ряд новых высших школ, часть из которых довольно рано осознала необходимость организации востоковедческих, в том числе китаеведческих отделений. Назовем в хронологическом порядке лишь более важные: University of Michigan (Ann Arbor, 1817), Indiana U. (Bloomington, 1820 — семинария, 1828 — университет), Duke U. (Durham, 1838; изучение, в частности, Сянгана и Сингапура), U. of Iowa (Iowa City, 1847; с 1950 действует Department of China and Oriental Studies, несколько позже был организован Department of Asian Languages and Literature), U. of Wisconsin (Madison, 1848; в рамках широкого изучения Азии с 1961 г. осуществляется «Программа по изучению Восточной Азии — East Asian studies program», охватывающая такие дисциплины, как история, экономика, литературоведение и др.), U. of Utah (Sait Lake City, 1850; с 1959 действует «Центр межкультурных исследований — Center for Intercultural Studies», занимающийся комплексным изучением культур и цивилизаций Азии, Африки и Латинской Америки), U. of Minnesota (Minneapolis, 1851; главный упор делается на изучении языков — Department of East Asian Languages), Michigan State U. (East Lansing, 1855; преподаются восточные языки и ведется подготовка специалистов широкого профиля, сочетающаяся с комплексным изучением Дальнего Востока; «M. S. U. Magazine» и др.), Seton Hall U. (South Orange, 1856; с 1951 г. изучение истории, культуры, философии и иных проблем Китая и стран Дальнего Востока ведется в общеуниверситетском Институте дальневосточных исследований — Institute of Far Eastern Studies; имеется восточная библиотека), U. of Chicago (1857), U. of Washington (Seattle, 1861), U. of Kansas (Lawrence, 1864; изучение языков, истории, географии и культуры Дальнего Востока, с 1958 г. существует Center for East Asian Studies), Cornell U. (Ithaca, 1865; с конца XIX в. введено изучение стран Азии, в 1960 г. началось осуществление программы исследований Китая и Японии; довольно крупная библиотека, «Cornell East Asia Papers»), U. of California (1868), U. of Oregon (Eugene, 1876; изучение Восточной Азии, коллекция дальневосточного искусства в U. of Oregon Warner Museum, библиотека, особенно по азиатскому искусству), U. of Southern California (Los Angeles, 1879; проблемами Китая занимаются несколько подразделений: Asiatic Studies Department, East Asian Studies Center и др., а с 1976 г. еще и Совместный восточноазиатский центр Южнокалифорнийского и Калифорнийского Лос-Анджелесского университетов, «Newsletter»), Stanford U.

(Stanford, 1885), U. of Oklahoma (Norman, 1890; образованный в 1948 г. Institute of Asian Affairs проводит исследования по истории, философии и другим дисциплинам; имеется музей с китайскими и тибетскими коллекциями, «An Interdisciplinary Newsletter»), Portland State U. был организован лишь в 1955 г. и Китаем специально не занимается, но при нем имеется созданный еще в 1892 г. музей (Portland Art Museum) с интересными коллекциями искусства Китая, Японии и Южной Азии, большая библиотека, U. of Hawaii (1907 — колледж, 1920 — университет).

Среди перечисленных несколько университетов: Калифорнийский, Станфорд, Чикагский и Гавайский, а также в меньшей степени Мичиганский, штата Вашингтон и Индианский в течение XX в. стали крупными центрами американской синологии.

Название «Калифорнийский университет» охватывает девять кампусов, а по сути — девять практически независимых университетов, разбросанных на значительных (приблизительно 800 км с севера на юг) просторах штата: Дэвис, Беркли, Сан-Франциско, Ирвин, Санта-Круз, Санта-Барбара, Риверсайд, Лос-Анджелес и Сан-Диего. По меньшей мере три из них: Беркли (1872), Лос-Анджелес (1919) и Санта-Барбара (1891; 1944 — вошел в состав КУ) являются востоковедческими центрами, причем два первых пользуются международной известностью.

В Беркли востоковедением занимаются несколько подразделений, а китаеведение представлено: в Отделении восточных языков (Department of Oriental Languages, 1896; языковая подготовка сочетается с преподаванием истории, литературы, философии и т. д.; библиотека китайских, японских и корейских книг, включая и рукописи), в Институте международных исследований (Institute of International Studies, 1955) и прежде всего — в Институте восточноазиатских исследований (Institute of East Asian Studies, 1978). В последнем ведутся работы по истории, культуре и современному положению региона, отражаемые в серии монографических изданий. В рамках института действует и Центр китаеведения.

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе также охватывает изучение разных регионов Азии. Подготовка китаеведов и научные исследования по истории, культуре и филологии Китая сосредоточены в Отделении восточных языков (Department of Oriental Languages), образованном в 1947 г., и в недавно созданном (1985) UCLA Center for Pacific Rim Studies («The Pacific Rim. Newsletter of the UCLA CPRS», «Chinese Science»). Программа университета в Санта-Барбаре включает изучение истории, философии и религии стран Азии; однако, как кажется, в большей степени ориентирована на вопросы современного экономического и политического развития.

В Станфордском университете преподавание китаеведческих дисциплин и научно-исследовательская работа ведутся в ряде специальных подразделений, в частности, в созданном в 1958 г. Центре по изучению языков и района Китая и Японии (Chinese-Japanese Languages and Area Center), в образованном еще в 1919 г. Институте Гувера по вопросам войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution and Peace), обладающем крупной библиотекой (богатое собрание публикаций периодов Цин, Китайской Республики и КНР) и коллекцией материалов и документов об Азии и Северной Африке, в Совместном центре университетов Станфорд и Беркли по изучению языков и стран Восточной Азии (Stanford University–University of California, Berkeley, Joint East Asia Languages and Area Center; 1973; «Newsletter», «Bay Area Directory of East Asian Scholars») и, наконец, в крупнейшем из них (более 3000 научных, административных и технических сотрудников) — Станфордском исследовательском институте (Stanford Research Institute, 1946), занимающемся и классическими темами, и вопросами естественных, социальных, инженерных и экономических наук в соответствии с потребностями правительственных и деловых кругов («The SRI Journal», «SRI International»). С 1968 г. координацией всей деятельности, связанной с Китаем (и Японией), ведает созданный тогда же Center for East Asian Studies.

В Чикагском университете синология представлена в Отделении восточных языков и культур (Department of Oriental Languages and Literature, 1915), где занимаются историей, лингвистикой, литературой, философией и археологией в сотрудничестве с Восточным институтом (The Oriental Institute, который имеет собственную библиотеку, включающую и дальневосточную коллекцию), а также в Центре изучения языков и стран Дальнего Востока (Far Eastern Languages and Area Center — Department of Far Eastern Languages and Civilizations), специализирующемся на лингвистических исследованиях. При университете существует богатая Дальневосточная библиотека. С Чикагским университетом долгие годы были связаны пользующиеся мировым признанием специалисты по Древнему Китаю Х. Г. Крил (Herrlee Glessner Creel, 1905–?), автор ряда работ по истории, истории философии и культуры: «Sinism: A Study of the Evolution of the Chinese Worldview» (1929), «The Birth of China» (1936), «Newspaper Chinese by the Inductive Method» (1943; в соавторстве с Teng Ssu-yü), «Confucius: The Man and the Myth» (1949), «Literary Chinese by the Inductive Method» (3 vols, 1952), «Chinese Thought from Confucius to Mao Tse-tung» (1953), «The Origins of the Statecraft in China» (1970), «Shen Pu-hai: A Chinese Political Philosopher of the Fourth Century B. C.» (1974) и Хэ Бин-ди (Ho Ping-ti, 1917–?), исследователь широкого профиля: «Хуанту

юй Чжунго нунъе ды циюань (Лес и зарождение китайского земледелия)» (1969), «Чжоу-чу няньдай пинъи (Обсуждение хронологии начала династии Чжоу)» (1973), «The Cradle of the East» (1975).

Расположение Гавайских островов на полпути между Америкой и Азией и их смешанное население, немалую часть которого составляют выходцы из Японии и Китая, предопределило введение в программу Гавайского университета азиатской проблематики. Благодаря этому он стал заметным центром подготовки специалистов и проведения исследований в области истории, литературы, философии, искусства и языков Японии, Кореи, Китая и других стран Азиатского региона. Еще в 20-е годы появилась Программа изучения Дальнего Востока, в 1959 г. замененная Программой изучения Азии. Последняя располагает собственной библиотекой и участвует в публикации ежеквартальника «East and West» (1951), главным издателем которого является философский факультет, где изучается и философия Китая. Кроме того, в рамках университета действуют Asian Languages and Area Center, Oriental Literature Society (1930), выпускающие «Journal of Oriental Literature», и Economic Research Center. Имеются также художественные коллекции, на базе которых в сотрудничестве с Академией искусств Гонолулу (Honolulu Academy of Arts) ведется изучение восточного, в том числе и китайского искусства.

В Мичиганском университете синологией занимаются в рамках организованного в 1936 г. Отделения языков и литератур Дальнего Востока (Department of Far Eastern Languages and Literatures), которое в 80-е годы возглавлял известный китаевед Ч. Хакер (Charles O. Hucker, 1919–?), автор крупных работ по истории позднего Средневековья («The Chinese Censorate of the Ming Dynasty», 1950; «Chinese History: A Bibliographic Review», 1958; «The Traditional Chinese State in Ming Times, 1368–1644», 1961). Здесь преподаются языки, история, философия, религия, литература Китая, Японии и других стран Дальнего Востока. Китайский язык изучается также в Far Eastern Languages and Area Studies Center, а связи Китая с его дальневосточными соседями в Center for Japanese Studies (работает с 1947 г.). Однако главным специализированным подразделением является Center for Chinese Studies, созданный в 1961 г. Его возглавляет А. Фейерверкер (Albert Feuerwerker, 1927–?) — специалист в области экономической и социальной истории Китая Нового времени: «China's Early Industrialization», 1959; «Chinese Communist Studies of Modern Chinese History», 1961 — в соавторстве с S. Cheng). Центр осуществляет исследования по истории, литературе, лингвистике и искусству Китая, а также по разным проблемам жизни КНР и координирует соответствующую работу других университетов. Он имеет богатую библиотеку и издает «Michigan Papers in Chinese Studies», «Michigan Abstracts of Chinese

and Japanese Works on Chinese History», «Science, Medicine and Technology in East Asia», «CCS News». Существенную помощь студентам и преподавателям оказывают также образованные в 1946 г. Музеи искусства и антропологии, обладающие ценными коллекциями, полученными из Китая, Японии, Индии, Филиппин и других стран Азии.

С Мичиганским университетом в разное время была связана жизнь двух известных исследователей китайской древности: специалиста (немецкого происхождения) в области археологии, искусства и древней истории Дальнего Востока М. Лёра (Max Loehr, 1903–?) «Beiträge zur Chronologie der älteren Chinesischen Bronzen», 1936; «Chinese Bronze Age Weapons», 1956; «Ritual Vessels of Bronze Age China», 1968 и Дж. Крампа (J. I. Crump), переводчика «Чжань-го цэ», одного из важнейших источников по древней истории Китая — «Intrigues: Studies of the Chan-kuo Ts'e», 1964; «Chan-kuo Ts-e», 1970.

Крупным центром американского востоковедения и, в меньшей степени, китаеведения является Университет штата Вашингтон. Отделение востоковедения возникло в нем в 1909 г., а в 1946 г. оно было преобразовано в Отделение языков и литератур Дальнего Востока и славянских стран (Department of Far Eastern and Slavic Languages and Literatures). Здесь преподаются китайский, тибетский, монгольский и другие восточноазиатские языки, а также гуманитарные дисциплины, связанные с регионом. Историей и экономикой Китая занимаются в Институте зарубежных стран и сравнительных исследований (Institute for Foreign Area and Comparative Study), а его новой и новейшей историей — в Far Eastern and Russia Institute. При университете с 1862 г. имеется очень крупная общая библиотека (свыше 4 млн единиц плюс большое количество микрофильмов и текущей периодики) и специальная, созданная в 1947 г. Дальневосточная библиотека, насчитывающая более 100 тыс. книг на китайском, тибетском, монгольском, корейском и японском языках. Университет выпускает несколько периодических изданий, в частности «Far Eastern and Russian Institute Studies on Asia».

В Индианском университете в рамках Отделения и Программы ураловедения и алтаистики (Department of Uralic and Altaic Studies, Program in Uralic and Altaic Studies, 1949) особенно сильны дисциплины, которые с определенными основаниями можно включать в китаеведение, а именно: маньчжуроведение и тибетология. Собственно синологические предметы преподаются и изучаются на Отделении языков и литератур Восточной Азии, Отделении изучения Восточной Азии, в Исследовательском институте по изучению Внутренней Азии (Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies) и в рамках действующей с 1958 г. международной координационной системы «Asian Studies Program». Для занятий

современными вопросами в 1962 г. был организован Indiana University International Development Research Center, сотрудничающий, среди прочих, с ООН. Университет располагает богатой библиотекой (порядка 4 млн книг, почти столько же рукописей, около 600 тыс. микрофильмов); им издаются «University Bulletin», «Indiana Magazine of History», «Uralic and Altaic Series» и др.

Свою лепту в изучение Китая вносят и другие организации: American Institute of Pacific Relations (AIPR; 1952, New York, «Far Eastern Survey»); The Brooking Institute (1927, Washington, D. C., «Brookings Bulletin»); California Institute of Asian Studies (1968, San Francisco); Massachusetts Institute of Technology (1861, Cambridge, Mass.), при котором, несмотря на его название, действует School of Humanities and Social Sciences, занимающаяся, среди прочего, археологией, этнологией, историей науки, философией и другими гуманитарными дисциплинами («MIT Bulletin», издание книг); Smithsonian Institution (1846, Washington D. C., его президентом по должности является Президент США) — комплекс музеев (например, US National Museum, 1858) и научных институтов: Freer Gallery of Art (1906), обладающая богатыми коллекциями китайского, японского и вообще азиатского искусства (картины, бронза, фарфор, лак и др.) и специализированной библиотекой («Annual Report», «Occasional Papers», «Ars Orientalis», каталоги), и Woodrow Wilson International Center for Scholars (1968), призванный помогать ученым, включая и зарубежных, в проведении фундаментальных исследований, в частности в области истории и культуры (имеется своя относительно небольшая библиотека, публикуются книги, «Wilson Quaterly»); American Historical Association (1884, Washington D. C.), с 1953 г. проводящая конференции по истории Азии («The American Historical Review»); Association for Asian Studies (1941 — Far Eastern Ass., 1957 — современное название; Ann Arbor, University of Michigan) — исследования по истории, литературе, языку, философии, культуре и иным проблемам Китая и других стран Азии («Bibliography of Asian Studies», «Journal of Asian Studies», «Asian Studies Newsletter»); The Asia Society (1957, New York; имеется и Совет по Китаю), призванное содействовать в том числе изучению Китая, распространению в США знаний о нем, комплектации библиотек, культурному обмену и т. п. («Asia Society Letter», «Asian Agenda Reports»); American Oriental Society (1842, New Haven), проводящее ежегодные научные конференции с докладами по истории, искусству, археологии, языку, литературе и историографии стран Азии, его библиотека хранится в Йельском университете («Journal»); American Geographical Society (1852, New York), с 1960 г. осуществляющее специальную программу по Азии (крупная библиотека; «Geographical Review»); The Mongolia Society (1961,

Bloomington; «Mongolian Studies», «Journal of the Mongolia Society»), президентом которого был ныне покойный известный китаевед и монголовед О. Латтимор (см. выше «Великобритания»), и целый ряд других.

В американских условиях причастными к развитию синологии, в том числе и к исследованиям по древней истории и культуре Китая, являются разного рода учреждения: советы, комитеты, фонды и т. п., которые, будучи формально далекими от нее или от науки вообще, в своей практической деятельности непосредственно или косвенно влияют на ее судьбу. Их много, поэтому в качестве примеров назовем лишь более важные: American Council of Learned Societies (ACHO, 1919, New York; координатор исследований в области гуманитарных наук; «Annual Report», «ACLS Newsletter»); Center for Cultural and Technical Interchange Between East and West (1960, Honolulu; большая библиотека, ряд периодических публикаций: «East-West Perspectives», «Culture and Language Learning Newsletter», «Topics in Culture Learning» и др.); Social Science Research Council (1923, New York; Комитет по современному Китаю; «SSRC Items»); Committee for Concerned Asian Scholars (1968, Cambridge, Mass; «Bulletin of Concerned Asian Scholars», «CCAS Newsletter»); Carnegie Corporation (1911, New York; финансовая поддержка исследований и подготовки кадров); The Asia Foundation (1954, San Francisco — главный офис, филиалы в Вашингтоне и многих странах Азии, стипендии и субсидии; «The Asia Foundation News», «Annual Report» и др.); Wenner-Green Foundation for Anthropological Research (1941, New York); The Rockefeller Foundation (1913, New York, финансовая помощь исследованиям и подготовке кадров в самих США и университетам стран Азии; «President's Review and Annual Report» и др.); The Ford Foundation (1936, New York; крупные денежные вливания в науку в США и за рубежом; «Annual Report»); The Library of Congress (1800, Washington D. C.; несколько десятков миллионов единиц хранения, крупное Восточное отделение, возникшее в 1954 г. на базе существовавшей с 1928 г. Китайской секции, около 2 млн единиц); Boston Museum of Fine Arts (1870, богатые коллекции китайской живописи, скульптуры и керамики; библиотека); Asian Art Museum of San Francisco (1969, центр изучения азиатского искусства, собственные собрания, включающие и китайские экспонаты) и пр.

Из сказанного явствует, что основное развитие американского китаеведения приходится на XX век и особенно 40-е и последующие годы. Оно стимулировалось двумя мировыми войнами и связанными с ними событиями, не только прочно втянувшими США в орбиту мировой политики, но и заставившими их занять в ней ведущую роль сверхдержавы. Американский стиль действий предполагал создание для этого широкой научной базы, поэтому уже в 20-е годы началось финансирование гуманитарных

наук упомянутыми выше фондами Карнеги, Рокфеллера и Форда, в 1928 г. при АСНО возник Комитет содействия развитию китаеведения, позднее преобразованный в Комитет содействия изучению Дальнего Востока. Параллельно, в связи с нехваткой высококвалифицированных специалистов, в страну привлекались иностранные ученые из Германии (Friedrich Hirth, 1845–1922; Berthold Laufer, 1871–1934; Alfred Forke, 1867–1944), Англии (John Fryer, 1839–?), России (Сергей Григорьевич Елисеев, 1889–?). С. Г. Елисеев в 1934–1957 гг. был директором крупного синологического центра — Гарвард-Яньцзинского института. Последний вместе с Институтом тихоокеанских отношений (International Institute of Pacific Relations, 1925–1961, New York; в его состав входил упоминавшийся выше AIPR; в период 1929–1950 гг. некоторое участие в его деятельности принимал и СССР) и уже называвшейся Ассоциацией изучения Азии занимал ведущие позиции в американской синологии. Тогда же началась публикация ряда журналов, отводивших значительное место проблемам Китая: «Harvard Journal of Asiatic Studies» (1936), «Notes on the Far Eastern Studies in America» (1937), «Amerasia» (1938), «Journal of Asian Studies» (1941) и другие.

Коренной перелом произошел во время Второй мировой войны. Он создал в американском китаеведении новую обстановку, в некотором смысле продолжающуюся и поныне. Пирлхарборский разгром (7 декабря 1941 г.) не только вовлек США в мировой конфликт, но и вызвал колоссальный психологический шок в дремлющем сознании рядовых американцев, показав им, что сражения идут не только где-то там, в далекой и непонятной Европе, но и чуть ли не у порога их собственного дома. Японо-китайская война, длившаяся к этому времени уже десять лет (ее началом иногда считается т. н. инцидент у моста Лугоуцяо вблизи Пекина 7 июля 1937 г., однако на самом деле она была развязана Японией 18 сентября 1931 г. нападением на Маньчжурию), но мало кого интересовавшая, вдруг стала частью конфликта, внутри которого очутилась и сама Америка. Возникли также объективные потребности в знатоках Дальнего Востока, отнюдь не ограничивавшиеся только переводчиками. Военные действия против Японии и эффективная помощь Китаю не могли проходить успешно без понимания менталитета этих народов, их традиций и нравов. К тому же в привычках американцев лежит предварительная научная разработка вопросов, которые должны решать страна и ее правительство. Конечно, на первый план вышли сиюминутные нужды и актуальная тематика, однако быстрорастущие затраты на науку и возникновение новых востоковедческих и китаеведческих центров, что было отмечено выше, содействовали расширению подготовки специалистов и проведению исследований также в области «классической» синологии. Выросло количество

научных и популярных публикаций и изменилось их восприятие хотя бы у части читателей: увлечение экзотикой сменилось интересом, переплетающимся с симпатией к дальневосточному союзнику и с враждой к противнику в нелегкой для США войне. Естественно, увеличилось и число молодых людей, желающих приобрести соответствующие специальности.

Импульс, данный войной, продолжал действовать и после ее окончания, ибо в результате ее в мире, и в Азии в особенности, возникла новая ситуация: холодная война, лидерство США в западном мире, корейская и вьетнамская войны, создание в Азии социалистических государств, оказавшихся более прочными, чем их европейские союзники и покровители, оккупация Японии, а затем ожесточенное продолжительное экономическое соперничество с нею, самостоятельное превращение КНР в ракетно-ядерную и даже космическую державу — все эти явления требовали и требуют от Америки постоянных ответов, которые, чтобы быть верными, должны базироваться на научной основе. В американских школах, начиная с 60-х годов, стали вводить курсы, посвященные социалистическим странам и их языкам, что в свою очередь потребовало от вузов подготовки соответствующих кадров, учебников, программ и т. п. Занятия современностью, включая и такие темы, как экономика и политика КНР, советско-китайские отношения, коммунистическое движение, заняли доминирующие позиции. Возникли специализированные учреждения: независимый Исследовательский институт советско-китайского блока (1954, Вашингтон), Исследовательский институт по коммунистической стратегии и пропаганде (1960, Южнокалифорнийский университет), одноименные Институты по изучению социалистических стран Европы и Азии при университетах Принстонском, Мичиганском и штата Вашингтон, Исследовательский институт по проблемам коммунизма при Колумбийском университете и др.

Одновременно, в связи с критической оценкой американского востоковедения, высказанной в конце войны такими известными учеными, как Дж. Фэйрбэнк и Э. Рэйшауэр, совершается переход от существовавшего ранее принципа специализации по конкретным направлениям: история, философия, искусство, экономика — преимущественно к широкому комплексному страноведению (area study), получившему в 1958 г. официальное признание. Во главу угла ставится быстрое и эффективное овладение языком (в настоящее время американские синологи, кроме китайского — современного и классического, как правило, изучают японский), а затем еще целым рядом (до 10) дисциплин, дающих всестороннее представление о стране и ее прошлом. В 50–60-е годы изучение Китая осуществлялось (правда, с разным успехом) примерно в трети всех университетов и колледжей США, что привело к «перепроизводству» желающих

заниматься Китаем, — не всех их можно назвать китаистами с полным на то основанием, — поэтому в 80–90-е годы перед американскими синологами встала серьезная проблема трудоустройства. С другой стороны, в 70-е годы начал, а в 80-е продолжал действовать новый стимул — поэтапная нормализация отношений США—КНР: 9–11 июля 1971 г. визит Г. Киссинджера, 21–28 февраля 1972 г. визит президента Никсона, 19–23 июня 1972 и 15–19 февраля 1973 г. повторные визиты Г. Киссинджера, принятие решения об обмене миссиями связи, 1–5 декабря 1975 г. визит президента Форда, 16 декабря 1978 г. объявление США о разрыве дипломатических отношений с Китайской Республикой, 1 января 1979 г. установление полных дипломатических отношений между двумя странами. 25 октября 1971 г. не без участия американской дипломатии была принята резолюция ООН о передаче КНР места Китая в этой организации при одновременном исключении из нее представителей Китайской Республики, после чего КНР постепенно стала членом и других международных организаций. Для американских синологов указанные события означали, с одной стороны, увеличение спроса на их познания, а с другой — открытие для посещений и сотрудничества материкового Китая, при сохранении прежних связей с Тайванем. Поэтому в 70–80-е годы наблюдается возникновение новых учреждений, призванных заниматься Китаем отдельно или в контексте Дальнего Востока, например, Center for Asian Studies, The American University (1971, Вашингтон); The Heritage Foundation (1974, Вашингтон, в центре внимания: КНР и Тайвань, подготовка материалов для Р. Рейгана и Дж. Буша); Institute for Asian-Pacific Studies, University of San Francisco (1974); Institute for Foreign Policy Analysis (1976, Кембридж, Масс.); Department of Asia Studies, Amherst College (1976, Амхерст, Масс.); Institute of East Asian Studies, Berkeley (1978, в его составе — Center for Chinese Studies, «Asian Survey», «Research Papers and Policy Studies»); US—Asia Institute (1979, Вашингтон, частная организация, занимающаяся, среди прочего, приглашением китайских студентов в США и поездками американцев в КНР); Graduate School of International Relations and Pacific Studies, University of California, San Diego (1986) и др. Уже упоминавшийся Азиатский фонд для усиления эффективности своей деятельности в новых условиях в 1984 г. создал в Сан-Франциско Центр по делам Азии и Тихого океана и в этом же году обрел законодательное утверждение Конгрессом США и президентом Рейганом. Очевидно, что возникающие те или иные трудности успешно преодолеваются американскими востоковедами и китаистами в том числе, а масштаб выполняемой ими работы соответствует роли великой державы и позиции, которую США занимают в современном мире. Кстати сказать, немалую лепту в достижения американской синологии вносят

китайцы, как родившиеся в Америке, так и обосновавшиеся там относительно недавно граждане Тайваня и КНР. При этом в действительно интернациональной стране, какой являются США, они не только занимаются преподаванием и исследованиями, но и получают руководящие посты: скажем, директором названного выше Института азиатско-тихоокеанских исследований университета Сан-Франциско стал Чан Юнг Банг (Chan Young Bang), специалист по экономике Китая, а президентом Центра Восток—Запад Гавайского университета — В. Хао Ли (Victor Hao Li, 1941–?), одновременно входивший в редколлегию издающегося с 1988 г. Оксфордским университетом журнала «Pacific Review». То же самое можно сказать об иностранных ученых, особенно англичанах, переезжающих в США в поисках лучшего применения своих талантов и знаний.

Вторая половина 80-х гг. ознаменовалась новым явлением в американском китаеведении: исходя из высказываемого многими журналистами, политиками и даже учеными предположения, что следующее столетие будет «Веком Тихого океана» («The Pacific Century»), появилась новая единая мультидисциплинарная наука, получившая наименование «Pacific Rim Studies (PRS)», что можно бы перевести как «Прибрежное тихоокеановедение». Речь идет о комплексном и сравнительном, с учетом разных специальностей и подходов, изучении стран, расположенных по берегам Тихого океана. Естественно, современные проблемы выходят здесь на первый план, однако ученые, работающие в рамках PRS, осознают значение исторического и культурного прошлого азиатских стран, традиций, обычаев и мировоззрений для их современного состояния и будущего развития, поэтому они учитывают события даже глубокой древности. Первый Center for PRS был организован в 1985 г. в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, его директором стала социолог Л. Чжэн (Lucie Cheng). Он издает бюллетень «The Pacific Rim. Newsletter of the UCLA Center for Pacific Rim Studies».

Завершая обзор американской синологии, назовем две публикации, по разным причинам заслуживающие особого внимания: двадцатипятитомную «Encyclopaedia of the Far East» (Cambridge, Mass., 1975), коллективную работу американских ориенталистов, итог их многолетнего труда, и Wu Rukang, John W. Olsen (eds.) «Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China» (Orlando, 1985) — результат сотрудничества китайских и американских ученых в новых условиях нормализованных отношений двух сторон, пример, достойный подражания, и один весьма солидный журнал (отдельные номера насчитывают от 100 до 400 страниц) «Early China», издающийся Обществом по изучению раннего Китая (Society for the Study of Early China, до марта 1975 г. — Society for the Study of Pre-Han China) с конца 1975 г., освещающий раз-

ные стороны жизни древнекитайского общества и отражающий международные (включая советские) достижения в указанной области. Вообще же китаеведы могут публиковать свои исследования приблизительно в двух десятках научных журналов, например, «Artibus Asiae», «Asian Survey», «Harvard Journal of Asiatic Studies», «Journal of Asian Studies», «Journal of Oriental Literature», «Literature East and West», «Philosophy East and West», «American Historical Review», «Language», «Archives of the Chinese Art Society of America» и др. В заключение нашего очерка укажем фамилии ряда специалистов по Древнему Китаю: Х. Биленстайн (Hans Henrik August Bielenstein, 1920–?), бывший профессор Колумбийского университета шведского происхождения, ученик К. Карлгрена: «The Restoration of the Han Dynasty», т. 1–2 (1953, 1959); Д. Боддэ (Derk Bodde, 1909–?), крупный исследователь истории философии и культуры, в 1985 г. отмеченный наградой «Distinguished Scholarship Award» Ассоциации азиатских исследований: Feng Yu-lan. «A History of Chinese Philosophy» (перевод и ред. Д. Боддэ; 1937), «China's First Unifier» (1938), «China's Cultural Tradition: What and Whither» (1957), «The Myths of Ancient China» — «Mythologies of the Ancient World» (1961); А. Г. Буллинг (Anneliese Gutking Bulling), специалист по археологии и искусству Древнего Китая немецкого происхождения (статьи); Р. З. Бэрн (Rebecca Zerby Byrne): «Harmony and Violence in Classical China: A Study of the Battles in the Tso-chuan» (1974); Э. Кэйпон (Edmund Capon): «Art and Archaeology of China» (1977); полевой археолог и знаток древней истории Китая китайского происхождения Чжан Гуан-чжи (Chang Kwang-chih): «The Archaeology of Ancient China» (несколько постоянно дополняемых изданий 1963, 1968, 1977, 1989), «Kingship, the Ancestors, and the Gods: The Politics of Mythology in Ancient China» (1963), «Fengpitou, Tapenkeng, and the Prehistory of Taiwan» (1969, в соавторстве), «Шан Чжоу цинтунци (Бронза периода Шан-Чжоу; 1973, в соавторстве), «Early Chinese Civilization» (1976); историк и историк философии немецкого происхождения Х. Вильхельм (Hellmut Wilhelm, 1905–?): «Geschichte der chinesischen Kultur» (1928), «A Short History of Chinese Civilization» (1929), «Chinas Geschichte» (1942), «Die Wandlung und Dauer, die Weisheit des I-Ching» (1956), «Gesellschaft und Staat in China» (1960); лингвист Дж. Чикоски (John S. Cikosky): «Introduction to Classical Chinese» (1976); историк искусства Ш. ван Р. Камман (Schuyler van Rensselaer Camman, 1912–?): «The Land of the Camel: Tents and Temples of Inner Mongolia» (1951), «China's Dragon Robes» (1952), «Substance and Symbol in Chinese Toggles» (1962); Н. Дж. Жирардо (Norman John Girardot): «The Theme of Chaos (Hun-tun) in Early Taoism» (1974); Сюй Чжо-юнь (Hsü Cho-yun): «Ancient China in Transition» (1965); Л. Хубэр (Louisa Galt Fitzgerald Huber): «The Traditions of Chinese Neolithic

Pottere» (1974); крупный специалист по истории Китая II тыс. до н. э. Д. Кэйтли (David N. Keightley): «Public Work in Ancient China» (1969), «Shang Divination and Shang Metaphysics» (1973), «Sources of Shang History» (1978); К. Линдафф (Katheryn McAllister Linduff): «Tradition, Phase and Style of Shang and Chou Bronze Vessels» (1972); переводчик одного из важнейших древнекитайских трактатов «Гуань-цзы» У. Л. Рикет (W. Allyn Ricket): «Kuan-tzu... A Repository of Early Chinese Thought» (1965); Р. Л. Уокер (Richard Louis Walker, 1922–?): «The Multi-State System of Ancient China» (1953), «China under Communism» (1955), «Should the United States Change Its China Policy?» (1958, в соавторстве с E. Seligman); историк и историк философии, специалист по истории буддизма в Китае А. Ф. Райт (Arthur Frederick Wright, 1913–?): «Studies in Chinese Thought» (ed., 1953), «Confucianism in Action» (ed., 1959), «Buddhism in Chinese History» (1959), «The Confucian Persuasion» (ed., 1960), «Confucian Personalities» (ed., 1962); историк искусства Китая и Японии А. К. Сопер (Alexander Coburn Soper, 1904–?): «The Art and Architecture of Japan» (1955, в соавторстве с R. T. Paine), «The Art and Architecture of China» (1956, в соавторстве с L. C. S. Sickman), «Literary Evidence for Early Buddhist Art in China» (1959); историк М. К. Уильбур (Martin Clarence Wilbur, 1908–?): «Slavery in China During the Former Han Dynasty» (1943), «Chinese Sources on the History of the Chinese Communist Movement» (1959); крупный переводчик древнекитайских трактатов Б. Уотсон (Burton Watson): «Ssu-ma Ch'ien: Grand Historian of China» (1958), «Records of the Grand Historian of China», т. 1–2 (1961), «Early Chinese Literature» (1962), «Mo Tzu» (1963, 1966), «Hsün Tzu» (1963, 1969), «Han Fei Tzu» (1964); историк китайской литературы Дж. Р. Хайтауэр (James Robert Hightower, 1915–?); «Topics in Chinese Literature» (1950), «Han Ying, fl. 150 B. C.» (1952); лингвист Чжао Юаньжэнь (Chao Yuen-ren, 1892–?): «A Phonograph Course in the Chinese National Language» (1925), «Cantonese Primer» (1947), «Mandarin Primer» (1948); исследователь начал градостроительного дела в Китае П. Уитли (Paul Wheatley): «The Pivot of the Four Quarters» (1971), и другие.

§ 9. Россия—СССР

В силу своего географического положения Россия многовековыми узами связана с Китаем. Уже в 1618 г. томский казак Иван Петлин побывал в Пекине, собрал там интересные сведения (см. выше «Италия») и вернулся на родину с грамотой минского императора Шэнь-цзуна (1573–1620, девиз правления Вань-ли), предлагавшего прислать послов и вести торговлю.

Завоевание маньчжурами Китая и основание ими собственной династии Цин (1644–1911), с одной стороны, и продвижение России к берегам Тихого океана, с другой, привели к стычкам с цинскими солдатами и дипломатическим контактам. В 1656 г. Пекин посетило первое официальное посольство, возглавляемое Ф. И. Байковым, в 1660 г. — новое посольство И. Перфильева, а в 1676 г. — еще одно Н. Спафария (Милеску), впервые сопровождаемое учеными (картографы, географы, минерологи и др.). Несмотря на выражаемое обеими сторонами желание обмениваться послами и купцами, названные миссии окончились неудачей по разным причинам, в частности, из-за отказа представителей России исполнять церемонию коутоу — поклона в ноги маньчжурскому императору. 80-е годы XVII века принесли новые стычки, поэтому царское правительство, занятое подготовкой к войне с Турцией (в 1686 г. Россия вступила в союз европейских государств: Австрии, Венеции и Польши и обязалась выступить против Крыма — вассала Турции) и внутренними распрями Софьи и Петра, предпочитая мирное решение спорных проблем на Дальнем Востоке, послало в 1686 г. в Китай Федора Алексеевича Головина (1650–1706). 27 августа 1689 г. в Нерчинске был подписан первый русско-китайский договор, по которому Россия отказалась от Приамурья, но получила возможность торговать с Китаем, закрепленную во время миссии в 1692–1694 гг. проживавшего в России голландского купца Эберта Избранта Идеса. В 1715 г. в столицу Цинской империи прибыл первый русский священник, чем, по сути, было положено начало деятельности там Русской Православной церкви. Формально она должна была обслуживать духовные запросы переселенных в Пекин русских пленных, на деле же, особенно после создания в 1720 г. Российской духовной миссии и подтверждения ее правового статуса в Кяхтинском договоре 1728 г. (это был второй трактат Цинского Китая с Россией и вообще с какой-либо иностранной державой), она занималась политической и научной деятельностью: изучением китайского, маньчжурского и монгольского языков и переводами с них на русский.

Описанные события создали объективные потребности и возможности для возникновения российского китаеведения (данный термин мы будем использовать несколько расширительно, включая в него маньчжуроведение, монголистику и тибетологию, так как для ранних этапов становления их разделение было бы затруднительно, не всегда обосновано, да и не нужно, ибо все они фокусировались в Китае).

П. Е. Скачков (1892–1964), ученик В. В. Бартольда (1869–1930), родоначальника историографического направления в русском востоковедении (*Академик В. В. Бартольд.* «Сочинения». Том IX. «Работы по истории востоковедения». М., 1977), и сам крупный историограф, автор, несмотря

на 20 лет тюрем, лагерей и ссылок, огромного и до сих пор неповторенного труда «Библиография Китая» (первое издание вышло в 1932 г., второе, переработанное и дополненное, почти вдвое большего объема — в 1960 г.), в своих «Очерках истории русского китаеведения» (М., 1977) предложил собственную периодизацию развития русской китаистики. Она состоит из пяти периодов:

1. 1608–1727: географическое сближение и установление первых контактов России сначала с Минским, а затем Цинским Китаем, накопление сведений о восточном соседе, первые договоры, первые попытки написания трудов о географическом и политическом положении Китая (П. Е. Скачков избрал 1608 г. в качестве точки отсчета, поскольку именно тогда царем Василием Шуйским было отправлено посольство к западномонгольскому Алтын-хану и в Китайское государство, которое, однако, до них не добралось; в 1616 г. новое посольство Василия Тюменеца достигло ставки хана, но вернулось, так и не побывав в Китае).

2. 1727–1805: развитие экономических и политических связей между двумя странами, изучение Китая и его соседей членами Духовной миссии в Пекине, начало академических исследований истории, культуры, языков маньчжуров, китайцев и других народностей, населявших Цинскую империю.

3. 1805–1860: начало нового этапа, связанного с развитием капитализма в России, появление прогрессивных, демократических тенденций, введение преподавания китаеведческих дисциплин в университетах, достижение уровня мировой синологии.

4. 1860–1895: активизация политики царской России на Востоке, политические сдвиги в обоих государствах, появление работ, критически осмысливающих настоящее и прошлое Китая, возникновение тенденций и дифференциации китаистики.

5. 1895–1917: изучение Китая в условиях революций и восстаний в обеих странах, ослабления позиций России на Дальнем Востоке и приближения Октябрьской революции.

Думается, что, учитывая характер настоящей работы, нет необходимости вступать в детальную полемику с автором приведенной периодизации, но следует добавить шестой, советский период и отметить, что 90-е годы XX века стали стартом седьмого, «новороссийского» периода, о котором, однако, судить и писать будут лишь последующие поколения русских китаеведов.

Первые сведения о стране «Хатай» (Северный Китай), «Чин, Мачин» (Южный Китай) и производстве там фарфора попали в Россию из Индии через Афанасия Никитина (ум. в 1472; «Хождение за три моря». М.; Л., 1948. С. 65). Более конкретные данные представлены в докладе И. Петли-

на «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым, и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам» (первое полное издание вышло в 1818 г., затем он переиздавался в 1908 и 1913 и несколько раз в советское время). Кроме того, И. Петлин привез «чертеж Китайского государства», не сохранившийся, однако, до наших дней. Но главным его достижением было открытие ранее неизвестного пути в Китай через Саяны, Гоби, вдоль Великой стены и затем через Чжанцзякоу (город в провинции Хэбэй, в 150 км к северо-западу от Пекина).

Федор Исакович Байков прошел в Китай другим, более длинным путем, через Восточный Казахстан и южные районы Внутренней Монголии. Официальная цель его посольства не была достигнута, но зато он хорошо справился со второй задачей — сбором информации. В его «Статейном списке» рассказано о новом пути в Китай, о котором ничего не было ведомо ни в России, ни на Западе, деталях жизни и быта китайцев и маньчжуров, столице Цинской империи и многом другом. Неудивительно, что «Список» вызвал большой интерес, но (как это нередко бывало в прошлом и случается сегодня) прежде всего за рубежом: сначала он вышел в Париже (между 1666 и 1672 гг.), затем был переведен на латынь, немецкий, английский и другие западные языки; в России же он появился лишь в 1755, а затем издавался в 1788, 1820 и 1849 гг., а в СССР — только во фрагментах.

Небольшим, но очень интересным текстом являются «Ведомости о китайской земле и о глубокой Индеи» тобольского воеводы (1667–1670) П. И. Годунова «со товарищи», составленные в 1668–1669 гг. на основе расспросов русских, бухарцев, калмыков, по тем или иным делам посетивших Китай (они опубликованы П. Е. Скачковым в 1961 г. в выпуске II «Стран и народов Востока»). Это своеобразный свод сведений, попавших в Россию к концу 60-х годов XVII в., о физической географии, экономике, торговле, управлении страной, повседневном быте населения Китая и других сторонах жизни Цинской империи. Годунову же принадлежат первые попытки организовать в Тобольске школу переводчиков монгольского и «тангуцково (тибетского)» языков.

Посольство Николая Гавриловича Милеску-Спафария (1636–1708) было наиболее подготовленным и обеспеченным образованными людьми, к коим относился и сам Милеску. Выходец из молдавских бояр, он учился в Константинополе и Падуе, изучал философию, историю, литературу, математику и естественные науки, знал турецкий, арабский, латинский, итальянский и греческий языки. Однако для его миссии не удалось найти хороших переводчиков, так как их попросту не было в тогдашней России. Результатом его поездки, с формальной стороны неудачной, явилось «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит

Китайское государство, с прочими его городы и провинции», которое Спафарий закончил в 1677 г. «Описание» разделило судьбу «Списка» Байкова: в России оно было опубликовано лишь в 1910 г., тогда как во Франции вошло в книгу Филиппа Авриля (*Avril Ph.* «Voyage en divers états d'Europa et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine»), изданную в Париже в 1692 г.

Таким образом, попытки России установить с Китаем нормальные дипломатические и торговые отношения в XVII в. не увенчались успехом, однако побывавшие там миссии обогатили российскую и мировую науку ценными, в значительной мере пионерскими сведениями о Срединной империи и путях туда, стимулировали изучение в России маньчжурского, монгольского и китайского языков, создали основу для научной синологии.

Нерчинский договор, затормозивший продвижение России на Дальний Восток, в то же время приоткрыл двери Китая для российских купцов (китайские торговцы в Москву не ездили) — примерно один казенный караван (сначала до 400, позже 200 человек) раз в три года. Кроме того, в Китай направлялись и частные караваны; обнаруживались и все новые, более удобные и короткие пути. Иначе говоря, количество россиян, побывавших в Китае, а проводили они там иногда до года, постоянно увеличивалось, следовательно, усиливался и поток поступавшей оттуда информации. О своих поездках написали Идес и секретарь его посольства Адам Бранд — их краткие записки вышли в 1696 и 1698 гг. в Берлине, затем труд Идеса под названием «Dreijahrige Reise naar China» был опубликован в Амстердаме в 1764 г. (в 1706, 1707 и 1718 гг. он был переведен на английский, немецкий и французский) и только в 1789 г. «Путешествие... отправленного из Москвы в Китай господина Э. И. Идеса посланником в 1692 марта 14» появилось в России. Дневники Идеса и Бранда оцениваются не очень высоко, несмотря на то, что, в отличие от своих предшественников, Идес мог воспользоваться в Пекине услугами квалифицированных переводчиков — миссионеров Ф. Жербийона и Т. Перейры.

Богатый материал содержится и в «Beschreibung des Königreichs China» шведа на российской службе Л. Ланга (Laurent de Lange, умер после 1738 г.), шесть раз ездившего в Китай в период 1715–1737 гг. и иногда подолгу там остававшегося. Наблюдательный человек, Ланг и сам многое увидел и у других немало узнал, в частности, у иезуита К. Штумпфа (Kilian Stumpf, 1655–1720), с 1694 г. проживавшего в Пекине и по приказу Шэн-цзу (Кан-си, 1662–1722) состоявшего при Ланге одним из двух переводчиков — вторым был Д. Паренин (Domenico Parrenin, 1665–1741, в Китае с 1698 г.). Дневники Ланга публиковались на западных языках,

некоторые фрагменты их были впервые переведены на русский только в 1961 г. («Страны и народы Востока». Вып. II. М., 1961. С. 188–205), и лишь описание путешествия 1721–1722 гг. дважды выходило на русском в 1776 и 1882 гг. С китаеведческой точки зрения особо важными были его четвертое (1727–1728 гг.) и последнее (1736–1737) путешествия, поскольку он привез из них значительное количество китайских и маньчжурских книг, положивших начало восточной библиотеке Академии наук (позже она вошла в состав Азиатского музея, а затем Института востоковедения) и установил связи с католическими миссионерами в Пекине, в частности с Парениным. Сведения, собранные Лангом, значительно обогатили географические, этнографические и исторические данные о Китае.

Отметим, что в рассматриваемое время несколько китайских посольств посетило Россию (в 1713, 1731, 1732 гг.).

В 1711 г. было получено разрешение на приезд в Китай священников, и в 1715 г. первая их группа отправилась в Пекин, где была принята очень хорошо и зачислена на службу цинского двора (вплоть до подписания Тяньцзиньского трактата 1858 г. члены миссии жили за счет жалованья, получаемого от китайских властей, а затем содержались российским правительством). И тогда, и позже (до 1860 г.) им было запрещено Петербургом вести религиозную пропаганду среди местного населения, и они обслужили только немногочисленных албазинцев.

Договоры 1727 (Буринский) и 1728 гг. (Кяхтинский) среди прочего оформили статус Российской духовной миссии. В частности, в ее составе могли находиться три священника (вместо прежнего одного) и шесть студентов, которым разрешалось изучать языки Китая. Уже в 1734–1735 гг. Миссией была проделана определенная работа по составлению китайско-маньчжуро-русского словаря, по которому священники учили оба языка. Словарь, вероятно, дорабатывался в Пекине, когда четвертую миссию (1744–1755) возглавил Г. Ленцовский (умер в 1769), но, будучи привезенным в Москву, он пропал, поэтому ничего конкретного о нем неизвестно.

Из 9 человек в трех группах, приехавших в 1727–1732 гг. в Пекин учиться, упоминания заслуживает И. К. Россохин (1717–1761). Пробыв в Китае с 1729 по 1741 г., он овладел китайским и маньчжурским языками, что позволило ему, с одной стороны, перевести на маньчжурский часть «Грамматики русского языка» М. Г. Смотрицкого (1578–1633), а с другой — преподавать в России китайский и маньчжурский («школа Россохина»: 1741–1751 гг.), пользуясь китайскими методами, программой и пособиями: «Цянь-цзы вэнь» («Текст из тысячи знаков» Чжоу Син-сы, умер в 520 г.), «Сань-цзы цзин» («Книга из трехзнаковых фраз» Ван Ин-линя,

1223–1296; обе они являлись учебниками для начального обучения) и «Сы шу» («Четверокнижие»: «Лунь-юй», «Да сюэ», «Чжун юн» и «Мэн-цзы»; см. выше «Китайские истоки»), причем два первых он перевел на русский. Переводы были главной частью научного творчества Россохина (ими же занимались и его ученики, например Я. Волков). К сожалению, из-за недоброжелательного отношения к нему со стороны немцев — членов основанной в 1725 г. Академии наук, охотно, впрочем, пользовавшихся его работами в своих публикациях, труды Россохина так и остались лежать неизученными в архивах, чем был нанесен огромный урон российскому китаеведению. Россохину принадлежит также первая русская транскрипция китайского и маньчжурского языков.

Особенности политики Петра I привели к тому, что первым российским академиком-китаистом стал немец Т. З. Байер (Teofil Siegfried Bayer, 1694–1738), приглашенный в Петербург в 1725 г., не знавший и не желавший знать русского языка и не оставивший сколь-нибудь заметного следа в российской науке: «Museum sinicum in quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur» (1730).

Первым учебным заведением, готовившим переводчиков с маньчжурского и китайского, еще до Россохина, была школа Чжоу Гэ (ум. в 1751), вероятно, маньчжура, не очень образованного, в прошлом цинского военного. Она просуществовала недолго (1739–1743 гг.) и имела всего двух учеников, но одним из них был А. Леонтьев (1716–1786), крупнейший русский китаист XVIII в., вместе с И. К. Россохиным заложивший основы китаеведения в России. Добившись хороших результатов в учебе у Чжоу Гэ, Леонтьев был послан в Пекин, где пробыл с октября 1743 по июнь 1755 гг. Уже там он проявил исключительное трудолюбие: составил русско-маньчжуро-китайский разговорник, хронологическую таблицу Китая по династиям и перевел «Журнал... осады Албазина и переговоров с Ф. Головиным в Нерчинске». По возвращении на родину он начал совместно с Россохиным, а после смерти того в 1761 г. — единолично продолжил работу над переводом 16-томного «Обстоятельного описания происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осми знаменах состоящего». Она была закончена в 1762 г., но из-за козней немецких ученых в АН книга увидела свет лишь в 1784 г. Расцвет его научного творчества пришелся на период после 1769 г. Сотрудничая с сатирическими журналами известного просветителя и общественного деятеля Н. И. Новикова (1744–1818), Леонтьев опубликовал ряд переводов исторических, географических, философских и других трактатов, в частности: «Сы-шу геы, то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Конфуция» («Да сюэ», 1780), «Джун-юн, то есть закон непреложный» (1784), часть «И цзина» — «О двойственных действиях духа Инь Ян из китай-

ской книги, И Гин называемой» (1782), «Уведомление о чае и шелке» (1775), «Описание китайской шахматной игры» (1775), а также, по специальному приказу Екатерины II, цинский кодекс «Тайцин Гурунь и Ухери Коли» (1782 г.). В этом заказе императрицы имелась политическая подоплека: Екатерина искала в истории, философии и законах Китая обоснование собственной деспотической власти.

Помимо научных занятий, Леонтьев организовал школу переводчиков (1763 г.), но никаких материалов о ней не сохранилось.

Россия XVIII века, занятая европейскими делами, еще не была готова к надлежащему восприятию Срединной империи и научному ее изучению. Этим и объясняются трудности, с какими сталкивались первые российские синологи: руководство и большинство членов Миссии не интересовались ни Китаем, ни его языками, поэтому, в отличие от положения, существовавшего в католических и протестантских миссиях, в ней не было интеллектуальной атмосферы, которая благоприятствовала бы изучению Китая, отсутствовала даже библиотека, и уж, конечно, никого не волновало, что официальные учителя приходили на занятия к ученикам крайне редко. Только при С. Грибовском (умер в 1814 г.), начальнике 8-й миссии (1794–1807), который сам увлекался Китаем и даже напечатал три статьи о нем, ситуация несколько улучшилась — на деньги Миссии был нанят частный учитель, а в 1795 г. началось формирование библиотеки, причем первые книги подарил ей сам Грибовский.

Неблагоприятная обстановка и в Пекине, и в Петербурге приводила к тому, что очередные исследователи повторяли работу своих предшественников, поскольку труды тех не публиковались, например, большой маньчжуро-русский словарь (составленный в 1776 г.) Ф. Бакшеева (умер в 1787 г.) или переводы с маньчжурского («Краткое хронологическое расписание китайских ханов... от начала Китайской империи по 1786», «Джунгин, или Книга о верности», 1788 г. и др.) А. Агафонова (умер в 1794); подготовленный же А. Г. Владыкиным (1761–1811) «Краткий летописец китайских царей» (1808) Коллегия иностранных дел (КИД) не согласилась напечатать за казенный счет и предложила ему самому оплатить его издание. И последний штрих: в 1798 г. при КИД была наконец официально учреждена школа переводчиков с восточных языков: китайского, маньчжурского, персидского и других, куда впервые учеников набирали не из духовных семинарий. Несмотря на очевидную потребность в таком заведении, занятия, по крайней мере по первым двум языкам, прекратились уже в 1801 г., хотя вел их хороший специалист А. Г. Владыкин, переводчик КИД, проживший в Китае четырнадцать лет (1780–1794). Очевидно, что российское китаеведение складывалось в совершенно иных условиях, чем европейское.

Начало XIX в. отмечено двумя событиями, имеющими научное значение: участие Ю. Клапрота (см. «Германия») в неудачном посольстве Ю. А. Головина (1805 г.), содействовавшее развитию немецкой китаистики, и отправка 9-й миссии (1807–1821) во главе с Н. Я. Бичуриным (Иакинфом, 1777–1853), крупнейшим русским китаеведом своего времени.

Отец Иакинф, окончивший в 1799 г. Казанскую духовную академию и пробывший затем 14 лет (1808–1821) в Китае, являлся широкообразованным человеком. Он владел латинским, греческим, французским, китайским, монгольским и маньчжурским языками. Пребывание в Китае было использовано им для тщательного изучения Пекина и его окрестностей, жизни его жителей, истории и культуры страны, овладения ее языками и установления знакомства с католическими миссионерами А. Семедо (см. «Германия»), Ж.-Б. Грозье, Ж. Б. Дюгальдом, Ж. де Майя (см. «Франция») и их трудами. Благодаря такому багажу Бичурин оказался хорошо подготовленным к роли, отведенной ему судьбой: весьма плодовитого переводчика и исследователя и талантливого педагога. Диапазон его интересов очень широк, а количество написанных, частью неопубликованных, работ очень велико. Отметим, что Бичурин первым осознал необходимость изучения Тибета, Туркестана и Монголии, через которые вели пути, связывавшие Китай с Россией, Средней и Западной Азией и Индией, и посвятил этим занятиям многие годы, прежде чем приступить к исследованию собственно Китая. Уделяя большое внимание современности и международным связям цинской империи, а также таким специальным темам, как, например, китайская медицина, Бичурин все же прежде всего был историком, и значительная часть его трудов посвящена китайской древности. Упомянем лишь некоторые из его работ: «Описание Тибета...» (1828, французские переводы в 1829 и 1831 гг.), «Описание Пекина. С приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.» (1829, французский перевод тогда же), «Записки о Монголии...» (1829), «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» (1829), «История первых четырех ханов из дома Чингисова» (1829), «Сань-цзы цзин» (1829), «История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р. Х. до 1227 г. по Р. Х.» (1833), «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени» (1834), «Китайская грамматика» (1835, дополненный вариант — 1838, переиздана Пекинской духовной миссией в 1908 г.), «Статистическое описание Китайской империи» (1842), «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848) — за последние четыре произведения Иакинф четырежды награждался Демидовской премией. Ее же он получил за свой последний труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851, переиздан в трех томах в 1950–1953 гг.). Бичурину принад-

лежит также первая в России нумизматическая работа. С его именем связана и деятельность Кяхтинской школы китайского языка (формально: 1835–1862/1867, фактически: 1830–1861), открытой по его инициативе. Он являлся ее первым и лучшим преподавателем, создал программу (впервые в России, ибо школы Чжу Гэ, Россохина и др. работали без программ) и обеспечил ее пособиями. Многогранная и очень успешная деятельность Н. Я. Бичурина оставила глубокий след в истории российского китаеведения, она заметно повлияла на умонастроения современников и их научный кругозор, ознакомила их с доселе совершенно неизвестными им событиями и фактами, внесла коррективы в их взгляды на Китай, его историю и культуру. Многие его труды остаются в научном обороте и сегодня.

Первая половина XIX в., когда российская китаистика находилась, условно говоря, на «бичуринском этапе» своего развития и проявлялась главным образом в связи с деятельностью Пекинской духовной миссии (ПДМ), характеризовалась двумя группами противоположных явлений. С одной стороны, обучение в ПДМ было по-прежнему поставлено плохо: официальные учителя работали неудовлетворительно, а их уровень оставлял желать лучшего; условия жизни были довольно тяжелы; многие труды синологов, в том числе и такие, которые могли бы составить гордость науки, не печатались; большинству студентов ПДМ приходилось повторять работу своих предшественников, в частности в области составления словарей; среди работ доминировали переводы, тогда как оригинальные исследования составляли незначительную долю и т. д. На это же время пришлась и Первая опиумная война (1840–1842; см. «Великобритания»), косвенно осложнившая отношения России с Китаем и увеличившая нагрузку членов миссии по сбору и передаче политической и экономической информации для нужд правительства.

Однако, с другой стороны, в ту же пору произошли значительные сдвиги: люди посылались в Китай по собственному желанию, а не по принуждению; их готовили в этому заранее; студенты отбирались в университетах, а не в духовных академиях; начальниками ПДМ назначались лица, до этого уже побывавшие в Китае (П. И. Каменский, В. Морачевич, П. Тугаринов, П. Кафаров и Г. Карпов); поправилось ее финансовое положение и возрос интерес к ее работе со стороны Азиатского департамента МИДа; богаче стала библиотека. В состав очередных миссий стали входить врач (с десятой: 1821–1830) и художник (с одиннадцатой: 1830–1840), что позволило расширить тематику исследований: в частности, в 30-е годы XIX в. началось серьезное изучение китайской медицины (П. Е. Кирилов, А. А. Татаринов и др.). С каждой очередной группой все лучше становилось знание языков: китайского и маньчжурского (именно в ПДМ возникла

российская маньчжуристика как наука: И. К. Россохин, Ф. Бакшеев, А. Г. Владыкин, А. Л. Леонтьев, П. И. Каменский, С. В. Липовцов и др.), а также тибетского и монгольского, что позволило, в частности, перевести на китайский первые три тома «Истории Государства Российского» Карамзина (З. Ф. Леонтьевский), а на маньчжурский — «Царствование Петра I» и «Царствование Николая I» (М. Д. Храповицкий). Общим выражением достижений миссии было издание четырех томов «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине» (СПб., 1852–1866). В итоге в России появилась плеяда ученых, хорошо знавших один, а чаще — несколько языков Китая. Диапазон их исследований был чрезвычайно широк: филология, история, этнография, медицина, география, современная им тематика, российско-китайские отношения и т. п. Назовем некоторые имена.

П. И. Каменский (1765–1845) являлся учеником 8-й и начальником 10-й миссий, плодовитым переводчиком, особенно с маньчжурского («Тунцзянь ган-му», раздел «Бэньцзи» из «Юаньши» и др.), отчасти повторяющим труд Бичурина, который переводил с китайского. Составленный им проект инструкции для миссии, утвержденный Александром I в 1818 г., значительно увеличил эффективность работы последующих ПДМ и содействовал тем самым и развитию российского китаеведения. Каменский составил также китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинский, фразеологический, медицинский и другие словари, оставшиеся, как и большинство его работ, в рукописях. Привезенные им из Китая книги существенно пополнили библиотеки Иркутска, Петербурга и Москвы.

С. В. Липовцов (1770–1841) также главным образом занимался переводами с китайского (истории династий Мин и Цин) и на маньчжурский (фрагменты Библии), опубликовал «Манжурский букварь» (1839) и (совместно с Каменским) «Каталог китайским и японским книгам...» (1818 г.) и составил несколько словарей, которые, увы, тоже не были напечатаны.

Ценным вкладом в мировую синологию стал бы, будь он опубликован, китайско-маньчжуро-русский словарь З. Ф. Леонтьевского (1799–1874), снабженный к тому же библиографической справкой об использованных им китайских лексикографических трудах (в их числе крупнейший для того времени «Кан-си цзыдянь», вышедший в 1716 г.). Заслугой Леонтьевского был упоминавшийся перевод на китайский трех томов «Истории» Карамзина и публикация множества статей разнообразной тематики.

Иеромонах 10-й миссии, в будущем — первый заведующий первой же кафедры китайского языка (в Казанском университете) Д. П. Сивиллов (Даниил, 1798–1871) сделал немало в области изучения истории и философии Древнего Китая и перевода ранних текстов: «Любомудрие Конфуция...», «Дао-дэ цзин», «Краткое обозрение трех существующих в Китае вероисповеданий, известных под именем конфуцианского, даосского

и фоевского» (все в 1828 г.), «История династии Чжоу», «Сы шу» (1840–1842), «Ши цзин», «Шу цзин» и «Мэн-цзы» (1855), составил несколько словарей и первую в России «Китайскую хрестоматию» (1840). К сожалению, опубликовать ему удалось только «Всеобщую историю Китая» (1838) и фрагмент «Драгоценного зеркала для просвещения ума».

Первым профессиональным художником, включенным в состав ПДМ, был выпускник (1826.) Петербургской Академии художеств А. М. Легашев (1798–1865). В его обязанности входил сбор информации о составе и применении китайских красок, а также рисование в натуральных тонах и реалистично людей разных народностей, их одежды, предметов быта, музыкальных инструментов, оружия, зданий, животных, растений и даже снятие надписей на камнях и монетах, т. е. своеобразное «фотографирование» всех элементов жизни народа. К сожалению, почти ничего из его наследия не сохранилось, а сам художник, несмотря на его бесспорный талант, недолюбливаемый царем, скончался в нищете.

Знатоком тибетского языка, изучавшим также китайский, маньчжурский и монгольский, был Д. С. Честной (Аввакум, 1801–1860), переведший с китайского материалы по истории Китая и Кореи (в частности, из «Вэнь-сянь тун-као» и «Эр я»), с тибетского — краткую грамматику, а на этот язык — фрагменты Библии, но все его труды остались в рукописях.

Среди членов ПДМ было несколько врачей, чей труд, как профессиональный, так и синологический, заслуживает уважения. Один из них — О. П. Войцеховский (1793–1850), успешно лечил местное население, особенно во время эпидемии холеры, поразившей Пекин в 1820–1821 гг. Это принесло ему славу и почет среди жителей китайской столицы. Он занимался также проблемами ботаники. Хорошо выучив маньчжурский и китайский, Войцеховский составил 3-томный маньчжуро-китайско-русский словарь, от которого мало что осталось, а в 1844 г. в Казанском университете стал первым в России профессором-маньчжуроведом. Для своих студентов им были написаны «Грамматические правила маньчжурского языка», «Учебные статьи» и другие пособия, которые разделили судьбу его словаря.

Не повезло и П. Е. Кирилову (1801–1864?), который медицинским мастерством вкупе с хорошим знанием китайского языка снискал расположение к себе (а заодно и к миссии) двора и чиновничества. Он привез в Россию богатую коллекцию растений, особенно лекарственных, которая была востребована лишь через 10 лет, когда уже погибло почти 90% гербария. Разделил их участь и чайный куст, ибо никого не заинтересовала идея Кирилова разводить его в России. О достижениях Кирилова в области ботаники красноречиво говорит тот факт, что нескольким представителям

флоры присвоено его имя (*Kirilowia* Bunge, *Trichosanthes kirilowii* Maxim., *Spirorhynchus* Karel. et Kiril., и др.). Неизвестна также судьба русско-китайского словаря и других манускриптов Кирилова.

Любовью своих пациентов пользовался еще один врач ПДМ А. А. Татаринов (1817–1876), тоже собравший богатые ботанические коллекции, особенно флоры Пекина, для которых китайские художники изготовили почти 500 тщательно выполненных рисунков. Его перу принадлежит значительное количество статей по китайской медицине, основанных на первоисточниках, непревзойденным знатоком которых Татаринов стал за время пребывания в Пекине (12 миссия, 1840–1849).

Сверенный с китайским оригиналом перевод с маньчжурского истории чжурчжэней «Цзинь ши» Г. М. Розова (1808–1853), если бы он сразу же появился в печати, стал бы первым переводом этого источника на европейский язык. Розов составил также маньчжуро-русский словарь, который современники считали лучшим, и грамматику маньчжурского языка.

Талантливым исследователем истории маньчжурского народа был В. В. Горский (1819–1847), усердно изучавший в Пекине китайский, маньчжурский, монгольский и тибетский, но ранняя смерть от туберкулеза не позволила ему раскрыть свои способности. В рукописях остались его переводы тибетских и буддийских текстов.

Не опубликованы и работы М. Д. Храповицкого (1816–1860?), в том числе важные труды, затрагивавшие вопросы древней истории Китая: «Материалы для истории уголовного законодательства в Китае», «Историческое обозрение монетной системы», «История династии Цинь» и др. Ему же принадлежит перевод на маньчжурский «Царствования Петра I».

Среди российских китаистов XIX в. нельзя не назвать Палладия (Петра Ивановича Кафарова, 1817–1878), автора лучшего для того времени «Китайско-русского словаря» (т. 1–2, 1888; работу над которым закончил П. С. Попов) — одного из трех самых значимых словарей, созданных русскими и советскими синологами; два других — это «Полный китайско-русский словарь» под редакцией епископа Иннокентия (т. 1–2, 1909) и «Большой китайско-русский словарь» (т. 1–4, 1983–1984), коллективный труд под редакцией И. М. Ошанина. Кафаров основательно изучил раннюю историю буддизма и жизнь его основателя, был знатоком истории монгольского народа и мусульманской литературы на китайском языке, инициатором издания «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине», в которых напечатаны многие его работы, в частности переводы: «Старинное монгольское сказание о Чингис-хане» (1866), «Описание путешествия даосского монаха Чан-Чуня на запад» (1866), «Секретная история династии Юань» (1866). Из других трудов назовем «Жизнеописание Будды» (1852), «Исторический очерк древнего буддизма» (1853),

«Старинные следы христианства в Китае по китайским источникам» (1872), «Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии» (1879) и «Комментарий... на путешествие Марко Поло по Северному Китаю» (1902). Палладию повезло — почти все его работы опубликованы в «Трудах членов РДМ» и различных журналах.

К. А. Скачков (1821–1883), по образованию астроном и агроном, заведующий метеорологической обсерваторией в Пекине (1850–1857), специалист по сельскому хозяйству и ремеслу Китая, значительное внимание уделял древней истории: «История астрономии Ханьской династии», «Материалы для изучения китайской астрономии и метеорологии», «Исчисления лет, начиная с создания мира», «Яо дянь» (перевод главы из «Шан шу») и др., которые, к сожалению, не были опубликованы, так же как и составленный им китайско-русский словарь. Неудачей окончились и его попытки наладить в России печатание китайским шрифтом и разведение шелкопряда: они не встретили должного понимания и поддержки. Все же усилиями Скачкова некоторые растения, например люцерну посевную, стали выращивать в России. Богатая библиотека ученого осталась в России лишь благодаря иркутскому купцу Родионову, приобретшему и подарившему ее Румянцевскому музею, ибо у Академии наук не оказалось денег на ее покупку.

Как видно, условия для занятий китаеведением в России первой половины XIX в. в общем были неблагоприятными: материальное обеспечение людей, знавших язык, — незавидным, престиж их профессии — низким, а главное — происходила пустая трата знаний, так как их труды не публиковались и практически не использовались. Много сил и времени уходило на постоянное повторение уже пройденного другими пути. Лучшей иллюстрацией этому служит судьба словарей. Их составляли Леонтьев, Бакшеев, Бичурин, Каменский, Липовцов, Леонтьевский, Розов, Кирилов, Попов, Сивиллов, Войцеховский, Рушко, Огородников и другие, а повезло только не очень удачным опусам И. Поликина («Русско-китайский словарь разговорного языка», Пекин, 1867) и В. П. Васильева («Опыт первого китайско-русского словаря», СПб., 1867), но и они вышли только во второй половине XIX в. В результате первым настоящим словарем китайского языка приходится считать словарь Палладия, который, как указывалось, увидел свет лишь в 1888 г.

Однако именно в это время были заложены основы дальнейшего развития российского китаеведения, появилась довольно значительная группа знатоков китайской действительности, истории, культуры и языков, и начался процесс институционализации обучения синологии. Важнейшим проявлением последнего явилось создание в Казанском университете (КУ) в 1807 г. восточного факультета, а в 1837 г. в рамках его — кафедры

китайского языка. Этот акт означал успешное завершение столетних усилий светлых умов России (Г. Я. Кер — 1733 г., граф Потоцкий — 1802 г., С. С. Уваров — 1810 г., М. М. Сперанский — 1820 г. и др.) по организации преподавания восточных языков, и в частности — китайского и маньчжурского, в университетах страны. Кафедру возглавил Д. П. Сивиллов (Даниил), разработавший «Конспект для преподавания китайского языка» и ряд уже названных выше пособий. После его ухода по болезни в 1844 г. во главе встал О. П. Войцеховский, а по его смерти 7 ноября 1850 г., с января 1851 г. — В. П. Васильев, незадолго до этого вернувшийся из Китая. В 1855 г. восточный факультет КУ был закрыт, а его личный состав, часть студентов и библиотека переведены в Петербург. С этим событием можно связывать начало нового этапа развития российского китаеведения.

В Петербургском университете (ПУ) указом Николая I факультет восточных языков (ФВЯ) был создан 22 октября 1854 г., а церемония открытия состоялась 27 августа 1855 г. Тем самым в России наконец-то была образована научная организация, которая затем многие десятилетия определяла лицо российского и советского китаеведения (и востоковедения в целом).

В составе ФВЯ с самого начала стала работать кафедра китайского и маньчжурского языков. Ее возглавил В. П. Васильев (1818–1900), многогранная и неутомимая деятельность которого наложила отпечаток на российское китаеведение второй половины XIX века. Он был крупнейшим знатоком буддизма: «Буддизм, его догматы, история и литература», 1857 (немецкий «Der Buddhismus, seine Dogmen...», 1860, и французский «Le Bouddhisme, ses dogmes...», 1863, переводы), историком Китая и его соседей: «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.» (1859), «История Китая» (б. г.), «Сведения о маньчжурах...» (1863), исследователем философии и литературы: «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм» (1873), «Очерк истории китайской литературы» (1880). Его перу принадлежит также маньчжурская (1863; первое в России учебное пособие по этому языку) и трехтомная китайская (1868) хрестоматии, а также «Маньчжуро-русский словарь» (1866) и уже упоминавшийся «Опыт первого китайско-русского словаря» (1867), для которого Васильев разработал простую и удобную систему расположения знаков по их графике, применяемую в России (и СССР) до сих пор. Несомненную ценность представляют и его статьи. К сожалению, не все написанное им напечатано.

Крупным, европейского масштаба ученым, много сделавшим для исследования древней и средневековой истории и особенно исторической географии Китая и Центральной Азии, был доктор медицины Э. В. Брет-

шнейдер (Emile Bretschneider, 1833–1901). Проведя в Китае около 18 лет (1866–1884) в качестве врача миссии, а затем учрежденного в 1860 г. посольства, он хорошо выучил китайский и монгольский языки и собрал большой материал по интересующим его темам, а также крупные коллекции флоры, которую посылал не только в Россию, но и в другие страны Европы, в США и отдельным заинтересованным ученым. Бретшнейдер оставил множество рукописей и опубликовал более 40 трудов, в том числе: «Ta-Ts' in-kuo» («Chinese Recorder», III), «On the Knowledge Possessed by the Ancient Chinese of the Arabs...» (1871), «Notes on Chinese Mediaeval Travellers to the West» (1875), «Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia» (1876), «Archaeological and Historical Researches on Peking...» (1876), «Botanicon Sinicum» («Journal of the N. Ch. Branch of the R. A. S.», pt. I–III, 1881, 1892, 1895), «Mediaeval Researches From Eastern Asiatic Sources» (vol. 1–2, 1888), «History of European Botanical Discoveries in China» (vol. 1–2, 1898), «Geschichte der Mongolen» (манускрипт) и др.

Немалый вклад в изучение Китая внесли и ученики Васильева. П. С. Попов (1842–?), упоминавшийся в связи с дополнением и изданием словаря Палладия, сам подготовил незаменимый в то время «Русско-китайский словарь», выдержавший три издания: 1879 (СПб.), 1896 (Пекин) и 1900 (Токио). Кроме того, в «Трудах III съезда ориенталистов» (СПб., 1876) он опубликовал «Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая», перевел «Мэн-гу ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях» (1895) и, обратив первым внимание на реформаторское движение в Китае, написал ряд статей о нем, а затем о восстании ихэтуаней.

Две заметные работы общего характера: «Принципы жизни Китая» (1888; конфуцианство, даосизм, культ предков и т. п.) и «Важность изучения Китая» (1890) оставил С. М. Георгиевский (1851–1893), впервые поставивший в русском китаеведении вопрос о синологии как совокупности наук, противник евроцентризма, ратовавший за одинаковый подход к изучению истории Китая и европейских стран.

Автором единственного перевода и нескольких публикаций о хронике «Чунь-цю» был Н. И. Монастырев (1851–1881): «Конфуциева летопись Чуньцю», «Примечания к Чуньцю», «Заметки о... Чуньцю и ее древних комментаторах» (все — 1876); неизвестна судьба принадлежавших ему же «Очерков исторической географии Китая».

Чтобы картину состояния российского китаеведения 2 половины XIX в. сделать более полной, заметим, что в процессе подготовки специалистов определенную роль сыграли школы восточных языков в Урге (1865–1917) и Кульдже (1884–ок. 1895), а также китайские преподаватели ПУ, как правило — сотрудники посольства. Его характерной чертой были также постоянные и разносторонние контакты с синологами Западной Европы,

концентрированным выражением чего явился III международный конгресс ориенталистов, проведенный в августе 1876 г. в Петербурге. На нем, среди прочего, рассматривались такие вопросы, как возможность восстановления китайского языка периода Хань, миграционные движения китайцев в бассейне Хуанхэ, характер данных династийных историй о народах Средней Азии и др.

События последнего десятилетия XIX в.: захват Россией юга Ляодунского полуострова с портами Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь), прокладка через китайскую территорию туда, а также во Владивосток, железной дороги, превращение Северо-Восточного Китая в зону русского влияния, открытие Русско-китайского банка и т. п., создали новую обстановку в российско-китайских отношениях и вызвали возросшую потребность особенно в практических работниках, которую один лишь ПУ никоим образом не мог обеспечить. К тому же на переломе веков на восточном факультете ПУ и особенно на его китайском отделении сложилась весьма неудовлетворительная ситуация: не хватало профессоров и преподавателей, в частности носителей языка, количество читаемых курсов было недостаточным, и большинство студентов кончало университет слабо подготовленными к какой-либо деятельности. В 1904 г. монголист-маньчжурист А. М. Позднеев даже обратился в правительство с запиской «К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях», в которой представил ситуацию крайне плачевной. Записка вызвала бурное негодование сотрудников восточного факультета. В ответной брошюре «Заключение... по записке... А. Позднеева...» (СПб., 1905) они обвинили ее автора в желании дискредитировать и ликвидировать ВФ ПУ. Поскольку отношения Позднеева с профессурой факультета складывались в то время не лучшим образом, то он, видимо, несколько сгустил краски, но неблагополучное положение с синологическими кадрами не подлежит сомнению.

Одним из мероприятий, призванных ответить на вызов новой ситуации на Дальнем Востоке, явилось открытие в 1899 г. Восточного института (ВИ) во Владивостоке, нацеленного на подготовку практических работников со знанием китайского, японского или другого дальневосточного языка. Его первым директором (1899–1903) стал А. М. Позднеев, переведенный туда из ПУ, а преподавателями — ученики Васильева, выпускники того же университета: П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, возглавлявший институт в 1907–1917 гг., Н. В. Кюнер и др. ВИ с самого начала своего существования обладал единственной в России типографией с восточными шрифтами: монгольским, маньчжурским, затем китайским, японским и пр., а начиная с 1907 г. печатавшей книги и на русском языке. Им же издавались «Известия Восточного института». Все это способствовало

научному творчеству его сотрудников и студентов. Из более значимых работ можно назвать: *Шмидт П. П.* «Опыт Мандаринской грамматики...» (1902, II издание — 1915); *Рудаков А. В.* «Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции» (1903); «Образцы маньчжурского официального языка» (1908); *Позднеев А. М.* «Опыт собрания образцов маньчжурской литературы» (1904); *Кюнер Н. В.* «Коммерческая география Китая» (1903, 1907, 1908–1909), «Лекции по истории Китая» (1903, 1919), «Исторический очерк развития основ китайской культуры...» (1909), «Описание Тибета» (ч. 1–2, 1907–1908). Часть этих трудов и в первую очередь «Описание Тибета» — энциклопедия знаний об этой стране — не утратили значения и поныне. Кроме того, ВИ издал большое количество разного рода учебных пособий. Его деятельность оставила заметный след в истории российского китаеведения.

Между тем благодаря возвращению в качестве приват-доцентов на ВФ ПУ, после длительных командировок в Китай и Западную Европу, в 1905 г. А. И. Иванова (1878–1937), а в 1910 г. В. М. Алексеева (1881–1951) положение на факультете также начало меняться. Будучи талантливыми преподавателями, многому научившимися во время зарубежных поездок, — В. М. Алексеев, кроме прочего, в 1907–1909 гг. в составе экспедиции Э. Шаванна (см. «Франция») объехал Северо-Восточный Китай, собирая народные картины и фольклорный материал (см. его книгу «В старом Китае». М., 1958), — они внесли новые элементы в методику и содержание преподавания и повысили его уровень. Немалое значение имело и их личное научное творчество: Иванов рядом статей, опубликованных в 1909 г., положил начало тангутоведению в России, в советское время продолженному Н. А. Невским, В. С. Колоколовым, Е. И. Кычановым, М. В. Софроновым и др., Алексеев же внес значительный вклад в изучение китайской литературы, а занимая одновременно пост хранителя Азиатского музея, составил каталог его книг, которым пользовались до начала 60-х годов XX столетия. Все это тем не менее не улучшило кардинально положения на восточном факультете: помешали лихолетье Первой мировой, гражданской и прочих войн и потрясений, в которые Россия вошла в 1914 г.

Создание в 1902–1903 гг. по решению XII Международного конгресса ориенталистов (Рим, октябрь 1899) Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА, просуществовал до 1918 г.) содействовало развитию исследований археологического прошлого Китая, прежде всего его северо-западной окраины. Крупные военно-политические события в Синьцзяне во второй половине XIX в.: оккупация Россией Илийского края (1871), восстание дунган против империи Цин (1869–1877), создание независимого государства Джеты-шаар (Иэттишар, 1864–1877)

вызвали повышенный интерес правительств Англии и России к этой окраине Китая, ее истории и географии. Выяснилось, что сухой климат содействовал сохранению интереснейших памятников различных культур, нередко не отмеченных в других районах Азии. Для содействия их изучению, а также оказания помощи иностранным специалистам, направлявшимся в Китай через Россию, из крупных ученых и представителей властей и был создан РКИСВА. Комитет выполнил свои задачи достаточно успешно. В 1909–1910 и в 1913 гг. им были организованы две крупные экспедиции в Восточный Туркестан (руководитель — С. Ф. Ольденбург), кроме того, на средства Комитета состоялся ряд научных поездок: в 1909–1910 гг. в южную часть Монголии — Ц. Ж. Жамцарано (1880–1937), в 1911 г. в Китай — В. М. Алексеева, в 1912 г. в Корею — Н. И. Конрада и т. д. Эти и другие мероприятия нашли частичное отражение в печати: *Ольденбург С. Ф.* «Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана» — «Журнал Министерства народного просвещения», 1903–1904, № 6 и «Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года» (1914); *Дудин С. М.* (1863–1929), «Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая» (1917). Комитет издавал также «Bulletin de l'Association Internationale pour l'exploration historique, archéologique... de l'Asie Central et de l'Extrême Orient» и «Известия Русского комитета...», где появились отчеты Жамцарано, Алексеева и др. К сожалению, из-за кончины в 1934 г. Ольденбурга в рукописи осталась самая большая из этих работ — «Описание пещер Дуньхуана».

Недостатки университетского образования и общее неудовлетворительное состояние российского китаеведения в последние десятилетия XIX и первые — XX века, с одной стороны, и конкретные потребности в специалистах, с другой — толкали чиновников и ученых на поиски новых путей исправления существующей ситуации. Одним из них стала организация Общества востоковедения (ОВ), призванного собирать все сведения, необходимые торгово-промышленной сфере, и поэтому подчиненного сначала Министерству финансов, которое в феврале 1900 г. утвердило его устав, а с 1907 г. — Министерству торговли и промышленности. ОВ изучало возможности сбыта русских товаров в Азии, устраивало поездки туда своих членов, заслушивало доклады на проводимых им заседаниях, принимало участие в конгрессах ориенталистов и создавало отделения в пограничных городах. В 1909 г. в Харбине возникло Общество русских ориенталистов (ОРО), в том же году объединившееся с ОВ в ОРО с центром в Петербурге. Харбинское отделение в 1909–1927 гг. издавало «Вестник Азии» — научно-популярный журнал, посвященный вопросам антропологии, археологии, ботаники, геологии, искусства, литературы и этнографии.

Одной из важных форм деятельности ОВ были попытки (1901, 1906) организовать курсы восточных языков, в 1909 г. переименованные в Практическую восточную академию (ПВА). Несмотря на критику в ее адрес со стороны ряда ведущих востоковедов: В. В. Бартольда, А. И. Иванова, И. Ю. Крачковского, С. Ф. Ольденбурга и др., ПВА довольно успешно работала вплоть до Октябрьской революции, ежегодно принимая по несколько человек на китайское отделение.

Установление в России коммунистического режима, круто изменившее всю историю страны, естественно, не могло не отразиться на судьбе китаистов и китаеведения. Если произошедшие изменения оценивать в перспективе всех семи с лишним десятилетий существования советского строя, то объективности ради надо признать их неоднозначный характер. Насаждение единой идеологии и методологии, примитивизация научных исследований, вынужденных следовать априорным установкам, прямой террор в отношении многих ученых, сговор с Гитлером, вылившийся в многомиллионные жертвы, среди которых были и китаеведы, отрыв от мировой науки и заведомо враждебное к ней отношение — все это наложило трагический отпечаток на советское китаеведение. В то же время интерес Ленина к Востоку и Китаю в особенности, прямое участие граждан СССР в китайских событиях 20-х годов XX в., действия и решения Коминтерна, индустриализация страны, расширившая издательскую базу, столкновения с Японией, закончившиеся широкомасштабным наступлением советской армии в Дунбэе в 1945 г., и, наконец, образование КНР благоприятствовали огромному росту общего интереса к Китаю и осознанию необходимости развития синологии и, как следствие — существенному расширению ее возможностей. По количеству публикаций, их содержанию и разнообразию, по числу исследователей, преподавателей, студентов и занимавшихся ею различных организаций советское китаеведение превзошло дореволюционный уровень. Объем соответствующей информации мог бы заполнить большой том, поэтому мы вынуждены ограничиться изложением лишь самых основных материалов.

В истории советского китаеведения можно выделить несколько периодов: 1. Приблизительно первое послеоктябрьское десятилетие: время прихода в синологию практических революционеров, профессионально слабо или вовсе неподготовленных. 2. Конец 20-х — Вторая мировая война, сталинизация науки, ее полное подчинение идеологическим и политическим догмам и потребностям, пополнение кадров обученными китаеведами, возникновение или реактивизация научных и учебных заведений, расширение тематики и специализация исследований. 3. Послевоенный период до «перестройки» и распада СССР: постепенное освобождение от примитивного догматизма, переход в 50–60-е годы, которые можно

назвать «золотым веком» советской китаистики, к научности и профессионализму, кадровый, институциональный и издательский расцвет, некоторый регресс, связанный с «культурной революцией» в КНР и осложнениями во взаимных отношениях двух стран, выход из него и достижение новых рубежей на переломе 70–80-х годов. 4. Российский постсоветский, только формирующийся этап: отказ от прежних идеологических, политических и пропагандистских установок, создающий потенциально благоприятные условия для резкого подъема синологии, при одновременном экономическом коллапсе, резко сузившем активность ученых, ограничившем их количество и пополнение, вызвавшем трудности с изданием книг и т. п.

Важнейшим достижением первого этапа было создание институционного базиса для подготовки кадров и научной работы. Основанный в 1815 г. братьями Иваном (Ованес, 1735–1801) и Иоакимом (Овагим) Лазаревыми (Лазарьян) Институт восточных языков (Лазаревский институт), одно из важнейших учебных заведений тогдашней Москвы, в 1919 г. был реорганизован в Армянский институт, в 1920 г. — в Центральный институт живых восточных языков, а в 1921 г. — в Московский институт востоковедения (с включением в него восточного отделения Московского университета). Он просуществовал до 1954 г. в качестве учебного и, в какой-то мере, исследовательского учреждения. Хотя такой же институт возник и в Петрограде, все же основную роль в востоковедении и китаеведении постепенно стала играть Москва, причем если в Петрограде работали профессиональные ученые, продолжавшие традиции старой школы, то в Москве — политизированные любители, увлекавшиеся современностью и особенно теоретическими и практическими вопросами китайской революции 1925–1927 гг. В Военной академии РККА было организовано восточное отделение, где китайский язык преподавал временами наезжавший из Петрограда представитель дореволюционной синологии А. И. Иванов и будущий известный лексикограф В. С. Колоколов (1896–1976): «Китай. Страна, население и история», 1924, 1925 (в соавторстве с И. Мамаевым); «Краткий китайско-русский лексикон», 1927; «Краткий китайско-русский словарь», 1935, 1946; у них занимался И. М. Ошанин (1900–1982; «Учебник китайского разговорного языка "Байхуа"», 1935; коллективные: «Китайско-русский словарь», 1952, 1955, 1959; «Большой китайско-русский словарь», т. 1–4, 1983–1984). В 1921 г. решением ВЦИК была образована Всероссийская (Всесоюзная) научная ассоциация востоковедения (ВНАВ), которая стала издавать журнал «Новый Восток» («НВ», 1922–1928), а ее Дальневосточное отделение (ДО ВНАВ) — «Бюллетени». ВНАВ руководила востоковеческой исследовательской работой по всей

стране, «НВ» публиковал статьи по истории, этнологии, политэкономии, революционным движениям и т. п., «Бюллетени» иногда помещали материалы по современному Китаю. ДО ВНАВ, возглавляемое маньчжуроведом А. В. Гребенщиковым (1880–1941; «Маньчжуры, их язык и письменность», 1912; «К истории китайской валюты», 1922; «Конфуцианство и лига народов», 1922), кроме того, приняло участие в восстановлении Восточного института во Владивостоке (1922), ставшего восточным факультетом ДВУ. Среди его сотрудников были Н. В. Кюнер (1877–1955), Б. К. Пашков (1891–1970; «Основные этапы в развитии китайского языка», 1926; «Маньчжурский язык», 1963) и К. А. Харнский (1884–1943; «Япония в прошлом и настоящем», 1926; «Китай с древнейших времен до наших дней», 1927). Однако действия ВНАВ, рассчитанные на объединение усилий немарксистских и марксистских исследователей, подвергались резкой критике, и в 1930 г. она была включена в Коммунистическую академию (Москва, 1918–1936, затем ее учреждения и институты были переданы АН СССР; «Вестник КА», «Историк-марксист» и др.), при которой была организована Ассоциация востоковедов-марксистов. Вместо органа ВНАВ стали выпускаться сборники «Проблемы Китая» («ПК», 1929–1935 или 1936). В них нашлось место и для древней истории: М. Г. Андреев (1888–1945) «Институт рабства в Китае» (1929, № 1) и Е. С. Йолк (1900–1942) «К вопросу об основах общественного строя Древнего Китая» (1930, № 2). ВНАВ выполнила задачу переноса центра тяжести в изучении Востока из вузов в институты Академии наук, что впоследствии обеспечило бурный рост соответствующих областей знаний и стало характерной чертой советской ориенталистики и китаистики.

Несколько лет (до 1924 г.) действовало восточное отделение Иркутского университета, где преподавал тибетолог Г. Ц. Цыбиков (1873–1930; «Пособие для изучения тибетского языка», 1908; «Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг.», 1919).

В 1922 г. в Петрограде начал выходить журнал «Восток» со статьями по литературе, науке, искусству и переводами, в частности В. П. Васильева и В. М. Алексеева.

«ПК» заменили собой еще одно периодическое издание — «Материалы по китайскому вопросу», публиковавшиеся в 1925–1928 гг. Кабинетом китаеведения Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК, 1925 г.), в самом начале 1928 г. (1929?) преобразованном в Научно-исследовательский институт по Китаю (впоследствии он вошел в состав Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР). Тогда же начали возникать восточные факультеты и институты в республиках Средней Азии и Закавказья.

В судьбе советского китаеведения важную роль сыграли два общих явления. Китайская революция 1925–1927 гг. вызвала приток в Китай значительного количества граждан СССР в качестве советников, инструкторов, корреспондентов, дипломатов, преподавателей русского языка: С. А. Далин (1902–?; «Китайские мемуары 1921–1927», 1982), А. Ивин (А. А. Иванов, 1885–1942, «Китай и Советский Союз», 1924; «Красные пики», 1927; «Советский Китай», 1931), Е. С. Йолк, М. И. Казанин (1899–1972, «Очерк экономической географии Китая», 1935, в 1937 и 1938 переиздан на китайском и японском; «Записки секретаря миссии», 1962, 1963, и на английском — в 1973; «В штабе Блюхера», 1966), А. Я. Канторович (1896–1944; «Иностранный капитал и железные дороги Китая», 1926; «Америка в борьбе за Китай», 1935), И. М. Ошанин, О. С. Тарханов (1901–1944; «Китайские новеллы», 1929, 1930, 1932, 1959; «Китай в огне», 1933 — под псевдонимом О. Эрдберг; «Когда Япония будет воевать», 1936 — Е. Иоган), А. И. Черепанов «Записки военного советника в Китае», 1971, 1976; «Северный поход национально-революционной армии Китая», 1968), В. М. Штейн (1890–1964; «Очерки финансового кризиса в Китае», 1928; «Гуань-цзы», 1959; «Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности», 1960) и многие другие. Пребывание в Китае для всех них означало знакомство с этой древней страной, ее народом и культурой, и неудивительно, что часть из тех, кто попал туда по воле судьбы, а не в связи с собственными интересами, позже стали профессиональными синологами. Происходило и обратное — немало китайцев по тем или иным причинам: Коминтерн, КУТВ, КУТК, а на Дальнем Востоке — в поисках работы, оказались в СССР, иногда навсегда. Некоторые из них включались в научную работу, например А. Г. Крымов (Го Шао-тан, 1905–1988; «Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае 1900–1917 гг.», 1972), Ян Хин-шун (1904–1980; «Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение», 1950; «Из истории китайской философии», 1956; «Материалистическая мысль в Древнем Китае», 1984) и др.

Вторым значащим фактором были «большие дискуссии», призванные «убедить» всех ученых, и представителей гуманитарных наук в первую очередь, в исключительной правоте марксистско-ленинской теории и ложности всех других течений и концепций в общественных науках. «Дискуссии» на самом деле очень часто больше походили на публичное избиение ученых, недостаточно быстро сориентировавшихся в политической конъюнктуре или не желавших идти против своей совести. Они принесли свои печальные плоды — именно тогда, во второй половине 20-х годов, был сделан первый решительный шаг на пути насаждения единой философии и методологии, заковавшей советскую науку в тяжелую броню официальной партийной идеологии, не допускавшую проявлений жи-

вой, творческой мысли и контактов с внешним миром. При этом, хотя атака на представителей старой генерации и велась под флагом марксизма-ленинизма, в действительности провозглашалась весьма примитивная трактовка данного учения, от исходного идейного содержания которого, по сути, оставались лишь лозунги и термины. Положительным элементом «дискуссий» можно считать введение в китаеведение новых тем: общественный строй, рабовладение (как часть теории формаций), многонациональность Китая, крестьянские восстания, революционное движение и т. п. Позже в этих областях советская наука добилась немалых успехов.

Для китаистов-историков важным событием в 1925–1935 гг. явились дискуссии об азиатском способе производства (асп). Отчасти они велись независимо от общеметодологических споров, отчасти же шли вместе с ними. Прежде всего дискутировались теоретические вопросы: общность и различие исторического пути стран Запада и Востока, периодизация всемирной истории, теория формаций и т. п., но преследовались и конкретные политико-прикладные цели — постижение правильного понимания общественного строя азиатских стран для выработки их компартиями и Коминтерном, а в конечном счете — ВКП(б), надлежащей стратегии и тактики революционных движений в этом регионе и в первую очередь — в Китае.

Начальный период дискуссий (1925–1929 гг.), если не входить в детали, характеризовался широким принятием гипотезы об асп, вплоть до включения соответствующих формулировок в проект аграрной программы КПК (1927 г.) и в программу Коминтерна (1928 г.). Ее сторонником был представитель КП США в Коминтерне Дж. Пеппер («Правда», 01.05.1927), до него, под влиянием М. Вебера (1864–1920), Е. С. Варга (1879–1964) и мальтузианства — А. Я. Канторович опубликовали статьи («Плановое хозяйство», 1925, № 12; «Новый Восток», 1926, № 15) о специфике китайского общества, по сути близкие концепции асп. Затем она получила развитие в работах Варги 1928–1930 гг., Л. И. Мадьяра (1891–1937?; «Экономика сельского хозяйства в Китае», 1928), В. В. Ломинадзе, С. А. Далина (см. выше) и, наконец, в книге «"Цзин-тянь". Аграрный строй Древнего Китая» (1930 г.) М. Д. Кокина (1906–1939; «Кантонская коммуна», 1932) и Г. К. Папаяна (1901–1937). Публиковали свои возражения и противники асп: М. Волин, Е. С. Йолк, П. А. Миф (1901–1939; «Китайская коммунистическая партия в критические дни», 1928; «Что происходит в Китае», 1937). Их усилия привели к снятию тезиса об асп из партийных документов.

Характерной чертой этого этапа споров вокруг асп было противопоставление последнего «феодализму» в виде формулировок о «феодальном

характере» традиционных социально-экономических отношений в деревне, «пережитках феодализма» и т. п., идея же рабовладельческого уклада или формации практически не выдвигалась.

После 1929 г. дискуссия об асп велась в русле общеметодологических споров в связи со всеобщей историей, ее периодизацией, общественно-экономическими формациями («Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годсеса», 1931). Концепция асп в целом была тогда резко раскритикована С. М. Дубровским («К вопросу о сущности "азиатского способа производства", феодализма, крепостничества и торгового капитала», 1929), а по отношению к Китаю — в статьях и книгах Е. С. Йолка («Проблемы Китая», 1930, № 2; «Под знаменем марксизма», 1931, № 3), Г. А. Сафарова («Классы и классовая борьба в китайской истории», 1928; «Очерки по истории Китая», 1933) и других. Указывалось, что в Древнем Китае уже существовали антагонистические классы, частная собственность на средства производства, эксплуатация труда крестьян и зависимых. На этом основании большинство участников дискуссии склонялось к мысли о весьма длительном — от глубокой древности до Нового времени — существовании на Востоке одной, феодальной, формации, или, у отдельных авторов, феодально-рабовладельческой. Обе эти концепции просуществовали недолго, и в начале 30-х годов В. В. Струве (1889–1965; «Плебеи и илоты» — «Из истории докапиталистических формаций», 1933; «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока» — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», 1934, вып. 77) и С. М. Ковалев (ИГАИМК, 1932, т. XII; «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 2) — в Ленинграде, В. И. Авдиев (1898–1978; «Историк-марксист», 1934, № 6; «Исторический журнал», 1942, № 10) и А. В. Мишулин «Предисловие» к книге В. В. Струве «История Древнего Востока»; 1934; «Борьба классов», 1936, № 1–2, ВДИ, 1938, № 4) — в Москве выступили с идеей рабовладельческого строя. Она базировалась на материалах Ближнего Востока, но, принимаемая все новыми учеными, постепенно была распространена и на Древние Индию и Китай. Можно сказать, что концепция рабовладельческого строя доминировала на протяжении всего второго этапа развития советского китаеведения.

Данный этап стал временем укрепления, развития и завершения процессов и явлений, происходивших ранее. Самыми существенными были два момента: окончательная победа сталинских принципов партийности науки и тотальный террор против народа, и в первую очередь против образованных людей, а также целых научных дисциплин (биология, кибернетика, политическая экономия, философия, языкознание и др.). В настоящей работе нет возможности перечислить все жертвы сталинизма

даже только среди синологов (см. «Репрессированное востоковедение», НАА, 1990, № 4, 5) однако, желая отдать дань их памяти, мы назовем хотя бы некоторых из них: М. М. Абрамсон (1898–1939?), Б. Б. Барадийн (1879–1939), Б. А. Васильев (1899–1937), В. Д. Виленский-Сибиряков (1888–?), М. Волин, А. И. Востриков (1904–1937), С. А. Далин, З. С. Дубасова, Ц. Ж. Жамцарано, А. И. Иванов, Е. С. Йолк, М. И. Казанин, А. Я. Канторович, М. Д. Кокин, Н. И. Конрад, А. Г. Крымов, Л. И. Мадьяр, П. А. Миф, Н, А. Невский (1892–1937), П. И. Осипов (настоящая фамилия Чжу И-шань, 1901–?), Д. М. Позднеев (1865–1937), П. Е. Скачков, К. А. Харнский, А. Е. Ходоров (1886–1949), В. М. Штейн (1890–1964), А. А. Штукин, Ю. К. Шуцкий, Н. П. Ярославцева-Вострикова (1902–1988, жена А. И. Вострикова). К сожалению, этот печальный список может быть расширен.

Параллельно наблюдались и определенные положительные сдвиги. В 1929–1930 гг. в Ленинграде на базе Азиатского музея (основан в 1818 г. при Петербургской академии наук в качестве исследовательского центра и хранилища восточных рукописей и ориенталистической литературы), Коллегии востоковедов (научное общество, образованное при Азиатском музее), Института буддийской культуры и Туркологического кабинета был образован Институт востоковедения АН СССР (ИВАН) — головное учреждение СССР, а ныне России в области изучения истории, культуры, философии, экономики стран Азии, Тихого океана и арабской Африки. Эта его роль стала особенно заметной после переезда в 1950 г. в Москву (однако в Ленинграде остался успешно действующий по настоящее время филиал) и включения в него Тихоокеанского института АН, раскритикованного за чрезмерную концентрацию на проблемах древности и Средневековья. В 1960–1970 гг. он именовался Институтом народов Азии, кроме того, в конце 1956 г. из него был выделен, а в начале 1960 г. включен обратно Институт китаеведения («Советское китаеведение», 1958–1959). С 1957 г. при ИВАН существует Издательство восточной литературы (с 1964 г. — Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»), играющее важную роль в публикации восточных книг и книг о Востоке. ИВАН выпускал и выпускает ряд периодических изданий: «Записки ИВАН» (1932–1939), «Библиография Востока» (1932–1937), «Труды ИВАН» (1935–1947), «Советское востоковедение» (1940–1949), «Ученые записки ИВАН» (1950–1960), «Краткие сообщения» (с 1951 г.), «Восток» (с 1991 г., ранее: «Советское востоковедение» 1955–1958, «Проблемы востоковедения» 1959–1960, «Народы Азии и Африки» 1961–1990 — совместно с Институтом Африки АН), «Азия и Африка сегодня» (с 1961 г., 1957–1961: «Современный Восток»). При институте имеется богатая востоковедческая библиотека. ИВАН — востоковедческий и китаеведческий

центр широкого профиля, охватывающий разные научные дисциплины в историческом разрезе от глубокой древности до современности, вероятно, с некоторым уклоном в прошлое, тогда как такие организации, как НИИ по Китаю, Институт мирового хозяйства и мировой политики или созданный в 1966 г. Институт Дальнего Востока АН, больше занимались (а ИДВ в значительной мере продолжает это делать и сейчас) современными проблемами и политологией (хотя этот термин в 30-е годы еще не использовался).

С Ленинградским отделением ИВАН связана деятельность многих известных китаистов: В. М. Алексеев (возглавлял китайское отделение); Б. А. Васильев («О том, как Юй Бо-я, лютню разбив, простился с "понявшим звук"» — «Восток», 1924, № 4; «Китайский театр» — «Восточный театр», 1929; «Учебник китайского языка», 1935 — в соавторстве с Ю. К. Шуцким); А. А. Петров (1907–1949; «Философия Китая в русском буржуазном китаеведении» — «Библиография Востока», 1935. Вып. 7; «Ван Би», 1936; «Очерк философии Китая» — «Китай», 1940; «Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель», 1954); Л. В. Симоновская (1902–1972; «Очерки истории Китая», 1956, в соавторстве с Г. Б. Эренбургом и М. Ф. Юрьевым; «Великая крестьянская война в Китае 1628–1645 гг.», 1958; «Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в.», 1966; статьи по древней истории Китая в «Историческом журнале», 1940, № 7; ВДИ, 1950, № 1); К. К. Флуг (1893–1942; «Очерк истории даосского канона Дао-цзана» — «Известия АН СССР», 1930, № 4; «Из истории книгопечатания в Китае X–XIII вв.» — «Советское востоковедение», 1940. Т. I; «История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв.», 1959); Ю. К. Шуцкий (1897–1941; «Даос в буддизме», «Основные проблемы к истории текста Ле-цзы» — «Записи коллегии востоковедов», 1927, I, 1928, III; Китайская классическая «Книга перемен», 1960) и др.

С 1934 г. ведет свою историю востоковедческий учебный центр в МГУ — при историческом факультете была создана кафедра Новой и новейшей истории колониальных и зависимых стран. В 1944 г. она превратилась в восточное отделение с кафедрами: истории Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. В 1956 г. восточные отделения исторического и филологического факультетов стали Институтом восточных языков, однако данное название было неточным, ибо там преподавались также и другие гуманитарные дисциплины, поэтому в 1972 г. ИВЯ был переименован в существующий поныне Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ («Вестник Московского университета. Востоковедение»).

В том же 1934 г. созданием кафедры новой истории колониальных и зависимых стран было положено начало возникновению восточного факуль-

тета ЛГУ. В 1937 г. при филологическом факультете возникла кафедра восточных языков, ограниченная, однако, только ближневосточным ареалом. В 1944 г. они подверглись реорганизации и слиянию в восточный факультет, который в 1949 г. был дополнен, в частности, кафедрой истории стран Дальнего Востока. Тем самым история Китая и другие области знаний о нем прочно вошли в программу преподавания и исследовательских работ ВФ ЛГУ («Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература»; «Ученые записки ЛГУ. Востоковедение»).

Нововведения 1934 г. были напрямую связаны с постановлением ЦК ВКП(б) и Советского правительства от 16 мая того же года о преподавании гражданской истории, критической оценкой его состояния на тот момент, стремлением укрепить марксистско-ленинскую направленность в освещении исторических событий и соответствующей расстановке акцентов. Постановление стало еще одним зримым проявлением партийно-государственного диктата в области преподавания и науки. Оно оказало разностороннее воздействие на ситуацию в китаеведении, вызвав потребность в учебных пособиях, университетских курсах и преподавателях, что повлекло отток кадров из академических институтов в вузы.

В это же время начался процесс присвоения научных степеней. Докторами без защиты стали, например: В. М. Алексеев (еще в 1929 г.), А. Ивин (1936), Е. С. Йолк (1935), Н. И. Конрад (1934), Н. В. Кюнер (1935), В. М. Штейн (1936), а кандидатами: П. А. Гриневич (1935), А. Я. Канторович (1935), Г. С. Кара-Мурза (1935; 1906–1945, «Кантонская коммуна», 1933; «Род и племя древних китайцев» — «Труды Московского института востоковедения», 1939, № 1; «Лекции по истории Китая в Средние века», 1940), А. Г. Крымов (1935). Вместе с тем происходили защиты диссертаций — кандидатских: Б. А. Васильев (1935), Л. И. Думан (1935; 1907–1979, «Аграрная политика Цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.», 1936; «Очерки по древней истории Китая», 1938; «Древнейший Китай» и «Рабовладельческое общество Китая» — «Всемирная история», т. I, 1955; «Мэн-цзы» — «Древнекитайская философия», т. I, 1972), Г. В. Ефимов (1939; 1906–1980, «История Китая в эпоху империализма» — «Китай», 1940; «Очерки по новой и новейшей истории Китая», 1949, 1951; «Внешняя политика Китая», 1958; «Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая», ч. I, 1965, ч. 2, 1968), А. А. Петров (1935), Л. В. Симоновская (1939) и докторских: А. Я. Канторович (1936), Ю. К. Шуцкий (1937). Это было одним из проявлений возросшего уровня науки в целом и отдельных ее представителей в частности. В области изучения древней истории Китая необходимость подтягивать его историческое развитие под теорию формаций вызывала

определенный перекос в сторону экономических и социально-классовых проблем, однако одновременно эти исследования зиждились на довольно обширном фактическом материале и растущем привлечении источников, что позволяло сделать немало заслуживающих внимания выводов.

Доминирующей струей довоенной китаистики было увлечение народными и революционно-бунтарскими движениями и в целом — новой и новейшей историей. В этом тематическом круге можно отметить ряд произведений: *Аварин В. Я.* Империализм в Маньчжурии. 1934; Т. 1–2. *Кучумов В.* Очерки по истории китайской революции, 1934; *Думан Л. И.* Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. 1936; *Он же.* Биянху — вождь дунганского восстания 1862–1877, — «Записки Института востоковедения АН СССР». 1939. Т. VII.

Особым событием стало издание в 1932 г. «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова. Собрание сведений практически обо всем, что было написано в России о Китае за период 1730–1930 гг., в том числе в малоизвестных провинциальных изданиях, очень облегчило труд китаеведов и сохранило многие имена, позже преданные забвению. Несколько десятилетий спустя П. Е. Скачков повторил свой подвиг, выпустив в 1960 г. новую «Библиографию Китая», в которую вошли не только данные, включенные в предыдущий том, но и публикации, появившиеся позже, до 1957 г. включительно. Работа П. Е. Скачкова, ценная сама по себе, подтолкнула и других специалистов составить сходные труды по отдельным отраслям, например философии (*Петров А. А.* «Философия Китая в русском буржуазном китаеведении» — «Библиография Востока», 1935, № 7), буддизму, тайпинскому движению и китайским книжным сериям «Сы-бу цун-кань» (публикации К. К. Флуга в «Библиографии Востока», 1933–1936, № 2–9), дунганскому восстанию 1861–1878 гг. (Л. И. Думан, там же), а также общего характера («Книжная и журнальная литература о Китае в СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б)». — ПК, 1934, № 13; см. также: *Скачков П. Е.* Библиография Китая. М., 1960. С. 616–624).

В рассматриваемый период определенное внимание уделялось и таким отраслям знаний, как археология, философия, этнография, причем в соответствующих публикациях находили некоторое отражение и проблемы древней истории Китая. Назовем, в качестве примеров, работы Ю. В. Бунакова (1908–1942) «Гадательные кости из Хэнани» (1935), «Термины родства в китайском языке» (1935), «Аньянские памятники и американское китаеведение» («Библиография Востока», 1936, вып. 10); А. А. Петрова «Ван Би» (1936), А. С. Полякова «Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане» («Согдийский сборник», 1934) и ряд других. Достижения этого времени нашли суммарное выражение в большом

томе «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость» (1940), в котором ведущие специалисты представили разные грани китайского быта и культуры в прошлом и настоящем.

Том был подписан к печати 22 ноября 1940 г., а ровно через семь месяцев немецкие армии двинулись на восток. Война оказала разрушительное воздействие на китаеведение, и не только в прямом смысле физической гибели многих ученых на фронтах и в блокаде (Ю. В. Бунаков, А. В. Гребенщиков, Г. С. Кара-Мурза, К. И. Разумовский, К. К. Флуг и многие другие), но и в результате иных отрицательных для науки процессов: ухода людей в армию, дипломатию и пропаганду, эвакуации и т. д. Как для всего народа, так и для советской китаистики это было, несомненно, самое тяжелое и трагическое время.

В итоге войны в мире возникла новая ситуация, оказавшая прямое влияние на судьбу синологии в СССР. Китай оказался среди четырех главных государств-победителей; советские войска заняли его северо-восточные провинции; гражданская война закончилась победой КПК над Гоминьданом и образованием КНР — СССР стал первым государством, признавшим ее и установившим с ней дипломатические отношения; 14 февраля 1950 г. в Москве между СССР и КНР был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи; начался непродолжительный период (1950–1960) «братской дружбы» двух стран. Его не без оснований можно назвать «золотым веком» советско-китайских отношений и советского китаеведения.

Благоприятные условия, созданные описанными событиями, к которым необходимо добавить и смерть Сталина в 1953 г., позволили в довольно короткий срок восстановить потери, вызванные войной и террором, а затем и существенно расширить учебную и организационную базу советского китаеведения. Впрочем, некоторое движение началось несколько раньше. Уже в 1944 г., как отмечалось выше, возник восточный факультет ЛГУ, а также восточный факультет Ташкентского университета. Последний, по понятным причинам, особое внимание уделял Синьцзяну и Центральной Азии — если иметь в виду только его синологическую направленность («Вестник ТашГУ», «Научные труды ТашГУ. Востоковедение»). В 1950 г. началась современная история Института востоковедения АН СССР и его Ленинградского отделения (ныне — СПбФ ИВ РАН), которое в научном плане ведет вполне самостоятельную и плодотворную работу, имея в своем составе историков К. В. Васильева (1932–1987; «Планы Сражающихся царств», 1968), Ю. Л. Кроля; «Сыма Цянь — историк», 1970), Е. И. Кычанова; «Исследования по фонетике тангутско-

го языка», 1963 — в соавторстве с М. В. Софроновым; «Очерк истории тангутского государства», 1968; «Люди и боги Страны снегов», 1975 — в соавторстве с Л. С. Савицким; «Основы средневекового китайского права VII–XIII вв.», 1986); и А. С. Мартынова; «Статус Тибета в XVII–XVIII веках...», 1978; «Доктрина императорской власти и ее место в официальной идеологии императорского Китая» — «Всемирная история и Восток», 1989), литературоведа Л. Н. Меньшикова; «Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь, "Десять благих знамений"», 1963; «Бяньвэнь о воздаянии за милости», ч. I, 1972; «Бяньвэнь по Лотосовой сутре», 1984; «Буддийские притчи в китайской литературе», 1986); В. С. Спирина; «Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда ИНА», 1963 — коллективный труд; «Построение древнекитайских текстов», 1976) и других известных специалистов.

Что касается ИВАН СССР, то он стал координатором востоковедческих исследований в рамках СССР. С ним были тесно связаны Институты востоковедения, создававшиеся в республиках: в Узбекистане (1950), Грузии (1960), Таджикистане (1970), и прочие близкие тематически учреждения, например Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР (1974; Отдел востоковедения) или Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР (1966). После распада СССР ИВ РАН естественным образом перестал выполнять эту функцию.

Собрав почти всех заметных отечественных востоковедов, ИВАН превратился в ведущее ориенталистическое учреждение страны, продолжая выполнять эту роль и сегодня. Однако конкретно в области китаеведения положение несколько сложнее. После создания в 1966 г. Института Дальнего Востока АН СССР (образованного, кстати сказать, в значительной степени за счет сотрудников ИВАНа), призванного обслуживать потребности ЦК, МИД и других органов власти, он превратился в крупный центр советской синологии, особенно в области исследования современности.

Однако если иметь в виду научное творчество в сферах, выходящих за современность, политологию и пропаганду, то наибольшее число исследовательских работ по Китаю осуществляется в стенах ИВ РАН несколькими десятками сотрудников Отдела Китая, а также специалистами, работающими в отделах литературы, языка Древнего Востока и т. д. Назовем лишь некоторые имена: А. А. Бокщанин («Китай и страны Южных морей...», 1968; «Материалы по экономической истории Китая...», 1980 — в соавторстве с Лин Кюнъи); Л. С. Васильев («Аграрные отношения и община в Древнем Китае», 1961; «Культы, религии, традиции в Китае», 1970; «Проблемы генезиса китайского государства», 1983; «Проблемы генезиса китайской мысли», 1989); Р. В. Вяткин (1910–1995; «Музеи и достопримечательности Китая», 1962; «Сыма Цянь. "Исторические запис-

ки"», пер. и комм., т. 1–7, 1972–1996, т. 1–2 в соавторстве с В. С. Таскиным); Е. В. Завадская («Слово о живописи из Сада с горчичное зерно», 1969; «Эстетические проблемы живописи старого Китая», 1975; «Культура Востока в современном западном мире», 1977; «Японское искусство книги», 1986); А. И. Кобзев («Учение Ван Янмина и классическая китайская философия», 1983; «Учение о символах и числах в китайской классической философии», 1994); С. Кучера («Китайская археология», 1977; «Археология зарубежной Азии», 1986 — коллективный труд); И. С. Лисевич (1932–2000; «Древняя китайская поэзия и народная песня», 1969; «Литературная мысль Китая», 1979; «Бамбуковые страницы», 1994); Н. П. Свистунова («Аграрная политика минского правительства...», 1966; «Установления о соли и чае», 1975); А. А. Серкина («Опыт дешифровки древнего китайского письма», 1973; «Символы рабства в Древнем Китае», 1982); Т. В. Степугина («Китай в V–III вв. до н. э., «Китай в III–I вв. до н. э.» и «Китай в I в. до н. э. — II в. н. э.» — «Всемирная история», т. 2, 1956; «Лекции 8, 19, 27, 28, 6» — «История Древнего мира», т. 1–3, 1982); В. С. Таскин (1917–?; комментированные переводы: «Материалы по истории сюнну», вып. 1–2, 1968, 1973; Е Лун-ли. «История государства киданей», 1979; «Го юй», 1987; «Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв.», 1989); Л. З. Эйдлин (1909–1985 ; «О китайской литературе наших дней», 1955; «Китайская литература», 1962 — в соавторстве с В. Ф. Сорокиным; «Тао Юань-мин и его стихотворения», 1967); Э. М. Яншина («Каталог гор и морей», 1977).

Среди уже ранее упоминавшихся ученых сотрудниками ИВАН в послевоенные годы были академики Н. И. Конрад и В. М. Алексеев, а также Л. И. Думан, В. С. Колоколов, А. Г. Крымов, И. М. Ошанин, П. Е. Скачков, В. М. Штейн.

Среди сотрудников ИДВ тоже есть специалисты, занимающиеся классическим Китаем: П. М. Кожин («Проблемы изучения традиций КНР» — «Информационный бюллетень ИДВ», 1982, № 32; «Археологические исследования в КНР...» — там же, № 33); Л. С. Переломов («Империя Цинь...», 1962; «Книга правителя области Шан», 1968; «Конфуцианство и легизм в политической жизни Китая», 1981; «Конфуций...», 1993); В. Ф. Сорокин («Китайская литература», 1962 — вместе с Л. З. Эйдлиным; «Творческий путь Мао Дуня», 1962; «Китайская классическая драма», 1979); М. В. Софронов («Исследования по фонетике тангутского языка», 1963 — вместе с Е. А. Кычановым; «Грамматика тангутского языка», т. 1–2, 1968; «Китайский язык и китайское общество», 1979); М. Л. Титаренко («Древнекитайский философ Мо Ди...», 1985; «Россия и Восточная Азия», 1994).

Изучение археологического прошлого Китая положено в основу деятельности сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии и этнографии СО РАН). Работающие в нем специалисты, как правило, являются не только китаеведами, но и полевыми археологами, что позволило им добиться хороших результатов и превратило ИАЭ СО РАН в ведущее учреждение России в данной области. Среди его сотрудников: В. В. Евсюков («Мифы о мироздании», 1986; «Мифология китайского неолита», 1988); Т. И. Кашина («Керамика культуры Яншао», 1977); С. А. Комиссаров («Комплекс вооружения Древнего Китая», 1988); В. Е. Ларичев («Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии», т. 1–2, 1969, 1972; «Сокровища джунглей», 1977; «Новые материалы по нижнему палеолиту Китая», — «Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха металла», 1985); А. Г. Малявкин («Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв.», 1974; «Историческая география Центральной Азии», 1981); Чжан Яцин («Керамика неолитических культур Восточного Китая», 1984).

Помимо ИВ (вместе с филиалами), ИДВ и ИИФиФ/ИАЭ синология представлена и в некоторых других подразделениях Академии наук, например в Институте мировой литературы: член-корр. АН Б. Л. Рифтин («Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре», 1961; «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае», 1970; «От мифа к роману...», 1979; о нем — «Известия АН. Отд. лит-ры и яз.», 1992, № 5); в Институте этнографии и его Ленинградско/Санкт-Петербургском филиале Р. Ф. Итс (1928–1990; «Этнические сказания народов Южного Китая», 1956 — вместе с Б. Б. Вахтиным; «Очерки истории Китая с древнейших времен...», 1961 — вместе с Г. Я. Смолиным; «Этническая история юга Восточной Азии», 1972; «Золотые мечи и колодки невольников», 1976), М. В. Крюков («Формы социальной организации древних китайцев», 1967; «Система родства китайцев», 1972; «Язык иньских надписей», 1973; «Древние китайцы...», 1978 — вместе с М. В. Софроновым и Н. Н. Чебоксаровым; «Этническая история китайцев...», 1987 — вместе с В. В. Малявиным и М. В. Софроновым), В. В. Малявин («Жуань Цзи», 1978; «Гибель древней империи», 1983; «Китайский этнос в Средние века», 1984 — вместе с М. В. Крюковым и М. В. Софроновым; «Конфуций», 1992), ДВО РАН: Головачева Л. И. (работы о Конфуции, в частности в сборниках конференции ОГК) и др.

В достижения советского китаеведения послевоенного периода свою лепту внесли также библиотеки и музеи. Это прежде всего популярная «Синологичка» — образованная в 1958 г. при Институте китаеведения Синологическая библиотека, ныне Синологический отдел Института науч-

ной информации по общественным наукам (ИНИОН) в ИДВ РАН, единственное в стране специализированное учреждение такого рода. Она обладает почти 200 000 фондом («Синологическая библиотека — источниковедческая база советского китаеведения», 1983). Кроме нее, соответствующие коллекции имеются в старейшем в стране собрании китайских книг в СПбФ ИВ РАН (1818) и в московском ИВ (1950), в Библиотеке АН (СПб., 1714, с 1925 — современное название), в Российской государственной библиотеке (бывшая «Ленинка», 1862; Отдел зарубежного Востока создан в 1918 г., а в 1993 г. расширен и реорганизован в Центр восточной литературы при РГБ), в ИНИОН (бывшая фундаментальная библиотека общественных наук АН, 1918), Государственной публичной исторической библиотеке (1938), Государственной публичной библиотеке иностранной литературы (1921; реорганизована в 1948 г.), Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (1795, открыта в 1814 г.) и некоторых других, в частности, университетских и институтских библиотеках.

Что касается музеев, то они, как и их зарубежные собратья, чаще всего являются комплексными учреждениями, совмещающими собрания предметов духовной и материальной культуры, соответствующую литературу и специалистов, их изучающих. Здесь прежде всего следует назвать Государственный музей искусства народов Востока (Музей восточных культур, 1918): Л. П. Сычев, В. Л. Сычев. «Китайский костюм. Символика, история...», 1975; Государственный Эрмитаж (1764, открыт для публики в 1852 г.): Е. И. Лубо-Лесниченко (1929–2001; «Мертвый город Хара-Хото», 1968 — в соавторстве с Т. К. Шафрановской; «Привозные зеркала Минусинской котловины», 1975; «Китай на шелковом пути», 1994), К. Ф. Самосюк (статьи по китайскому искусству в сборниках конференции «Общество и государство в Китае» — НК ОГК), Музей антропологии и этнографии РАН (СПб., наследник Кунсткамеры, 1714; с 1878 г. — МАЭ; Т. Ганюшкина, Р. Разумовская, И. Шаврина. «Музей антропологии и этнографии», 1973) и Минусинский краеведческий музей, 1877, однако китайские экспонаты наличествуют и в других музеях, например, среднеазиатских республик. В годы хороших отношений между СССР и КНР их коллекции и библиотеки пополнились в результате сотрудничества двух стран.

В рассматриваемый период укреплению и некоторому расширению подверглась вузовская база подготовки новых китаеведов. Лидирующее место занимает уже упоминавшийся Институт стран Азии и Африки МГУ (1972). ИСАА готовит студентов и аспирантов, причем современный китайский язык преподают его носители; научно-исследовательскую работу в нем ведут: З. Г. Лапина («Политическая борьба в средневековом Ки-

тае», 1970; «Учение об управлении государством в средневековом Китае», 1985), Л. Е. Померанцева («Поздние даосы о природе, обществе и искусстве», 1979) и др. Институт располагает также собственной библиотекой.

Следует отметить, что в 1988 г. была восстановлена специализация «Древняя история и культура Китая» в рамках кафедры истории Древнего мира МГУ.

Издавна китаеведческие кадры готовят ЛГУ (СПбГУ): Л. А. Березный («Критика методологии американской буржуазной историографии Китая», 1968), Г. Я. Смолин («Крестьянское восстание в провинциях Хунань и Хубэй в 1130–1135 гг.», 1961; «Очерки истории Китая с древнейших времен до середины XVII в.», 1961 — вместе с Р. Ф. Итсом; «Источниковедение древней истории Китая», 1987) и Дальневосточный ГУ (Владивосток): Л. В. Александров (статьи по древней истории Китая в сборниках НК ОГК), О. П. Болотина (статьи по литературе XX в. в тех же сборниках), О. В. Кучук (проблемы истории Маньчжурии — сборники НК ОГК), В. Л. Ларин (статьи там же по новой истории Юго-Западного Китая), Т. Х. Томихай (средневековая литература — НК ОГК), А. А. Хаматова (вопросы лингвистики — там же).

В той или иной степени в послевоенные годы синологические дисциплины преподавались в вузах и других советских республик: Латвии (Е. Ю. Сабурова. «Анархизм в Китае, 1900–1921», 1983), Казахстана (в основном проблемы истории Восточного Туркестана — публикации в сборниках НК ОГК: Д. А. Исиев, Ж. К. Касымбаев, В. А. Моисеев), Узбекистана (история XX в. — статьи в НК ОГК: В. С. Ким, М. Х. Махмутходжаев). В общем, можно сказать, что в последние десятилетия были предприняты определенные шаги для создания вузовской базы советского китаеведения, однако недостаточное понимание партийно-государственным руководством объективных потребностей страны не позволило создать сеть учебных заведений, сравнимую с французской или американской. Сказанное верно и для других (научных, музейных, библиотечных) синологических (и ориенталистических) учреждений.

Существенным моментом послевоенного периода развития советского, а затем российского китаеведения явилось восстановление международных связей. Они никогда не достигали уровня и размаха контактов внутри западного мира и не были действительно демократичными, поскольку осуществляли их прежде всего лица, занимающие административные посты, включая и сотрудников иностранных отделов, к науке вообще никакого отношения не имеющих. Тем не менее это было положительное явление, и какая-то часть ученых тоже приняла в нем участие. Самым широким стал обмен с КНР в 50-е и отчасти в 60-е годы (до «культурной революции») и затем, после нормализации отношений, в 80–90-е годы,

когда в разное время и на разные сроки там побывало значительное количество китаеведов и представителей других научных дисциплин: геологов, лесников, врачей, математиков и т. д. В конце 80-х — начале 90-х гг. здесь появилось еще одно новшество — плодотворно развивающиеся контакты с официально не признаваемой ни СССР, ни Россией Китайской Республикой на Тайване.

В заключение обзора советского и российского китаеведения необходимо сказать несколько слов о такой важной сфере, как научные конференции и симпозиумы. Они организуются всеми подразделениями: ИВ, ИДВ, ЛО ИВАН/СПбФ ИВ РАН, ИИФиФ/ИАЭ СО АН, Ассоциацией китаеведов при РАН (создана в 1983 г. как Ассоциация советских китаеведов при секции общественных наук АН СССР) и другими учреждениями. Все они, отличаясь тематикой, масштабами, составом участников, частотностью и т. п., вносят весомый вклад в развитие отечественной науки, но одну из них необходимо отметить особо. Это уже упоминавшаяся научная конференция «Общество и государство в Китае». Во-первых, она имеет самый длинный «послужной список»: с 1970 г. по 1995 г. прошло 26 трехдневных конференций, созываемых ежегодно. Во-вторых, хотя ее организует небольшое подразделение — Отдел Китая ИВ РАН, она с самого начала имела всесоюзный, а ныне — всероссийский характер, не обладая формально таким статусом. В ней охотно принимали участие ученые всей Москвы, Ленинграда/Санкт-Петербурга, Львова, Новосибирска, Владивостока, Алма-Аты, Фрунзе, Риги и других городов. Более того, в некоторых ее заседениях участвовали синологи Польши, Венгрии, Чехословакии и ГДР. В-третьих, каждый созыв сопровождается публикацией тезисов и докладов (1, 2 или 3 тома). В общей сложности опубликовано 68 томов объемом 10–15 печатных листов каждый, содержащих около 2300 научных работ нескольких сот авторов. Почти 20% из них посвящены проблемам древности и столько же — Средневековья. Совершенно очевидно, что таким образом возникла уникальная библиотека, отражающая разнообразие и достижения отечественной синологии. Хотелось бы надеяться, что экономическая разруха, поразившая российскую науку, не убьет это важное и крупное начинание и что в 1999 г., в преддверии нового века, состоится юбилейная, тридцатая НК ОГК.

Итак, российское, советское и постсоветское китаеведение прошло долгий, трудный и опасный — в прямом смысле этого слова — путь, теряя по дороге загубленные таланты и неопубликованные произведения, преодолевая ненужные и бессмысленные преграды из непонимания, некомпетентности и враждебности. И если оно, несмотря ни на что, занимает заметное место в мировой синологии, то прежде всего, а может быть,

и исключительно, благодаря тяжелому труду плохо оплачиваемых ученых. Будь условия их жизни и работы получше, они создали бы больше, полнее удовлетворяя потребности огромного евразийского государства. Хочется надеяться, что когда-нибудь руководство страны поймет свой долг перед наукой и российские китаисты получат нормальные, цивилизованные условия для исследований и быта.

Литература

Вэй Ин-ци. Чжунго шисюэши (Историография Китая). Шанхай, 1947.

Гао Чжэнь-до, Чжан Цзя-фань. Чжунго лиши яоцзи цзешао цзи сюань ду (Информация о важнейших исторических произведениях Китая и подборка фрагментов из них). Т. 1–2. Харбин, 1982.

Жун Мэн-юань. Лиши бицзи (Исторические записи). Пекин, 1983.

Ли Сюэ-цинь, Пэн Юй-шан. Инь-сюй цзягу фэньци яньцзю (Изучение периодизации гадательных костей из развалин иньской столицы) // «Чжунго чуаньтун вэньхуа яньцзю цуншу» (Собрание исследований по традиционной культуре Китая). Шанхай, 1996.

Ли Цзун-тун. Чжунго шисюэ ши (История китайской исторической науки). Пекин, 1984.

Ли Чжи-чжун. Чжунго гудай шуцзи ши (История древнекитайской книги). Пекин, 1985.

Линь Гань-цюань, Тань Жэнь-лун, Ли Цзу-дэ. Чжунго гудай ши фэньци таолунь уши нянь (и цзю эр цзю — и цзю ци цзю нянь) (Пятьдесят лет дискуссий относительно периодизации древней истории Китая. 1929–1979 гг.). Шанхай, 1982.

Лю Мин-шуй. Госюэ ганъяо (шан, ся) (Основы китайской синологии. Т. 1–2). Шанхай, 1947.

Лян Ци-чао. Гу шу чжэнь-вэй цзи ци няньдай (Проблема аутентичности и подделок древних книг и время их составления). Пекин; Шанхай, 1955.

У Жу-сун, Хо Инь-чжан. Гудай бинфа яоцзи сюань и (Избранные переводы важнейших древних книг по военному искусству). Пекин, 1985.

У Хао-кунь, Пань Ю. Чжунго цзягусюэ ши (История науки о гадательных костях в Китае) // «Чжунго вэньхуа ши цуншу» (Собрание книг по истории культуры Китая). Шанхай, 1987.

Хань миньцзу синчэн вэньти таолунь цзи (Собрание материалов дискуссий по проблемам возникновения китайской нации). Пекин, 1957.

Хэ Цзянь-лян, Бань Шу-гэ. Чжунго лиши яоцзи цзешао цзи сюань ду (Информация о важнейших исторических произведениях Китая и подборка фрагментов из них). Пекин; Шанхай, 1958.

Хэнань дасюэ лиши си (Факультет истории Хэнаньского университета). Чжунго тунши цзыляо сюаньцзи (Шан цэ, ся цэ). Цзэндин бэнь (Собрание материалов по общей истории Китая. Т. 1–2. Исправленное и дополненное издание). Кайфэн, 1953.

Цзян Лян-фу. Гушисюэ луньвэнь цзи (Сборник статей по древней истории) // «Чэнцзюньлоу луньвэнь цзи дисань чжун» (Третий том собрания статей из «Башни равенства»). Шанхай, 1996.

Чжан Шунь-хуэй. Чжунго лиши яоцзи цзешао (Информация о важнейших исторических произведениях Китая). Ухань, 1955.

Чжу Цзянь-синь. Цзиньшисюэ (Эпиграфика). Пекин, 1981.

Чжунго сяньдай шэхуэй кэсюэцзя чжуаньяюэ (Биографии современных китайских ученых в области общественных наук). Т. 1–2. Тайюань, 1983.

Чжунго шэхуэй кэсюэюань Вэньсянь цинбао чжунсинь (Центр документации и информации Академии общественных наук КНР). Э Су чжунгосюэ шоуцэ (Справочник по российскому и советскому китаеведению) // «Говай яньцзю Чжунго пуншу» («Собрание книг, посвященных изучению Китая за рубежом»). Т. 1–2. Пекин, 1986.

Чэнь Гао-хуа, Чэнь Чжи-чао и др. Чжунго гудай ши шиляосюэ (Источниковедение древней истории Китая). Пекин, 1983.

Ян Сян-куй. И-ши чжай сюэшу вэнь цзи (Собрание научных произведений из «Кабинета проникновения в суть истории»). Шанхай, 1983.

Янь Шао-дан. Жибэнь ды чжунгосюэцзя (Китаеведы Японии) // «Говай яньцзю Чжунго цуншу» («Собрание книг, посвященных изучению Китая за рубежом»). Пекин, 1981.

Авдиев В. И. Советская наука о Древнем Востоке за 40 лет. М., 1958.

Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

Березный Л. А. Критика методологии американской буржуазной историографии Китая. Л., 1968.

Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М., 1968.

Вопросы истории и историографии Китая. Сборник статей. М., 1968.

Востоковедческие центры зарубежных стран. Справочник. Ч. 1–4. М., 1984.

Доронин Б. Г. Китай XVII–XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения. Учебное пособие. Л., 1988.

Дубасова З. С. Китаеведение во Франции. Организация. Персоналия. Библиография. М., 1979.

Информационный бюллетень № 4. Изучение Китая в капиталистических странах. Био-библиографический справочник. Часть I — Америка. М., 1966.

Информационный бюллетень № 5. Изучение Китая в капиталистических странах. Био-библиографический справочник. Часть II — Европа. М., 1966.

Информационный бюллетень № 6. Изучение Китая в капиталистических странах. Био-библиографический справочник. Часть III — Азия и Австралия. М., 1966.

Информационный бюллетень № 7. Изучение Китая в капиталистических странах. Био-библиографический справочник. Часть IV — Указатели. М., 1967.

Информационный бюллетень. Обзор советской исторической литературы по Китаю (1971–1976 гг.). № 30. М., 1982.

Китаеведение в Италии. Реферативный сборник. М., 1976.

Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения 1917–1967. М., 1970.

Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М.,1970.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966.

Очерки зарубежной историографии Китая. Китаеведение Англии. М., 1977.

Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.

Проблемы советского китаеведения. М., 1973.

Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

Смолин Г. Я. Источниковедение древней истории Китая. Учебное пособие. Л., 1987.

Современная историография стран зарубежного Востока. Выпуск I. Китай. М., 1963.

Современная китайская историография средневековой и древней истории Китая. М., 1983.

Couling S. The Encyclopaedia Sinica. Shanghai-Hongkong-Singapore-Yokohama, 1917.

European Association of Chinese Studies. Survey № 1. Chinese Studies in France. EACS Newsletter. /S. L./ 1988. № 2.

European Association of Chinese Studies. Survey № 2. Chinese Studies in Germany EACS. Newsletter. /S. L./ 1990. № 3.

European Association of Chinese Studies. Survey № 3. 1994. Chinese Studies in the Nordic Countries. /S. L./.

Franke H. Orientalistik. I Teil. Sinologie. Bern, 1953.

Livre blanc de l'orientalisme francais. Paris, 1993.

USSR Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies. /S. A./, /S. L./.

Vyatkin R. V. Synology. — Fifty Years of Soviet Oriental Studies (Brief-Reviews). M., 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (В. И. Кузищин) 5

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ИРАНА (М. А. Дандамаев) 15
§ 1. Элам 16
§ 2. Мидия 17
§ 3. Ахеменидская держава 19
§ 4. Некоторые древневосточные воззрения 20
§ 5. Античная историография о Древнем Иране 24
§ 6. Ранние этапы европейской историографии 26
§ 7. Основные достижения XIX в. 28
§ 8. Современное состояние изученности основных проблем истории Древнего Ирана 30
Литература 45

Глава II. ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ (В. М. Массон) 49
§ 1. Изучение древней истории Средней Азии в XVIII — начале XX в. 52
§ 2. Исследования 20–50-х годов XX в. 55
§ 3. Проблемы древней истории Средней Азии в 60–90-х годах XX в. 60
Литература 70

Глава III. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ (А. А. Вигасин) 77
§ 1. Начало европейской санскритологии 78
§ 2. Классическая индология 97
§ 3. Современная индология 123
§ 4. Отечественная индология в 50–90-х гг. 139
Литература 147

Глава IV. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ (С. И. Кучера) 163
§ 1. Китайские истоки 163
§ 2. Историческая мысль Китая в III–X вв. 170
§ 3. Историческая мысль в Китае в XI–XIX вв. 177
Мировая синология 195
§ 4. Италия 196
§ 5. Германия 209
§ 6. Франция 221
§ 7. Великобритания 233
§ 8. США 246
§ 9. Россия—СССР 263
Литература 299

Дирекция издательства:

И. А. Савкин

Дизайн обложки:
А. В. Самойлова

Редактор:
Н. М. Баталова

Корректор:
А. О. Брезман

Оригинал-макет:
Е. И. Шиленкова

ИД № 04372 от 26. 03. 2001 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13
Телефон издательства: (812) 567-2239
Факс: (812) 567-2253
E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 17.01.2001. Подписано в печать 12.04.2001.
Формат $60\times88/_{16}$. 19 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3480

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии
«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيْمِ